

КУ

КУЛЬТУРА

ИНДЕЙЦЕВ

КУЛЬТУРА

ИНДЕЙЦЕВ

А К А Д Е М И Я Н А У К
С С С Р

*

ИНСТИТУТ ЭТНОГРАФИИ
им. Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ

КУЛЬТУРА ИНДЕЙЦЕВ

**ВКЛАД
КОРЕННОГО НАСЕЛЕНИЯ
АМЕРИКИ
В МИРОВУЮ КУЛЬТУРУ**

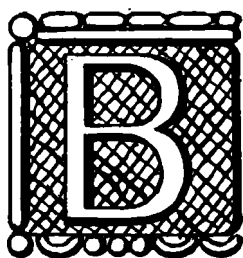

**ИЗДАТЕЛЬСТВО
АКАДЕМИИ НАУК
СССР
МОСКВА
1963**

ОТВЕТСТВЕННЫЕ РЕДАКТОРЫ

член-корреспондент АН СССР А. В. ЕФИМОВ
и кандидат исторических наук И. А. ЗОЛОТАРЕВСКАЯ

ВВЕДЕНИЕ

Вопрос о культурных достижениях того или иного малого народа в капиталистической стране, так же как и народов колониальных стран, непосредственно связан с защитой или разоблачением империалистической политики. При оправдании колониальной эксплуатации и удушения национальной культуры обычным приемом является, как известно, отнесение одних народов к представителям низшей, а других — к представителям высшей расы. Пытаясь объяснить эти различия биологическими и психологическими причинами, намеренно закрывают глаза на то, что технические изобретения на первых порах развития человеческой культуры требовали от человека не менее острого ума, чем изобретения XX века от нашего современника.

Поэтому для нас представляют интерес все стороны развития человеческой культуры, тем более, что достижения человека первобытнообщинного строя явились исходными для развития человеческой культуры последующих формаций. Культурное наследие народов целого ряда стран, наследие, которым сейчас пользуется все человечество, или до сих пор неизвестно, или намеренно не принимается в расчет.

До настоящего времени можно прочесть в некоторых исторических трудах о Латинской Америке, что местный индейский элемент не участвовал в создании современных латиноамериканских государств и наций или в лучшем случае принимал пассивное участие в результате физиологической метисации. Индейцы Северной Америки рисуются в такого рода трудах как помеха на пути европейской колонизации и строительства американского государства, а в современной жизни как вымирающий элемент общества, единственным выходом для которого является полная ассимиляция.

Эта сознательная и многовековая клевета на народы, давшие миру величайшие культурные ценности, представляется особо

отвратительной сейчас, на подъеме национально-освободительного движения, который переживают народы Латинской Америки, борющиеся с засильем американского империализма. В этой борьбе огромную роль, как известно, играет стремление освободиться не только от экономической и политической зависимости, навязываемой странам Латинской Америки Соединенными Штатами, но и от духовного порабощения, которое несло с собой господство империализма США.

Желание воссоздать правдивую историю своего народа, историю культуры своей страны тесно связано с ростом национального самосознания. Обращение к традициям в искусстве, архитектуре, к народному эпосу в литературе, ко всему тому, что может составить национальную гордость народа, борющегося за свое равноправие,— характерно для современных народов, осознающих в борьбе свою силу, свой талант, свое великое прошлое.

Возрождение традиционной культуры в целом ряде «индейских» стран Латинской Америки и в США среди индейского населения повлекло за собой попытки оценить вклад коренного населения в сокровищницу мировой культуры. До последнего времени эти попытки сводились к перечислению культурных ценностей, созданных индейцами и эскимосами, без серьезного анализа роли индейских элементов в современной производственной и культурной жизни народов Америки, значения индейской культуры в формировании современных американских наций. Кроме того, этими вопросами занимались по большей части не этнографы или историки, а специалисты в самых различных областях науки — историки земледелия, искусствоведы, географы.

Из всего многообразия культурных ценностей, которые почерпнуло человечество после открытия и колонизации Америки, наибольший интерес вызывали полезные растения, обнаруженные и введенные в хозяйственный обиход индейцами.

На эту тему написано довольно много работ ботаниками и этнографами Америки, Германии и других стран. Интересно отметить, что советские ботаники давно заинтересовались проблемой происхождения земледелия в Америке, помогли разрешить целый ряд вопросов, связанных с этой проблемой. Работы Н. И. Вавилова, С. М. Букасова и других ученых показали, насколько велики были достижения индейских народов в выведении многих сельскохозяйственных и технических культур, занявших огромное место в мировой экономике. Однако этнографического освещения проблема индейского земледелия в нашей литературе до сих пор не получила.

Особое внимание исследователей привлекало древнее искусство индейцев Америки. Им занимались преимущественно ис-

искусствоведы, в том числе и советские искусствоведы и археологи. Привлекала к себе внимание и обильная индейская топонимика. Ей в литературе уделено, пожалуй, немногим меньшее место, чем земледелию или искусству и архитектуре народов Америки. В нашей литературе такого рода исследований по американской топонимике не проводилось.

Многие достижения культуры индейцев и эскимосов, давно ставшие достоянием человечества, не находят пока достойного отражения в научной литературе. Упоминания о тех или иных элементах культуры, заимствованных народами Америки и других частей света от индейцев, встречающиеся в общих работах по истории Америки и ее коренного населения, не восполняют этого недостатка.

Авторы настоящего сборника поставили своей задачей рассказать о том, что дало коренное население Америки человечеству в таких важнейших областях культуры, как сельское хозяйство, архитектура, искусство, медицина, какой вклад внесли самые северные жители Америки — эскимосы в освоение Арктики, какой большой след оставила культура индейских племен в современных языках Америки и многих стран Европы, в том числе и в русском языке.

Открытие Америки явилось событием огромного значения. Оно ускорило разложение феодализма в Европе, способствуя таким образом развитию европейского капитализма. Оно отразилось на судьбах всего мира, всех стран, в том числе и самой Америки, куда с XVI в. устремилась европейская колонизация.

Эмиграция в Америку в свое время отвлекала из Европы огромные людские ресурсы, преимущественно бедноту. Вместе с тем открытие и колонизация Америки принесли величайшие богатства колонизаторам. В Северной Америке, где колонизаторам не удалось использовать индейское население в качестве рабочей силы, английские и французские торговые компании наживались на покупке и продаже пушнины, добываемой преимущественно индейцами. Компания Гудзонова залива, основанная в 1670 г., по сей день продолжает расшищать пушные богатства американского Севера, закабалив многие индейские и эскимосские племена. Иначе обстояло дело в Латинской Америке. Здесь завоеватели — испанцы и португальцы — нашли очаги высокой культуры, земледельческое население, труд которого был использован в земледельческой колонизации. Существование крупных латифундий во всех испанских и португальских колониях основывалось на труде негров и индейцев. Не меньше наживались владельцы рудников золотых и серебряных приисков, также широко применявшие труд индейцев. Только испанские колонизаторы за 325 лет своего господства извлекли

из американских рудников на 6 млрд. золота и серебра (по тем временам огромная сумма).

Открытие и колонизация Америки обогатили человечество и в другом отношении. С открытием Америки «в сфере деятельности цивилизованного человечества, — писал Уильям Фостер, — появились два новых обширных континента, населенных народами незнакомой культуры и изобилующих всяческими природными богатствами, и это значительно расширило круг его экономических и политических идей и во многом изменило его представление об окружающем мире»¹. И в изменении представления человечества того времени об окружающем мире немалую и весьма активную роль сыграли жители вновь открытой земли.

Завоевание Америки, первые шаги по незнакомому континенту — дело любителей приключений и наживы — мореплавателей, торговцев, пиратов, военщины.

Но за первооткрывателями, солдатами и авантюристами в Америке появляются и труженики земледельцы — беднота из разных стран Европы, крестьяне, ремесленники, которых гнала в новые страны нужда, преследования закона, инквизиция, нетерпимость церкви. Именно эти слои населения колоний более всего нуждались в помощи индейцев. И действительно, на протяжении всей истории Америки пришлое трудовое население было связано с индейцами отношениями культурного обмена, которые помогли пришельцам выжить в новых трудных условиях и овладеть местными природными богатствами. Индейцы с самого начала колонизации оказывали упорное сопротивление завоевателям. Но когда к ним приходили с мирными намерениями, они не отказывали в помощи. Метисация — смешение пришлого и индейского населения — еще в большой мере способствовала культурному обмену. В этом культурном обмене индейцы проявляли удивительную щедрость по отношению к пришельцам. Благодаря этому в обиход всего человечества прочно вошли картофель, табак, бобы, томаты, кукуруза, какао, а также хинин, каучук, хенекен — все трудно даже перечислить. Созданные индейцами шедевры архитектуры и искусства, как и памятники древнего Египта, Греции и Рима, — достойные мировой культуры. Традиции древней скульптуры и зодчества, настенной живописи питают современное искусство народов Америки. Архитектура города Мехико и некоторых других городов Латинской Америки воспроизводит мотивы индейских построек. Даже в Соединенных Штатах, где влияние коренного населения на жизнь страны слабее, чем в Центральной

¹ У. З. Фостер. Очерк политической истории Америки. М., 1953, стр. 13.

и Южной Америке, и там, особенно в последнее время, замечается тяга к индейским образцам в поисках новых форм зодчества.

О значении и роли коренного населения в жизни Америки свидетельствует обилие слов, взятых из индейских языков. Это и географические названия, и названия растений, с которыми европейцы познакомились впервые в Америке, названия животных, рыб и птиц, предметов, воспринятых у индейцев, отдельные выражения и пр. Индейские языки оказали немалое влияние на речь современных народов Америки, особенно там, где индейский элемент вошел существенной составной частью в нацию (парагвайцы, перуанцы, мексиканцы и др.). Мы знаем, что многие латиноамериканские нации создавались на индейской этнической основе. Все духовные и материальные богатства, накопленные индейцами за тысячелетия самостоятельного развития и за годы трудового общения с пришлым населением, стали неотъемлемой частью культуры народов американского континента.

Индейцы участвовали в создании современных наций Америки, отдавая им свой труд и навыки, свои знания. Немалую роль сыграли индейские народы в деле борьбы американских колоний за независимость. Как известно, индейцы вели неравные многолетние войны, если можно назвать войнами борьбу людей каменного века с захватчиками феодального и капиталистического общества, соответственно вооруженными. И в этих войнах они проявляли беспрецедентную стойкость, мужество и военный гений. Горсточка семинолов восемь лет держала в напряжении регулярные части американцев, так и не сумевших покорить этот удивительный народ. Индейцы пуэбло в 80-х годах XVII в. подняли восстание против испанских колонизаторов и инквизиции. 12 лет испанцы не смели селиться в области, где жили эти индейцы, и только обманом добившись мира, вынуждены были несколько смягчить колониальный гнет. Восстания и войны индейцев Северной Америки были одной из причин ввоза негров-рабов на плантации Юга: индейцев невозможно было заставить работать на угнетателей.

Восстания индейцев Латинской Америки, не прекращавшиеся практически все время колонизации, расшатывали колониальную систему и, как указывает Уильям Фостер, были предвестниками революционных войн за освобождение испанских и португальских колоний в XIX в. Характерной особенностью этих войн было активное участие индейцев.

В современной Америке индейцы — самая угнетенная часть населения. Во всех областях обоих континентов они так или иначе включены в общую капиталистическую систему соответствующих стран. Их численность и место в жизни своих стран не позволяют говорить о них как об «исчезающей расе» —

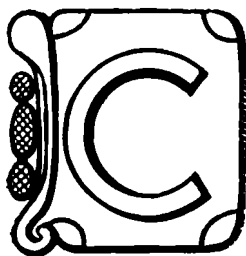
этим титулом некоторые американские историки очень охотно награждают народы, общая численность которых вместе с метисами достигает 60 млн. человек во всей Америке.

Несмотря на массовые истребления, особенно запятнавшие первые этапы европейской колонизации, индейцы в целом стойко вынесли все испытания этих ужасных лет. После освобождения американских колоний, в одних странах раньше, в других позже, индейское население стало быстро расти и в настоящее время далеко превысило свою первоначальную численность. Прирост населения у индейцев, как правило, выше, чем у других народов Америки, несмотря на высокую смертность, тяжелые жилищные условия, плохое медицинское обслуживание и тяжелое экономическое положение большинства индейцев.

Большая часть индейцев уже не живет изолированно от остального населения. Они работают бок о бок с трудящимися иного национального происхождения на рудниках, на плантациях и скотоводческих фермах. Среди индейцев имеется небольшая прослойка интеллигенции. Там, где индейцы находятся в гуще населения, они ассимилируются, вливаясь в ряды трудящихся. Жители изолированных районов, еще сохраняющих некоторую самостоятельность, также включены в товарные отношения, и в этих обществах протекает процесс разложения первобытнообщинных отношений, появляется классовое расслоение. «Во всех странах Западного полушария,— отмечает У. Фостер,— индейское общество подвергалось такому воздействию, в результате которого оно, несмотря на перенесенные им тяжелые потери и на сохранение остатков старого племенного уклада, по существу совершило имевший революционное значение переход от первобытнообщинного строя к строю в основном капиталистическому»². Положение индейцев в странах Америки определяет их место в той борьбе, которую ведут трудящиеся классы и угнетенные народы.

² У. З. Фостер. Указ. соч., стр. 69.

ВКЛАД АМЕРИКАНСКИХ ИНДЕЙЦЕВ В МИРОВОЕ ЗЕМЛЕДЕЛИЕ

Советская этнографическая наука решительно отвергает реакционные расистские теории о делении народов на «исторические» и «неисторические», на народы — творца культуры и народы, якобы способные лишь на заимствование чужих достижений. Весь опыт истории человечества с древнейших времен до наших дней убедительно свидетельствует, что все народы земного шара внесли и продолжают вносить свой вклад в сокровищницу мировой культуры, что она создана не избранными, а всеми этническими группами земного шара, теми, кто живет в Европе, Азии, Африке, Америке, Австралии, Океании — европеоидами, монголоидами, негроидами. Важнейшим достижением этого коллективного творчества являются высокоразвитые производительные силы, характерные для современного общества, и в том числе современное земледелие с его богатым разнообразием культурных растений и совершенной агротехникой.

Происхождение земледелия привычно связывается большинством людей с Месопотамией, Египтом, с Индией, а его дальнейшее развитие и совершенствование — со странами Европы.

Однако большое число культурных растений, пищевых и технических, было одомашнено американскими индейцами и в Европе появилось только после открытия Америки. Это прежде всего кукуруза, картофель, томаты, перец, тыква, кабачки, фасоль, какао, арахис, подсолнечник и многие другие. И как справедливо писал видный мексиканский ученый Альфонсо Касо: «Культивирование и одомашнивание американских растений и животных является самым большим вкладом из того, что к настоящему времени внесла в мировую культуру Америка»¹.

¹ А. С а s o. Contribución de las culturas indígenas de México a la cultura mundial. México y la cultura. México, 1946, p. 56.

Что же представляло собой индейское земледелие? Чтобы ответить на этот вопрос, придется кратко остановиться на истории и культуре индейцев, а также на природных условиях американского материка.

Еще несколько десятков тысяч лет назад Америка была безлюдна. В отличие от Старого Света там не было высокоразвитых обезьян, от которых мог бы произойти человек, и поэтому человек в Америке мог появиться лишь в результате переселения извне, с других континентов.

Вопрос о том, какой уровень развития хозяйства и культуры был достаточен для переселения в Америку и первоначального освоения ее огромных пространств, очень важен. Ответ на него позволит определить, каким было хозяйство первых насельников Америки и какие элементы культуры они могли принести с собой из Старого Света.

Уже довольно давно установлено, что заселение Америки совершено из Азии через Берингов пролив. В последнее время с помощью радиоуглеродного анализа, анализа ленточных глин со дна ледниковых озер и некоторых других методов датировки, а также в результате новых археологических находок удалось несколько уточнить время первоначального проникновения человека в Америку из Северо-Восточной Азии. По-видимому, оно произошло в конце ледникового периода, приблизительно около 30—20 тысяч лет назад, и археологически датируется верхним палеолитом или мезолитом.

Одной из наиболее древних стоянок на территории Америки является стоянка в пещере Сандия (штат Нью-Мексико, США). Там вместе с костями вымерших животных найдены наконецники, напоминающие позднепалеолитические солотрейские остряки с выемкой. Другая древнейшая стоянка в Северной Америке — Тьюл-Спрингс (штат Невада). В Южной Америке древнейшими являются стоянки в Южном Чили и Эквадоре, датируемые 10—8 тыс. лет².

Земледелие возникло в Старом Свете, на Ближнем Востоке, не ранее 8—7 тысячелетия до н. э., поэтому представляется бесспорным, что этнические группы, переселявшиеся в Америку, не могли принести с собой ни культурных растений, ни каких-либо земледельческих навыков. Это подтверждается и тем, что среди всего многообразия культурных растений нет ни одного, которое в доколумбово время было бы общим для Старого и Нового Света³.

² J. Steward and L. Faron. Native peoples of South America. New York, 1959, p. 32—33.

³ Н. И. Вавилов. Мексика и Центральная Америка как основной центр происхождения культурных растений Нового Света.— Акаде-

Первые пришельцы в Америку, как можно судить по археологическим находкам, а также из сравнения с позднепалеолитическим населением Европы и Азии, — были охотниками за крупным зверем. Занимались они также и собирательством.

Флора Америки, в особенности к югу от США, богата видами растений. В Северной Америке (без Мексики), по подсчетам Хемсли, имеется 9403 вида однодольных и двудольных растений, а только в Мексике и Центральной Америке 11 626 видов, в том числе в Южной Мексике 7546⁴. Но Северная Америка была богаче крупными животными (олени, бизоны и т. д.), чем Мексика, Центральная и большая часть Южной Америки. Понятно поэтому, что основой хозяйственной деятельности большинства североамериканских индейцев являлись охота и рыболовство при подсобной роли собирательства. Развитие производительных сил шло у них главным образом путем совершенствования принесенных еще из Азии таких отраслей хозяйственной деятельности, как охота и собирательство, а не путем изыскания и создания новых отраслей. Именно этим, на наш взгляд, объясняется то, что индейцы Северной Америки не стали создателями американского земледелия. Конечно, известную отрицательную роль сыграла и бедность территории США и Канады видами растений. Н. И. Вавилов пишет по этому поводу следующее: «Факт концентрации видообразовательного и формообразовательного процесса культурных растений (к югу от США. — Л. Ф.) стоит в полной связи с той же закономерностью в отношении дикой флоры. Флора северных частей Америки очень бедна числом видов по сравнению с Мексикой и Центральной Америкой»⁵.

В настоящее время представляется бесспорным, что земледелие в Америке впервые появилось у индейцев Мексики, Центральной Америки и андских стран. Собирательство же у индейцев Северной Америки дает возможность представить себе тот путь, который привел человека от присваивающего хозяйства к производящему, от собирательства к земледелию.

Индейцы Северной Америки использовали в своем хозяйстве до 1100 видов диких растений⁶.

Но для многих племен роль собирательства по сравнению с другими отраслями хозяйства была невелика. Значительно важнее было собирательство для ирокезов, хотя его роль несо-

мик Н. И. Вавилова. Избранные труды, т. II, М., 1960, стр. 138; П. М. Жукowski. Культурные растения и их сородичи. М., 1960, стр. 138.

⁴ Н. И. Вавилов. Указ. соч., стр. 147.

⁵ Там же.

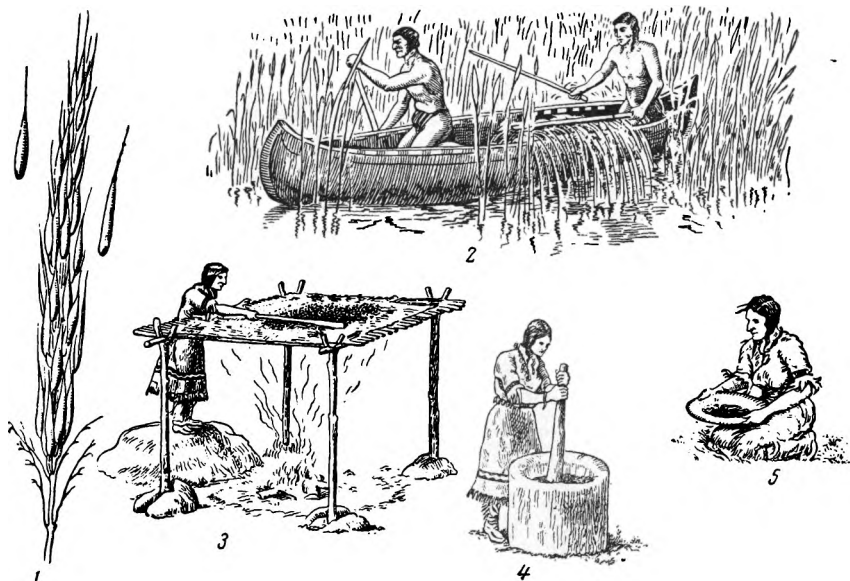
⁶ Н. И. Вавилов. Великие земледельческие культуры доколумбовой Америки и их взаимоотношения. — Академик Н. И. Вавилов. Избранные труды, т. II, стр. 167.

мненно уменьшилась после того, как ирокезы под влиянием своих южных соседей стали заниматься земледелием. Ирокезы собирали и употребляли в пищу местные виды дикого картофеля (*Solanum*), земляной орех (*Arios tuberosa*), земляную грушу (*Helianthus tuberosus*), различные орехи, каштаны, желуди, из которых приготавливали муку, молоко, вываривали масло. Использовались в пищу и молодые побеги многих растений, грибы и ягоды.

Большой шаг по пути от собирательства к земледелию сделали алгонкинские племена, жившие в области Великих озер Северной Америки: потаватоми, оджибве и меномини. Наряду с охотой и рыболовством в их хозяйстве имело значение и собирание дикого риса (*Zizania aquatica*), росшего в озерах и небольших реках. Хотя его и не сеяли, но за дикорастущим рисом ухаживали. Когда рис достигал молочной спелости, верхние части стеблей связывали в пучки, а колосья пригибали книзу, чтобы сохранить их от поклева птицами. В конце августа — начале сентября урожаем убирали. Рис собирали прежде, чем зерно дозреет, чтобы не дать ему осыпаться в воду, а затем сушили и доводили до состояния спелости на медленном огне. Участки для сбора риса находились в пользовании отдельных семей. Сбор риса нашел свое отражение в духовной культуре индейцев. Алгонкины отмечали праздник первых пожнок, праздник урожая. Даже календарь их был связан со сбором дикого риса: так, у них были месяцы «созревания риса», «сбора риса», «сушки риса», «уборки риса на зиму».

Основой хозяйства собирательство было только для племен Калифорнии и Большого Бассейна. Они собирали желуди и, удалив танин, приготавливали желудевую муку, из которой пекли лепешки и хлебцы. Собирали также семена подсолнечника (*Helianthus annuus*), лебеды (*Chenopodium*), зерна так называемого индейского горного риса (*Oryzopsis himenoides*) и семена еще полутора десятков видов диких трав, клубни различных луковичных растений и т. п. Съедобные корни растений выкапывали палками-копалками. Однако собирательство носило у них более примитивный характер, чем у приозерных алгонкинов. Постепенно вырабатывались навыки ухода за полезными растениями, приемы защиты их от вредителей, приемы сбора урожая и обработки получаемых пищевых продуктов. Но окончательный переход от собирательства к земледелию, как мы сказали уже, является заслугой индейцев Мексики, Центральной и отчасти Южной Америки.

Горы и предгорья Мексики, Гватемалы, западной части Южной Америки были издавна, не менее чем 10—12 тыс. лет назад, заселены человеком. Здоровый климат, обилие тепла и света без чрезмерной жары привлекали сюда людей. В горах и пред-

Сбор и обработка дикого риса

1 — колос дикого риса; 2 — сбор дикого риса; 3 — сушка зерна;
4 — очистка зерна от шелухи; 5 — проветривание зерна

горях было много полезных растений, например, различные виды дикого картофеля, предки кукурузы, томата, перца, дикий хлопчатник и т. д.⁷ Отсутствие в этих местах крупной дичи приводило к увеличению хозяйственной роли собирательства. Так же как и у индейцев более северных областей, здесь постепенно вырабатывались навыки ухода за растениями. Отбросы пищи удобряли землю вокруг поселков. Поэтому произраставшие около поселков полезные растения давали более высокий урожай, чем их собратья, росшие в других местах, и условия здесь были особенно благоприятны для формообразования новых растений.

Как пишет Н. И. Вавилов, «приуроченность основных мировых очагов формообразования культурных растений — центров происхождения преимущественно к субтропическим и тропическим горным зонам, установленная нашими исследователями, становится до некоторой степени диалектически ясной, связываясь с общим эволюционным процессом в мире растений и с факторами среды. Тропики и субтропики с их оптимумом влажности, тепла, субстрата обусловили могучий видообразовательный процесс. Горнообразовательные процессы, горный рельеф, разнообразие условий, наличие естественных изоляторов здесь же послужили новым важным фактором в расчленении и диверген-

⁷ П. М. Жуковский. Указ. соч., стр. 37.

ции видов... Если сами влажные тропики характеризуются преобладанием древесных видов, то у пределов их и в горных районах создаются оптимальные условия для видообразования травянистых растений, однолетних видов, к которым относится большинство важнейших культурных растений»⁸. Так, в результате сочетания многих благоприятных условий в Мексике, Центральной Америке, Андах возникло земледелие. В отличие от земледельцев Старого Света американские индейцы не имели домашних животных, которых можно было бы использовать как тягловую силу при сельскохозяйственных работах. Все земледельческие работы приходилось выполнять вручную с помощью примитивных орудий: палки-копалки, мотыги и так называемой лопаты такля (Анды). Это был деревянный кол с бронзовым наконечником, упором для ноги и изогнутой рукоятью.

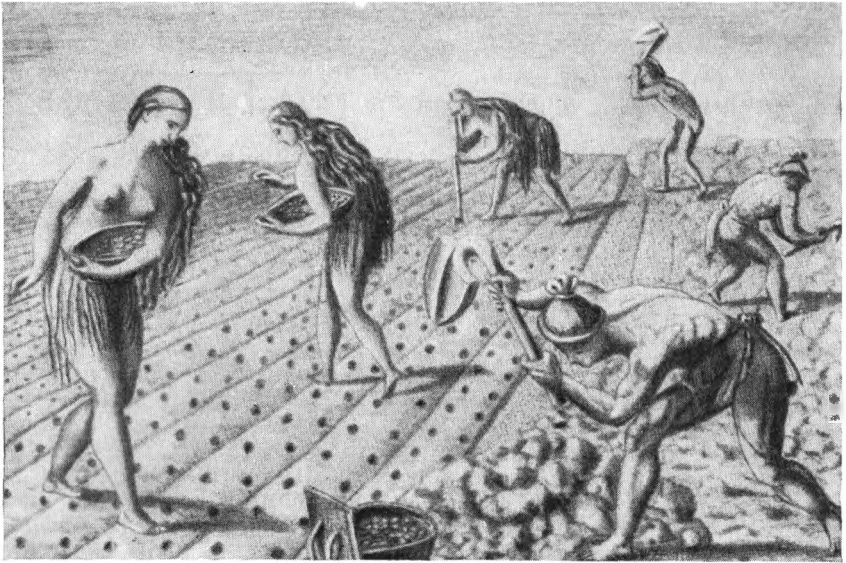
Несовершенство сельскохозяйственных орудий и отсутствие тягловых животных, а также нехватка удобных для земледелия участков привели к тому, что особое внимание уделялось не расширению посевных площадей, а повышению урожайности с единицы площади.

Многие местные сорта кукурузы, фасоли, хлопчатника и других культурных растений Нового Света у этих народов достигли большого совершенства. Так, у некоторых сортов кукурузы в Гватемале размеры початков доходят до 40 см.

Возникновение земледелия привело к резкому увеличению объема воспроизводства, обеспечило необходимые условия для оседлой жизни и создало экономическую базу для последующего развития индейского общества в Мексике, Гватемале, Перу. Не случайно центры возникновения земледелия в Новом Свете географически совпадают с локализацией высоких древнеамериканских цивилизаций. Пышный расцвет культуры майя, ацтеков, древних кечуа, чибча был бы немыслим без развития земледелия. Судя по археологическим данным, развитие земледелия в Центральной Америке и Андах представляло собой длительный процесс. Достаточно сказать, что по данным радиоуглеродного анализа, население Северного Перу уже за 2300 лет до н. э. занималось земледелием (стоянка Хуака Приета)⁹. Следы развитой земледельческой культуры андских стран хранят стоянки Куписнике (870 лет до н. э.) и несколько более поздние стоянки Паракас и Наска. На юго-западе США в 1948 г. были обнаружены остатки кукурузы, лежавшие на глубине около 2 м в пещерах. Все они относятся к периоду от 2500 г. до н. э. до 500 г. н. э.

⁸ Н. И. Вавилов. Мексика и Центральная Америка..., стр. 150.

⁹ J. Steward and L. Faron. Op. cit., p. 33.

Земледельческие работы у индейцев Юго-Востока
Северной Америки (с гравюры XVI в.)

А вскоре была найдена кукуруза в еще более древних слоях. Находки в пещере Ла Перра в штате Тамаулипас (северо-восточная Мексика) датируются 4450 г. до н. э.¹⁰ Таким образом, ко времени знакомства испанцев с индейским земледелием его древность исчислялась не менее чем в 4—6 тыс. лет.

Ботаническими исследованиями последних лет было установлено, что родиной кукурузы, возможно, являются не Мексика и Гватемала, как это думал Вавилов, а нижние зоны гор Перу и Боливии, откуда она позднее была занесена индейскими племенами в Мексику. Понятно, что если кукуруза в Мексике выращивалась уже 4—6 тыс. лет назад, то в Перу и Боливии, может быть, еще раньше.

Таким образом, кукуруза, бывшая, по словам У. Фостера, «основой цивилизации коренного населения Америки», являлась одной из ранее всего одомашненных культур американского континента¹¹. Другие культурные растения также были одомашнены в отдаленные времена. Так, на уже упоминавшейся стоянке Хуака Приета были найдены остатки бобов, тыквы, перца, хлопка.

¹⁰ P. Mangelsdorf, R. Mac Neish, W. Galinat. Archeological evidence on the diffusion and evolution of Maiz in Northeastern Mexico. «Botanical Museum», Leaflet, 17, 1956, № 5, p. 425—450.

¹¹ У. Фостер. Очерк политической истории Америки. М., 1953, стр. 35.

Две важные культуры — маниок и арахис были одомашнены в Бразилии. Вопрос о времени введения их в культуру пока еще остается открытым.

В значительно более позднее время земледелие распространилось среди индейских племен Северной Америки. Например, у индейцев Аризоны и Нью-Мексико, ранее других познакомившихся с сельским хозяйством, земледелие развивалось с конца первого тысячелетия до н. э., но своего расцвета оно достигло только в XIV—XV вв. н. э.¹²

Какова же была земледельческая культура индейцев к концу XV — началу XVI в., когда с ней познакомились испанцы?

Земледелием к этому времени занималось большое число индейских племен и народов, живших на территории, простиравшейся от острова Чилоэ (среднее Чили) на юге до южной части Канады на севере. Уровень развития земледелия у этих племен был неодинаков. На территории Северной Америки можно было видеть такие начальные формы, как собирательское хозяйство индейцев Калифорнии, мотыжное земледелие в форме огородничества у племен востока и центральных областей Северной Америки (в частности, земледелие племен района Огайо), а также более развитое ирригационное земледелие юго-западных индейцев (пуэбло и пима), генетически связанных с некоторыми народами Мексики.

Так, например, кочими, жившие в Нижней Калифорнии, засевали кукурузой небольшие участки земли, но за посевами не ухаживали, и они нередко гибли. Основным способом добывания средств к существованию у кочими оставалось собирательство. Напротив, у кечуа Южной Америки существовало развитое ирригационное террасовое земледелие с большим ассортиментом продовольственных и технических культур и удобрением почвы. Между этими двумя крайними формами существовало много промежуточных звеньев, которые мы попытаемся проследить с севера на юг.

На северо-востоке США вокруг озер Эри и Онтарио в XV—XVI вв. жили ирокезы. Вопрос об их происхождении еще окончательно не решен. Долгое время их считали сравнительно недавними пришельцами с юга Северной Америки, однако теперь все больше распространяется убеждение, что ирокезская культура длительное время складывалась на северо-востоке США. Но сторонники обеих точек зрения согласны в том, что некоторые черты ирокезской культуры, и в частности, земледельческие навыки, появились у ирокезов в результате заимствования. К открытию Америки возделывание сельскохозяй-

¹² R. Woodbury. Prehistoric Agriculture at Point of Pines, Arizona.— «American Antiquity», vol. 26, 1961, № 3, part. 2, p. 37.

Верховный инка (первый слева) начинает
земледельческие работы (рис. слева).
Вскапывание земли и посев кукурузы (рис. справа)
(с гравюры XVI в.)

ственных культур было уже основным занятием ирокезов¹³. Их земледелие было подсечно-огневым. Как мы увидим ниже, земледелие такого типа было широко распространено в лесных областях Америки. Важнейшей сельскохозяйственной культурой ирокезов была кукуруза. Следующими по значению были бобы и тыква. Кроме того, ирокезы также культивировали табак, подсолнечник, земляную грушу, кабачки. Ирокезы возделывали до 11 сортов кукурузы (мягкие, твердые, сахаристые сорта). По сообщениям путешественников, стебли некоторых сортов кукурузы достигали 5 м высоты, а их початки 45 см длины. Кукурузные поля ирокезов занимали тысячи гектаров и, по словам одного из ранних путешественников, в них было легче заблудиться, чем в лесу. Основным земледельческим орудием ирокезов была

¹³ Мы подробнее всего останавливаемся на земледелии у ирокезов не потому, что оно у них было более развито, чем у соседних алгонкянских племён, а потому, что их сельское хозяйство детально описано в литературе.

палка-копалка, которой делали углубления в почве, куда бросали семена.

Ирокезы применяли целый ряд агротехнических приемов, способствовавших скорейшему созреванию кукурузы и тыквы и увеличению их урожайности. Так, им было известно проращивание семян. Перед посевом они вымачивали семена в специальном отваре из различных трав и кореньев, а затем давали им слегка прорасти. Семена тыквы клали между двумя кусками коры и хранили их неподалеку от очага, чтобы они скорее проросли. Землю вокруг всходов кукурузы сначала рыхлили, а через некоторое время после этого окучивали. Ирокезы обычно вместе выращивали кукурузу, тыкву и бобы, что улучшало почву и увеличивало урожай. Со своих полей ирокезы собирали большие урожаи кукурузы. Поэтому очень важным было ее хранение. И в этом отношении ирокезы достигли больших успехов, найдя удачные способы хранения собранного урожая. Наиболее ценными из них были два: кукурузу либо хранили в ямах, а также в специальных амбарах, либо подвешивали в сплетенных из початков гирляндах внутри жилища¹⁴.

С земледелием ирокезов было сходно земледелие их соседей, южных алгонкинов, а также индейцев юго-востока США: криков, чикасавов, чоктавов, повхатанов и др. Значительно более развито было сельское хозяйство у так называемых индейцев пуэбло и пима на юго-западе США. Это область с засушливым климатом, и без искусственного орошения развитие земледелия здесь невозможно. Индейцы рыли оросительные каналы и выкладывали их каменными плитами, сооружали дамбы, чтобы задержать воду, накапливали дождевую воду в особых резервуарах. Исторически хозяйство этих индейцев было тесно связано с высокими земледельческими культурами Мексики.

Интересной особенностью земледелия ацтеков были плавучие сады-чинампа. Это были плоты из тростника и дерева, привязанные к сваям и покрытые смесью из ила, взятого со дна озера, и земли. Растения, высаженные на эту плодородную почву, давали высокие урожаи. Ацтеки выращивали кукурузу, фасоль, помидоры, тыкву, кабачки, перец, агаву, табак, хлопок. У майя и других народов Мексики, Центральной Америки и Вест-Индии земледелие было подсеčno-огневым и искусственное орошение, как правило, не применялось.

Как уже было сказано выше, в Южной Америке наиболее развитым было земледелие в андских странах у кечуа и чибча. Древние кечуа культивировали около 40 видов полезных растений, из которых важнейшими были кукуруза и несколько видов

¹⁴ L. Morgan. League of the HO — DE — NO — SAU — NEE or Iroquois, vol. 1. New Haven, 1954, p. 311.

Уборка картофеля (рис. справа)
Сбор урожая кукурузы (рис. слева).
(с гравюры XVI в.)

горного морозостойкого картофеля (*Solanum andigenum*, *Solanum gonioscalux*, *Solanum ajanhuiri*, *Solanum curtilobum* и др.). Картофель был основной пищей для обитателей высоких холодных плоскогорий, где не росла кукуруза. Известный советский исследователь С. М. Букасов пишет по этому поводу: «Жизнь доколумбовских индейцев нагорий Перу и Боливии сильно зависела от культуры картофеля, и в настоящее время, где нет рудников или вторгнувшейся европейской культуры, положение остается таким же»¹⁵.

Все работы по выращиванию картофеля проводились вручную с помощью таклы. Таклю втыкали в землю и, действуя ею как рычагом, отваливали комья земли. Затем женщины и дети сажали картофель. Андские сорта картофеля давали урожай от сам-20 (около 240 ц на 1 га) до сам-100. Картофель так называемых столовых сортов (*Solanum gonioscalux*

¹⁵ С. М. Букасов, Н. Е. Шарина. История картофеля. М., 1938. стр. 32.

и *Solanum andigenum*) не требовал специальной обработки перед употреблением в пищу. Но индейцы умели делать пригодным в пищу и несъедобный без специальной обработки высокогорный особо морозостойкий картофель (*Solanum ajanhuiri* и *Solanum curtilobum*) с горьким вкусом. Его не употребляли сразу в пищу, а готовили так называемое чуньо — сушеный и вымороженный картофель. Для приготовления чуньо клубни рассыпали на открытом месте, где они ночью промораживались, а днем сушились на солнце. Промораживание и сушка длились от 2—3 до 15—20 дней. Затем картофель вытаптывали ногами, чтобы выдавить из него воду. Оставшуюся массу еще несколько раз замораживали ночью и оттаивали днем на солнце и затем, покрыв циновками, хранили в замороженном виде. Кроме обычного чуньо, кечуа готовили еще белое чуньо — тунту. Тунту делали из мытого картофеля. Промороженные клубни около месяца держали в проточной воде, пока они не становились белыми. Затем из них выжимали влагу, пользуясь прессом из камней, и замораживали. Готовая тунта по виду напоминала картофельную муку и могла сохраняться очень долго. Из чуньо готовили лепешки и многие другие блюда. До сих пор перуанские крестьяне пользуются методами консервации картофеля, изобретенными древними кечуа.

Другую важнейшую культуру кечуа — кукурузу сажали в более низких местах, чем картофель. Зерна кукурузы по большей части не варили, а ели вымоченными или поджаренными.

Кечуа применяли немало интересных агротехнических приемов, позволивших им развивать земледелие на склонах гор. Потоки воды, стекавшие по склонам Анд в дождливый сезон, смывали плодородный слой почвы. В сухое же время года влаги на склонах гор не хватало. Поэтому кечуа располагали поля по склонам ступенчатыми террасами. Край каждой террасы укреплялся каменной кладкой, задерживающей почву. Для орошения от горных рек к полям были проведены отводные каналы. Современные перуанские крестьяне унаследовали от древних кечуа и террасное расположение полей и систему орошения.

К северу от страны инков на территории нынешней Колумбии индейцы чибча выращивали картофель, киноа (лебеда — *Chenopodium quinoa*), кукурузу, фасоль, тыкву, томаты, хлопчатник и некоторые другие полезные растения.

Важным центром земледелия к югу от Перу, в Чили, была область расселения арауканов. Ко времени испанского завоевания земледелие было основной отраслью их хозяйства. Арауканы выращивали восемь или девять сортов кукурузы, четырнадцать сортов бобов, просо, картофель.

Особенно большое значение имел картофель для арауканов-уильиче, живших на острове Чилоэ. На этом острове произрас-

тает свыше 130 сортов дикого картофеля. Из них около 30 были одомашнены обитателями острова. Все эти 30 сортов принадлежали к виду *Solanum tuberosum*, тому виду, который, будучи привезенным в Европу, стал прародителем нескольких тысяч сортов картофеля Старого Света. Дело в том, что виды картофеля, выращиваемые индейцами Анд, для созревания нуждаются в таком соотношении дня и ночи, которое типично для местностей, лежащих близко к экватору, а именно: в сравнительно коротком и почти неизменном весь год по продолжительности дне. В условиях же длинных летних дней Европы андский вид картофеля почти не образует клубней. Напротив, чилийский картофель на родине рос при более длинном дне. Поэтому он хорошо образовывал клубни и в Европе, т. е. в северных широтах. Таким образом, индейцам Чили мы обязаны тем, что имеем одну из важнейших пищевых и технических культур — картофель.

К востоку от Анд на многие тысячи километров простираются тропические леса бассейна Амазонки. К приходу португальцев и испанцев там жили индейские племена, принадлежавшие к аравакской, карибской, тупи-гуарани и другим более мелким языковым семьям. Эти индейцы не достигли такого высокого уровня развития, как индейцы Анд. У них не было государственных образований и они жили небольшими родовыми или соседскими группами на самой Амазонке или ее притоках. Значительную роль в хозяйстве почти всех этих племен играло подсечно-огневое земледелие. Основными земледельческими орудиями индейцев Амазонки были каменный топор, палка-копалка и дубинка для разбивания комьев земли. Общий низкий уровень развития производительных сил тормозил развитие земледелия и препятствовал расширению посевных площадей.

С другой стороны, для введения в земледелие новых растений в Амазонии имелись благоприятные предпосылки. Флора ее исключительно богата видами растений. Среди них много полезных. Индейцы, впервые пришедшие в эту область несколько тысяч лет назад, принесли с собой некоторые земледельческие навыки. Прекрасно изучив растительный мир Амазонии, они стали широко использовать в пищу, для технических и лекарственных целей сотни полезных растений этой области, а некоторые из них одомашнили. Важнейшим из них был крахмалоносный клубнеплод маниок. К XVI в. амазонские индейцы культивировали два вида маниока. В большей части Амазонии выращивался так называемый маниок съедобный или маниок полезнейший (*Manihot Esculenta* Crantz). Это многолетний быстрорастущий кустарник. Его корни утолщаются, образуя веретенообразные клубни, достигающие 15 кг веса. Эти клубни содержат 25—40% крахмала, до 5% сахара, 1—2% белка. Но,

кроме этого, корни маниока содержат ядовитую синильную кислоту. Индейцы не только одомашнили маниок, но и нашли способы удаления ядовитых веществ и приготовления из корней высокопитательной маниоковой муки. Они растирали клубни маниока на специальных каменных терках, затем получившуюся массу закладывали в длинный плетеный пресс — типити, один конец которого был привязан к какой-нибудь балке, а другой с силой вытягивали, пока из маниока не выдавливался весь ядовитый сок. Затем получившуюся массу подсушивали над огнем и просеивали. В результате получалась маниоковая мука, из которой готовили лепешки, кашу, напитки.

Другой вид маниока, так называемый сладкий маниок (*Manihot dulcis* Baillon), выращивался главным образом индейцами западной части Амазонии. Сладкий маниок не ядовит, но по своим питательным свойствам он уступает маниоку полезнейшему. Возможно, что сладкий маниок был создан индейцами в результате длительной селекции ядовитого вида этого растения.

Большое место земледелия в жизни кечуа, ацтеков, майя, а также ряда других индейских групп Америки нашло свое выражение в существовании у них развитого земледельческого культа. Так, у майя было божество молодых початков кукурузы и божество зрелых початков. В честь их устраивались специальные обряды. С земледелием же были связаны широко распространенные у индейцев Мексики обряды вызывания дождя. В религиозных представлениях древних кечуа отразилось большое значение картофеля в их жизни. Кечуа верили в духа — мать картофеля — Адомаму. Клубни картофеля наряжали в женское платье, хранили их как священные предметы до следующего года и приносили им жертвы. Жертвоприношениями духу картофеля сопровождалась и праздники урожая. Испанский конкистадор Сиеса де Леон так описывает праздник урожая, который он наблюдал в 1547 г. в Перу: «В городе Лампа на Кальяо собралось большое количество индейцев, созданных барабанным боем. После того как вожди, одетые в лучшие свои платья, сели на богато расшитые плащи, появилась процессия роскошно одетых мальчиков. Каждый из них нес оружие в одной руке и мешок листьев кокаинового куста в другой. Сзади шла группа молодых девушек в богатых платьях с длинными шлейфами, которые поддерживали старые прислужники. Девушки несли мешки с богатыми нарядами, золотом и серебром. За ними следовали местные земледельцы с ручными плугами на плечах. Завершали процессию шесть пажей и каждый нес мешок с картофелем. После торжественного парада и танца с мешками над головой под звуки барабана принесли годовалую ламу одной окраски, которую сначала показали вождю, а потом зарезали. Внутренности были вынуты и переданы жрецам. После этого

несколько индейцев собрали всю оставшуюся кровь ламы и вылили ее на картофель в мешках»¹⁶.

С. М. Букасов отмечает, что в некоторых глухих высокогорных районах Перу духу картофеля до сих пор «служат молебны» с курением, которое готовится из листьев особых растений, сырого сала ламы, вигони и алкоголя. Все это торжественно воскуривается, в то время как хозяин молится о хорошем урожае. Зола рассыпается по полю, после чего следуют «возлияния и пляски»¹⁷.

По-видимому, в древнем Перу и Эквадоре в честь духа картофеля приносились иногда и человеческие жертвы.

Существовал у кечуа и культ духа кукурузы Сарамамы. На празднествах в честь Сарамамы стебли кукурузы наряжали в женское платье и приносили им жертвы.

У племен конфедерации криков (юго-восток США) праздник урожая, называвшийся «пляской кукурузы», был самым значительным праздником в году вплоть до XIX в. Этот праздник служил объединяющим началом для племен конфедерации, на нем забывались все ссоры, прощались оскорбления, прекращались войны. При праздновании торжественно уничтожались остатки старого урожая кукурузы, старая одежда и утварь, тушились все костры и зажигался новый огонь в ознаменование нового урожая нового года.

Ирокезы под именами «Трех сестер», «Нашей жизни» и «Наших кормилиц» почитали свои основные культурные растения: кукурузу, бобы и тыкву. Четыре из шести праздников ирокезов были связаны с земледелием. У них были праздники нового года, посева, зеленого зерна и урожая.

Таким образом, к XVI в. земледелие было основой всей жизни многих племен Америки и в значительной мере определяло не только их материальную, но и духовную культуру.

Европейцы, прибывшие в Америку, сразу же столкнулись с необходимостью использовать индейский опыт в земледелии (так же как и в других областях жизни). Не сделав этого, они не смогли бы закрепиться на американском континенте и были бы обречены на голодную смерть или вынуждены возвратиться в Европу.

Видный американский историк-марксист Г. Аптекер, говоря о культурных достижениях коренного населения Америки, воспринятых европейскими поселенцами, пишет: «...именно индейцы научили пришельцев, как расчищать первобытные леса и делать землю пригодной для обработки. Они же научили белых, как сеять маис и табак, горох и бобы, тыкву и кабачки,

¹⁶ С. М. Букасов, Н. Е. Шарина. Указ. соч., стр. 26

¹⁷ Там же, стр. 29.

дыню и огурцы; как готовить кленовый сахар; как использовать рыбы головы в качестве удобрения; как охотиться на диких животных, ставить на них капканы и выделывать их шкуры; как делать челны из березовой коры (без которых колонистам никогда не удалось бы проникнуть в дикие чащи); как печь съедобных моллюсков на взморье. Тропинкам индейцев предстояло стать трактами колонистов (точно так же, как многим из этих трактов предстояло стать дорогами автомобильной эры). Одним словом, индейцы научили европейцев, как жить в Новом Свете, а те отплатили им тем, что отобрали у них этот Свет»¹⁸.

Очень характерно в этом отношении свидетельство бразильского специалиста по истории сельского хозяйства Луиса Амараль: «Без этой „дряни“, — пишет он, — какой является маниок, выращивавшийся здесь в период открытия Бразилии, была бы невозможна колонизация страны в XVI в. И не только из-за нерентабельности перевозки продуктов питания из Европы на такое расстояние, но и потому, что Европа сама испытывала в то время недостаток продовольствия и искала возможные источники снабжения им»¹⁹.

Это высказывание бразильского ученого верно и в отношении других стран Америки и других продовольственных культур. Не будет преувеличением сказать, что если испанцы колонизовали Америку в поисках прежде всего золота, то материальной основой, обеспечившей освоение ими Америки, был не этот драгоценный металл, а индейское земледелие.

В Северной Америке заимствование опыта индейского земледелия не раз спасало колонистов от голодной смерти. Очень ярким примером этого является колония Нью-Плимут в Новой Англии, основанная в 1620 г. В первую же зиму половина поселения умерла от голода и болезней. От гибели колонию спасла кукуруза, так как первые попытки выращивать пшеницу окончились неудачей.

Большое значение для экономики английской колонии Виргиния имело выращивание табака, опыт разведения которого опять-таки был заимствован у индейцев. Выращивать табак колонисты Виргинии начали в 1613 г., а через пять лет, в 1618 г., колония уже отправила в Англию табака на 20 тыс. фунтов стерлингов, а в 1629 г. на 500 тыс. фунтов. Табак в те годы в Виргинии служил средством обмена, им уплачивали налоги и долги. Огромное значение табак имел и для экономики испанских колоний в Америке (Куба и др.).

¹⁸ Г. Аптекер. История американского народа. Колониальная эра. М., 1961, стр. 36.

¹⁹ «Люди и ландшафты Бразилии», М., 1958, стр. 103.

По индейское наследие в земледелии было важно для населения Америки не только в колониальный период. И в настоящее время культуры, заимствованные у индейцев, а в некоторых районах также индейская техника земледелия и приемы хранения и переработки его продуктов играют решающую роль в сельском хозяйстве многих стран Америки. Перед второй мировой войной ⁴/₇ стоимости всей сельскохозяйственной продукции США составляли культуры, унаследованные от индейцев²⁰.

Во второй по численности населения стране американского континента — Бразилии из восьми основных сельскохозяйственных культур пять (хлопок, какао, кукуруза, фасоль, маниок) унаследованы от индейцев и только три (кофе, сахарный тростник, рис) завезены с других континентов. В Чили из семи основных сельскохозяйственных культур четыре являются по своему происхождению индейскими (фасоль, кукуруза, картофель, табак). Для Мексики важнейшей сельскохозяйственной культурой является кукуруза. Площади, занятые под кукурузой, более чем в пять раз превышают площади под любой сельскохозяйственной культурой Мексики.

В Северной Бразилии (Амазонии), горных районах Перу, в Боливии и Эквадоре и отчасти в Мексике и Гватемале современное население (индейское и неиндейское) во многом унаследовало старую индейскую технику земледелия и способы переработки и хранения продуктов, что связано с технической отсталостью сельского хозяйства этих стран и районов.

Современное неиндейское население Амазонии переняло у индейцев не только технику земледелия, но и технику переработки основной сельскохозяйственной продукции — маниока.

Применяется и другой способ, также заимствованный у индейцев: вместо того чтобы протирать клубни, их кладут на четыре дня в ручей или в корыто с водой, а когда они совсем размягчатся, выдавливают из них влагу, пропускают мягкую массу через сито и поджаривают. Получившаяся таким образом маниоковая мука входит в состав почти всех амазонских кушаний, опять-таки перенятых в основном у индейцев.

В высокогорных районах Перу современные крестьяне кечуа до сих пор используют ирригационную систему древних кечуа, располагают поля террасами, применяют те же земледельческие орудия, что и в далеком прошлом. Как и в доиспанские времена, большая часть урожая картофеля перерабатывается в чуньо, и самые способы этой переработки оставались неизменными в течение столетий. В сельском хозяйстве многих других стран Америки индейское наследие также занимает немалое место.

²⁰ Н. И. Вавилов. Великие земледельческие культуры доколумбовой Америки..., стр. 178.

В первые же десятилетия после открытия Америки индейские культурные растения стали вывозиться в Европу, Азию, Африку и довольно быстро заняли значительное место в сельском хозяйстве Старого Света и пищевом рационе его жителей.

Так, уже в конце XV в. в Испанию были привезены зерна кукурузы, где их первоначально стали выращивать в садах. Из Испании кукуруза быстро распространилась во Францию, Италию и Турцию. В Россию она проникла в XVIII в. через Крым под названием «турецкой пшеницы». В Индию, Индонезию, Индокитай и Китай кукурузу завезли португальцы. Кукуруза нашла широкое употребление как продовольственная культура, кормовое растение, а также техническая культура, перерабатываемая на крахмал, декстрин, сиропы, сахар, масло, этиловый спирт. Посевы кукурузы во всем мире непрерывно увеличиваются. Перед второй мировой войной она занимала в капиталистическом мире третье место по валовому сбору после риса и пшеницы, а в 1959—1960 гг. она вышла на первое место, ее среднегодовое производство составило 162,8 млн. т против 136,2 млн. т риса и 129,0 млн. т пшеницы в 1959—1960 гг.²¹

В нашей стране производство кукурузы особенно быстро увеличилось в последнее семилетие после исторических решений Партии и Правительства о развитии сельского хозяйства, в которых большое внимание было обращено на ценнейшие продовольственные и особенно кормовые качества этой культуры. С 1953 по 1959 г. посевы кукурузы в СССР увеличились с 3485 до 22 414 тыс. га, а валовый сбор возрос с 3,7 до 12 млн. т²².

История проникновения картофеля в Европу и введения его в культуру подробно изложена в неоднократно упоминавшейся выше книге С. М. Букасова и Н. Е. Шариной «История картофеля».

В 1536—1537 гг. военная экспедиция Гонсало де Кесады познакомилась с этой культурой недалеко от города Белес в Колумбии. Участник этой экспедиции Кастьянос писал о картофеле, что это «мучнистые корни хорошего вкуса, вполне приемлемый дар для индейцев и деликатное блюдо даже для испанцев». Однако рукописи Кастьяноса были опубликованы только в 1886 г., и следовательно, не от него в Старом Свете узнали о картофеле. В 1538 г. Сиеса де Леон встретил картофель у жителей горных районов Колумбии и Эквадора. В 1550 г. он опубликовал дневник своего путешествия, где, в частности, говорилось, что картофель «это сорт земляного ореха, который в ва-

²¹ «Международный политико-экономический ежегодник, 1960», М., 1960, стр. 548.

²² «Народное хозяйство СССР в 1959 г.», М., 1960, стр. 111, 338—339.

рском виде становится мягким, как каштан, но имеет кожуру не толще, чем у трюфеля», и сообщалось, что он является главным питанием жителей горных селений.

Первое упоминание о чилийском картофеле, датированное 1551 г., содержится в письме участника завоевания Чили Педро де Вальдивия Карлу V. Испания была первой страной, куда попал картофель, однако ни точное время, ни пути его проникновения не выяснены. Неизвестно даже, какие виды картофеля были первоначально привезены в Испанию — андские или чилийские. Если даже первоначально картофель был завезен в Испанию из Перу, он быстро выродился из-за неблагоприятных для него климатических условий и уступил место чилийскому. Вероятно, впервые картофель был привезен в Испанию как диковинное экзотическое растение, но уже в начале 70-х годов XVI в. он выращивался там как продовольственная культура. Так, в 1573 г. картофель входил в число продуктов, закупавшихся госпиталем в Севилье. Интересно, что в 1584 г. госпиталь закупал картофель фунтами, а позднее — арробами (одна арроба = 25 фунтам). Очевидно, к этому времени посевы картофеля в Испании значительно увеличились, стоимость его упала и он перестал быть предметом роскоши.

Во все другие страны, по мнению С. М. Букасова, картофель попал не непосредственно из Америки, а через Испанию. Около 1580 г. он уже выращивался как садовая культура в некоторых районах Италии. В 80-х годах XVI в. папский легат в Нидерландах подарил картофель префекту г. Монс, который в 1588 г. послал картофель в Австрию известному ботанику Клузиусу. В 1589 г. Клузиус приехал в Германию и привез картофель. В начале XVII в. картофель был уже довольно обычен для большинства садов Германии. Но только через полвека после этого он начал возделываться в Германии как огородная культура. Фридрих-Вильгельм I прибегал к энергичным мерам для распространения картофеля, угрожая отрезать носы и уши всем, кто откажется его сажать. Одновременно картофель бесплатно раздавался беднякам. В конце XVIII в. в Германии снова проводилась большая кампания по внедрению культуры картофеля. Были изданы строгие приказы, обязывавшие крестьян сажать его.

Во Францию картофель попал в начале XVII в., но до конца XVIII в. почти не использовался в пищу, так как многие врачи утверждали, что он ядовит и является причиной болезни. Агрономы считали, что картофель портит почву. Заслуга введения картофеля во Франции принадлежит Антуану Огюсту Пармантье, который во время Семилетней войны попал в плен к немцам и научился у них ценить картофель. Вернувшись во Францию, он повел упорную борьбу против связанных с картофелем предрассудков и добился того, что крестьяне стали его сажать.

В Ирландию картофель попал в 1587 г. и к 1672 г. стал основной и почти единственной пищей ирландских бедняков. Значительно медленнее картофель входил в культуру в Англии. Интересно, что в Северную Америку картофель попал в 1719 г. из Ирландии.

В Россию картофель прислал Петр I из Голландии. Приказ Петра о распространении посадок картофеля встретил большое сопротивление. Крестьяне называли картофель чертовым яблоком и не хотели его сажать.

Во второй половине XVIII в. при Екатерине II правительство всячески поощряло посадки картофеля, но все-таки распространение его шло очень медленно, особенно в центральных областях России, и даже в 1830-х годах площади под картофелем были незначительны. Насильственное принуждение к посадке картофеля вызывало озлобление среди крестьян и даже так называемые картофельные бунты. Лишь в 1840-х годах культура картофеля получила широкое распространение в России и он стал для крестьян привычной пищей. Постепенно стали изготавливать из картофеля муку и печь лепешки, а также научились производить патоку, крахмал и водку.

Важными продовольственными культурами Старого Света стали и другие индейские крахмалосодержащие растения — маниок и батат, или сладкий картофель. Во второй половине XVI в. маниок был завезен португальцами в Западную Экваториальную Африку и Юго-Восточную Азию и быстро распространился там. В настоящее время, кроме Америки, большие площади под маниоком заняты в Индонезии (особенно на островах Ява и Мадуро) и в Западной Экваториальной Африке.

В Африке под маниоком занято 3719 тыс. га, больше чем в Америке и Азии вместе взятых, и ежегодно в Африке производится около 26 млн. т маниока. В тропических районах мира маниок так же важен, как в средних широтах зерновые и картофель. До недавнего времени маниок был питанием преимущественно сельского населения Африки, но в последние годы быстро возрастает его роль в пищевом рационе городских жителей. Широкое распространение маниока объясняется тем, что в тропических районах он дает больше калорий в расчете на 1 га сельскохозяйственной площади, чем зерновые. Например, в Африке рис и зерновые дают в среднем 4—5 млн. калорий на 1 га, а маниок — 11 млн. калорий.

Наряду с распространением маниока в Африке до сих пор сохраняются и некоторые индейские способы приготовления его в пищу²³.

²³ W. Jones. Manioc in Africa. Stanford, 1959. Цит. по рецензии в «American Anthropologist», vol. 63, № 2, part 1, april 1961, p. 433—435.

Батат попал в Европу и Африку вскоре после открытия Америки и быстро распространился в Западной Экваториальной Африке. Задолго до Колумба, по-видимому, в результате древних связей между Америкой и Океанией батат был завезен в последнюю и стал одной из основных продовольственных культур.

Важное место в мировом сельском хозяйстве занимают теперь и такие заимствованные европейцами у индейцев растения, как томаты, перец, тыква, кабачки, фасоль, какао, арахис, табак.

Так, например, плоды дерева какао (*Theobroma cacao* L.) задолго до испанского завоевания использовались индейцами Мексики для приготовления тонизирующего напитка, известного под именем чоколатль (отсюда слово шоколад, в разных вариантах вошедшее во все европейские языки). Семена какао были привезены испанцами в Европу в 1520 г. и вскоре в Кадиксе возникла первая шоколадная фабрика. В XVII в. культура какао распространилась в Венесуэле и Вест-Индии, а на рубеже XVIII в. его начали сажать в Бразилии. Затем какао было привезено в Западную Африку и стало там в ряде районов (особенно на Золотом Берегу) основной культурой. Так, подобно маниоку, какао нашло себе в Африке новую родину.

В заключение кратко остановимся на истории некоторых технических культур, заимствованных у индейцев: подсолнечника, хлопка, каучука, хенекена, сисаля.

Подсолнечник был одомашнен индейцами юга США. В начале XVI в. испанцы, возвратившиеся на родину из Америки, привезли с собой семена подсолнечника и высадили их в Мадридском ботаническом саду. Постепенно подсолнечник распространился во многих странах Западной Европы и в России как декоративное растение. Лишь в 40-х годах XIX в. подсолнечник стал широко разводиться в России как масличное растение, и в настоящее время является важнейшей масличной культурой нашей страны, занимая в 1959 г. площадь в 3,9 млн. га, т. е. больше любой другой технической культуры, включая хлопчатник и сахарную свеклу.

Независимо друг от друга в Старом и Новом Свете (в Мексике) был введен в культуру хлопчатник, но преобладающими в настоящее время в мировом сельском хозяйстве являются американские длинноволокнистые сорта хлопка.

Очень интересна история каучука. В отличие от всех перечисленных растений каучуконосные деревья рода *Хевея* не были одомашнены индейцами, но индейцы знали свойства каучука и в незначительных количествах добывали его для изготовления мячей, своего рода каучуковых чулок и т. п. В 1735 г. известный французский исследователь Южной Америки Шарль де

Кондамин сделал во Французской академии доклад об использовании индейцами каучука. Но до начала XIX в. каучук мало интересовал европейцев. Положение резко изменилось, когда в 1823 г. английский фабрикант Макинтош открыл способ растворять каучук в бензине и пропитывать им материю с целью придания ей непромокаемости. После этого было начато производство непромокаемых плащей. В 1854 г. Ч. Гудьер открыл способ вулканизации каучука, почти сразу после этого из каучука стали изготавливать жесткие шины для повозок. Таким образом, только к середине XIX в. развитие европейской промышленности достигло такого уровня, что были оценены открытые индейцами свойства каучука. После этого добыча каучука стала стремительно развиваться в амазонских лесах, а в конце XIX в. семена каучука были вывезены в Юго-Восточную Азию, где англичане и голландцы создали промышленные плантации каучука.

Двумя другими важными техническими культурами, которые дали миру индейцы, являются хенекен (*Agave fourcroydes*) и сисаль (*Agave Sisalana*). Эти два вида агав дают лучшие в мире естественные волокна для изготовления канатов, мешков и т. п. Родина хенекена и сисаля — полуостров Юкатан в Мексике. Индейцы майя использовали волокна хенекена и сисаля для плетения и ткачества. Европейцы быстро оценили эти растения и стали разводить хенекен, и особенно сисаль, в Мексике, Центральной Америке, Вест-Индии, Бразилии и Африке (в Кении).

До настоящего времени, несмотря на появление синтетического волокна, хенекен и сисаль не утратили своего значения в промышленности и являются важным предметом экспорта из названных выше стран. Наша страна импортирует хенекен из Кубы.

Мы упомянули лишь о некоторых культурных растениях, заимствованных европейскими, азиатскими и африканскими народами у индейцев. В пределах небольшой статьи совершенно невозможно рассказать об истории введения всех этих растений в мировое земледелие.

Мы не останавливались и на открытии индейцами свойств десятков и сотен лекарственных растений (хинина, ипекакуаны и многих других), без которых была бы немыслима современная фармакопея. Это слишком обширная тема и она заслуживает того, чтобы ей была посвящена специальная работа. Вклад индейцев в мировое хозяйство и без этого поистине необъятен.

ИСКУССТВО МАЙЯ КЛАССИЧЕСКОГО ПЕРИОДА (III—IX вв. н. э.)

1

ревнему искусству майя в зарубежной научной литературе посвящено немало исследований¹. Все они, однако, достаточно быстро устаревают, так как каждый год приносит новые данные, значительно меняющие наши представления в этой области. Уже одно это обстоятельство делает необходимым или тщательный пересмотр и исправление старых работ или написание новых. Кроме того, в зарубежных изданиях, как правило, отсутствует самое существенное — анализ памятников как произведений искусства. Обычно в современных работах по искусству майя оно рассматривается лишь как вспомогательный материал при изучении истории классического периода. К тому же в большинстве зарубежных исследований предположения или гипотезы, выдвигаемые автором, обычно подаются в виде аксиом, причем спорные или неясные моменты опускаются. В результате этого у читателя создается впечатление о беспорности сообщаемых фактов, хотя в действительности они часто являются всего лишь субъективными догадками исследователя.

Понимание памятников всякого искусства прежде всего требует глубокого знакомства с культурой и историей данного народа; иначе неизбежен формальный подход. Форма и ее изменения, вольно или невольно, становятся в центре исследования, а главная цель — идейная значимость произведения — ускользает. К сожалению, культура и история майя классического периода известна совершенно недостаточно. Следствием этого

¹ Подробная библиография по искусству майя дана в кн.: S. Toscano. *Arte precolombino de México y de la America Central*. México, 1944.

и являются те субъективные толкования, о которых говорилось выше.

В древнейший период (приблизительно между V и III тысячелетиями до н. э.), как можно судить по лингвистическим данным, племена, говорившие на протомаяя, занимали территорию атлантического побережья Мексики от р. Пануко или р. Тамеси до современного Пуэрто Мехико (эти границы, конечно, в достаточной степени условны). Хозяйственной базой этих племен было собирательство и, возможно, болотное земледелие. Связи протомаяя с классическими ольмеками еще не выяснены. Позже тотонакская группа племен, теснимая протонахуа, вышла на атлантическое побережье и разрешила протомаяя на две части: северную (хуастеки) и юго-восточную. После этого хуастеки оказались навсегда оторванными от племен маяя, своих родственников по языку.

По-видимому, в середине V тысячелетия до н. э. у индейских племен Центральной Америки появляется новый источник питания — кукуруза². Этот крупный прогресс в экономике привел к ряду важных изменений прежде всего в сельскохозяйственной технике — появилась система подсечно-огневого земледелия. Передвижения племен усилились; они уже не были ограничены сравнительно узкой полосой побережья и устьями рек, а могли (и должны были) продвигаться в глубь страны. Юго-восточная группа маяя продвигалась вверх по течению р. Усумасинты, осваивая новую, очевидно, почти совершенно свободную территорию. В дальнейшем эта группа разбилась на три, шедших своими обособленными путями. Первая из них, проникшая до горной Гватемалы, освоила эти области и была создательницей наиболее ранних фаз культуры Каминальхуу; возможно, что Копан также был основан выходцами из этой группы племен. Вторая группа, осевшая в низменной части современного департамента Петен в Гватемале, была создательницей центральной группы майяских поселений; среди них Тикаль, очевидно, являлся древнейшим. Эта же группа племен, высылая колонии на север, постепенно освоила восточную часть Юкатана; были предприняты даже попытки закрепиться и в северо-западной части этого полуострова. Третья группа, продвинувшаяся меньше всех, колонизовала верховья Усумасинты и Макуспана; Тонина с окружающими поселениями также, вероятно, относится к этой группе.

Создание древнейших городских центров маяя следует, очевидно, отнести к рубежу нашей эры. По имеющимся в настоящее время сведениям, первыми из них были города к северо-востоку от озера Петен-Ица (Тикаль, Вашактун, Волантун, Ба-

² См. статью Л. А. Файнберга в данном сборнике, стр. 17.

лакбаль и др.). Яшчилан, Пьедрас Неграс и другие поселения в долине Усумасинты возникли на несколько столетий позже, так же как и находящийся на юге Копан. Однако эти сведения, традиционно переходящие из одной работы в другую и восходящие в конечном счете к исследованиям американского ученого С. Г. Морли, ни в коем случае не следует считать совершенно достоверными. Прежде всего археологические исследования, даже кратковременные, проведены далеко не во всех древних городах, не говоря уже о том, что принципиально возможно обнаружение новых, дотоле неизвестных памятников, что может резко изменить обычно рисуемую исследователями картину. Яркий пример этому — начавшиеся недавно раскопки Чиапа-де-Корсо, результаты которых, несомненно, значительно перестроят наши современные представления о связях культуры классических ольмек, майя и сапотек. Во-вторых, данные о продолжительности жизни городов и времени их возникновения берутся по датам, записанным на стелах. Но известно, что часто чтение этих дат (даже в хронологии майя, без попыток пересчета) представляет собой в свою очередь сложный и спорный вопрос, далеко не всегда решаемый с должной объективностью. Следует также учитывать, что предположение С. Г. Морли о том, что каменным стелам предшествовали несохранившиеся деревянные или каменные же с несохранившейся штукатуркой облицовкой³, по всей видимости, правильно. Естественно поэтому, что выводы, делающиеся на основании этих дат, должны приниматься с определенной осторожностью.

Классическим периодом истории майя в современной научной литературе принято называть период, продолжавшийся около шестисот лет, с III по IX в. н. э. По археологическим данным он делится на два больших раздела: раннеклассический (приблизительно 300—600 гг.) и позднеклассический (600—900 гг.).

О том, какие народности майя жили в тех или иных городах, об их социальном строе, политической истории, религии в классический период мы знаем ничтожно мало, практически почти ничего. Обычно считается, что во время классического периода существовали по крайней мере четыре самостоятельных территориально-политических единицы. Первая из них охватывала центральную и северную часть современного гватемальского департамента Петен, южную часть мексиканского штата Кампече и территорию Британского Гондураса. Это объединение, расположенное в самом центре распространения древней культуры

³ В древних городах майя достаточно часто встречаются отесанные каменные стелы без всяких изображений или надписей. В Калакмуле, например, их обнаружено свыше 20, а в Тикале из 94 стел имеют надписи и изображения только 29.

мая, имело своим наибольшим городом и, вероятно, столицей Тикаль. Второе объединение располагалось в долине р. Усумасинты; столицей его мог быть Паленке, Пьедрас Неграс или Йашчилан, а возможно, и все три по очереди. Третье — на территории северо-восточной Гватемалы и северо-западного Гондураса имело своей столицей Копан. Наконец, четвертое, находившееся в юго-западной части территории, занимаемой майя, имело, возможно, как главный управляющий центр Тонина.

Это деление, предложенное С. Г. Морли, имеет такой же условный характер, как и многие другие постулаты в древней истории майя. Оно было выдвинуто американским ученым главным образом по чисто географическим причинам. В самом деле, трудно объединить, например, Копан и Тонина в одно политическое целое, если между ними лежит малозаселенная и труднопроходимая горная страна. Комбинируя группы древних городов с естественными границами в виде горных местностей, пустынь, рек и т. д., Морли попытался локализовать древние государства майя; впрочем, и сам он указывает эти объединения достаточно предположительно⁴. В действительности, конечно, вопрос о существовавших политических объединениях майя в классический период может быть решен лишь детальным анализом письменных источников. Широко применяемый метод восстановления политических и социальных условий этого периода по данным, сохранившимся от следующего, юкатанского периода, принципиально неправилен, ибо тольтекское завоевание и предшествовавшие ему события, несомненно, внесли существенные изменения в прежние порядки. Опираясь на аналогичные явления в истории древнего Востока, можно предположить, что первоначально у майя существовал целый ряд городов-государств с весьма небольшой подвластной территорией. Они объединялись в военные и политические союзы, непрочные и довольно быстро распадавшиеся. Совпадение стилевых признаков в памятниках искусства у тех или иных городов-государств не может служить доказательством того, что они были членами единого политического целого; в лучшем случае такое совпадение может говорить о какой-то общности их религиозных или эстетических воззрений.

Между отдельными городами-государствами или союзами таких городов постоянно происходили междоусобные стычки и войны; изображения на памятниках свидетельствуют об этом достаточно ясно. В конце IX — начале X в. все древние города

⁴ S. G. Morley. *The Ancient Maya*. Stanford University Press, 1947, p. 160—161. В третьем издании этой книги, вышедшем в 1956 г. под редакцией Дж. В. Брайнера, деление на древние политические единицы дано уже с менее обязывающей определенностью (стр. 144).

мая прекращают свое существование, судя по тому, что в это время обрываются датированные надписи. Возможно, конечно, и другое: в силу каких-то причин был оставлен обычай воздвигать стелы с надписями. Ответ на это, как и на многие другие вопросы, должны дать детальные археологические исследования. Испанские источники, упоминаящие об этих местностях, молчат о существовавших здесь некогда городах. Следовательно, города эти были оставлены жителями задолго до испанского завоевания. Современными исследователями выдвигалось немало гипотез, объясняющих гибель этих городов; в качестве причин фигурировали и землетрясения, и эпидемии заразных болезней, и внезапное изменение климата, и гражданские войны или вражеское завоевание. Наиболее распространенным является предположение о том, что причиной гибели городов было резкое снижение плодородия земельных участков вследствие особенностей подсеčno-огневого земледелия майя. В последнее время в зарубежной литературе получила распространение гипотеза Дж. Э. С. Томпсона о народных восстаниях против жрецов и знати, положивших конец классическому периоду⁵. Вероятнее всего, гибель древних городов была вызвана рядом причин, главными из которых являлись нашествия враждебных племен, связанные с продвижением на полуостров Юкатан тольтеков, и крупные социальные потрясения. К концу классического периода заметно возрастают темпы строительства храмов и число воздвигнутых стел, что ложилось тяжким бременем на плечи рядовых общинников. Поэтому возможно, что в конце классического периода в обществе майя происходила такая же социальная борьба, как в древнеегипетском обществе времени IV династии (29—27 вв. до н. э.), которая, как известно, покончила со строительством великих пирамид.

2

Прежде чем перейти к детальному разбору памятников архитектуры майя, следует несколько остановиться на некоторых общих ее принципах. Это поможет впоследствии легче уяснить себе основные ее закономерности и сократить при описаниях аналогичные повторения.

⁵ Обзор древней истории майя см. в работе Ю. В. Кнорозова «Письменность индейцев майя». М.—Л., 1963, стр. 3—29, а также в его статье «„Сообщение о делах в Юкатане“ Диэго де Ланда как историко-этнографический источник». Предисл. к кн.: Д. де Ланда. Сообщение о делах в Юкатане. М.—Л., 1955, стр. 3—96. Точка зрения ряда зарубежных ученых сформулирована в указанной работе С. Г. Морли и Дж. В. Брэйнерда, а также J. E. S. Thompson. *The Rise and Fall of Maya Civilization*. University of Oklahoma Press, Norman, 1959.

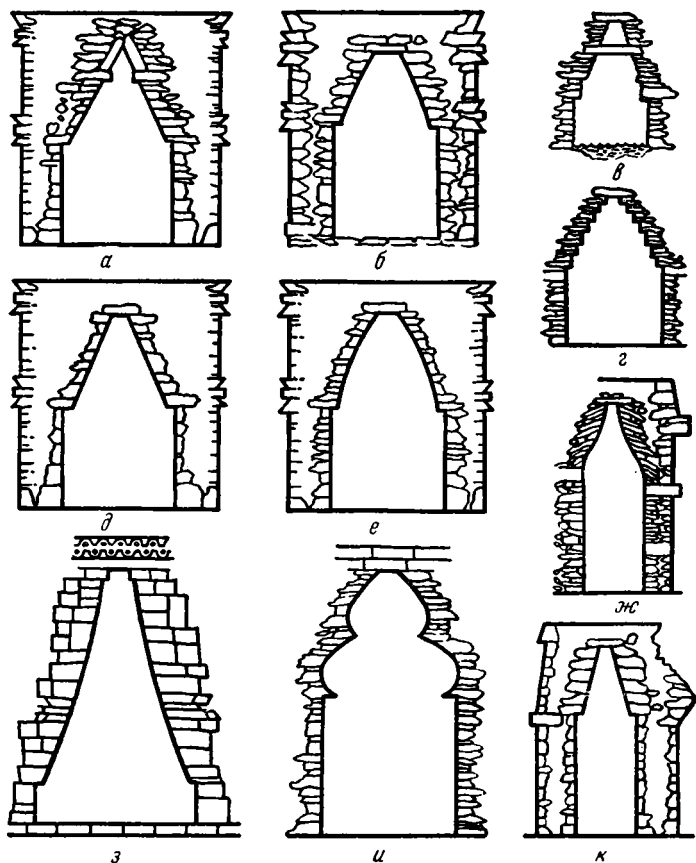
Архитектура майя⁶, да, впрочем, и всех других древних народов Мексики и Гватемалы, обладала значительно меньшими локальными различиями, чем другие виды искусства. Такая близость архитектурных памятников у различных народностей обуславливалась прежде всего одинаковыми строительными принципами. Древнеамериканским строителям не было известно понятие истинной арки и свода; они перекрывали здания или при помощи бревен или, постепенно сближая верхние части кладки у противоположных стен до тех пор, пока между ними не оставалось такое узкое пространство, что его можно было прикрыть одной каменной плитой. Этот последний способ известен под названием ложного свода⁷. Общую схему его и различные виды, применявшиеся у древних майя, можно видеть на стр. 39. Этот тип перекрытий обуславливал острый угол свода, большую его высоту и чрезвычайную массивность стен, на которые данный свод опирался. Последнее приводило к тому, что внутренний, полезный объем зданий был очень небольшим по сравнению с внешним. Так, по вычислениям американского археолога У. Х. Холмса, внутренний объем одного майяского здания в г. Ушмаль составляет одну сороковую часть по отношению к общему объему всего здания (включая, впрочем, и массу основания)⁸. Из-за ложного свода для древнемексиканской архитектуры была характерна и небольшая ширина помещений по сравнению с их длиной. Иногда для увеличения внутренней площади помещение перегораживалось посередине продольной стеной, имевшей в центре дверь. В таком случае здание перекрывалось уже двумя ложными сводами, опиравшимися одним концом на срединную, а другим — на внешнюю стену. Существовал и другой, несомненно, более архаический тип перекрытий: на стены настилались балки, покрывавшиеся сверху толстым слоем глины. Этот вид перекрытий встречается в Пьедрас Неграс, Вашактуно, Тисимин Каш, Тулуме и других городах.

В древней архитектуре майя можно различить несколько основных типов сооружений. Все они воздвигались на стилобатах,

⁶ G. O. Totten. *Maya Architecture*. Washington, 1926; H. E. D. Pollock. *Sources and Methods in the Study of Maya Architecture*.—«*Maya and their Neighbours*». New York, 1940, p. 179—201.

⁷ A. L. Smith. *The Corbeled Arch in the New World*. «*Maya and their Neighbours*». New York, 1940, p. 202—221. E. H. Thompson. *The Genesis of the Maya Arch*.—«*American Anthropologist*», vol. 13, № 4, p. 501—516. Albuquerque, 1911.

⁸ W. H. Holmes. *Archeological Studies among the ancient cities of Mexico. Part I. Monuments of Yucatan*.—*Field Columbian Museum Publ. 16. Anthropological Series, vol. I, Chicago, 1897, p. 81—82, 90*. Cp. G. Kubler. *The Design of space in Maya architecture*. *Miscellanea Paul Rivet octogenario dicata, t. I. México, Universidad nacional autonoma de México, 1958, p. 515—531*.

Различные виды ложного свода в памятниках архитектуры майя:

- а) Чичен-Ица; б) классический период, наиболее распространенная форма; в) Паленке; г) Вашактун; д) поздний период; е) Лабна; ж) Вашактун; з) Ушмаль; и) Паленке; к) Чичен-Ица.
(По С. Г. Морли.)

иногда значительно отличавшихся друг от друга как по форме, так и по высоте, в зависимости от назначения поддерживаемого ими здания. С конструктивной точки зрения такие стилобаты представляли собой огромные насыпи из земли и каменного щебня, покрывавшиеся сверху или толстым слоем штукатурки, или облицовкой из каменных плит. С помощью последних насыпей придавалась желаемая форма. В гористых местностях эти базисы высекались из природной, искусственно сглаженной скалы.

Первый из этих основных типов сооружений представлял собой четырехгранную ступенчатую пирамиду, на усеченной

вершине которой находился небольшой, чаще всего двух- или трехкомнатный храм. Число уступов, или членений, на которые делилось тело пирамиды, могло быть самым разнообразным. От подножия пирамиды к двери святилища обычно шла длинная, крутая и широкая лестница. Так как ступени были высокими, но весьма неглубокими, подниматься по ней было делом нелегким, спускаться же — тем более. Вот что пишет об этом русский поэт К. Д. Бальмонт, посетивший развалины.

«Я испытал мучительнейшие ощущения, когда мне пришлось спускаться вниз по этой широкой, но крутой лестнице без перил. Едва я сделал несколько шагов вниз, как почувствовал, что смертельно бледнею, и что между мною и тем миром внизу как будто нет нити. Как только я увидел, что пришел в волнение, мое волнение немедленно удесятерилось и сердце стало биться до боли. Это не был страх, это было что-то паническое. Я совершенно ясно видел, как я падаю вниз, с переломанными руками и ногами. Увы, мне пришлось спускаться спиной к подножью и лицом к лестнице, как я поднимался, опираясь обеими ладонями о верхние ступени и осторожно ощупывая ногой нижние ступени, прежде чем сделать шаг. Напоминаю, что ширина⁹ каждой ступени была менее четверти; в случае неверного шага, руками нельзя было бы уцепиться, и падение было бы неизбежно»¹⁰.

У больших пирамид такие лестницы находились иногда на всех четырех сторонах или (когда уступы были немногочисленные, но крупные) они вели с уступа на уступ. Само здание было обычно отодвинуто от переднего края стилобата, оставляя широкое пространство между его фронтом и верхним концом лестницы. Задняя и боковые стены здания, как правило, располагаются, наоборот, близко от краев стилобата. Таким образом, пирамидальные сооружения майя, как и всех других древних народов Мексики и Гватемалы, не имели ничего общего (ни по конструктивной линии, ни по своему назначению) с пирамидами древнего Египта; по своей форме они были наиболее близки к вавилонским зиккуратам¹¹. Иногда в толще пирамиды устраивались специальные крипты для погребений, но это было сравнительно редким явлением.

Кроме чисто ритуальных целей, пирамиды, несомненно, использовались и как оборонительные сооружения. Эта функция их обычно не учитывается зарубежными исследователями, от-

⁹ К. Д. Бальмонт ошибся; в действительности речь идет о глубине ступени.

¹⁰ К. Д. Бальмонт. Змеиные цветы. СПб., 1910, стр. 27.

¹¹ О типе мексиканских храмовых пирамид см. статью: А. В. Мачинский. Древние мексиканские пирамиды. — «Наука и техника», № 6, 1938, стр. 18.

рицающими вообще наличие военных действий у майя в классический период, хотя памятники скульптуры и живописи красноречиво говорят о противоположном.

Второй тип сооружений представлял собой узкое, вытянутое в длину здание, делившееся внутри на несколько помещений. Обычно эти здания группируются около какого-то свободного пространства таким образом, что внутри их комплекса оказывается большой, замкнутый со всех сторон двор или площадь, но иногда — это просто сочетание большого количества комнат в единое прямоугольное строение. Постройки этого рода также находились на искусственно созданных возвышениях — стилобатах, но высота их была по сравнению с высотой пирамид ничтожной. В сущности, они представляли собой обширные террасы со скошенными краями.

В ряде случаев трудно отметить принципиальную разницу между первым и вторым типом сооружений; обычно дело сводится к различиям в высоте пирамидальной базы и числу помещений на ее вершине.

Назначение второго вида сооружений долгое время оставалось для исследователей неясным, и некоторые ученые (например, Льюис Генри Морган), ссылаясь на отсутствие остатков от обычных жилищ, считали их общинными домами¹², однотипными с грандиозными общинными домами индейцев-пуэбло. Последние археологические исследования, однако, вскрыли на территориях древних поселений майя развалины жилищ рядовых членов общества¹³, существовавшие наряду с указанными выше типами зданий. Поэтому советские исследователи предполагают, что постройки второго типа (условно называемые в археологической литературе дворцами) являлись жилищами наиболее знатных членов общества и жрецов, исходя из понимания древнего общества майя как раннеклассового. В иностранной американистике господствуют иные точки зрения: по мнению одних исследователей, эти здания были своеобразными монастырями, где жили юноши, ожидавшие посвящения, или помещениями, где хранились церемониальные одежды жрецов для религиозных обрядов. Другие считают, что этот вид построек служил административными центрами, где решались вопросы работы, торговли, судебные дела или общественные

¹² Л. Г. М о р г а н. Дома и домашняя жизнь американских туземцев.— «Материалы по этнографии», т. II. Л., 1934, стр. 68.

¹³ E. H. T h o m p s o n. The Ancient structures of Yucatan not communal dwellings.— «Proceedings of American Antiquarian Society», VIII. New York, 1892, p. 262—269. R. W a u c h o p e. House Mounds of Uaxactun, Guatemala.— «Contributions to American Archaeology», № 7. Publication № 436 of Carnegie Institution of Washington. Washington, 1934, p. 107—171; i d e m. Domestic Architecture of the Maya.— «Maya and their Neighbours». New York, 1940, p. 232—241.

споры¹⁴. К разбору этих взглядов мы вернемся при рассмотрении вопроса о планировке майяских городов.

Для создания многоэтажных зданий древние майя разработали оригинальную систему, так как при сравнительной непрочности их сводов воздвигать один этаж непосредственно над другим, как это делалось в постройках Старого Света, было бы по меньшей мере неосмотрительно. Поэтому примеры действительно многоэтажных зданий в архитектуре древних майя крайне редки. Обычно впечатление многоэтажности достигалось путем постройки нескольких одно- или двухэтажных зданий, расположенных на склоне естественного или искусственного холма, одно над другим, так что крыша здания первого этажа образовывала платформу перед вторым и т. д. Другой, более редкий способ состоял в том, что первоначально воздвигался большой массив из сплошной каменной кладки, окружавшийся со всех сторон рядами помещений. На этом массиве воздвигался второй, поменьше, вокруг которого также возводились помещения, опиравшиеся на нижний массив. Таким образом, в данном случае все сводилось лишь к образованию искусственного каменного холма как центрального ядра, а основной принцип оставался тем же.

Ярким примером подобного сооружения может служить трехэтажный дворец в Санта Роса Шлабпак (или Штампак), который первый исследователь древностей майя Дж. Л. Стивенс назвал «самым величественным зданием, возносящим свою разрушенную главу над лесами Юкатана»¹⁵. Особняком от этих двух типов сооружений стояли так называемые стадионы, или здания для игры в мяч. И то и другое название, употребляемое в научной литературе, не вполне удачно, так как не передает характерных особенностей этих построек.

Культовая игра в мяч имела широкое распространение среди индейских народностей древней Мексики и Центральной Америки¹⁶, так же как и у многих североамериканских племен. Зарождение ее относится к весьма отдаленному времени: уже среди терракотовых фигурок из Тлатилько (1500 гг. до н. э.) имеются статуэтки, изображающие игроков в мяч. Подробные описания правил игры и зданий, в которых она велась в ацтек-

¹⁴ A. Kidder II and C. S. Chinchilla. *The Art of the ancient Maya*. New York, 1959, p. 21.

¹⁵ J. L. Stephens. *Incidents of travel in Yucatan*, vol. II. New York, 1843, p. 162.

¹⁶ F. Blom. *The Maya Ball-game of Pok-ta-pok (called tlachtli by the Aztecs)*.— «Middle American Papers, Department of Middle American Research, Tulane University», № 4. New Orleans, 1932, p. 485—530; Th. Stern. *Ball Games of the Americas*.— «Monographs of American Ethnological Society», № 17, New York, 1948.

ское время, сохранились у многих испанских и индейских хронистов. В качестве иллюстрации можно привести отрывок из одного такого сообщения:

«Император (подразумевается ацтекский правитель Мотекухсома II) очень любил зрелище игры в мяч, которую испанцы впоследствии запретили ввиду того, что она часто сопровождается несчастными случаями. Ацтеки называют эту игру «тлачтли», она похожа на наши игры в мяч. Мяч сделан из (сока) дерева, растущего в жарких странах. В этих деревьях делают отверстия, из которых вытекают большие белые капли, быстро затвердевающие. После обработки материал этот становится черным, как смола. Мячи, сделанные из него, хотя очень твердые и тяжелые, подпрыгивают и летят, как наши, их нет надобности надувать, и палок при этой игре не употребляют. Они посылают мяч любой частью тела, какая подвернется или какой удобнее ударить. В некоторых случаях проигрывает тот, кто касается его не бедрами, а какой-либо другой частью тела. Такой способ игры считается самым ловким, и чтобы мяч мог отскочить сильнее, они прикрепляют к своим бедрам кусок плотной кожи. Они могут ударять мяч каждый раз, когда он подпрыгивает (а подпрыгивает он много раз подряд, так что кажется, будто бы он живой). Они играют командами с равным количеством игроков, играют на плащи или на что-нибудь другое, что игроки могут достать. Они играют на золото и на изделия из перьев, а иногда проигрывают самих себя. Место, в котором они играют,— это помещение на уровне земли, длинное, узкое, постепенно повышающееся к боковым стенам; [в середине] пол несколько выше, чем на концах. На стенах и по концам помещения они прикрепляют камни, похожие на мельничные жернова с отверстием на самой середине. Это отверстие такого же точно размера, как мяч, и тот, кто сумеет бросить его сквозь это отверстие, выигрывает. Такая удача считается необыкновенной и случается редко, поэтому выигравший имеет право взять плащи всех зрителей. Было очень забавно смотреть, как после попадания мяча в отверстие камня все стоявшие близко [от игрока] бросались со всех ног спасать свои плащи, смеясь и радуясь, между тем как другие мчались за ними, чтобы отнять плащи для выигравшего. Он должен был принести какую-нибудь жертву идолу площадки и камню, через отверстие которого пролетел мяч...

...Каждая площадка была связана с определенным праздничным днем, в которой они в полночь совершают обряды и колдовские заклинания у... стен и посередине помещения, распевая какие-то песни, после чего жрец главного храма является с несколькими своими помощниками благословить площадку... Он произносит несколько слов и бросает мяч четыре раза через

площадку (по направлению к четырем сторонам света). После этого площадка считается освященной, и на ней можно играть, но никак не раньше...

Владелец площадки (который всегда является правителем) никогда не играет, не принеся предварительно жертвы и не совершив положенных обрядов в честь идола игры. Это показывает, как они [индейцы] суеверны даже в своих развлечениях...»¹⁷.

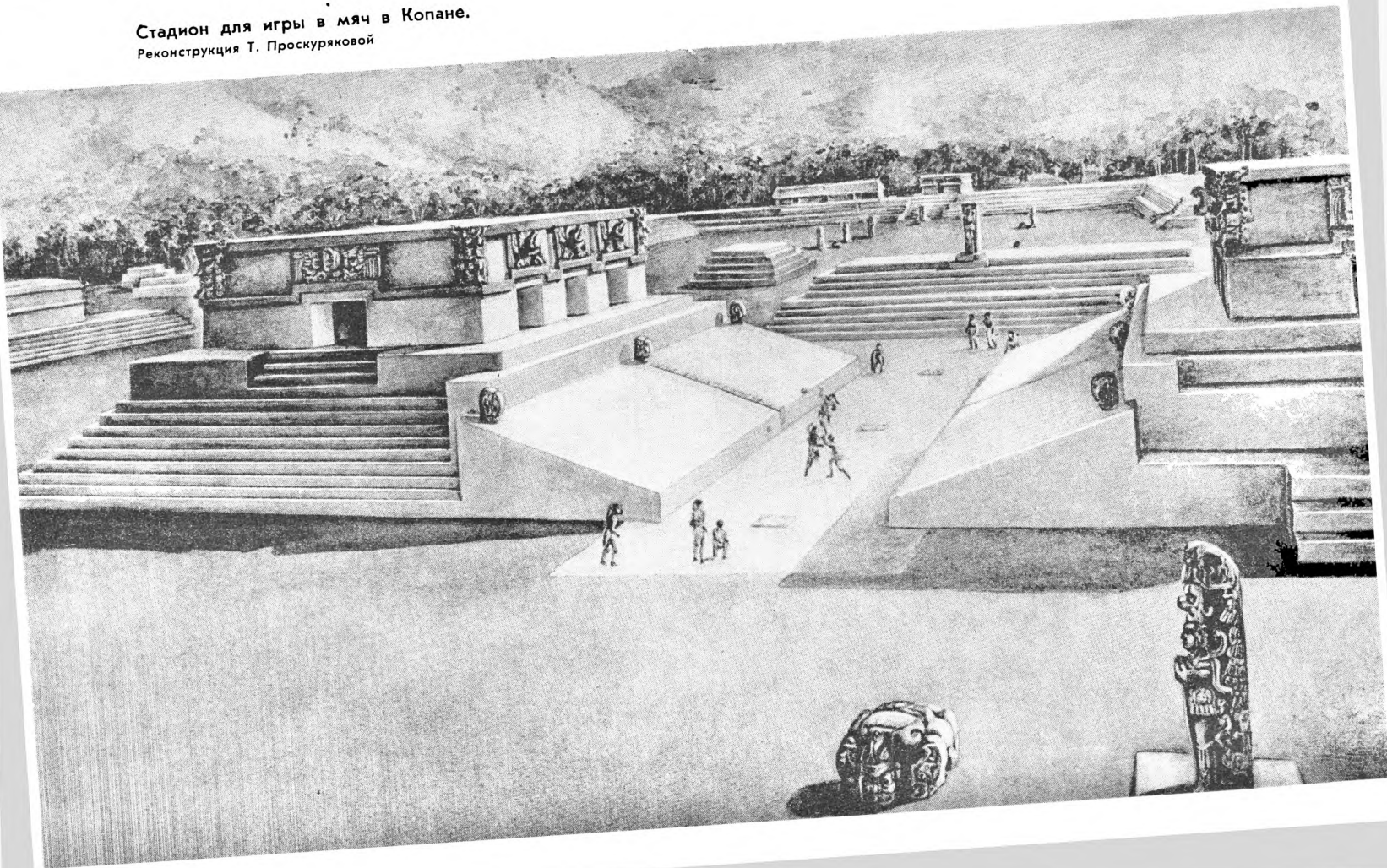
Древнейший известный нам майяский стадион для игры в мяч был раскопан в Копане. Он представляет собой узкую полосу земли, покрытую штукатуром, по длинным сторонам которой расположены две невысоких пирамиды, увенчанные зданиями. Стороны пирамид, обращенные к игровой площадке, оформлены в виде гладкой наклонной плоскости; у верхнего края каждой помещено по три выступающих, вертикально укрепленных скульптурных изображений головы попугаев, служивших, очевидно, какими-то метками при игре. На полу площадки также имелись такие метки в виде вделанных в штукатурку каменных, покрытых рельефами квадратных или круглых плит. По ним, очевидно, отмечалось положение игрока на поле во время игры. Здания на вершинах пирамид были посвящены божествам игры; площадки перед ними представляли собой удобные места для зрителей (см. реконструкцию копанского стадиона, сделанную Т. Проскураковой).

В горных областях Гватемалы и Южной Мексики в классический период господствовал несколько иной тип стадиона для игры в мяч. Он имел овальную форму и был окружен со всех сторон стеной. Вделанных в пол плит там нет, очевидно, метки просто рисовались на гладком белом штукатуре. Скульптурные изображения змеиных и человеческих голов, служившие метками, в стадионах этого вида помещались не вертикально, а горизонтально.

В поздний период, начиная с X в., появляется новый тип стадиона. Игровая площадка уже не расположена на уровне земли, как в старых, а углублена на несколько метров в почву; поэтому она снабжается сложной системой дренажа. Стены из наклонных становятся вертикальными, в них укрепляются круглые каменные диски с отверстием, через которое должен пройти мяч. Форма стадиона приобретает очертания римской единицы I, в поперечных черточках которой собираются перед игрой команды, а в вертикальной — идет игра.

¹⁷ J. de Torquemada. Primera Parte de los Viente i un Lidros rituales i Monarquia Indiana. Madrid, 1723, p. 552—554. Cp. D. Duran. Historia de las Indias de Nueva España y Islas de «Tierra Firme», vol. II, cap. 101. México, 1881.

Стадион для игры в мяч в Копане.
Реконструкция Т. Проскураковой

Именно такой стадион описан в приведенном выше испанском сообщении.

Эти типы сооружений оставались основными во все время классического периода майя; изменения в них сводились в сущности лишь к изменениям пропорций между отдельными частями построек, к варьированию планов зданий или к различиям в украшении фасадов. Тем не менее эти различия позволили майя создать целый ряд глубоко индивидуальных зданий, являющихся замечательными архитектурными памятниками.

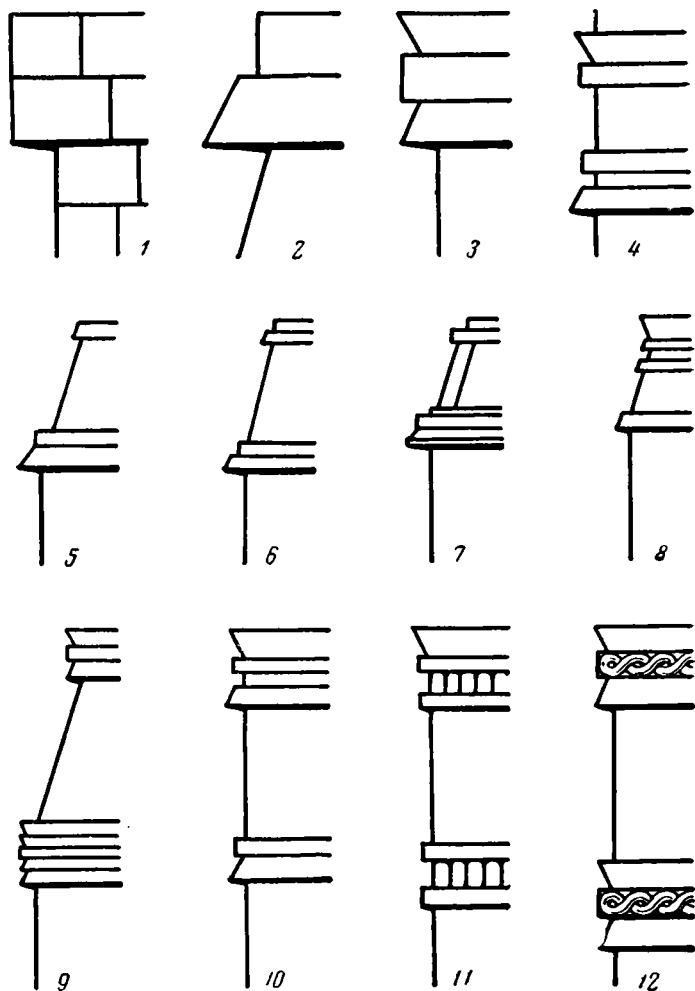
Очень многие здания майя неоднократно перестраивались, изменялся их план, пристраивались новые помещения и т. д. Часто использовались скульптурные и архитектурные детали от старых построек при сооружении новых; старые здания, вероятно, при этом разрушались.

Стены майяских построек обычно представляли собой грубую смесь каменного щебня и земли, цементированную известкой, добывавшейся из известняка при помощи обжига. Эта основа облицовывалась или тесаным камнем или штукатуром. Стены, сложенные сплошь из камня, встречаются очень редко. Особенно хорошо выполнены стены построек Копана; облицовочные камни в форме прямоугольных блоков приблизительно равной величины уложены в строгом порядке. Соединения в первом ряду перекрыты блоками во втором ряду и т. д.; угловые камни образуют простейшую замковую систему¹⁸. Стены построек в Тикале, Йашчилане, Паленке и других городах представляют собой сочетание известняковых, неправильной формы плит, помещенных в толстый слой известки. Выступавшие части камней скалывались, а затем все покрывалось штукатуром, закрывавшим выступы и углубления стены. О сооружении пирамид и платформ, поддерживавших здания, уже говорилось выше.

Стены, террасы пирамид и края платформ часто украшались карнизами разнообразной формы. Наиболее простые его виды свойственны городам в южной части территории майя; к северу они все более совершенствуются и усложняются. Так, в копанских постройках карниз состоит просто из двух несколько выступающих рядов камня. На рис., заимствованном из указанной выше работы Г. Дж. Спиндена¹⁹, показаны основные типы карнизов в майяских постройках (см. рис. на стр. 47).

¹⁸ H. J. Spinden. A Study of Maya Art, its subject matter and historical development.— «Memoirs of the Peabody Museum of American Archaeology and Ethnology, Harvard University» (далее — МРМ), vol. VI. Cambridge, 1913, p. 107.

¹⁹ Ibid., p. 114, fig. 150.

Основные типы карнизов в памятниках архитектуры майя:

1. южная область, 2. область Усумасинты, 3. северная область, 4. Чичен-Ица, 5—7. Паленке, 9—10. Чичен-Ица, 11. Лабна, 12. Чакмультун. (По Г. Дж. Спиндену.)

Дверные проемы в зданиях майя имели так называемую при-толоку (анг. lintel, исп. dintel) — большую каменную плиту или несколько отесанных стволов дерева сапоте, укладывавшихся на косяки. Их основной задачей было поддерживать вес отрезка стены, находившейся над дверным проемом. Как правило, при-толки украшались рельефами, хотя они располагались так, что рассмотреть их было нелегко. Использование свода над внешним входом было очень редким явлением; насколько мне

известно, оно встречается только в Паленке²⁰. Дверей в постройках майя не было; в древности, очевидно, их роль выполняли занавесы или циновки. Окон в нашем понимании в зданиях майя также не было; лишь изредка в отдельных зданиях имеются небольшие отверстия прямоугольной или Т-образной формы. В Паленке обнаружены, кроме того, небольшие круглые отверстия в срединных стенах, расположенные у основания сводов.

Фасады всех зданий майя обильно украшены. Особенно пышно украшалась верхняя часть фасада, вне зависимости от того, была ли она наклонной или вертикальной; обычно это были барельефы, выполненные в камне или штукатурке. Иногда, как, например, в Паленке, такие рельефы имелись и в нижней части здания. Однако украшение построек скульптурой не ограничивалось только фасадами; рельефами и круглой пластикой украшались и другие части здания платформы, монументальные лестницы и др. Особенно широкое применение круглой скульптуры заметно в Копане, в то время как Паленке известен своими штукатурными рельефами. Наконец, следует учитывать, что стелы и алтари у майя ставились также в связи с зданиями и образовывали таким образом некий общий ансамбль.

Планировка майяских городов²¹ в сильной степени зависела, конечно, от естественных условий; на равнинах и в широких речных долинах строителей почти ничто не связывало, а в западной части территории майя, например, города обычно были сжаты горами и реками. Однако все же можно заметить определенные общие закономерности. Своеобразной начальной «единицей» майяского города являлась площадь, окруженная постройками, т. е. храмовыми пирамидами и дворцами. Ансамбль нескольких таких комплексов, расположенных иногда на довольно значительном расстоянии друг от друга, и образовывал город.

Говорить о сознательном планировании всего города как единого целого, конечно, не приходится; древние города росли постепенно, но можно предполагать, что создатель каждой новой постройки учитывал, как она будет выглядеть в общем ансамбле.

²⁰ A. P. Maudslay. *Biologia Centrali-Americana, or contributions to the knowledge of the flora and fauna of Mexico and Central America. Archaeology*, vol. IV. London, 1889—1892, plate 5.

²¹ W. R. Bullard Jr. *Maya Settlement Pattern in northeastern Peten, Guatemala*.—«*American Antiquity*», vol. 25, № 3, 1960, p. 355—372; G. R. Willey. *Problems concerning Prehistoric Settlement Patterns in the Maya Lowlands*.—«*Prehistoric Settlement Patterns in the New World*», ed. G. R. Willey, p. 107—114 (Viking Fund Publications in Anthropology, № 23). New York, 1956; R. M. Adams. *Changing patterns of territorial organization in the Central Highlands of Chiapas, Mexico*.—«*American Antiquity*», vol. 26, № 3, p. 341—360.

ле. Этим и объясняется то обстоятельство, что современного исследователя часто поражает уравновешенность отдельных частей поселения между собой и их гармоничные сочетания. Немалую роль играл и цветовой контраст между постройками и окружающей природой. Покрытые белым или алым штукатуркой стены зданий на фоне голубого неба или ярко-зеленой тропической растительности должны были производить на зрителя сильное впечатление.

В ряде случаев центром города являлся естественный или искусственный холм, служивший своеобразным акрополем, вокруг которого группировались постройки. Наиболее характерный пример такой планировки представляет собой Копан с его центральным комплексом, высившимся на огромном холме. Вокруг него расположены группы других зданий; заметен определенный порядок и продуманность в их расположении, но строгой ориентации по странам света не имеется. Использование одного большого холма или нескольких как несущей основные здания платформы характерно для многих городов гватемальского департамента Петен: Тикаля, Накума, Ла Ондрадес, Наранхо и др. Практически то же самое мы имеем в планировке Паленке, Комалькалько, Тонина и Киригуа. Йашчилан и Пьедрас Неграс представляют собой несколько иную картину; они расположены в узких речных долинах, края которых были искусственно выровнены. На образованных террасах и были воздвигнуты здания, возвышавшиеся одно над другим. Строгая ориентация по странам света встречается сравнительно редко, например в Сейбале, и была, очевидно, довольно поздним явлением²². Следует также упомянуть о специальных ансамблях некоторых построек, служивших астрономическим целям, как, например, в Вашактуне²³.

О характере города древних майя высказывалось немало предположений. В последнее время среди зарубежных исследователей возобладало мнение, что города эти являлись в действительности культовыми центрами, в которых жили только жрецы. Знать, правители и трудящееся население селились небольшими обособленными группами в легких деревянных постройках вдали от городов и стекались туда лишь в дни больших религиозных церемоний²⁴. Несколько иной точки зрения

²² Реконструкции общего вида нескольких майяских городов и отдельных зданий в них даны в кн.: T. Proskouriakoffa. An Album of Maya Architecture.—Carnegie Institution of Washington Publication, № 558. Washington, 1946.

²³ K. Ruppert. A Special Assemblage of Maya Structures—«Maya and their Neighbours». New York, 1940, p. 222—231.

²⁴ S. G. Morley, G. W. Brainerd. Op. cit., p. 261; J. E. S. Thompson. Op. cit., p. 67; H. D. Disselhoff. Geschichte der altamerikanischen

придерживается американский исследователь Майкл Д. Ко, основывавшийся на материалах, полученных при раскопках недавно обнаруженной могилы правителя или верховного жреца в «Храме надписей» в Паленке. Он считает все древние города майя гигантскими архитектурными комплексами, посвященными заупокойному культу похороненных там правителей. В этих огромных некрополях, говорит он, вообще никто никогда не жил²⁵.

Нет сомнения, что обе высказанные гипотезы страдают известными преувеличениями. Бесспорно, что в любом большом городе майя имелись и специальные храмы, посвященные заупокойному культу того или иного выдающегося правителя, и целые священные участки, состоявшие только из зданий культового назначения. Однако существование таких участков вовсе не исключает, а скорее требует наличия рядом с ними жилых построек в едином городском комплексе. Аналогии этому представляют не только города древнего Востока, но и более поздние города на территории Мексики и Гватемалы, как, например, Теночтитлан, Тескоко, Кумаркаах и др. Кроме того, зарубежные ученые не дают точного определения, что же собственно считать городом и что загородными поселениями. Известно, что развалины многих крупных городов майя тянутся иногда на несколько километров (так, например, центральная часть Копана занимает площадь около 24 кв. км). Поэтому возможно допущение, что отдельные исследователи называют священный участок городом, а жилые части последнего (также имевшие свой меньшего размера храмы) — отдельными поселениями. В равной степени справедливо было бы говорить об Афинах эпохи Перикла как о городе, в котором никто не жил (постройки Акрополя), а всю остальную жилую часть города считать соседними поселениями. Думается, что производимые в настоящее время раскопки Тикаля внесут полную ясность в данный вопрос. Наконец, следует учитывать и специфику сельского хозяйства майя, несомненно, находившую отражение в растянутости так называемых пригородов. Более серьезные выводы о социальной структуре древнего общества майя и о влиянии ее на городскую планировку можно будет получить лишь из эпиграфических материалов.

Kulturen. München, 1953, S. 115, 125 и др.; G. W. Brainerd. Changing living patterns of the Yucatan Maya.— «American Antiquity», Salt Lake City, vol. 23, 1956, p. 413; G. R. Willey. The Structure of Ancient Maya Society; Evidence from the Southern Lowlands.— «American Anthropologist», vol. 58. № 5. Menasha, 1956, p. 777—782.

²⁵ M. D. Coe. The Funerary temple among the Classic Maya.— «Southwestern Journal of Anthropology», Albuquerque, vol. 12, 1956, p. 378—394; idem. The Khmer settlement pattern; a possible analogy with that of the Maya.— «American Antiquity», Salt Lake City, vol. 22, № 4, p. 409—410.

Число памятников майяской архитектуры совершенно необозримо. Обычно исследователи пытаются дать общее представление о них, произвольно выхватывая то или иное здание из архитектурного комплекса одного города, затем — другую постройку из второго и т. д. Думается, что неудачность обзора такого типа достаточно ясна: она не дает представления ни о художественных достоинствах памятников, ни об историческом развитии архитектуры в рассматриваемый период. Поэтому представляется более правильным ограничиться здесь детальным ознакомлением с несколькими наиболее крупными и интересными с точки зрения развития архитектуры городами майя: Тикаль и Вашактун на территории современной Гватемалы, Паленке — в Мексике и, наконец, Копан и тесно связанный с ним Киригуа — на территории республики Гондурас, представляющие собой национальную гордость этих стран.

Свой выборочный обзор архитектурных памятников майя классического периода мы начнем с группы городов, находящейся в центральной части Петена. Имеющиеся археологические данные позволяют считать эту группу наиболее древней. До последнего времени самым древним городом в данной группе считался Вашактун, так как там была найдена наиболее ранняя по дате стела, хотя уже тогда многие исследователи указывали, что в действительности древнейшим из всех майяских городов является Тикаль. Теперь, после того как в последнем была обнаружена стела с самой ранней датой майя, эти предположения получили решающее подтверждение. Однако наш обзор предпочтительнее все же начать именно с Вашактуна: он более исследован археологически²⁶, хотя и не был в древности

²⁶ O. G. Ricketson Jr. and E. B. Ricketson. Uaxactun, Guatemala. Group E 1926—1931.— «Carnegie Institution of Washington Publication» (далее CIWP), № 477. Washington, 1937; L. A. Smith. Structure A-XVIII., Uaxactun. «Contributions to American Archaeology», vol. IV, № 20.— CIWP, № 483, p. 1—27. Washington, 1937; R. E. Smith. A Study of Structure A-1 Complex at Uaxactun, Peten, Guatemala. «Contributions to American Archaeology», vol. III, № 19 — CIWP, № 456, p. 189—230. Washington, 1937; A. L. Smith. Uaxactun, Guatemala: Excavations of 1931—1937.— CIWP, № 588, Washington, 1950; S. G. Morley. The Inscriptions of Peten.— CIWP, № 437, vol. 1, p. 134—247.

Подавляющее число работ по археологии майя принадлежит ученым США. Раскопки древних майяских городищ, находящихся в труднодоступных местностях, среди непроходимых тропических зарослей, сопряжены с крупными материальными расходами на авиаразведку, транспорт, корчевку леса, большие земляные работы и др. Государства, на территории которых находятся археологические памятники майя, не были в состоянии выделить на эти исследования необходимые средства. Поэтому изучение майяской археологии долгое время было сосредоточено почти исключительно в руках североамериканских ученых, рабо-

особенно крупным политическим или религиозным центром. Эти раскопки позволили не только представить себе город в период его расцвета, но и воссоздать различные этапы его развития.

Вашактун находится в небольшой долине; развалины его расположены на нескольких сравнительно невысоких холмах с искусственно сглаженными вершинами, на которых были воздвигнуты группы зданий. Всего таких групп восемь; по существующей среди американских археологов практике они получили при раскопках буквенные обозначения: группа А, В и т. д. Каждому зданию в такой группе был дан свой порядковый номер, обозначаемый римскими цифрами. Таким образом, здание В-ХVII — это семнадцатая по счету постройка, открытая в группе В и т. п.

Центральная часть древнего города, выстроенная на самом большом холме, занимает площадь около 10 га; она делится на две большие группы зданий, сконцентрированных вокруг двух площадей, и тринадцать или четырнадцать меньших групп²⁷. Самой древней частью Вашактуна являются, однако, не эти группы (А и В), а группа Е, открытая в 1922 г. и состоящая из одиннадцати зданий. Именно в ней в 1927 г. был обнаружен древнейший (из всех пока известных нам) памятник архитектуры майя. Когда при раскопках была вскрыта пирамида Е-VII, то внутри нее оказалась заключенная, как ореховое ядро в скорлупе, другая, более древняя пирамида. Она получила обозначение Е-VII sub. В дальнейшем изложении нам не раз придется сталкиваться с подобными же строительными методами; очень часто древние архитекторы Мексики и Центральной Америки вместо того, чтобы ломать старое здание, довольствовались тем, что покрывали его со всех сторон толстым слоем штука, превращая его, таким образом, в базу или фундамент для нового. Благодаря этому древнейшее здание майя сохранилось в почти неприкосновенной форме.

та которых финансировалась Институтом Карнеги в Вашингтоне, Музеем Пенсильванского университета в Филадельфии, Музеем Пибоди при Гарвардском университете и другими государственными учреждениями и частными фондами. Такая щедрая трата средств обуславливалась, конечно, не только научным интересом к историческому прошлому народов Центральной Америки, но и преследовала укрепление в этих странах экономических и политических позиций США. Не случайно в финансировании раскопок принимала участие даже «Объединенная фруктовая компания» (см. Р. В. Кинжалов. Новые работы по истории и культуре племен майя. — «Советская этнография», № 2, 1949, стр. 235 сл.). Археологи, производившие раскопки, часто вывозили в США наиболее значительные и ценные памятники древней культуры майя, являвшиеся национальным достоянием Мексики, Гватемалы, Гондураса.

²⁷ См. реконструкцию этой части Вашактуна в период его расцвета в указанной выше работе Т. Проскуряковой, табл. 36.

Постройка E-VII sub представляет собой небольшую почти квадратную в плане пирамиду из четырех уступов, облицованную сперва крайне грубо отесанным камнем, положенным горизонтально, после чего эта облицовка была покрыта толстым слоем белого штукатурки. Со всех четырех сторон пирамиды к ее вершине ведут лестницы, достигающие, однако, только третьего уступа; с него на последний идет уже одна. Лестницы расчленены на неравные части восемнадцатью штукатурными масками, размером каждая около квадратного метра. Этим масок, однако, в сущности только две: одна из них изображает стилизованную змеиную голову, другая — маска божества, причудливо сочетающая черты человеческого лица и оскаленную морду рычащего ягуара. Каждая из этих масок повторяется по нескольку раз. На вершине пирамиды каменного храма не было, но четыре углубления, расположенные по углам верхней площадки, указывают, возможно, на существовавшее там некогда небольшое деревянное здание или по крайней мере что-то вроде крыши, опиравшейся на четыре столба. Примечательной чертой этой постройки является неравномерность ее пропорций. Углы пирамиды не соответствуют друг другу, верхний уступ сзади выше, чем спереди и т. п. Все это свидетельствует, конечно, о древности постройки и о еще малых архитектурных знаниях ее строителей.

Пирамида E-VII sub (см. рис. на стр. 57) значительно отличается от других более поздних построек майя. Это обстоятельство позволило некоторым исследователям называть ее не майяской или не чисто майяской. Однако чуждое влияние заметно здесь лишь в элементах скульптурного оформления — трактовке масок, действительно близких к некоторым скульптурным памятникам классических ольмеков. Во всем остальном — это, конечно, майяский архитектурный памятник и отличия его от позднейших объясняются лишь его древностью. В этой связи следует отметить, что близкие по стилю штукатурные маски найдены в последнее время на ряде ранних зданий Тикаля.

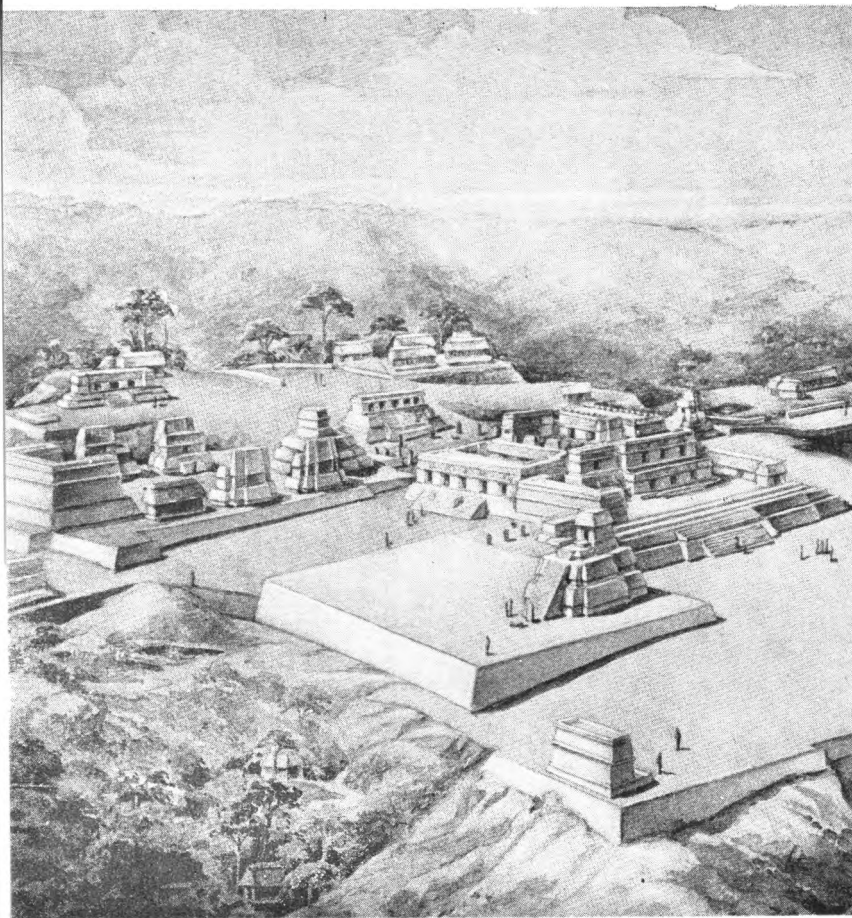
Другой интересной особенностью группы E является наличие в ней специального архитектурного комплекса (в зарубежных исследованиях он не совсем правильно называется обсерваторией), предназначенного для определения переломных точек времен года. Особенности древнемайяского земледелия требовали точного календаря, по которому могли бы вестись сельскохозяйственные работы, — отсюда и столь распространенные у майя астрономические наблюдения. Данный архитектурный комплекс был построен следующим образом. На западной стороне центральной площади была воздвигнута пирамида E-VII, которая была обращена строго на восток. Напротив нее, на восточной стороне той же площади, находилась большая

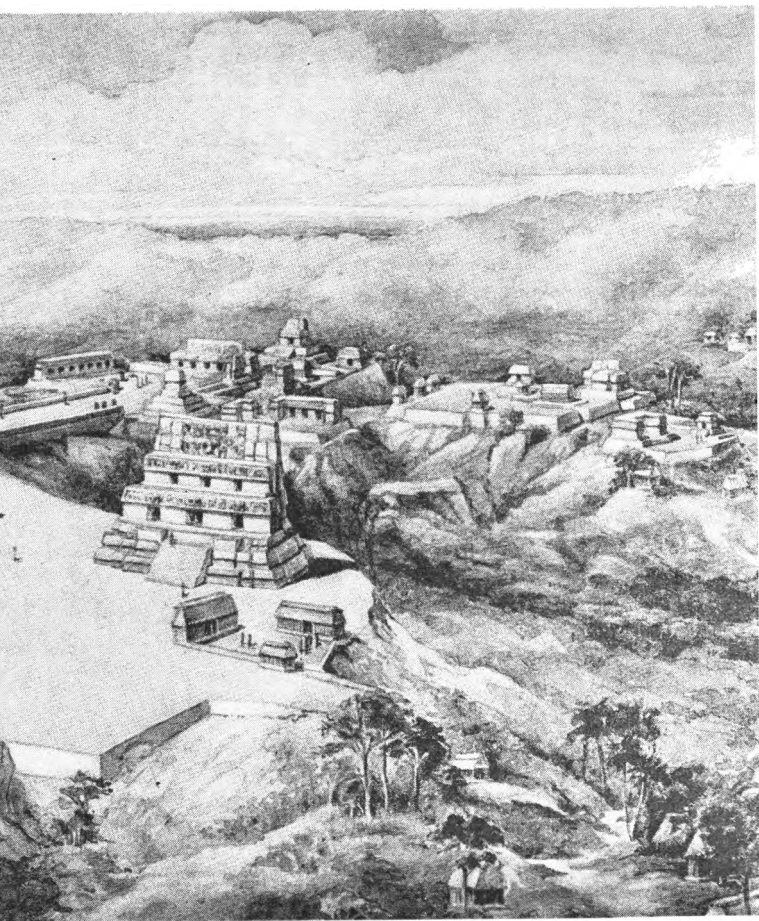
вытянутая платформа с тремя храмами (Е-I, Е-II и Е-III) на ее верхней площадке. Храмы эти были построены с таким расчетом, чтобы для наблюдателя, стоявшего на вершине пирамиды Е-VII прямо напротив стелы 20, укрепленной внизу около лестницы, солнце в день летнего солнцестояния 21 июня появилось бы у левого (северного) угла храма Е-I, а в день зимнего солнцестояния — 21 декабря — у правого (южного) угла храма Е-III. В дни весеннего и осеннего равноденствий — 21 марта и 21 сентября — солнце всходило для наблюдателя прямо над центром крыши среднего храма Е-II. Более ясное представление о расположении отдельных частей этого комплекса и об их взаимоотношении друг с другом можно составить из прилагаемого схематического рисунка (см. стр. 61). Подобные сооружения были открыты и в других городах майя классического периода после того, как при раскопках Вапактуна был выяснен принцип их расположения.

Примером большого здания, — возможно, резиденции правителя города, так как это самая крупная постройка в Вапактуне, — может являться здание А-XVIII. Оно расположено на платформе в 6 м высоты, в которой обнаружены маленькие сводчатые крипты с погребениями. Само здание, имевшее 29 м в длину, было двухэтажным. Первый этаж, состоявший из одиннадцати комнат, имел в своем фасаде три дверных проема; по бокам и сзади здания входов не было. Из первого, просторного помещения посетитель проникал в среднее, а затем и в заднее, из которого двери вели в небольшие боковые комнаты. В одной из последних находилась лестница, ведущая на второй этаж, который имел только семь комнат. Все помещения, кроме переднего, не имели никаких источников дневного света и поэтому были сырыми и темными.

Самым грандиозным древним городом майя в низменной части Гватемалы, а возможно, и вообще самым большим древнемайяским поселением, является, конечно, Тикаль. Но, к сожалению, именно эта грандиозность развалин долгое время препятствовала его тщательному научному исследованию. Хотя он был известен с 1848 г. (не считая отдельных указаний в испанских источниках XVII в., очевидно, относящихся к нему), ознакомление с памятниками Тикаля имело весьма предварительный характер. Большим затруднением при исследованиях, кроме размеров городища, была и удаленность его от современных жилых центров, нездоровый климат и буйная тропическая растительность, трудности пути и, наконец, отсутствие воды. Только в самые последние годы музей Пенсильванского университета совместно с гватемальским правительством предпринял там серьезные археологические работы, рассчитанные на десятилетний период. Вся окружающая Тикаль территория

Общий вид Вашактуна.
Реконструкция Т. Проскуряковой

размером в 576 кв. км объявлена национальным археологическим заповедником. Однако подлинные археологические исследования города еще только начинаются. Поэтому все наши выводы и описания памятников Тикаля имеют сугубо предварительный характер²⁸.

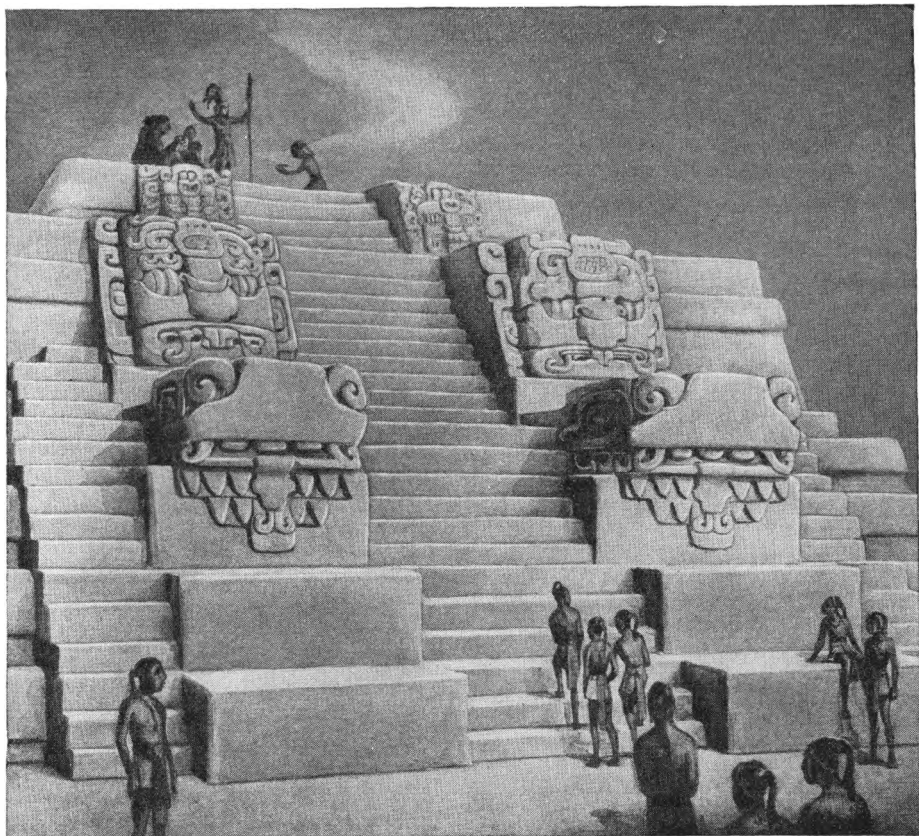
Мы не знаем даже точных размеров Тикаля, потому что подробная карта его развалин в настоящее время только составляется. Во всяком случае его центр занимает площадь около 16 кв. км, а с каждым экспедиционным сезоном открываются все новые группы построек. Несомненно, что все городище занимало значительно большее пространство.

Тикаль расположен в самом сердце Петена, на севере долины Холмуль. Центральная часть его развалин делится на девять групп (А-I), из которых наиболее значительной является группа А (см. схематический план на стр. 63). Она построена на искусственно выровненной узкой возвышенности, находящейся между двумя (северной и южной) лощинами. Эта группа, являвшаяся, очевидно, святой святых древнего города, состоит из двух храмов, расположенных на западной (храм II) и восточной (храм I) стороне центральной площади, большого комплекса строений на южной ее стороне (здания А-16, А-17, А-18, А-20, А-21, А-22) и зданий А-32, А-33, А-34 и А-35 на северной. В этой группе имеется большое количество стел и алтарей, образующих со зданиями единый комплекс.

Узкая на небольшой насыпи дорога пересекает южную лощину и соединяет группу А с группой В, находящейся на небольшом выступе, вдающемся в южную лощину. Наиболее значительными зданиями в этой группе являются храм V и двухэтажное здание В-4, насчитывавшее некогда 42 комнаты.

Группа С лежит непосредственно к западу от группы В. Так же, как и другие группы, она состоит из нескольких площадей, окруженных зданиями, часть которых имеет явно выраженный

²⁸ A. P. Maudslay. Op. cit., t. III, табл. 68—82; T. Maler. Explorations in the Department of Peten, Guatemala. Tikal. Report of Explorations for the Museum.—MPM, t. V, № 1, 1911; A. M. Tozzer. A Preliminary Study of the Prehistoric Ruins of Tikal, Guatemala. A Report of the Peabody Museum Expedition, 1909—1910.—MPM, t. V, № 2, 1911; S. G. Morley. The Inscriptions of Peten.—CIWP, № 437, t. I, 1938, p. 266—382; E. M. Shook. Investigaciones Arqueologicas en las ruinas de Tikal, Departamento de El Peten, Guatemala.—«Antropologia e Historia de Guatemala», t. 3, № 1, Guatemala, 1951, p. 9—32; H. Berlin. El Templo de las Inscripciones VI de Tikal.—«Antropologia e Historia de Guatemala», t. 3, № 1, Guatemala, 1951, p. 33—54; The Tikal Project.—«University Museum Bulletin», t. 21, № 3. Philadelphia, 1957; E. M. Shook, W. R. Coe and V. L. Broman, L. Satterthwaite. Tikal Reports Numbers 1—4.—«Museum Monographs, The University Museum». Philadelphia, 1958; E. M. Shook. Tikal Stela 29.—«Expedition», t. 2, № 2, Philadelphia, 1960, p. 28—35.

Пирамида E — VII в Вашакуне.

Реконструкция Т. Проскуряковой

жилой характер. Интересна большая пирамида С-66, занимающая центр одного из дворов или площадей. Широкая лестница, расположенная по одной из ее сторон, ведет на вершину, на которой не было воздвигнуто никакого здания, так как она совершенно свободна от обломков. Размеры пирамиды значительны: длина основания достигает 7 м, а высота — 20 м. О назначении этой постройки остается лишь гадать; данное ей Т. Малером²⁹ название «погребальной пирамиды» ни на чем не основано. В северной части этой же группы обнаружен недавно стадион для игры в мяч.

Группа D является одним из самых интересных с архитектурной точки зрения комплексов Тикаля, так как в ней

²⁹ Т. Maler. Op. cit., p. 47, 55.

находятся два больших пирамидальных храма (III и IV). Другие здания этой группы представляют собой, очевидно, меньшие святилища и дома, в которых жили жрецы, обслуживавшие два больших храма, — предположение, высказанное еще Т. Малером и поддержанное позднее С. Г. Морли³⁰. В рассматриваемой группе имеется еще одно интересное сооружение (D-72), условно называемое исследователями «комплекс пирамид-близнецов». Оно состоит из двух небольших пирамид с лестницами на всех четырех сторонах, с плоскими вершинами без следов каких-либо зданий. Они ограждают с двух сторон небольшой двор; с третьей стороны его находится длинное каменное здание на низкой платформе, а напротив него так называемая ограда, к характеристике которых мы еще вернемся. От одного из углов платформы, на которой воздвигнут храм IV, в северо-восточном направлении отходит широкая приподнятая дорога, связывающая группу D с выдвинутой от основного массива на север группой H.

Группа E, связанная с центральной группой A широкой дорогой, одновременно являющейся дамбой для части северной долины, не имеет каких-либо особо выдающихся архитектурных памятников. Примечательны встречающиеся в ней небольшие (13 × 8 м) прямоугольные ограды из гладко отесанного камня, внутри которых обычно находится стела и алтарь (постройки E-81, E-86 и др.). Л. Саттертуэйт и Ф. Рэйни связывают эти ограды с так называемыми пирамидами-близнецами³¹ и считают, что они были посвящены культу богов «двадцатилетий»³². Подобные же постройки имеются и в других группах (комплексы D-72, H-95 и др.). Возможно, что дальнейшие археологические исследования прольют свет на эти пока загадочные сооружения. От северной части группы E, пересекая северную долину, идет значительно поднятая дорога, продолжающая такую же между группами A и E; она связывает группу E с группой H.

Группы F и G были, по всей видимости, комплексами жилых зданий. F представляет собой четыре здания, ограничивающие прямоугольный двор. Два из них (F-74 и F-77) большого размера; остальные два (F-75, F-76) — меньшего. Все вместе они имели около пятидесяти помещений. Никаких стел и алтарей в этой группе не найдено, что служит косвенным подтверждением жилого характера этих зданий. Наиболее значительным зданием

³⁰ S. G. Morley. Op. cit., t. I, p. 273—274.

³¹ L. Satterthwaite Jr. Maya dates on stelae in Tikal «enclosures». — «University Museum Bulletin», vol. 20, № 4, Philadelphia, 1956, p. 25—40.

³² «Tikal Reports Numbers 1—4». Philadelphia, 1958, p. 9—11.

в группе G является постройка G-1, представляющая замкнутый вокруг двора прямоугольник. Восточная сторона ее имела два этажа. Фасады здания имели некогда богатые штукковые фризы, от которых в настоящее время остались лишь незначительные фрагменты. Так же, как и в предыдущей группе F, здесь не было найдено никаких культовых памятников.

Группа H была обнаружена всего несколько десятилетий назад одной из разведочных археологических экспедиций Института Карнеги. Как уже указывалось выше, она связана дорогами с группами D и E. Все ее здания находятся на прямоугольной платформе 150 м ширины и 200 м длины. Наиболее величественным зданием этой группы является пирамида H-90, увенчанная трехкомнатным храмом на ее вершине. Лестница его обращена на юг, т. е. стоящий на ней смотрит на группы E и A. У подножья этой пирамиды, с ее фасадной стороны, — два небольших пирамидальных сооружения H-91 и H-92, находящиеся по бокам первого пролета лестницы. Кроме этого здания, интересен длинный, вытянутый точно с севера на юг холм, скрывающий остатки здания H-99. В этой группе имеется значительное количество стел и алтарей.

Последняя группа I была обнаружена Антонио Ортисом только в 1951 г. Она представляет собой большую платформу, на которой был воздвигнут храм VI и сопровождающие его стелы и алтари. Эта группа соединена с группой G мощной дорогой около километра длиной.

В настоящий момент мы еще не в состоянии представить себе Тикаль как единое целое. Только тщательные археологические исследования помогут выяснить назначение и функции отдельных зданий, роль периферийных центров и их взаимоотношения с центральной частью, количество населения и его размещение в отдельных районах и группах, вероятные причины возвышения Тикаля в ранний и поздний этапы классического периода и его упадка в промежуточном этапе. Однако кое-что выяснилось уже в первые раскопочные сезоны. Так, например, долгое время оставалось загадкой, где жители такого большого города, как Тикаль, брали воду. Как известно, в окрестностях его не имеется ни рек, ни озер. В последние годы экспедициями были обнаружены остатки больших, искусственно созданных резервуаров, дно которых было покрыто каменными плитами. Очевидно, в них хранилась вода, собиравшаяся во время сезона дождей. И в настоящее время археологи пользуются водой одного из таких резервуаров, правда, дистиллируя ее при помощи перегонного куба.

Наиболее величественными архитектурными памятниками Тикаля, конечно, являются его шесть больших храмов. Все они очень высоки, но имеют сравнительно небольшие основания,

благодаря чему напоминают по внешним очертаниям скорее башни, чем пирамиды. Обзор этих сооружений мы начнем с храма V, находящегося в группе B, так как он, по нашему мнению, является если не самым древним из этих зданий, то во всяком случае наиболее архаичным по плану и другим особенностям сооружения.

Храм V воздвигнут на невысокой (2 м) платформе; фасад здания обращен почти точно на север. Пирамидальная база в 35,5 м высоты имеет девять уступов, из которых нижние восемь снабжены сложной профилировкой, а девятый, верхний, имеет гладкие наклонные плоскости. Длина первого уступа (не стилобата) равна 55 м, ширина, судя по плану, значительно меньше (около 48 м, точных размеров в опубликованных отчетах не имеется). Лестница, поднимающаяся по северному склону пирамиды, имеет у основания ширину в 20 м, но к вершине несколько суживается.

Само здание воздвигнуто на стилобате со слегка наклоненными стенками, имеющем 1,25 м высоты спереди и 1,95 м сзади. Такая неравномерность уровня напоминает вершину пирамиды E-VII sub в Вашактуне, также поднимающуюся к заднему своему концу. В центре передней (северной) стороны стилобата имеется небольшая лестница, ведущая к двери святилища. Здание имеет 22,7 м длины и 7,9 м ширины; единственная комната, находящаяся в нем, очень невелика: 4 м длины, 0,82 м ширины и 4,8 м в высоту. Дверной проем сравнительно велик — 2,18 м ширины и 2,28 м в высоту.

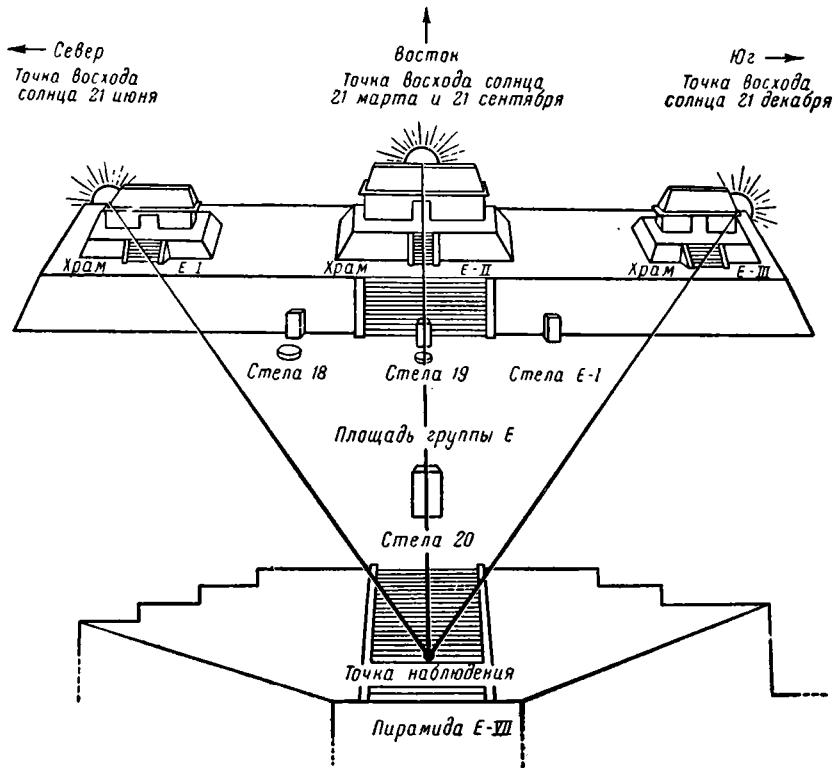
Индивидуальной особенностью всех больших храмов Тикаля, в том числе и храма V, являются притолоки из больших бревен сапоте; во всех остальных храмах большинство притолок украшено рельефами, но притолока храма V состоит из девяти гладко обструганных бревен без всяких украшений. Большая часть тикальских притолок с рельефами была выломана или увезена в различные музеи (Базель, Лондон, Нью-Йорк) или вообще пропала, так что в настоящее время в развалинах храмов сохранились лишь незначительные их остатки. Одной из задач экспедиции Пенсильванского университета является реконструктивное восстановление храмов; недостающие притолоки будут заменены копиями с них³³.

Фриз здания сохранился очень плохо; по мнению Т. Малера, там было изображено пять гигантских лиц³⁴.

На плоской крыше храма находится своеобразное сооружение, обычно именуемое в археологической литературе кровельным гребнем. Оно состоит из четырех сходящихся наверху под

³³ «Tikal Reports 1—4», p. 14—15.

³⁴ T. M a l e r. Op. cit., p. 50.

Схематический план астрономического комплекса
в Вашактуне. По С. Г. Морли

острым углом стен, так что внутри образуются пустоты, подобные крошечным комнатам. Внешне такие сооружения в Тикале выглядят как узкие высокие пирамиды. Экспедиция под руководством М. Тоззера в 1910 г. вскрыла в кровельном гребне храма V две такие комнатки. Очевидно, наличие их было вызвано желанием строителей по возможности уменьшить вес надстройки, давившей на здание. Так как часть сооружения разрушена, то можно предполагать, что некогда в этом кровельном гребне имелось не две, а четыре комнатки, разделенные на два этажа. Никакого конструктивного значения такие надстройки не имели и служили лишь для увеличения общей высоты здания. Так, высота здания храма V от уровня платформы до современной вершины кровельного гребня составляет 21,8 м, а все сооружение (включая пирамидальную базу) имеет высоту в 57,3 м.

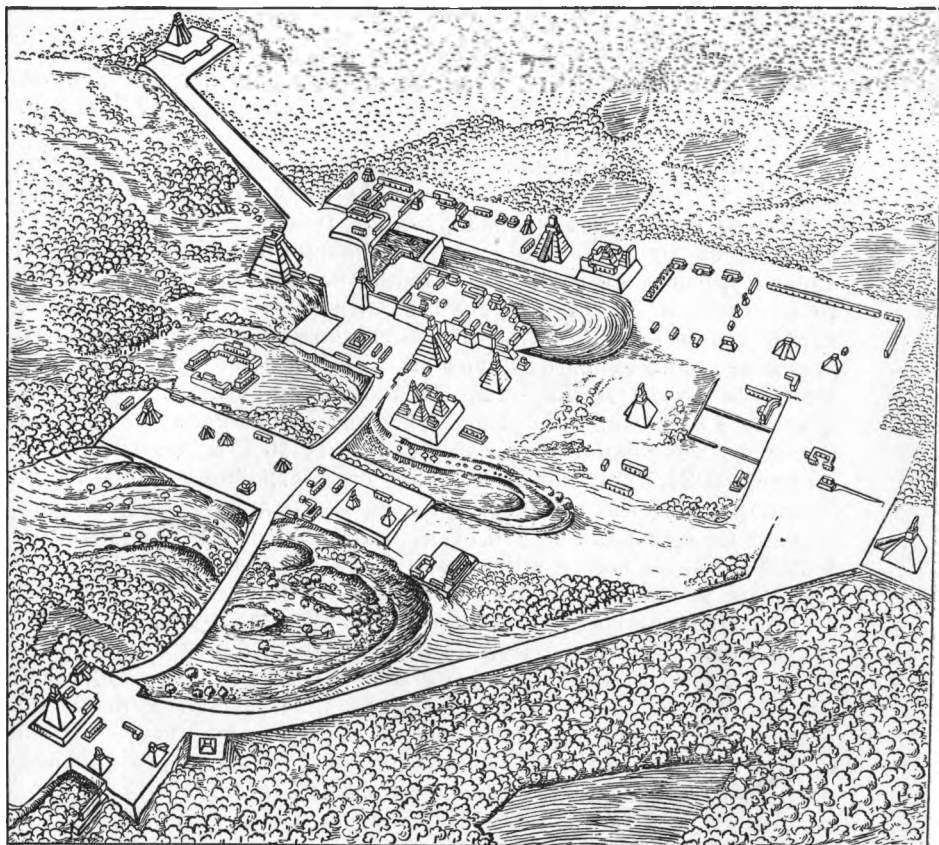
Храм V, очевидно, был одним из первых крупных построек мая в этом городе. На это указывает необычайная массивность

конструкции; достаточно взглянуть на план (см. стр. 65), чтобы представить соотношение ничтожного по размерам однокомнатного святилища с огромной массой всего сооружения в целом. Об этом же говорит и отмеченная выше особенность верхней площадки пирамиды, напоминающая пирамиду E-VII sub в Ва-шактуне. Наконец, отсутствие рельефов на притолоке храма также, по нашему мнению, свидетельствует о древности рассмотренного сооружения. Следует надеяться, что радиоуглеродный анализ притолок даст возможность судить более точно о дате постройки этого храма.

Храмы I и II, расположенные в самом сердце города — группе А, — обрамляют с двух сторон главную площадь. Храм II стоит на пирамидальной базе из трех крупных уступов и одного верхнего, меньшего по размерам, общей высотой в 21 м. Каждый уступ имеет около 6,5 м в высоту и отделяется от другого нешироким горизонтальным врезом; углы их, как и у многих других пирамид Тикаля, имеют сложную конфигурацию. База в плане квадратна, длина ее нижнего уступа равняется 34 м. Верхний уступ, также квадратный, имеет сторону в 21,5 м. На нем находится стилобат в 2 м высоты, на котором стоит само здание храма. Фасад его обращен на восток; поэтому по восточной стороне пирамиды расположена лестница 9 м в ширину. Длина храма равняется 14 м, ширина — 10,5 м, высота — 22,5 м. Таким образом, вся постройка имела высоту в 43,5 м.

Внутри здания находятся три небольшие узкие комнаты, расположенные на различных уровнях. Дверной проем в первую из них (2,25 м ширины и 2,65 м высоты) был перекрыт пятью массивными балками из сапота. После того как они были удалены (очевидно, искателями древностей), большая часть поддерживаемой ими кладки и свода обрушилась вместе с фризом. Первое помещение, протянувшееся, как и два других, с севера на юг, имеет 4,85 м длины и только 1,15 м ширины. Переход в следующую комнату, перекрытый некогда пятью балками, покрытыми на нижней стороне рельефом, несколько приподнят по сравнению с полом первого помещения. Вторая комната имеет размеры 4,95 м × 1 м. Переход из нее в третью комнату — святилище — также приподнят и перекрыт шестью гладко отесанными балками без рельефов. Третье помещение — самое маленькое и имеет длину всего в 3,5 м, а ширину — 0,94 м; высота от пола до вершины очень узкого свода равна 5,2 м. На внутренних стенах помещений Т. Малером в 1895 г. были обнаружены многочисленные граффити³⁵.

³⁵ Граффитти — надписи или рисунки на стенах помещений, обломках керамики и др.; обычно более позднего происхождения, чем сам памятник.

Схематический план Тикаля (по материалам экспедиции музея Пенсильванского университета)

Высокий кровельный гребень храма II сохранился очень плохо; судя по остаткам, его фронт делился на две части; в нижней была изображена колоссальная маска божества, а в верхней — сидящая на троне человеческая фигура. Реконструкция Т. Проскураковой (см. рис. на стр. 69), основанная на результатах экспедиции музея Пенсильванского университета в 1942 г., дает приблизительное представление, как выглядело это здание вскоре после его постройки.

Храм I, стоящий напротив храма II, близок по общим очертаниям и по плану к последнему. Отличается он лишь тем, что пирамидальная база его расчленена на девять уступов; здание святилища с обращенным на запад фасадом имеет несколько меньшие размеры (длина — 11,83 м, ширина — 7,6 м, высота — 17,7 м). Внутри здания (так же, как и в предыдущем храме)

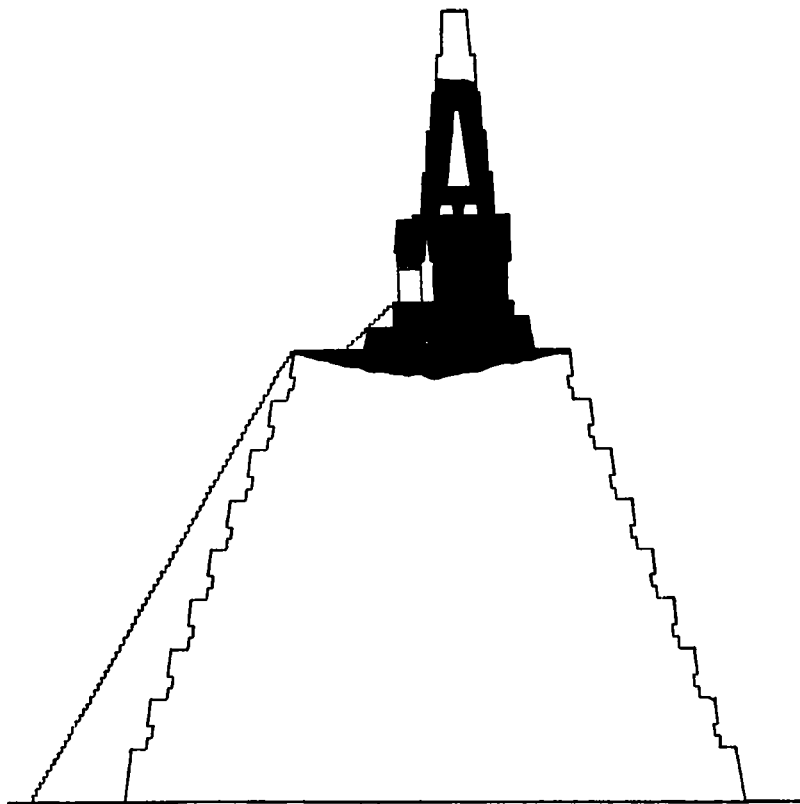
находятся три расположенные на разных уровнях помещения. Общая высота постройки вместе с пирамидой равна 47,2 м, т. е. почти на 4 м ниже, чем храм II.

Храм III, находящийся также в группе А, значительно более поврежден, чем остальные храмы Тикаля, и в ближайшие годы ему грозит полное разрушение. Поэтому одной из неотложных задач экспедиции Пенсильванского университета является укрепление и восстановление, насколько возможно, этого значительного архитектурного памятника. База его так же, как и храма I, разделена на девять сложно профилированных уступов, длина первого уступа около 49 м. Лестница, имеющая внизу около 13 м ширины, но кверху суживающаяся, ведет к входу в святилище, обращенному на восток. Размеры здания, стоящего на вершине пирамиды, равны 16,4 м длины, 8,9 м ширины и 21,7 м высоты; высота всей постройки — около 54 м. Здание, в отличие от других, имеет всего лишь две комнаты; первая из них длиной в 6,71 м, шириной — 1,61 м и высотой в 6,53 м предваряется широким (почти четыре метра) дверным проемом, который может вполне служить прихожей или вестибюлем. Переход во вторую комнату, несколько приподнятый по сравнению с полом первого помещения, был перекрыт десятью балками, покрытыми рельефами и иероглифическими надписями. Второе помещение или целла³⁶ значительно меньше по размерам, чем первое: длина его равна 3,44 м, ширина — только 0,72 м, а высота 6,18 м. Более подробных данных из-за сильной разрушенности здания, к сожалению, не имеется.

Самым величественным архитектурным памятником Тикаля является, конечно, находящийся в группе D храм IV. Однако, если мы сравним его внешний вид и план с описанными выше зданиями, то легко убедимся, что он выделяется среди последних лишь своими размерами, а не какими-либо особыми архитектурными достоинствами. Этот храм стоит на естественном восьмиметровом возвышении, выровненном для постройки. Пирамидальная база его, как и многих других, делится на девять мощных уступов, из которых восемь нижних имеют сложную профилировку своих боковых плоскостей и углов, а девятый, верхний, отличается от них гладкими, круто скошенными сторонами. Лестница, расположенная по восточному склону пирамиды, так же, как у храмов III и V, уже к вершине, чем у основания (18 м ширины внизу и 16 м вверху). Нижний уступ пирамиды имеет длину 58,7 м, ширину — 53 м; верхняя площадка равна 32 × 14 м (см. рис. на стр. 74).

Само здание воздвигнуто на невысоком (2 м) стилобате, на передней стороне которого расположена лестница в несколько

³⁶ Целла — святилище, где находились статуи божеств.

Разрез храма V в Тикале

ступеней, ведущая к входу в святилище. Длина здания необычайно велика для тикальских храмов — она достигает 30,3 м; ширина его равна 12,13 м. Дверной проем, перекрытый шестью широкими балками из сапоте, ведет к первой комнате, имеющей размеры 6,5 м длины, 1,24 м ширины и 6,78 м высоты.

Пол второго проема поднят от пола первого помещения на 40 см. Когда-то этот переход был перекрыт шестью балками, теперь отсутствующими. Вторая комната, уже меньших размеров, имеет 4,64 м в длину, 0,74 м в ширину, но 6,9 м высоты. Новая ступенька в 40 см служит границей третьего проема, также перекрывавшегося когда-то семью балками. Теперь они находятся в Базельском музее. Третья комната 4,38 м × 0,7 м имеет высоту свода в 6,85 м.

Верхняя часть стен здания, на которой был расположен фриз, имеет небольшой наклон внутрь. Эта черта свойственна

многим древним постройкам на территории департамента Петен. Фриз делился на пять больших частей, расположенных на восточной стороне: одна над входом, две — по углам здания так, что охватывали и примыкающую стену, и две посередине, между центральным (над входом) и угловыми. Каждая из этих частей изображала гигантскую фантастическую голову. На плоской крыше, несколько отступя от края, воздвигнут высокий кровельный гребень, делившийся на три секции; на его передней стороне, по-видимому, также было изображение колоссальной маски. Общая высота всей постройки равнялась приблизительно 70 м (пирамида — 45 м, здание — от основания до высшей точки гребня — 24,7 м).

Храм VI или «Храм надписей» был открыт совершенно случайно только в 1951 г. несколькими солдатами тикальского аэродрома, охотившимися в окрестностях. Он стоит, как и другие храмы, на ступенчатой пирамиде около 13 м высоты; общая высота всей постройки достигает 30 м; таким образом, в этом отношении он уступает другим своим братьям. Лестница, расположенная по западному склону базы, ведет к фасаду здания, состоящего из двух длинных, параллельно расположенных галерей. В первую из них, внешнюю, ведут три дверных проема, во вторую, заднюю — только один; все проемы перекрыты балками из сапоте. На стенах первого помещения было обнаружено несколько граффити.

Примечателен кровельный гребень храма VI, из-за которого он и получил свое второе название. На его лицевой (западной) стороне сохранились только следы штукатурного орнамента; различима лишь большая маска божества, находившаяся посередине композиции. На оборотной (восточной) стороне гребень имеет хорошо сохранившуюся иероглифическую надпись около 4 м шириной. Торцовые стены гребня также были покрыты знаками, теперь почти исчезнувшими. Надпись сперва черне высекалась на камне, детали знаков дополнялись штукатурной лепкой, затем все окрашивалось ярко-красной краской.

Храм VI окружен небольшой прямоугольной оградой из низких стен; в западной стороне имеется выход на шоссе, связывающее эту группу с центром Тикаля.

Около лестницы воздвигнуто пять стел, перед каждой из них находится круглый алтарь. Никаких других построек около «Храма надписей» не обнаружено; в отличие от других больших храмов Тикаля, он стоит совершенно изолированно.

Архитектурные особенности больших храмов Тикаля позволяют сделать несколько любопытных выводов о характере религиозных церемоний у древних жителей этого города. Бросается в глаза небольшой размер святилищ (объяснять эту особенность только ограниченными строительными возможностями майя-

ских архитекторов, конечно, не следует; в долине р. Усумасинты, например, при тех же строительных принципах был создан совершенно иной тип храма). Следовательно, небольшой размер святилищ обуславливался тем, что в религиозных церемониях принимало участие очень ограниченное число людей, к тому же, возможно, делившихся на разные по рангу группы. Одни из них имели право находиться в первом помещении, другие — во втором, и один, по всей вероятности, верховный жрец, — в третьем.

Высокий, башнеобразный характер пирамид-оснований также свидетельствует о том, что все церемонии, происходившие наверху, в храме, или должны были оставаться тайной для рядового населения города или не касались его. В более поздних мексиканских храмовых пирамидах, например, построенных племенами нахуа, пирамидальные базы возводились с таким расчетом, чтобы церемонии, происходящие на их вершине, — принесение человеческой жертвы, — были видны всем собравшимся около храма. Именно с этой целью здание святилища отодвигалось вглубь, оставляя на верхней платформе большую, открытую для взоров площадку. Ничего подобного в больших храмах Тикаля нет. Наоборот, создается впечатление, что высота и крутизна склонов тикальских храмовых пирамид как бы призвана подчеркивать разрыв, принципиальное отличие тех, кто находится наверху и совершает обряды, от рядовой массы, копошащейся внизу.

Мы не знаем еще, к сожалению, одной чрезвычайно важной подробности о больших тикальских храмах: был ли каждый из них сооружен одновременно или они, как многие майяские, да и вообще древнемексиканские постройки, представляют собой результат строительных усилий нескольких поколений. В этом случае одно древнейшее здание накрывалось, как футляром, другим, это в свою очередь — третьим и т. д. Надписей и рельефов, которые как-то могли бы пояснить назначение храмов и происходившие там обряды, в большинстве (кроме храма VI) этих зданий нет (остатки резных притолок слишком скудны, а упомянутые выше граффити на стенах храма II относятся к более позднему периоду). Все это сможет быть выяснено лишь после детальных археологических исследований. Если они, например, покажут, что эти храмы были воздвигнуты сразу же в той форме, в какой они дошли до нас, то весьма вероятно, что внутри их пирамидальных оснований будут найдены крипты с погребениями, подобные обнаруженным в недавнее время в «Храме надписей» в Паленке. Тогда храмы, находящиеся на их вершинах, по всей видимости, были посвящены заупокойному культу погребенных там правителей Тикаля или его верховных жрецов.

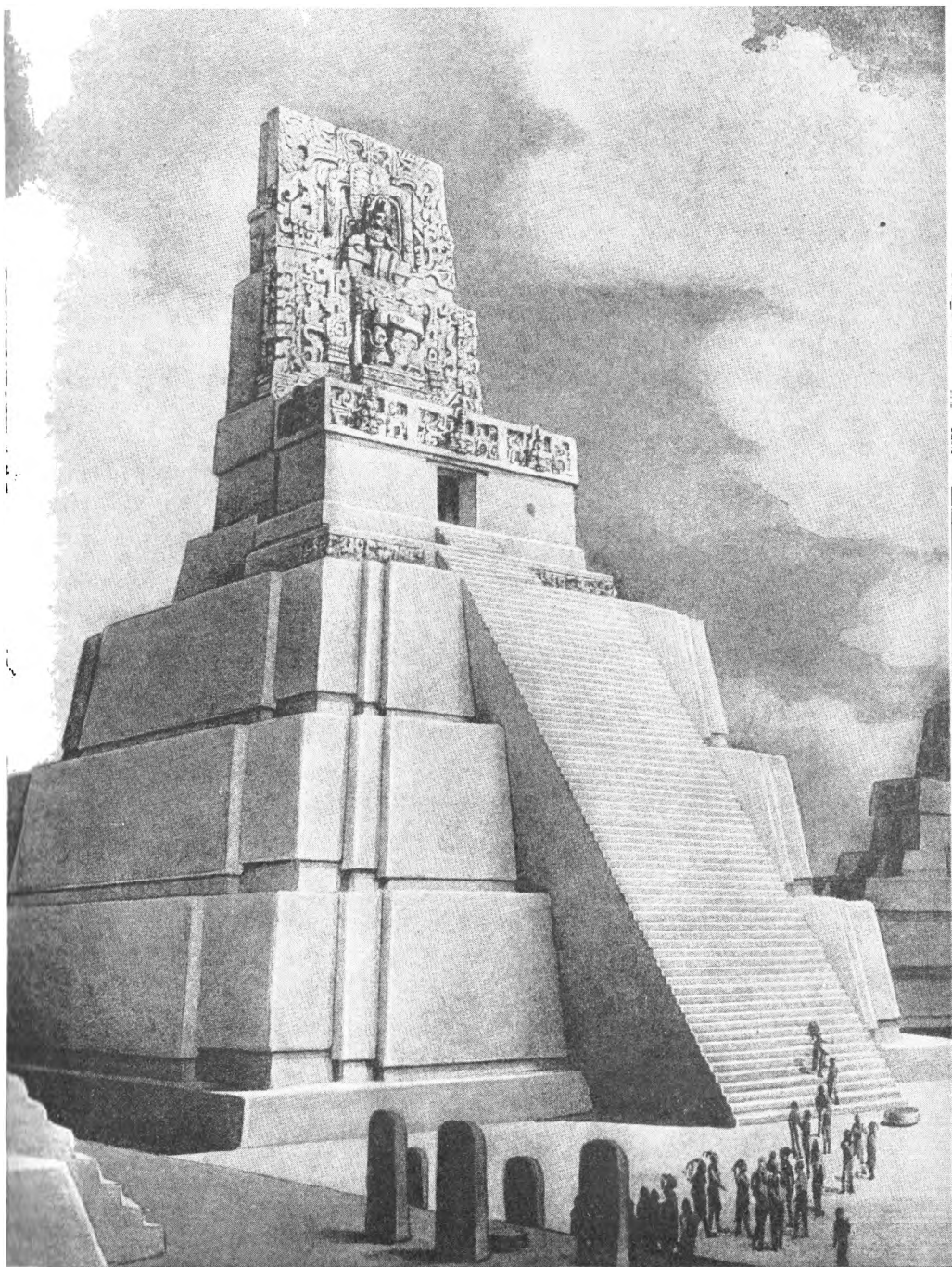
Выше уже упоминалось, что общее число храмов в Тикале очень велико. Все они показывают удивительную однотипность постройки и близки по планам к описанным большим храмам; разница лишь в размерах. Большинство из них имеет три помещения, расположенных одно за другим, причем второе помещение находится выше, чем первое, а третье — выше, чем второе. Только один из них — постройка 27 — отличается необычным расположением помещений: у него по фасаду имеется три комнаты, сзади которых помещен второй ряд их.

Из зданий не культового назначения в Тикале особенно интересен так называемый пятиэтажный дворец (здание 10), находящийся в группе А. Два нижних этажа его имеют позади себя склон естественного холма, на который они опираются, и только три верхних этажа выстроены без всякой поддержки (см. рис. на стр. 73). Фасад здания обращен на юг.

Первый этаж состоит из узкой (1,4 м ширины) галереи длиной почти в 21 м, в которую ведут три дверных проема. Позади ее находятся еще два помещения, одно из них, большее, соединено с галереей двумя проемами, а другое, меньшее — одним. К востоку от них были расположены еще четыре пары комнат, теперь почти совершенно разрушенные. С северной стороны к ним примыкает небольшое крыло, состоящее из двух, следующих одно за другим, помещений с обращенным на восток фасадом. Над ним, но слегка отступя, воздвигнут второй этаж также с двумя комнатами, но фасадом на север. По отношению к центральному зданию второй этаж этого крыла находится посередине между третьим и четвертым этажами.

Второй этаж несколько отступает назад по сравнению с первым, так что его фасадная стена имеет своим основанием стену первого этажа, отделяющего галерею от задних комнат, а часть кровли первого этажа образует открытую площадку перед помещениями второго. По плану, однако, этот этаж близок к первому: в центре его также имеется галерея (20,5 × 1,4 м) с тремя входами; из нее посетитель попадал в задние комнаты, совершенно аналогичные таковым же на первом этаже. В западной части находились две пары небольших комнат, а в восточной — одна большая, фасадная, из которой проемы вели в две задние комнаты, и пара следующих друг за другом комнат средней величины.

Третий этаж, расположенный на вершине того холма, к которому пристроены два нижних этажа, расположен на десять метров вглубь по сравнению с фасадом второго этажа. Центральную часть его опять-таки занимает галерея в 18,97 м длины и 1,97 м ширины, в которую ведут три входа. Дверной проем в центре задней стены этой галереи, некогда перекрытый пятью балками с рельефами, ведет в главную заднюю комнату

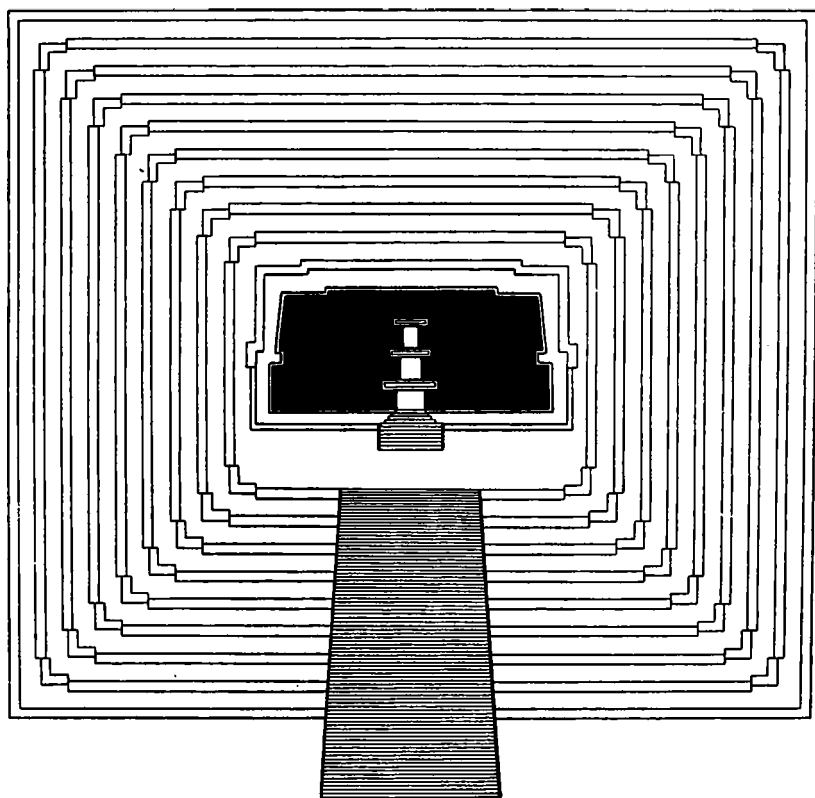
Общий вид храма II в Тикале.
Реконструкция Т. Проскуряковой

параллельной поверхностям внутренних сводов. Такой сильный наклон не позволял дождевой воде скапливаться на крышах и обеспечивал, следовательно, большую долговечность построек. Строительным материалом здесь, как и в большинстве всех древнемайяских городов, был местный известняк, паленкский вид которого очень хрупок. Поэтому стена возводилась из небольших сравнительно кусков, заливавшихся толстым слоем известки⁴⁰. Это же качество местного известняка обусловило и широкое применение в скульптуре штука, а не камня.

Центр Паленке — города вообще весьма небольшого — состоит из обширного дворца и нескольких храмов, три из которых — «Храм солнца», «Храм креста» и «Храм лиственного креста» — сгруппированы около большого прямоугольного двора, находящегося по одну сторону дворца, за рекой. По другую сторону его расположен «Храм надписей» и значительно разрушенный «Храм прекрасного рельефа». Вокруг этой центральной части в некотором отдалении разбросаны отдельные группы других построек, из которых особо выделяется северная, состоящая из пяти различных по характеру зданий, воздвигнутых на разных уровнях, но на одной большой платформе.

Характерным образцом паленкского храма может считаться известный «Храм солнца», построенный во второй половине VII в. Он стоит на невысокой (8 м) пирамидальной базе, делящейся на пять ступеней. Сам храм, воздвигнутый на усеченной верхушке пирамиды, представляет собой продолговатое небольших размеров здание, которое разделено внутри на два помещения средней продольной стеной, идущей параллельно фасаду. Фасадная стена, обращенная на восток, разделена тремя широкими дверными проемами, так что средняя ее часть выглядит как два прямоугольных столба. Благодаря этому из первого, выходящего на фасад помещения, образовано нечто вроде портика. Продольная стена прорезана тремя дверными проемами (один в центре и два по краям), ведущими во второе помещение, в центре которого находилось маленькое святилище, перекрытое бревенчатым накатом (см. план и разрез здания, рис. на стр. 75, 76). На задней стене его помещен большой барельеф, изображающий маску божества, подвешенную на двух скрещенных копьях, около которой в позе поклонения расположены две человеческие фигуры. Рельеф этот и дал повод некоторым исследователям называть данное здание «Храмом солнца», хотя в действительности это маска бога земли.

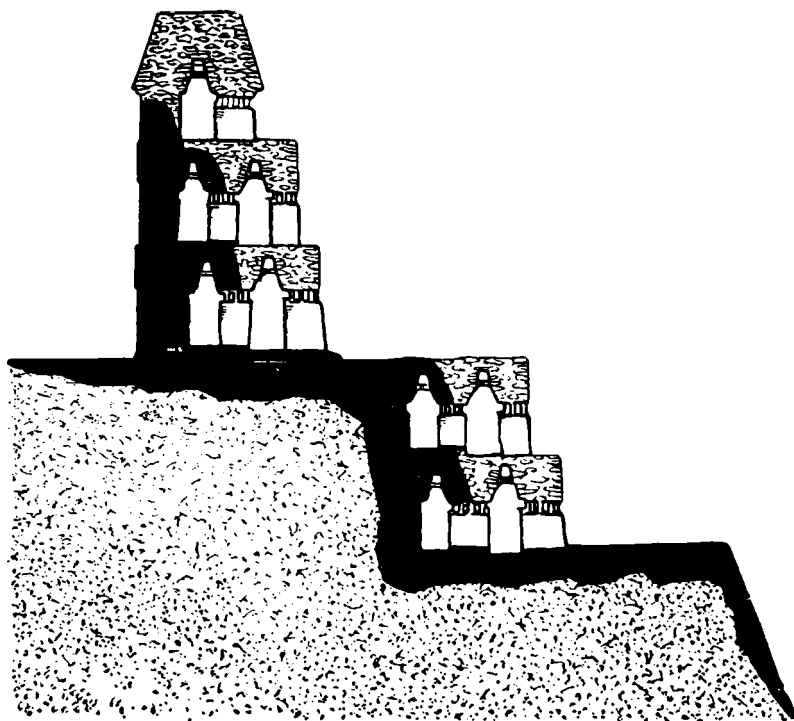
⁴⁰ Подробный химический и технический анализ строительных материалов из Паленке дан в ст.: E. R. Littmann. *Ancient Mesoamerican Mortars, Plasters and Stuccos; Palenque, Chiapas.*— «American Antiquity», vol. 25, № 2, 1959, p. 264—266. Salt Lake City.

План храма IV в Тикале

На уровне начала сводов верхние части внешних стен наклонены к центру, образуя крутой скат. Они отделяются от вертикальной части небольшим карнизом. Второй карниз отделяет их от наклонной крыши, посередине которой воздвигнут кровельный гребень, существенно отличающийся от описанных выше гребней храмов Тикаля. Хотя в основу его постройки положены те же принципы, гребень «Храма солнца» менее высок и более легок, чему способствуют многочисленные окноподобные отверстия, имеющиеся в нем. К этим отверстиям, забранным горизонтально укрепленными каменными полосами, прикреплялись фигуры божеств из штукатурки, украшавшие гребень. На наклонных частях внешних стен и на отрезках фасадной стены, образующих портик, также были укреплены штукатурные рельефы.

Уравновешенность и благородство композиции, простота и гармоничность очертаний делают «Храм солнца» одним из

Разрез здания 10 в Тикале

наиболее выразительных и впечатляющих памятников древне-майяской архитектуры. В нем нет давящих масс, свойственных тикальским храмам, равно как и чрезмерной пышности и помпезности декорирования храмов Копана. В этом здании неизвестный майяский архитектор достиг вершин зодчества, доступных при строительной технике того времени.

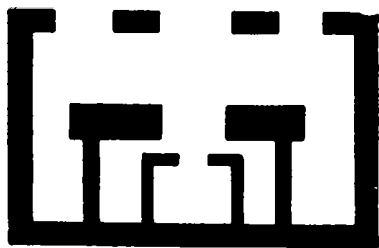
Другие храмы Паленке архитектурно близки к «Храму солнца» и отличаются от него лишь некоторыми деталями плана, незначительными изменениями в пропорциях здания и пирамидальной базы, а также более богатыми и разработанными скульптурными украшениями. В одном из них, так называемом «Храме надписей», экспедицией Мексиканского национального института антропологии и истории в 1952 г. было обнаружено в толще пирамиды небольшое сводчатое помещение, украшенное семью великолепными настенными барельефами с изображениями торжественной процессии жрецов, в центре его стоял большой каменный саркофаг, весивший несколько тонн. Очевидно, этот храм-пирамида был воздвигнут (на основе более старого здания) для погребения какого-то могущественного

правителя или верховного жреца, останки которого были найдены в саркофаге. Надписи (из-за которых храм и получил свое название) датируют его постройку концом VII или началом VIII в. Такие же крипты, в которых, вероятно, также находились некогда погребения, существуют в «Храме креста» и «Храме прекрасного рельефа», но они были вскрыты, очевидно, во время «археологических» исследований А. Дель Рио. Имеются и другие, менее значительные погребальные сооружения в виде примитивных мавзолеев и т. д. Обычай строить погребальные крипты в пирамидальных базах зданий был характерен не только для Паленке; подобные же захоронения обнаружены при раскопках храма А-I и здания А-XVIII в Вашактуле, здания В-II в Хольмуле, в пирамидальных постройках Майяпана, Чичен-Ицы и других поселениях майя.

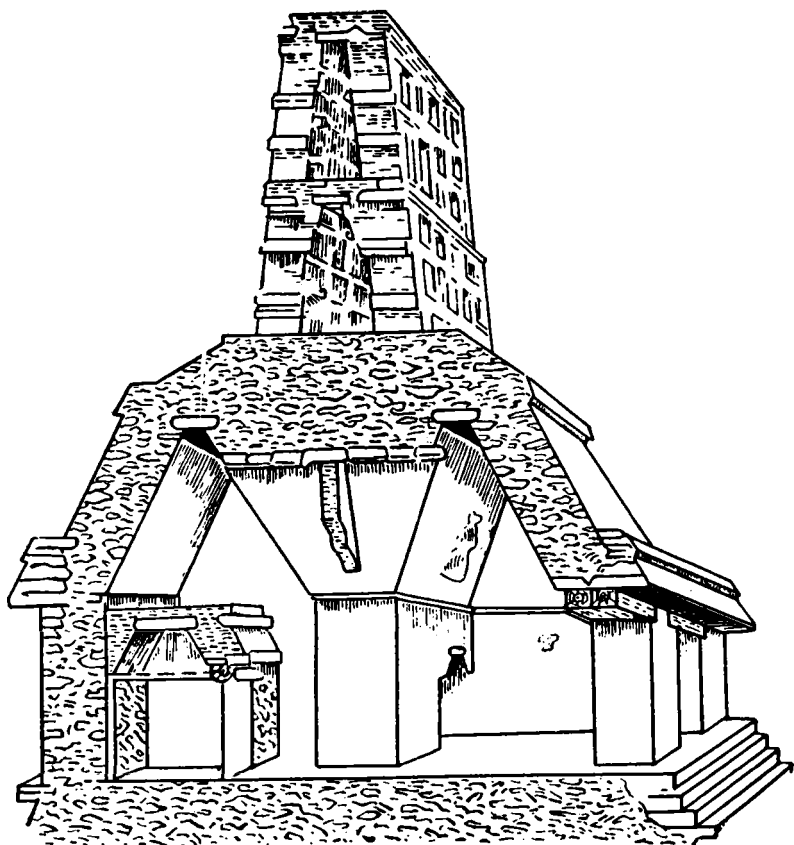
Так называемый дворец в Паленке представляет собой в действительности целый комплекс отдельных зданий, расположенных вокруг двух больших и двух малых дворов. Каждое здание имеет продолговатую форму со средней сплошной продольной стеной, делящей внутреннее пространство на два параллельно расположенных узких помещения, перекрытых ложными сводами. Дверные проемы, как и во всех других зданиях Паленке, перекрыты деревянными балками. Наружные стены, прорезанные рядом проемов, образуют систему прямоугольных столбов, покрытых так же, как и в храмах, штукатурными рельефами, закреплявшимися при помощи небольших каменных брусков, выступавших из стены. На стенах некоторых зданий сохранились также остатки фресковых росписей. Рядом с этими зданиями находились более низкие галереи с плоскими каменными перекрытиями. Так как раньше они были завалены мусором и щебнем, то прежние исследователи дали им название «подземных», что не соответствует действительному положению вещей. В дворцовом комплексе были найдены также остатки паровой бани и туалетных комнат.

Вся эта группа зданий расположена на громадной (104 м × 60 м) платформе, имеющей десятиметровую высоту. По краю платформы, по всей видимости, находилось ограждение, прерывавшееся для двух широких входных лестниц, ведущих на большие дворы.

В одном из малых дворов, в северной его части, находилась трехэтажная, прямоугольная в плане башня — одно из немногих действительно многоэтажных зданий в древней Центральной Америке. Она воздвигнута на прямоугольной же платформе

План «Храма солнца»
в Паленке

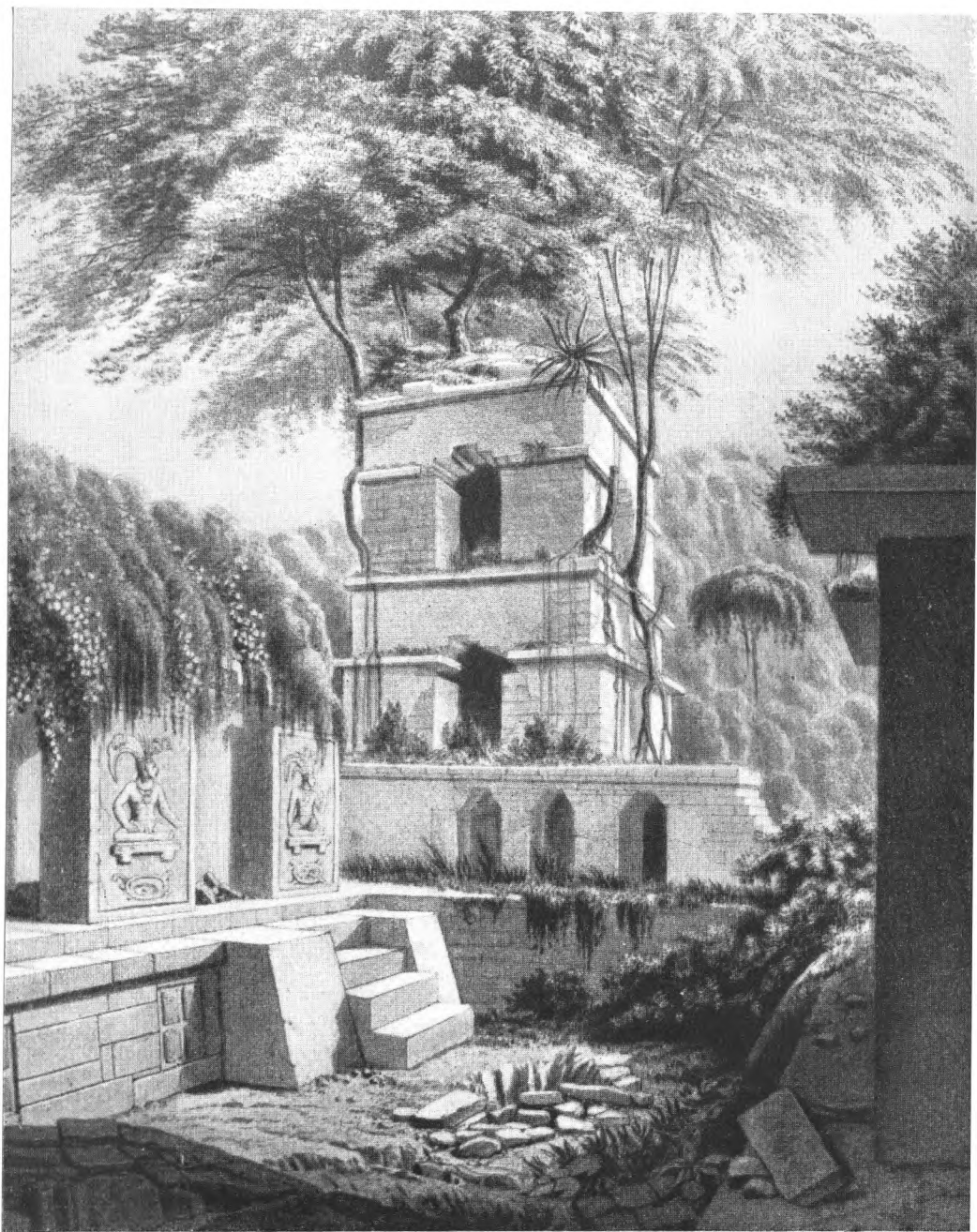

Разрез «Храма солнца» в Паленке

(часто принимаемой ошибочно за первый этаж) размером $7 \text{ м} \times 7,5 \text{ м}$ и высотой в 4 м. В настоящее время высота башни достигает около 15 м, но в древности она была, конечно, несколько выше. Каждый ее этаж, имеющий приблизительно высоту в 2,5 м, отделен от другого промежутком в полтора метра, отмеченным верхним и нижним карнизом. На каждой стороне этажа имеется большой дверной проем. Внутри башни находится массивный четырехграннык из каменной кладки, окруженный коридором — собственно повторение в миниатюре самой башни, — в центре которого расположена лестница, ведущая на следующий этаж. В последнем этаже башни был обнаружен каменный трон, что указывает на возможное церемониальное назначение постройки. В настоящее время верхний этаж башни и его свод восстановлены (по аналогии с другими паленкскими зданиями) реставраторами мексиканской археоло-

Современный вид «Храма солнца» в Паленке

Вид дворца в Паленке до раскопок.
Рисунок Фр. Вальдека

гической экспедиции. Весь дворцовый комплекс неоднократно (не менее пяти раз) подвергался различным изменениям и перестройкам.

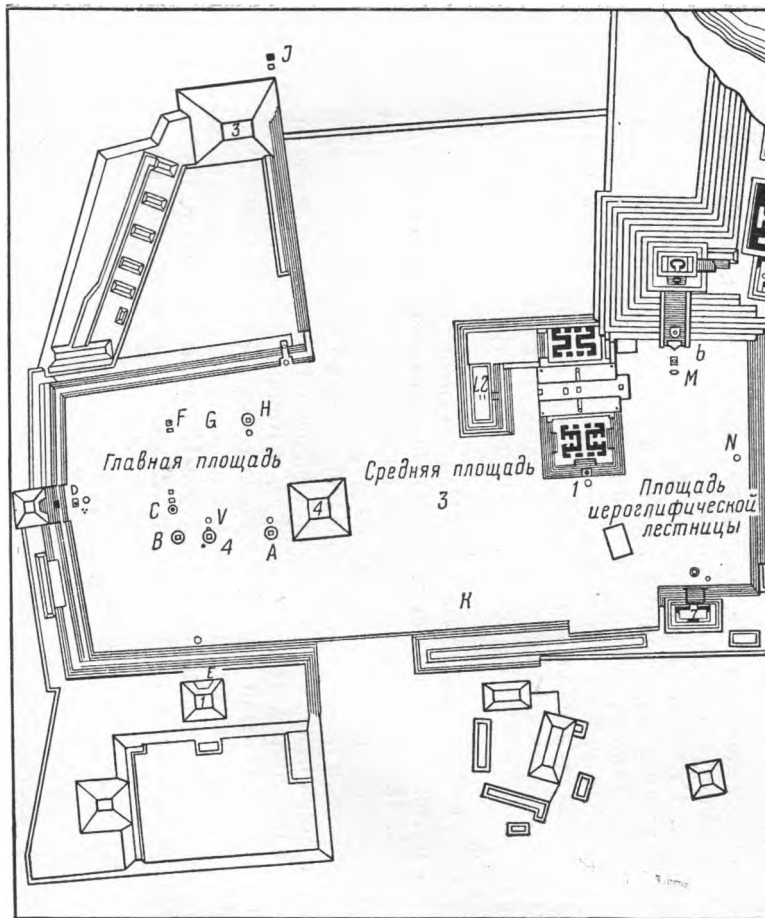
Неподалеку от дворца этой же экспедицией были обнаружены остатки здания для игры в мяч, близкого по типу к описанному выше стадиону Копана. Скульптурные метки на его площадке отсутствуют, но судя по найденным остаткам цветного штукатурки, можно предположить, что они были заменены красочными отметками.

5

Из юго-восточных городов майя наиболее значительными и интересными являются Копан, расположенный в долине р. Копан в департаменте Копан республики Гондурас, и меньший по размерам Киригуа, находящийся на территории Гватемалы.

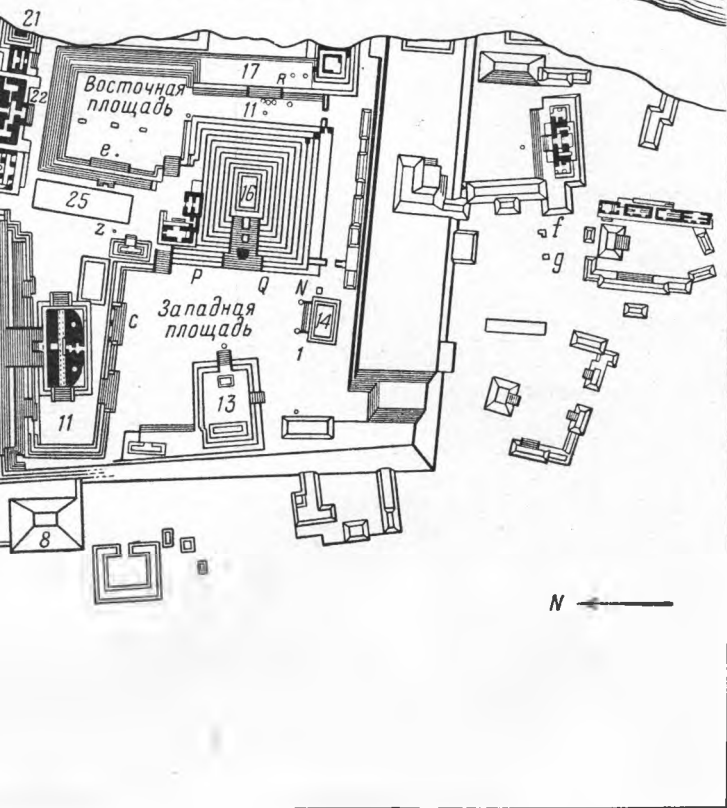
Первое упоминание о развалинах Копана имеется в письме гватемальского офицера Диего Гарсиа де Паласио от 8 марта 1576 г., адресованном испанскому королю Филиппу II. Однако данное им описание остатков древнего города, до конца XVIII в. погребенное в пыли архивов, осталось практически неизвестным европейскому, да и латиноамериканскому читателю. Настоящее знакомство исследователей с Копаном началось только после известного его путешествия американца Дж. Л. Стивенса в Центральную Америку и опубликования результатов его экспедиции. Стивенс, для которого Копан был первым древним городом майя, встреченным им, был в таком восторге от копанских памятников, что купил за пятьдесят долларов у хозяина земли участок, на котором находилось городище, и намеревался перевезти наиболее интересные памятники в Соединенные Штаты Америки. К счастью для дальнейших исследований, это предприятие оказалось невыполнимым из-за транспортных трудностей.

После Стивенса развалины Копана неоднократно посещались путешественниками и исследователями, в числе которых были А. П. Моудсли, составивший первый подробный план и описание города, Г. Дж. Спинден, построивший по копанским памятникам первую классификацию искусства майя, и С. Г. Морли, изучивший иероглифические надписи на копанских памятниках. В 1891—1895 гг. в Копане работала экспедиция музея Пибоди при Гарвардском университете. В 30—40-х годах текущего века Копан был основательно исследован несколькими экспедициями Института Карнеги; течение р. Копан было направлено по новому руслу, чтобы оно не подмывало

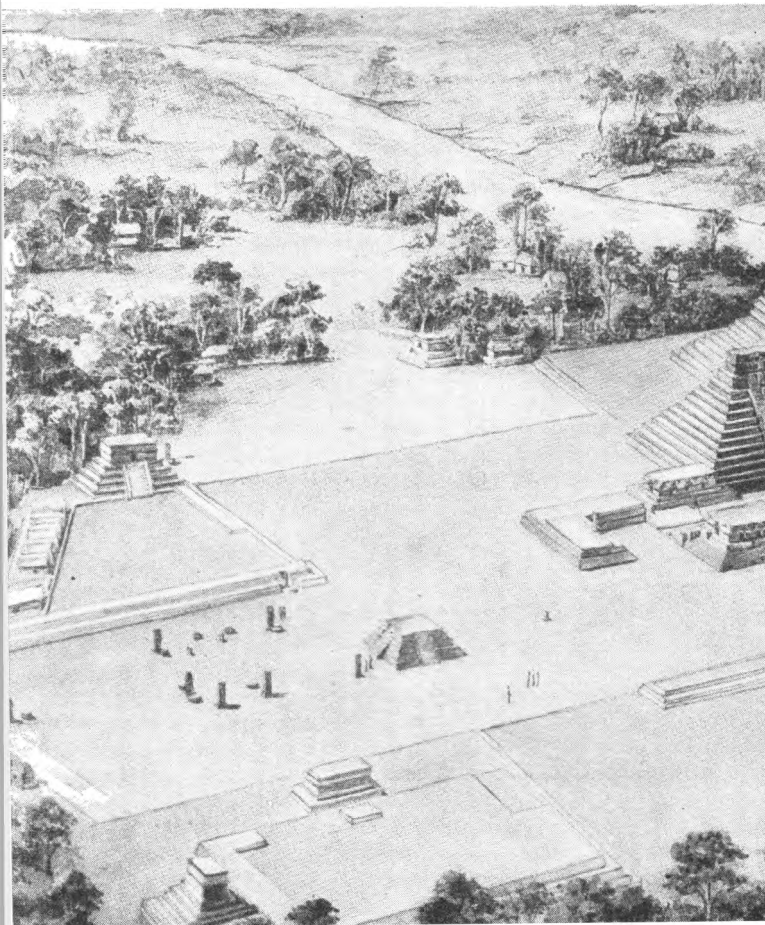

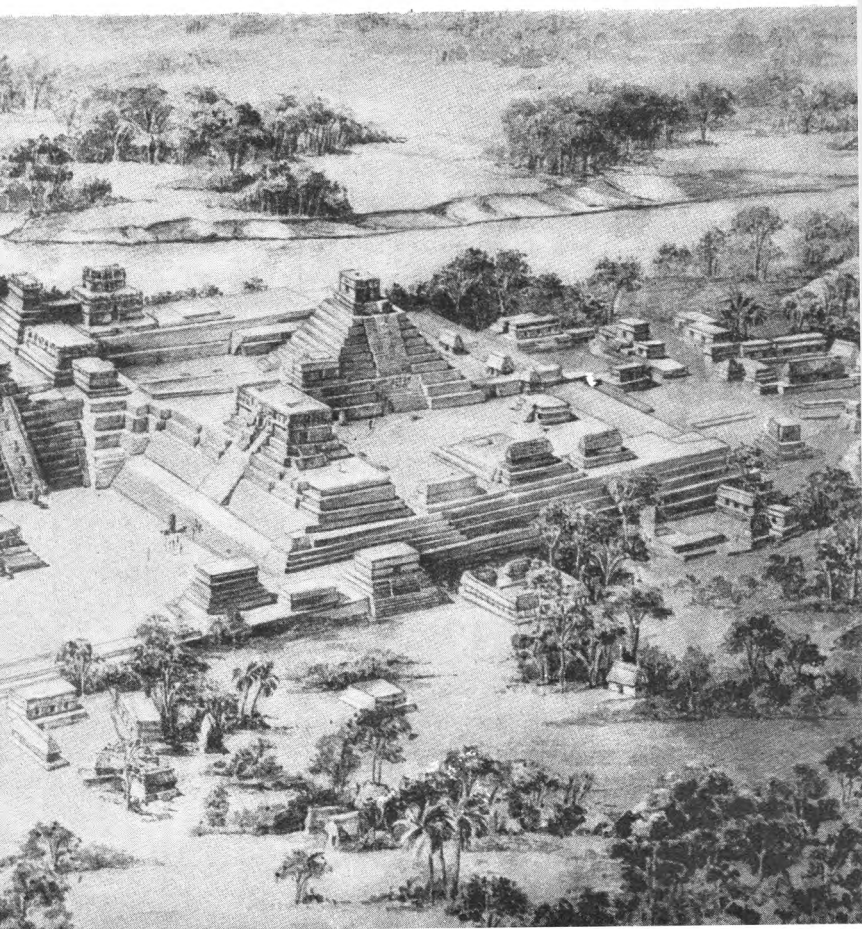
План главной группы Копана
По Г. Стрёмсвику

Презжнее течение р. Колана →

Общий вид Копана.
Реконструкция Т. Проскуряковой

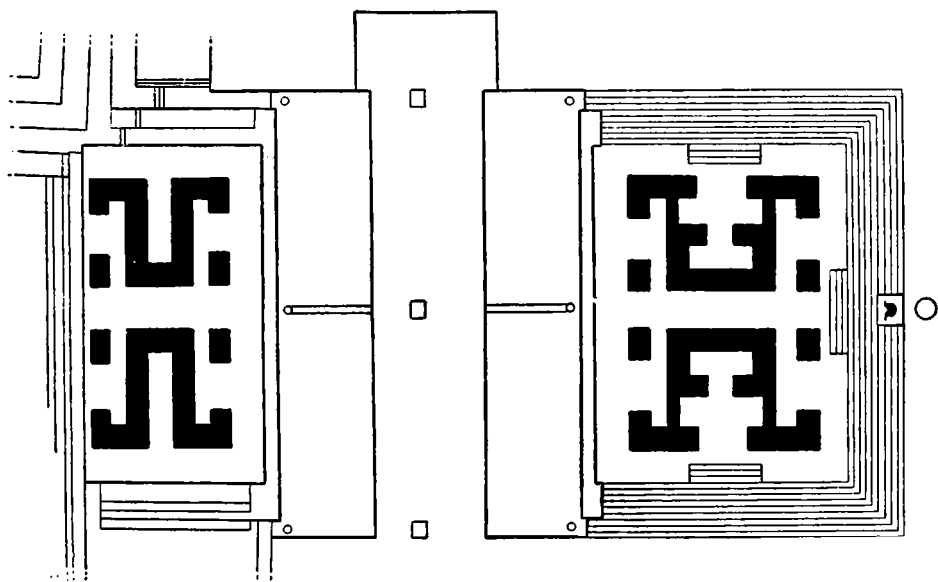

акрополь, были раскопаны и восстановлены многие архитектурные памятники; территория городища была объявлена правительством Гондураса государственным археологическим заповедником⁴¹.

Развалины Копана состоят из главной или центральной группы и шестнадцати других разбросанных по долине групп зданий, одна из которых отстоит от центра на расстоянии около девяти километров. Главная группа подразделяется на акрополь и примыкающие к нему со всех сторон пять площадей различного размера, расположенные вдоль берега реки. Акрополь представляет собой большой холм, около 40 м в высоту, на котором в результате многочисленных перестроек и пристроек образовался единый архитектурный комплекс из пирамид, платформ, храмов, лестниц и террас, построенных на различных уровнях. Общая площадь, занятая всеми постройками акрополя, равна 25 га. К нему принадлежат три наиболее интересных копанских храма: храм 26 с относящейся к нему замечательной «Иероглифической лестницей», воздвигнутый в 756 г., храм 11, сооруженный в том же году, и, наконец, храм 22,

⁴¹ Основные данные по Копану находятся в следующих исследованиях: J. L. Stephens. Incidents of travel in Central America, Chiapas and Yucatan, v. I. New York, 1841, p. 130—160; A. P. Maudslay. Op. cit., t. I, tabl. 1—119; idem. Exploration of the ruins and site of Copan, Central America. — «Proceedings of Royal geographical society», new ser., t. VIII, London, 1886; p. 568—595; G. B. Gordon. Prehistoric ruins of Copan, Honduras. A preliminary report of the explorations by the museum, 1891—1895. — MPM, t. I, № 1, Cambridge, 1896, p. 1—48; Caverns of Copan, Honduras. Report on exploration by the museum, 1896—1897. — MPM, t. I, № 5. Cambridge, 1898, p. 137—148; idem. The hieroglyphic stairway, ruins of Copan. Report on explorations by the museum. — MPM, t. I, № 6. Cambridge, 1902, p. 149—186; idem. Conventionalism and realism in Maya art at Copan, with Special reference to the treatment of the macaw. Putnam anniversary volume. New York, 1909, p. 191—195; H. J. Spinden. Table showing the chronological sequence of the principal monuments of Copan, Honduras. American museum of natural history. New York, 1910; idem. The chronological sequence of the principal monuments of Copan (Honduras). — «Proceedings of International Congress of Americanists», 17-th sess. México, 1910; Reseña de la segunda sesión, México, 1912, p. 357—363; idem. A Study of the Maya Art; its subject matter and historical development. — MPM, t. VI, Cambridge, 1913; S. G. Morley. The Inscriptions at Copan. — CIW, Publ. 219. Washington, 1920; John M. Longyear. A historical interpretation of Copan archaeology. — «The Civilizations of Ancient America». Selected Papers of the XXIX International Congress of Americanists edited by Sol Tax, vol. I. Chicago, 1951, p. 86—92; idem. Copán Ceramics. A Study of Southeastern Maya Pottery. — CIWP, № 597. Washington, 1952; A. S. Trik. Temple XXII at Copan. — CIWP, № 509. «Contributions to American Anthropology and History», № 27. Washington, 1939; G. Strömsvik. The Ball Courts at Copan. With notes on courts at La Union, Quirigua, San Pedro Pinula and Asuncion Mita. — CIWP, № 596. Contributions to American Anthropology and History, № 55. Washington, 1952.

План зданий стадиона для игры в мяч в Копане

посвященный культу божества планеты Венеры, законченный в 771 г.

Посетитель, вступающий в центральную группу с северной ее части, попадает на «Главную площадь», окруженную с трех сторон рядами каменных сидений, что указывает на использование ее некогда для торжественных собраний. На этой площади воздвигнуто большое количество стел и алтарей; с южной стороны она ограничена от «Средней площади» небольшой пирамидой. Большая «Средняя площадь» делится на две приблизительно равные части стадионом для игры в мяч с примыкающими к нему двумя платформами; на вершинах пирамидальных баз, образующих стадион, воздвигнуто два интересных по своим планам здания. Далее следует длинная и сравнительно узкая «Площадь иероглифической лестницы», ограниченная с одной стороны стадионом, с другой — храмом 26, с третьей — храмом 11 с его колоссальной лестницей. Поднявшись по ней, посетитель попадает на территорию собственно акрополя, центром которого является здание 16, воздвигнутое на самой высокой в Копане пирамидальной базе; с одной стороны к нему примыкает «Западная площадь», с другой — меньших размеров «Восточная», на которую глядит храм 22. Далее следует ряд построек, ограничивающих южную границу акрополя. У подножья этого склона расположено еще несколько групп платформ и зданий. Часть их погибла, так как р. Копан, изменив свое русло, подмыла берег, на котором расположен город,

и восточная часть городища была постепенно разрушена и смыта в сезоны дождей.

Наиболее интересные в архитектурном отношении памятники Копана сосредоточены на акрополе и вокруг него. Так, например, пирамидальная многоступенчатая база храма 26 своей южной частью сливается с северным склоном акрополя, являясь как бы его искусственным продолжением. Стоявший некогда на ее вершине храм был полностью разрушен, и археологам пришлось потратить немало усилий, чтобы по ничтожным обломкам штукатурки восстановить его приблизительные размеры и план. Судя по этим данным, храм 26 представлял собой очень небольшое здание в одну комнату с обычным сводчатым перекрытием. Роль его в культовой жизни города, однако, была весьма значительной; об этом свидетельствует, во-первых, иероглифическая надпись персонифицированными иероглифами⁴², помещенная как фриз на внутренних стенах и нижней части свода, к сожалению, плохо сохранившаяся, а во-вторых, необычайно богатое (даже для Копана) убранство ведущей к святыню лестницы. Эта лестница, носящая название «иероглифической», представляет собой замечательный пример сочетания архитектурного и скульптурного начала и является, очевидно, одним из самых значительных памятников монументального искусства Копана. Ширина ее равняется восьми метрам, не считая тянувшихся по обеим сторонам баллюстрад метровой ширины, длина — около 30 м (кроме восьми ступеней храмового стилобата). Каждая из 63 ступеней лестницы, имеющая 30 см в высоту, покрыта иероглифами, находящимися на вертикальной стороне ступени. Общее число знаков достигает двух с половиной тысяч; они составляют самую большую иероглифическую надпись майя. К сожалению, она была найдена второй экспедицией музея Пибоди в сильно разрушенном состоянии и поэтому восстановление ее, произведенное в 1935 г. под руководством С. Г. Морли, имеет, конечно, лишь приблизительный характер (можно с известной уверенностью полагать, что на своих местах находится лишь половина каменных блоков). Большинство исследователей считает, что содержание ее — историческое повествование, охватывающее промежуток примерно в двести лет (судя по самой ранней и самой поздней дате, имеющимся в надписи). Подобные же (но меньших размеров) лестницы, покрытые иероглифическими надписями, имеются в Йашчилане и Наранхо.

⁴² Персонифицированными иероглифами называется разновидность майяских иероглифов, изображающая знаки в виде полных фигур людей и животных, а не только их голов. Подробнее см. Ю. В. Кнорозов. Указ. соч., стр. 257.

Как уже указывалось выше, копанская иероглифическая лестница богато украшена. На широких баллюстрадах помещены идущие цепочкой стилизованные змеиные изображения и маски, передающие головы птиц, вероятно, сов; последние выдаются за край баллюстрады и связывают ее с массой базы. У подножия лестницы, посередине, стоит большой алтарь с покрытым рельефом верхом и изображением гигантской змеиной маски на передней части. Рядом с алтарем находится стела. Через каждые десять ступеней лестницы помещены сидящие человеческие фигуры в пышном одеянии; на головах у них — шлемы в виде раскрытых пастей чудовищ; всего таких фигур пять. Между третьей и четвертой фигурами, где помещены тринадцать ступеней, находится еще одна фигура, изображенная в скорченном положении. Несколько фигур в лежащей позе и выполненные в низком рельефе помещены без всякой симметрии среди знаков на ступенях; это, очевидно, было сделано сознательно, чтобы разбить впечатление некоторой монотонности от параллельных рядов иероглифов. Посередине лестницы в ее тело врезан пилообразный выступ, возможно также служивший пьедесталом для алтаря или скульптуры.

Копанский стадион для игры в мяч был уже достаточно подробно описан нами в общем обзоре майяской архитектуры. Здесь следует лишь несколько остановиться на зданиях, стоявших на вершинах его пирамид. Планы этих двух зданий (почти одинаковые) выгодно отличаются от большинства других майяских построек своей оригинальностью и легкостью. Каждое из них состоит из двух комнат, стены которых имеют форму буквы П, входы в них обращены в противоположные стороны. К их боковым стенам пристроены портики, образованные так же, как в храмах Паленке, большими прямоугольной формы столбами или отрезками стен, несущими сводчатые перекрытия.

Таким образом, в каждом здании имелось по два темных, освещавшихся лишь через дверной проем помещения, и по два больших, сообщавшихся друг с другом портика. Здания копанского стадиона для игры в мяч, несомненно, представляют собой один из лучших образцов майяской архитектуры в смысле использования полезного пространства в постройке. Наиболее ярко эта особенность выступает при сравнении плана этих зданий с планами тикальских храмов, в которых внутреннее пространство кажется какой-то узкой расщелиной в сплошном массиве каменной кладки. Копанский стадион трижды перестраивался; описанный здесь является самым последним.

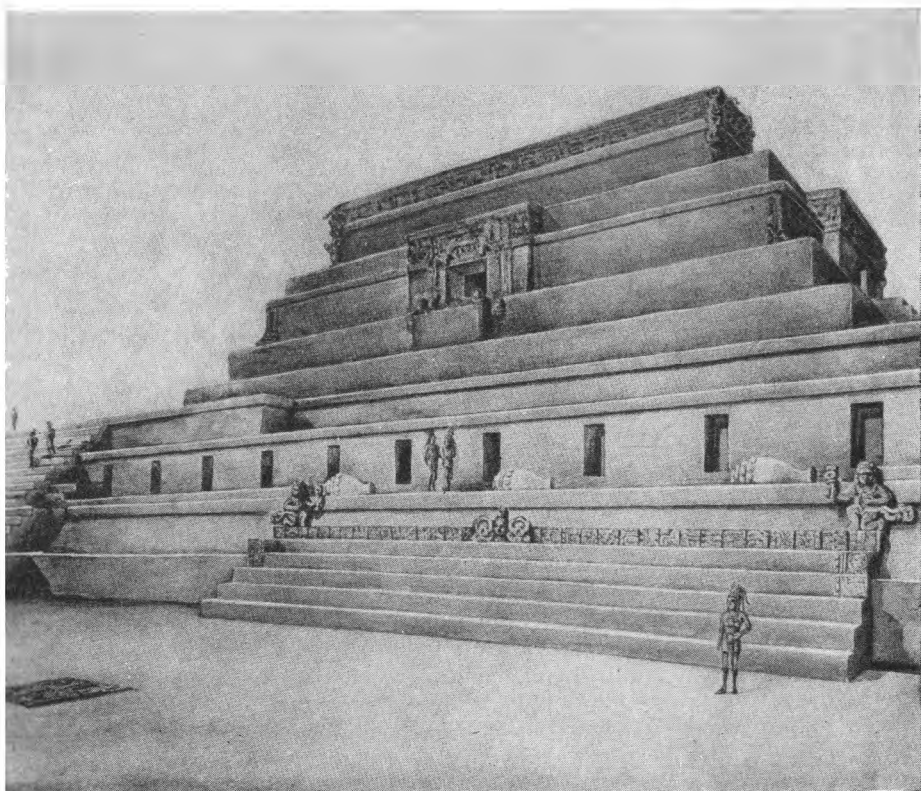
Весь северный склон акрополя занят колоссальной лестницей, ведущей к расположенному на вершине храму 11. Перед лестницей помещена стела N с четырехгранным алтарем,

изображения на котором (гротескные маски) ориентированы по странам света.

Храм 11 является самым обширным зданием главной группы. Фасад его обращен на север, поэтому из его входа открывается вид на «Площадь иероглифической лестницы» и расположенную за ней западную часть «Средней площади». Внутренние помещения храма по своей планировке напоминают здания Тикаля: из главной комнаты, или центральной галереи (30 м длины и 1,22 м ширины), имевшей три входа (кроме главного, северного, еще западный и восточный), можно попасть или в две задние, расположенные по бокам галереи, или в две следовавшие друг за другом небольшие комнатки, составлявшие как бы продолжение северного входа; последняя из них имела выход на юг. Дверные проемы в этом здании, а также ведущие к нему три ступени лестницы были украшены панелями с иероглифическими надписями и рельефами, изображающими головы змей, двухголового дракона и сидящие человеческие фигуры. В центральной маленькой комнате, вероятно, служившей святилищем, был обнаружен при раскопках прямоугольной формы колодец, пещный в глубь пирамиды. Внизу находилось несколько обсидиановых лезвий, — очевидно, votivные приношения.

Храм 11 был, по-видимому, двухэтажным; на это указывают остатки двух лестниц, находящиеся в упомянутых выше боковых комнатках, расположенных по сторонам северного входа, а также необычайная массивность южной стены, которая должна была поддерживать второй этаж. Наружное оформление здания было очень своеобразным: два южных угла были украшены изображениями колоссальных крокодилов, головы которых находились внизу, а туловище и хвост — вверху; на северных углах помещены человеческие фигуры более нормального размера. К сожалению, эти интересные памятники копанской пластики сильно повреждены.

Южная (обращенная на «Западную площадь») сторона пирамидальной базы, поддерживающей храм 11, оформлена в виде своеобразного сооружения, условно названного археологами «трибуной для зрителей» (Reviewing Stand). Возможно, что некогда на ней действительно располагались зрители или участники каких-то происходивших на «Западной площади» церемоний. Это сооружение состоит из четырех рядов сидений, расположенных четырьмя ступенями, один над другим. Верхний ряд украшен большой иероглифической панелью, тянущейся от одного конца ряда до другого; в середине она прервана горельефным изображением человеческой фигуры, наклоненной вперед, так что ее подбородок и руки, подпирающие его, находятся на следующей ступени. Над каждым концом иероглифической

«Трибуна для зрителей» в Копане.

Реконструкция Т. Проскуряковой

панели помещена большая, стоящая на согнутом колене, фигура героя или божества, одна рука которой положена в согнутом положении на грудь, а другая — поднятая — держит факел. Голова с явно выраженными негроидными чертами и верхушка факела даны объемно, тело — горельефом. На шее фигуры — ожерелье из бобов какао, изображение большой змеи опоясывает его талию, а изо рта выползает другая маленькая, извивающаяся змея.

Над «трибуной для зрителей» в теле пирамидальной базы находится несколько ниш, две из них связаны с маленькой узкой комнаткой, возможно, служившей местом хранения церемониальных костюмов или других принадлежностей. В остальных нишах, вероятно, стояли статуи, украшавшие здание. На узком уступе перед нишами помещены три объемных скульптуры в виде гигантских раковин, две по краям и одна посере-

дине. Приблизительная реконструкция южной стороны храма 11 и прилегающей к нему «трибуны для зрителей» была предложена Т. Проскураковой⁴³.

Северная часть «Восточной площади» ограничена рядом длинных ступеней, ведущих к террасе, на которой воздвигнут один из самых значительных архитектурных памятников Копана — храм 22. План его близок к «Храму солнца» в Паленке с той лишь разницей, что внутреннее святилище больше размерами, а стены, отличающиеся почти циклопической кладкой, значительно массивнее. К входу, обращенному на юг, ведет массивная каменная лестница с очень крутыми ступенями. Все это сооружено из крупных, хорошо обработанных блоков мягкого туфа зеленоватого цвета.

Широкий дверной проем храма оформлен в виде гигантской раскрытой змеиной пасти. Вторая сверху ступень лестницы покрыта кружками, изображающими нижнюю челюсть, на верхней ступеньке имеется шесть переданных низким рельефом зубов-резцов с большими изогнутыми клыками, торчащими вверх, на каждом конце. Кружками же изображаются края рта и на фасаде. Большие круглые с гротескными изображениями камни, выступающие из стен рядом с входом, передают коренные зубы верхней челюсти, которая образует широкую прямоугольную арку над входом с клыками и резцами несколько меньшего размера, чем нижние. Двери такого типа не встречаются в архитектуре Петена, а характерны для памятников юкатанской области Лос Ченес и далее на юг до Рио-Бек в южном Кампече. Возможно, что эта переключка указывает на наличие в древности прямой связи между этими областями и Копаном, осуществлявшейся посредством каботажных плаваний.

Фасад храма, как и обычно, разделен центральной выступающей каймой на две горизонтальные зоны. Нижняя имеет только три рельефных маски божества дождя, расположенных одна — над входом и две — у каждого угла здания. Верхняя часть фасада (теперь совершенно обрушившаяся) была декорирована необычайно пышно: фантастические маски, лепной орнамент как геометрический, так и с изображениями змей заполняли все пространство. Особенно примечательны круглые скульптуры, украшавшие верхнюю часть фасада: водостоки в виде змеиных голов и многочисленные сидящие человеческие фигуры. Одна из них, наиболее сохранившаяся, была названа нашедшим ее А. П. Моудсли «поющей девушкой» из-за ее полураскрытых губ и поднятой руки. В действительности это, по видимому, изображения молодого бога кукурузы. Но к рассмо-

⁴³ T. Proskouriakoffa. Op. cit., tabl. 12.

трению этих памятников копанской пластики мы еще вернемся в разделе о майяской скульптуре.

Не менее богат скульптурными украшениями и внутренний дверной проем, ведущий в святилище. Массивные косяки его несут на себе изображения согнутых человеческих фигур, сидящих на гигантских черепах; на спинах их видны лица божеств. Каждая из фигур держит в поднятой руке челюсть двухголового дракона — обычный символ неба в копанской пластике. Тело его образует перемычку над проемом; на нем изображены маленькие духи неба: человечки в пышных головных уборах с ногами в виде лап ягуара. Высокий порог святилища покрыт иероглифической надписью не календарного значения. В самом святилище, пол которого поднят по сравнению с другими помещениями на 60 см, А. П. Моудсли, раскопавший это здание, нашел большой причудливой формы каменный сосуд для возжигания благовоний.

По всей вероятности, храм 22, являющийся вершиной архитектурного и скульптурного мастерства копанцев, был посвящен культу воскресающего и умирающего божества растительности. Г. Дж. Спинден и С. Г. Морли датируют по стилистическим основаниям его постройку около 763 г.

Жестокое землетрясение, произошедшее на территории Гондураса в декабре 1934 г., разрушило, несмотря на его очень прочную кладку, храм 22 полностью, но благодаря детальному описанию, планам и фотографиям А. П. Моудсли экспедиции Института Карнеги удалось восстановить здание почти в прежнем виде.

К террасе, на которой расположен храм 22, под прямым углом с северо-западной стороны примыкает другой интересный архитектурный памятник Копана — монументальная «лестница ягуаров». Название это происходит от фигур двух ягуаров, расположенных по двум ее сторонам на вертикальной стене верхней террасы, к которой ведет лестница. Фигуры ягуаров, данные в горельефе, изображены стоящими с оскаленной мордой и вытянутой к лестнице одной лапой; тело их покрыто большими дискообразными углублениями, очевидно, заполненными в древности цветными вставками, передававшими пятна на шкуре животного. Простота геометрических форм лестницы в сочетании с полными движения фигурами ягуаров должна была производить на зрителя глубокое впечатление.

В середине террасы, находившейся над «лестницей ягуаров», имеется другая небольшая лестница, в центре которой встроен прямоугольной формы каменный блок; передняя часть его украшена гигантским изображением человеческого лица, выглядывающего из широко открытой змеиной пасти. С обеих сторон оно обрамлено большими символами планеты Венеры,

поэтому некоторые исследователи называют все изображение «маской Венеры». Общее представление об этом архитектурном комплексе Копана (включая и храм 22) можно составить из прилагаемой реконструкции Т. Проскуряковой (см. стр. 89)⁴⁴.

Описанные памятники Копана относятся к его «Великому периоду», т. е. ко времени его расцвета в VIII в. Все они воздвигнуты на более древних памятниках; раскопки в Копане, в частности два туннеля, проложенных через толщу акрополя, выявили остатки не менее девяти строительных периодов в истории города. Естественно, что размеры и планы различных построек в разные исторические периоды значительно отличались друг от друга. Но подробное описание всех изменений копанской архитектуры не может, конечно, входить в нашу задачу.

Киригуа, расположенный на берегу р. Мотагуа, неподалеку от Копана, был сравнительно небольшим городом; известность этого городища зависит главным образом не от его архитектурных, а от скульптурных памятников. Развалины Киригуа были обследованы впервые в 1840 г. Фредериком Казервудом, товарищем Дж. Л. Стивенса по его путешествию⁴⁵. За ним последовал ряд путешественников и исследователей (Дж. Бэйли, Ш. Брассер де Бурбур, К. Шерцер, С. Габель, Г. Мейе, О. Штоль и др.), но все их посещения были весьма непродолжительными. Настоящее изучение Киригуа, как и многих других городищ майя, началось лишь с работы в нем А. П. Моудсли, проведшего там четыре сезона (1881, 1882, 1883, 1894). Результаты его исследований были опубликованы в одном из томов «Центральноамериканской биологии»⁴⁶. Следующий серьезный этап в изучении Киригуа был сделан Школой американской археологии Археологического института Америки, направившей туда несколько экспедиций. В результате был раскопан и частично восстановлен ряд памятников. Первая экспедиция была в 1910 г., вторая — в 1911 г., третья — в 1912 г. и последняя, четвертая — в 1914 г. Результаты исследований были опубликованы в различных изданиях⁴⁷. В дальнейшем Киригуа

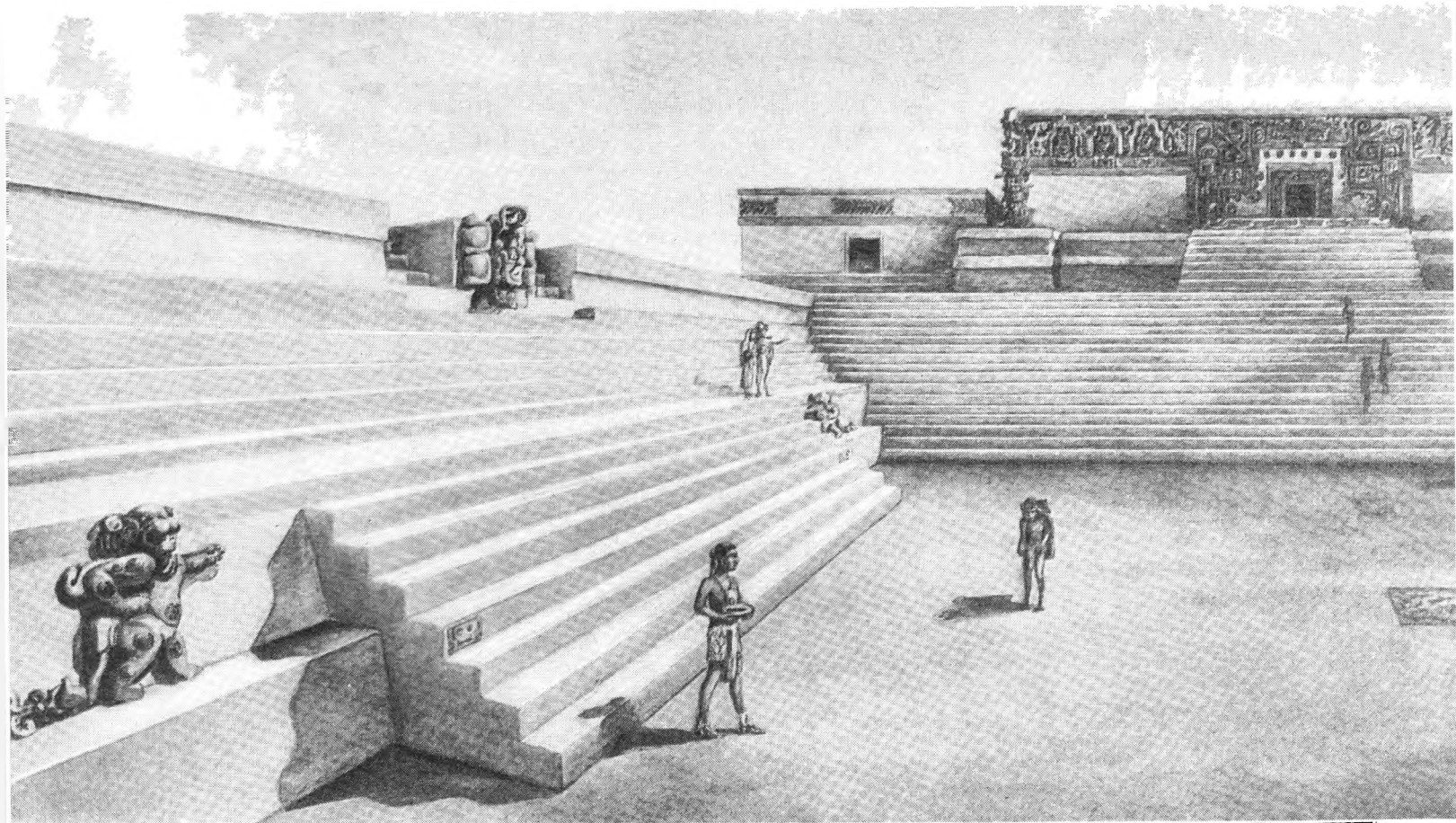
⁴⁴ T. Proskouriakoffa. Op. cit., tabl. 11.

⁴⁵ J. L. Stephens. Op. cit., t. II, p. 118—124.

⁴⁶ A. P. Maudslay. Op. cit., t. II, tabl. 2—66.

⁴⁷ E. L. Hewett. Two season's work in Guatemala.— «Bulletin of Archaeol. Inst. of America», vol. 2. Norwood, 1911, p. 117—134; idem. The excavations at Quirigua in 1912.— «Bulletin of Archaeol. Inst. of America», vol. 3. Norwood, 1912, p. 163—171; idem. The excavations at Quirigua, Guatemala, by the School of American Archaeology.— «Proceedings of XVIII-th sess. Internat. Congress of Americanists». London, 1912, part 2; London, 1913, p. 241—248; idem. Excavations at Quirigua. Art and Archaeology, vol. I, № 1. Washington, 1914, p. 43; idem. Latest work of the School of American Archaeology at Quirigua. Holmes anniversary vo-

«Лестница ягуаров» и храм 22 в Копане.
Реконструкция Т. Проскуряковой

неоднократно посещался центральноамериканскими экспедициями Института Карнеги; наиболее значительная работа была произведена семнадцатой экспедицией, проведенной в развалинах четыре месяца. Кроме раскопок, был восстановлен ряд упавших стел и произведена их частичная реставрация⁴⁸. «Объединенная фруктовая компания», на земле которой находились развалины, попыталась создать там что-то вроде археологического парка, но довольно быстро отказалась от этого намерения. В настоящее время Киригуа, окруженный банановыми плантациями, снова предоставлен тропической растительности.

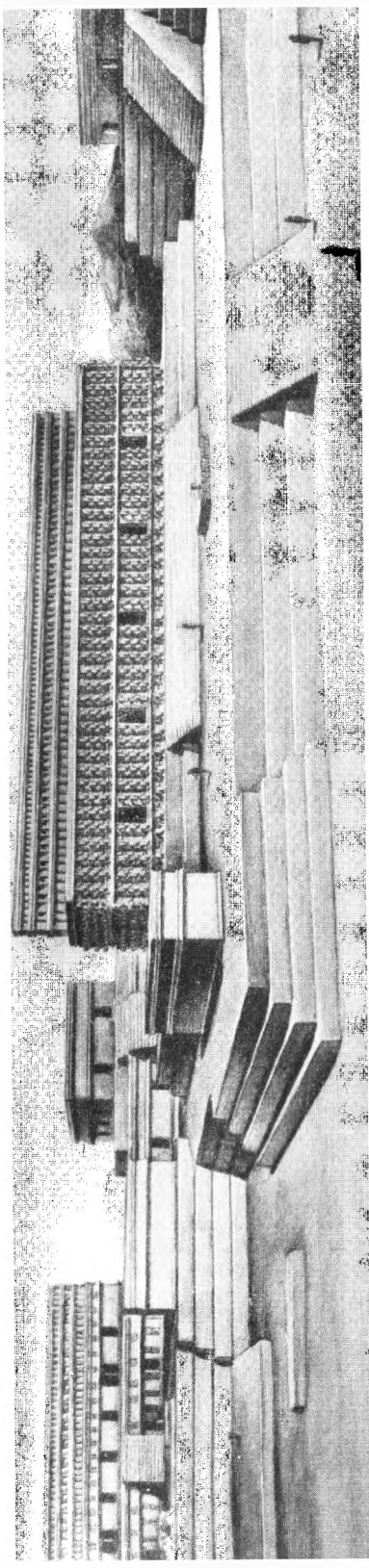
Городище Киригуа состоит из четырех изолированных друг от друга групп: А, В, С и главной группы. Древнейшей из них, по мнению С. Г. Морли⁴⁹, является группа А, состоящая из небольшого однокомнатного храма и двух стел. Она расположена на холмистой гряде, идущей почти параллельно течению р. Мотагуа. Наибольшую площадь занимает главная группа (около 30 га), распадающаяся на шесть частей: 1) северная, 2) северо-восточная, 3) «Церемониальная площадь», 4) «Храмовая площадь», 5) восточная и 6) южная части. Все основные здания Киригуа сосредоточены вокруг «Храмовой площади»; из них особо выделяются постройка 1 (вероятно, самое важное здание в городе), состоящая из трех помещений, каждое из которых имело свой вход, а также постройки 2, 3, 4, 5. Последняя по своему сложному плану напоминает некоторые дворцовые здания Тикаля и Иапчилана. Все они имели скульптурные украшения, хотя не такие богатые, как у копанских зданий. По стилю архитектурные памятники Киригуа явственно примыкают к Копану.

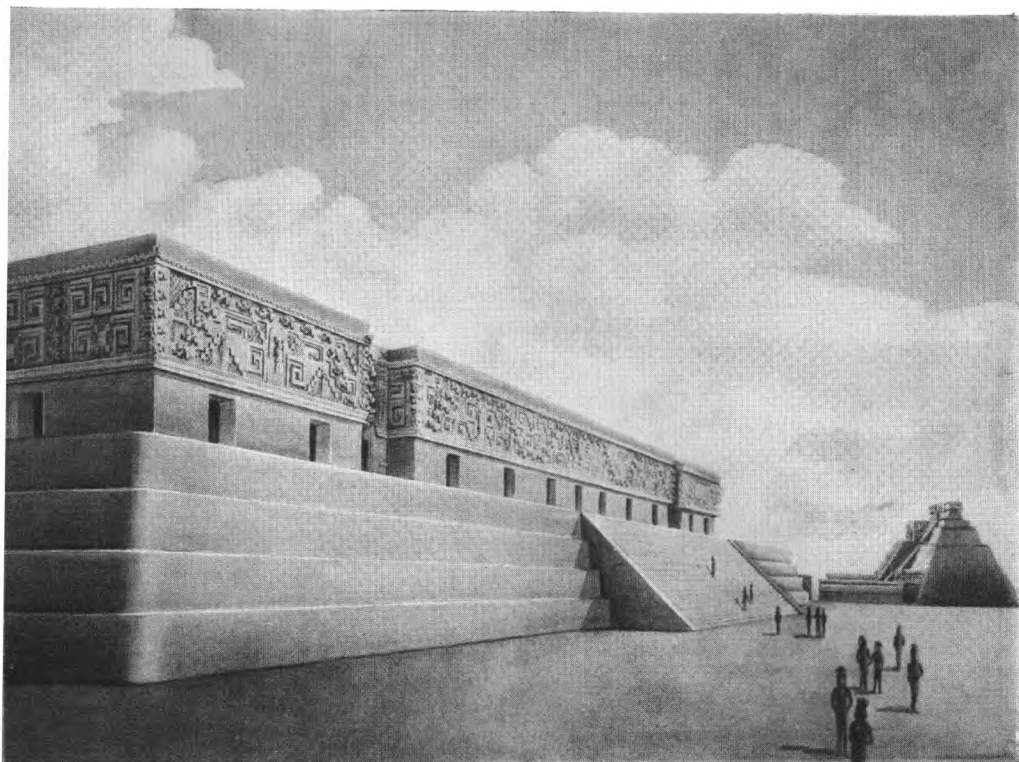
Очень интересен особый локальный стиль архитектуры, распространившийся в конце классического периода на территории полуострова Юкатан и совершенно отличный не только от раннего стиля рассматриваемого периода, но и вообще от любого другого в древней Центральной Америке. Происхождение и начальные этапы развития этого стиля пока еще неясны. Примечательной особенностью его являются длинные прямоугольные здания с богато украшенными мозаикой из тесаного камня

lume. Washington, 1916, p. 157—162; *idem*. Organic acts and administration reports of the School of American Archaeology. Santa Fe. New Mexico, 1907—1917; Santa Fe, 1917, p. 1—235; S. G. Morley. Excavations at Quirigua, Guatemala.—«National Geographic Magazine», vol. 24, № 3. Washington, 1913, p. 339—361; *idem*. Guide Book of the ruins of Quirigua.—CIWP, supplement, № 16. Washington, 1945; *idem*. The Inscriptions of Peten.—CIWP, № 437, vol. IV, p. 72—246; vol. V. Washington, 1938, p. 213—215.

⁴⁸ «Carnegie Institution of Washington», Year Book, 1919, p. 317—320; 1922, p. 316—317; 1923, p. 264; 1934, p. 86—89.

⁴⁹ S. G. Morley. The Inscriptions of Peten, t. II, p. 79, 86—94.

«Дворец губернатора» в Ушмале
Реконструкция Т. Проскуряковой

фасадами. Эти мозаики состоят из тысяч плотно пригнанных к друг другу тонких каменных пластин и изображают фантастические маски, змей и ягуаров в очень стилизованных формах, небесных чудовищ, ступенчатые и другие геометрические орнаменты. Очень распространены маски бога дождя, часто образующие целые серии в виде больших орнаментальных панелей, комбинирующихся с пространствами, заполненными решеткой или другими геометрическими мотивами. Поверхность здания Кодц-Поп в Кабахе, например, покрыта десятками таких панелей, заполненных большими масками. Некоторые фасады вообще состоят из единственной маски Чака, дверной проем оформлен в виде рта, а большой каменный крюк над ним изображает нос. Другой характерной особенностью этого архитектурного стиля является широкое применение круглых каменных колонн с сужающимися посередине стволами и квадратными капителями.

На территории полуострова Юкатан имеется четыре разновидности или варианта этого стиля, каждый из которых более или менее преобладает в определенной местности: Пуук, Лос Ченес, Рио Бек и старый Чичен. Названия их и присвоены этим разновидностям. Однако различия между ними в достаточной степени несущественны и поэтому в целях упрощения часто и весь стиль и период в научной литературе носит название Пуук — наиболее принятый термин, происходящий от имени холмистой местности около Ушмаля, где сосредоточены самые яркие памятники данного стиля.

В числе характерных различий между названными выше разновидностями этого стиля можно упомянуть следующие. Архитектурные памятники стиля собственно Пуук имеют большие размеры. Так, например, «Дворец губернатора», одно из красивейших зданий Ушмаля, расположен на четырехступенчатой террасе высотой в 15,5 м и содержит 24 комнаты; другая постройка «Дом волшебника» — храм на пирамиде — является самым высоким зданием в городе (около 30 м). Нередки широкие помещения, перекрытые одним сводом. Облицовка зданий состоит из тонких пластин хорошо отесанного камня; орнаментируется только верхняя часть постройки — широкий карниз. Некоторые части каменных мозаик имеют внушительные размеры: отдельные из них достигают в длину 90 см и весят около 80 кг каждая. Очень разнообразна тематика изображений: змеи, животные, птицы, маленькие модели хижин, человеческие фигуры, так называемые ныряющие божества (изображения заходящего солнца), маски Чака, решетчатый и ступенчатый орнамент и др. Количество составных частей таких мозаик иногда очень велико. Так, на облицовку «Дворца губернатора» потребовалось около двадцати тысяч штук. Часто используются

также круглые каменные колонны (в дверных проемах) и полуколонны, связанные группами, чтобы разбить впечатление монотонности (фасад дворца в Сайиле). Особо следует выделить так называемые триумфальные арки в Лабне и Кабахе — большие сводчатые проемы в изолированно стоящих стенах — очевидно, служившие для каких-то торжественных церемоний.

Типичными городами стиля Пуук являются Ушмаль, Кабах, Сайиль, Ошкиток, Лабна, Чакмультун, Дцибильтун, Эдна⁵⁰ и Шкалумкин. Из них наиболее крупным и величественным, несомненно, является Ушмаль, состоящий из шести больших групп. В центральную из них входят «Дворец губернатора» (99,2×12,4 м), «Дом голубей», «Большая пирамида», «Дом черепах» и «Дом волшебника» — очевидно, главный храм города, в архитектуре которого заметно влияние стиля Лос Ченес (западный фасад). Поблизости от последнего находится «Женский монастырь» — комплекс из четырех зданий, окружающих большой внутренний двор (79,1×64,6 м). Здание, расположенное с южной стороны, членится на две части мощной аркой — красивой из всех, созданных майя⁵¹.

Наиболее характерной особенностью стиля Лос Ченес, имевшего распространение в южном и центральном Кампече, а также в западной части Кинтана Роо, является то, что часто весь фасад превращается в гигантскую причудливую маску небесного дракона или другого божества. Таковы храмы в Дцибильнокаке, Хочоб и Эль Табаскенью. Вся поверхность настолько перегружена орнаментикой, что основные линии изображения часто теряются, и глаз наблюдателя видит только бесконечно повторяющиеся отдельные детали. Этот стиль наличествует в городах Санта Роса Штампак, Нохкакаб, Дцибильнокак, Итурбиде, Эль Табаскенью, Хочоб и Хунтичмуль. Особенно интересен среди архитектурных памятников этих городов уже бегло упомянутый в начале настоящей работы трехэтажный дворец в Санта Роса Штампак, содержащий сорок две комнаты и две внутренних лестницы.

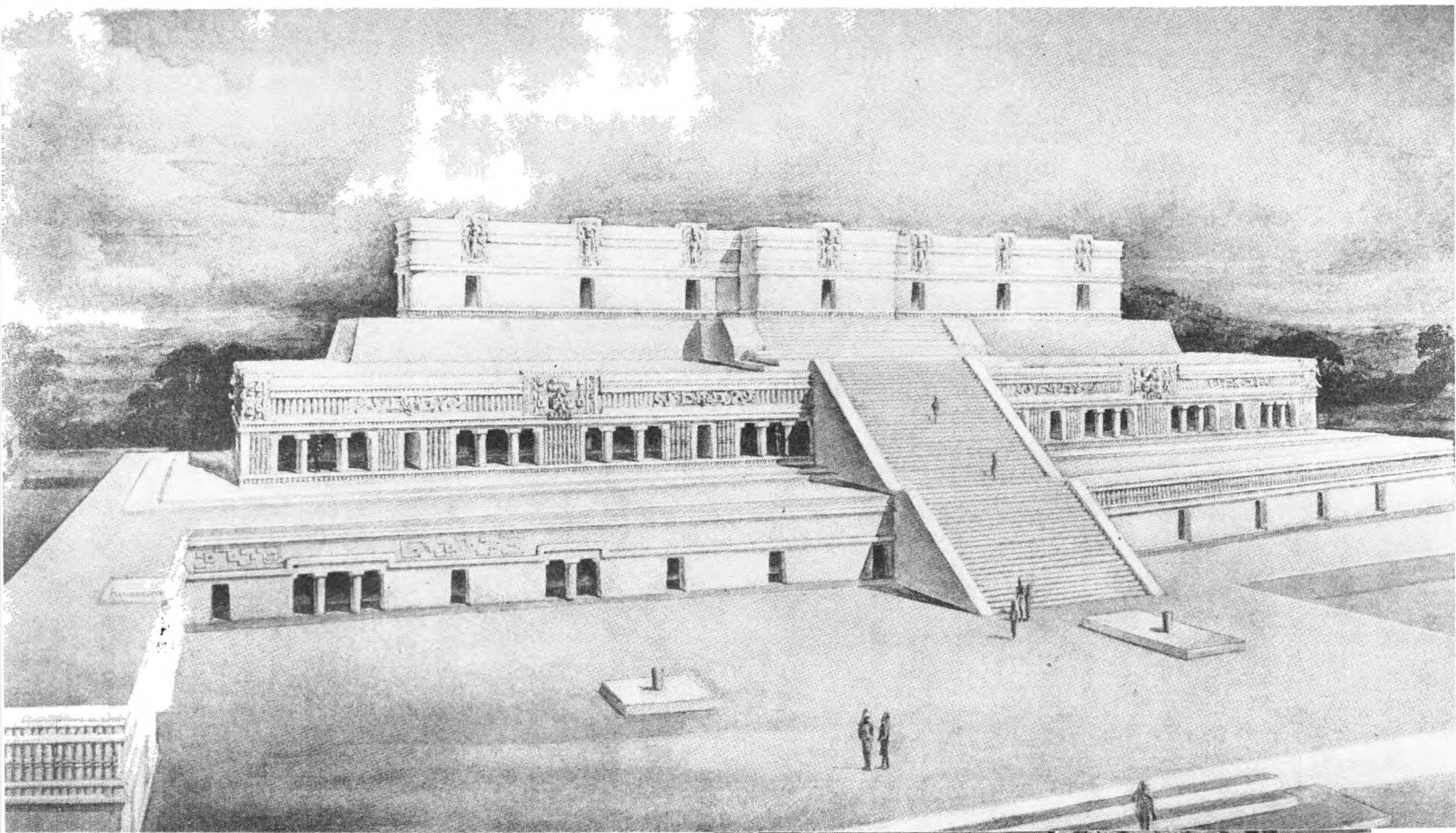
Стиль Рио Бек, распространенный в южной части полуострова Юкатан, родственен стилю Лос Ченес. Наиболее характерными его чертами являются облицовка зданий тонкими, тщательно отделанными каменными пластинами — пожалуй, самая лучшая обработка камня на всей территории майя — и наличие высоких башен. Обычно они помещаются на вершине здания

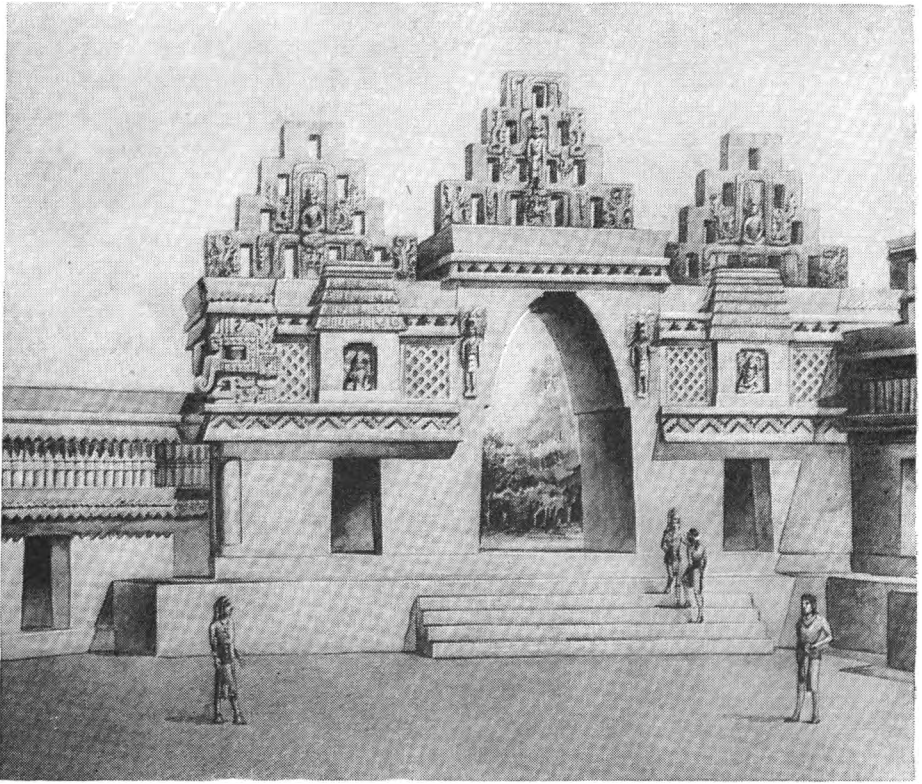
⁵⁰ Etzna — «The City of Grimacing Faces». — CIWP, News Service Bulletin, vol. I, № 24, Washington, 1928.

⁵¹ S. G. Morley. A Group of Related Structures at Uxmal, Mexico. American Journal of Archaeology, 2-d ser., vol. XIV, № 1, с. 1—18. Norwood, 1910.

Дворец в Сайиле.

Реконструкция Т. Проскуряковой

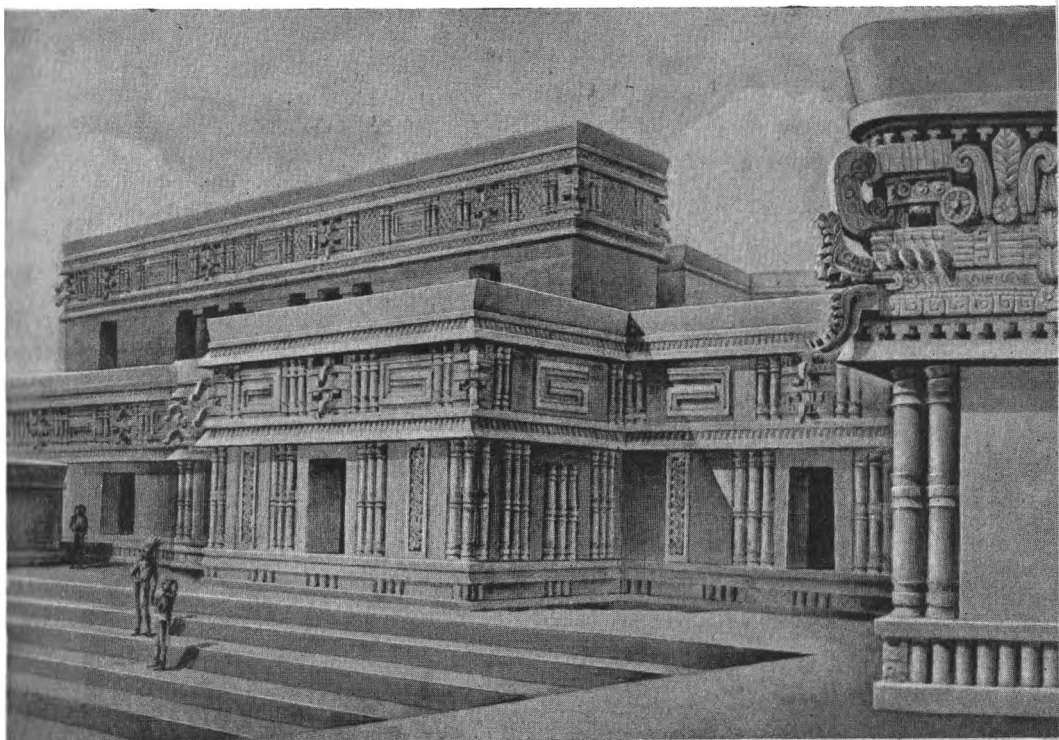

«Триумфальная арка» в Лабна.

Реконструкция Т. Проскуряковой

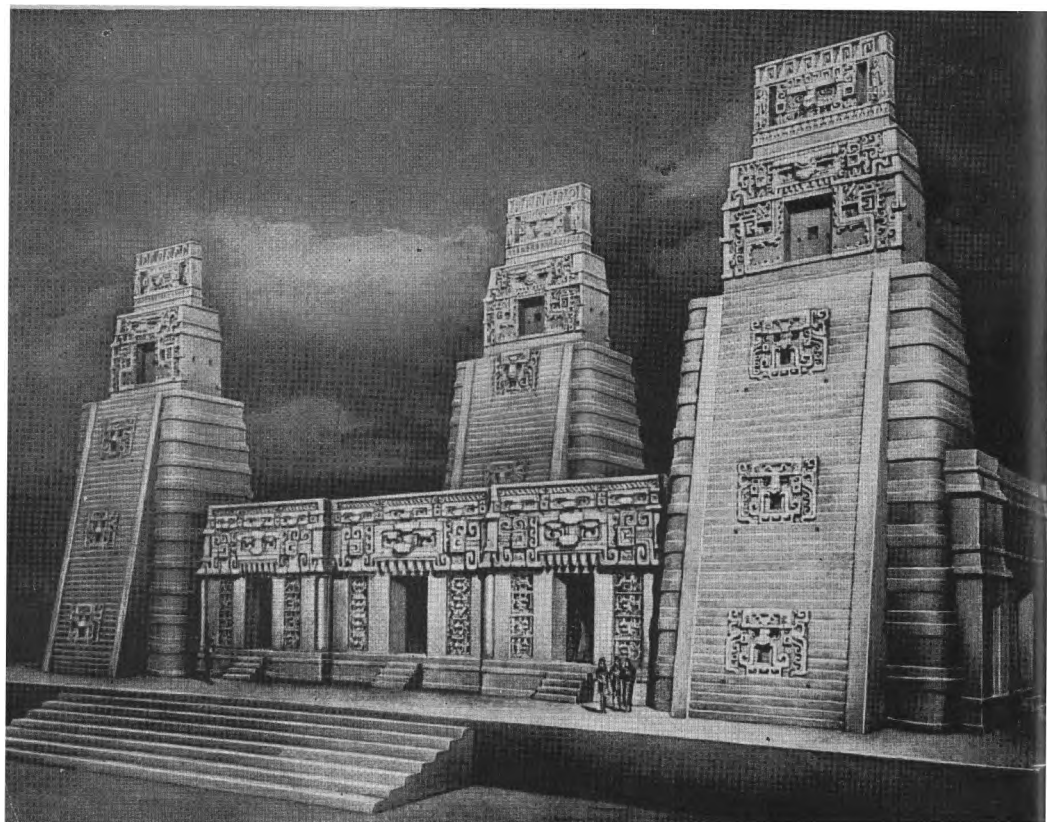
или у передних углов его, иногда в центре — спереди или сзади. На башни поднимаются широкие лестницы с чрезвычайно высокими ступенями, ведущие к ложным дверям храмов из сплошной каменной кладки. Таким образом, подобные башни не имели никакого практического назначения и использовались в чисто декоративных целях. Характерным примером такого здания может служить храм 1 в Шпухиль. Постройки стиля Рио Бек воздвигались на очень маленьких платформах; посредине лестниц обычно помещались скульптуры (ср. «Иероглифическую лестницу» в Копане). В противоположность другим стилям, здесь декорируется пояс ниже среднего карниза, в то время как верхняя часть здания остается незаполненной. Наиболее важные поселения этого стиля: Рио Бек, Кулучбалам, Шпухиль, Цибанче⁵², Бекан, Чама, Печаль и Ормигеро. Бекан,

⁵² T. W. F. Gann. Tzibanché, Quintana Roo, Mexico. *Maya Research*, vol. II, № 2, с. 155—166. New York, 1935.

Дворец в Лабне

Реконструкция Т. Проскуряковой

Храм I в Шухиле

Реконструкция Т. Проскуряковой

единственный из всех городов майя классического периода, окружен стенами и рвом; впрочем, ров возможно, относится к более позднему времени.

Последний стиль, называемый стилем старого Чичена, именуется так потому, что встречается лишь в одном поселении — ранних зданиях Чичен-Ицы дотольтекского времени. По своим особенностям он очень близок к стилю Пуук, включая тройные входы, групповые полуколонны, маски на углах и другие черты, описанные выше⁵³. Два или три здания в Чичен-Ица имеют так называемые летящие фасады, разновидность кровельного гребня, увеличивающего высоту здания.

Наиболее значительными архитектурными памятниками этого периода в Чичен-Ице являются «Красный дом», «Акаб-Циб», «Храм с одной притолокой», «Храм с тремя притолоками», «Женский монастырь», «Церковь» и др. Очень интересна так называемая «Караколь» (Улитка) — круглая башня, служившая астрономической обсерваторией. Название это здание получило из-за спиральной лестницы, ведущей в небольшую комнату на вершине. В толстых стенах ее прорезаны небольшие квадратные отверстия для астрономических наблюдений⁵⁴.

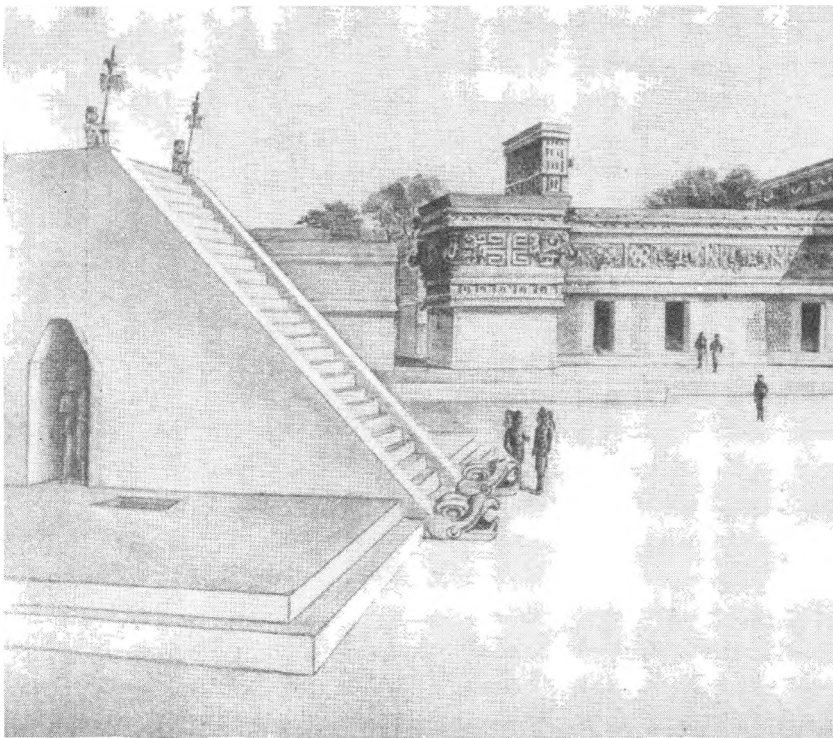
Все эти стили рассматривались раньше как внезапное возрождение майя на территории Юкатана после того, как ими были оставлены города классического периода. Теперь установлено, что эти архитектурные памятники знаменуют собой не возрождение, а продолжение стиля классического периода на Юкатане, превращение его в своеобразный локальный вариант⁵⁵. Он содержит в себе многие ранние элементы; например, маска чудовища с длинным носом, помещенная на углах здания, часто встречается в архитектурных памятниках Копана и др.

Хотя архитектурные памятники майя классического периода к моменту испанского завоевания были в развалинах и находились среди тропических лесов, было бы неправильным считать, что достижения этого периода оказались безвозвратно утраченными для следующих этапов развития искусства в странах Латинской Америки. Огромный строительный опыт, специфика архитектуры в этих областях, богатая орнаментировка зданий — все это переходило по наследству у майя из поколения в поколение и обусловило многие характерные черты мексиканской, твatemalaльской и гондурасской архитектуры

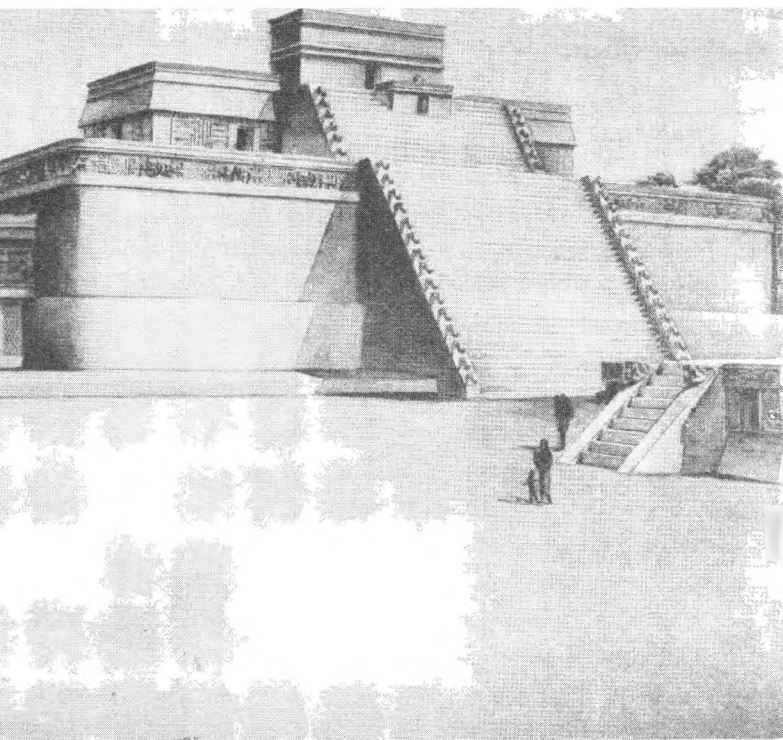
⁵³ См. характеристику архитектурных памятников этого периода в работе: K. Ruppert and J. H. Denison. *Archeological reconnaissance in Campeche, Quintana Roo and Peten.*— CIWP, № 543. Washington, 1945.

⁵⁴ K. Ruppert. *The Caracol at Chichen Itza, Yucatan, México.*— CIWP, № 454, Washington, 1935.

⁵⁵ A. Ruz. Lhullier. «The Ancient Maya» de Sylvanus G. Morley. *Cuadernos Americanos*, año 4, № 4. México, 1948.

**«Женский монастырь» в Чичен-Ица.
Реконструкция Т. Проскуряковой**

в колониальный период. По мере того как древние памятники извлекались из забвения, влияние их на творчество современных архитекторов становилось все более сильным. Об этом свидетельствуют, например, многие здания на Юкатане и в Гватемале конца XIX — начала XX в., явственно перекликающиеся с памятниками архитектуры майя. В последнее время эта связь с древними традициями еще более усилилась и окрепла.

6

Скульптурные памятники майя распадаются по своему назначению на несколько характерных, имеющих свои закономерности и особенности групп. Так же как и в разделе об архитектуре майя, представляется необходимым, прежде чем перейти к детальному рассмотрению майяских памятников пластики, остановиться, хотя бы вкратце, на некоторых общих проблемах, связанных с изучением скульптуры майя.

Основным материалом у майя был известняк, широко распространенный на территории, где они обитали. Он сравнительно легко поддается обработке, если недавно вынут из каменоломни, но затем, после пребывания на воздухе, приобретает большую твердость. Только лишь в немногих городах использовались другие породы камня, составлявшие там материковую основу. В Киригуа, Пусильха и Тонина это был песчаник, в Копане — андезит, вулканический туф. Вторым по масштабу применения материалом за известняком был шток, изготавливавшийся из того же известняка. Дерево, очевидно, вначале самый распространенный материал у скульпторов майя, в классический период употреблялось значительно меньше. Возможно, конечно, что много памятников деревянной скульптуры во влажном тропическом климате погибло бесследно. Глина редко применялась в монументальной скульптуре⁵⁶, но зато она царила в мелкой пластике.

Все орудия скульпторов были или деревянными (молотки) или каменными (резцы и рубила). Для последних применялись твердые породы камня — базальт и диорит. Металлических орудий у майя классического периода не существовало (медный топор, найденный в развалинах Киригуа, явно принадлежит к более позднему времени).

Монументальная скульптура майя может быть разделена на две большие группы: памятники, являвшиеся частью зданий (притолоки, настенные рельефы внутри помещений, рельефы и круглые скульптуры на фасаде), и другая, включающая сте-

⁵⁶ Вероятно, перед началом работы над монументальным памятником скульптор изготавливал уменьшенную модель его из глины.

лы и алтари. О памятниках первой группы речь уже шла в разделе об архитектуре; функции их в большинстве случаев не вызывают никаких сомнений. Значительно сложнее обстоит дело со второй, наиболее многочисленной группой памятников монументальной пластики.

Стела представляет собой каменную плиту обычно в форме уплощенного параллелепипеда, установленную вертикально. Средние размеры этого вида памятников: высота 3—3,5 м (включая нижний конец, уходящий в землю на глубину 0,5—0,8 м), ширина 1 м, толщина — 0,3—0,5 м. Однако отдельные стелы значительно отклоняются от этих средних данных; имелись и локальные и хронологические варианты.

Как уже указывалось выше, во многих городах майя найдены стелы без всяких изображений и надписей. Большинство исследователей считает, что они первоначально имели штукатуркой слой с лепными изображениями фигур и иероглифов, т. е. здесь применялась техника, впоследствии употреблявшаяся лишь при украшении кровельных гребней храмов. На некоторых стелах, действительно, сохранились следы штукатурной лепки. Возможно, что ряд стел расписывался по гладкому штукатурному слою (многоцветная раскраска стел применялась и в классический период). Ю. В. Кнорозов полагает, что в ряде случаев стелы воздвигались вообще без всяких изображений или надписей⁵⁷.

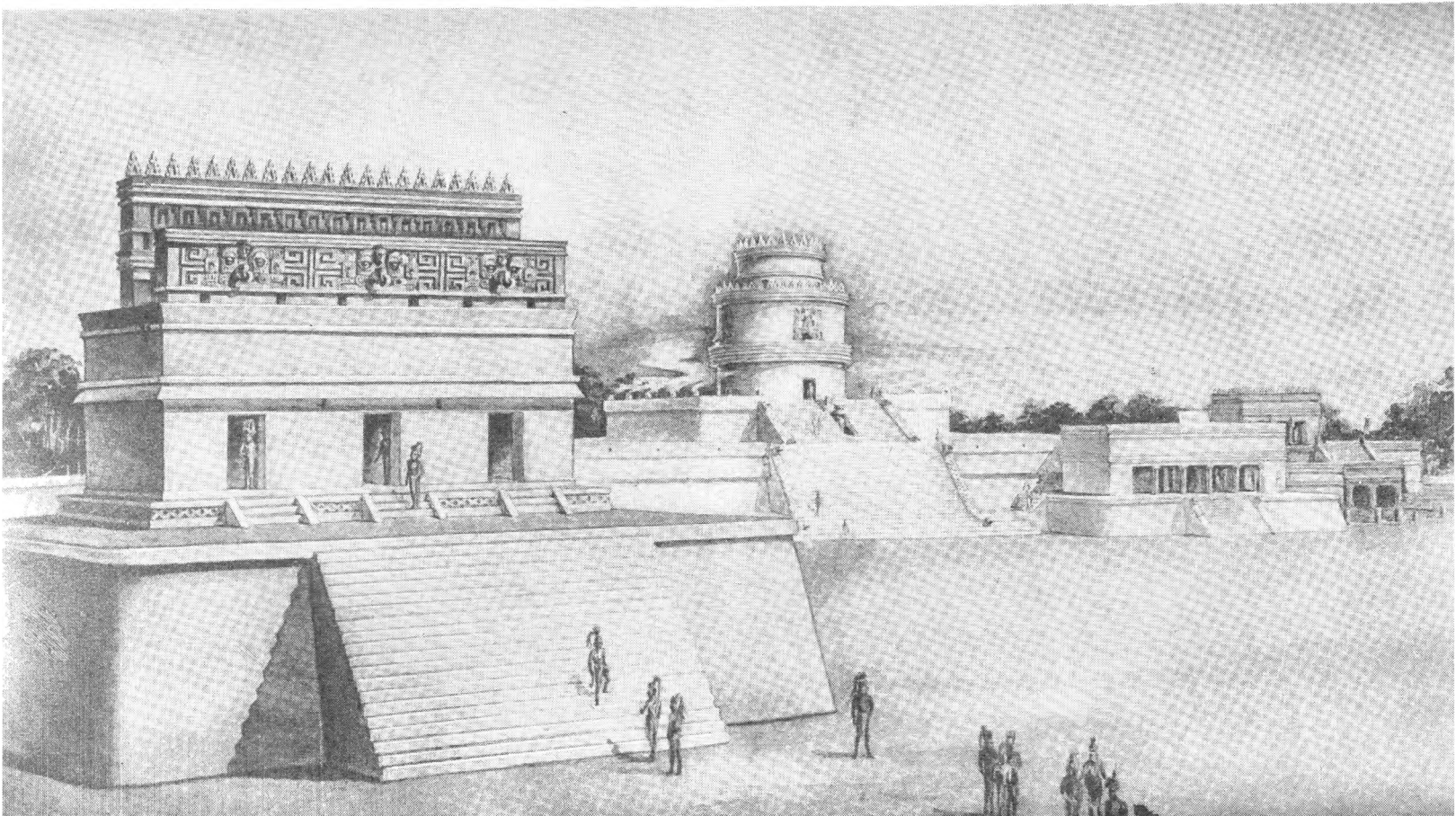
Обычно майяская стела в классический период имела на своей лицевой стороне однофигурное (реже двух- или трехфигурное) человеческое изображение, а на оборотной и боковых сторонах — иероглифические надписи. Встречаются, однако, стелы и с изображениями на боковых или оборотной сторонах; основными орнаментальными мотивами являлись кукурузные листья, перья кецаля и змеиные фигуры — излюбленная тематика в скульптуре и живописи майя. Особой разновидностью стел следует считать крупные изваяния мифологических чудовищ (обычно двухголовых), встречающиеся в Киригуа и Копане. Так же как и перед настоящими стелами, перед ними находятся алтари.

Стелы обычно воздвигались на городских площадях, у подножия пирамид или платформ; лицевая сторона памятника была всегда обращена к центру площади. Иногда стелы воздвигались на пирамидах, около стилобатов зданий или на платформах.

Часто встречается ряд разновременных стел, воздвигнутых около одного здания. Известны случаи, когда в древности стелы перемещали с одного места на другое.

⁵⁷ Ю. В. Кнорозов. Письменность индейцев майя. М.—Л., 1963, стр. 10.

«Красный дом» в Чичен-Ица. На втором плане «Караколь».
Реконструкция Т. Проскуряковой

Второй вид этой же группы памятников, обычно называемый алтарями, представляет собой круглую каменную плиту, установленную горизонтально на трех каменных подставках. Размеры алтарей крайне неодинаковы; самые крупные из них имеют диаметр около двух метров и подставки высотой около метра. Надписи и изображения располагаются на боковых сторонах алтаря или же на верхней. Довольно часто встречаются надписи и на подставках, поддерживающих алтари. Более редким типом алтарей являются невысокие прямоугольные каменные блоки, установленные прямо на земле. В этом случае изображения и надписи покрывают все его стороны. Алтари обычно помещались перед стелами; в некоторых случаях алтари на городских площадях находились вдалеке от каких-либо других сооружений.

О функциях алтарей и стел у нас имеются лишь самые приблизительные представления. В значительной степени это зависит от того, что надписи на них полностью еще не разобраны. Кроме того, по вопросу о характере изображений на ряде этих памятников у различных исследователей имеются значительные разногласия. Дело в том, что до самого последнего времени стелы, алтари и рельефы на притолоках и стенах не подвергались тщательному комплексному изучению ни как исторические памятники, ни как произведения искусства. И в настоящее время основные проблемы, связанные с этим видом памятников, далеко не могут считаться разрешенными.

Первым исследователем, предложившим некую общую гипотезу, охватывающую всю упомянутую выше группу памятников, был американский ученый С. Г. Морли, посвятивший изучению их почти всю свою жизнь. Но прежде чем перейти к изложению этой гипотезы, необходимо, хотя бы вкратце, остановиться на хронологической системе майя — вопросе, сознательно опущенном нами в разделе об архитектуре, чтобы не усложнять изложения⁵⁸.

На большинстве стел и других скульптурных памятниках майя исследователи обнаружили в числе других иероглифических знаков календарные записи и даты. Обычно имеющаяся дата выражена в виде так называемой начальной серии (это название было присвоено из-за того, что она чаще всего помещается в начале текста). Посредством этой «начальной серии» записывалось количество лет и дней, истекших от начальной даты 4 Ахау 8 Кумху (по-видимому, конец последнего потопа,

⁵⁸ Календарная и хронологическая система майя изложена здесь крайне упрощенно. Более подробные сведения можно получить из указанной выше работы Ю. В. Кнорозова (стр. 30—33, 249—262) и книги J. E. S. Thompson. *Maya Hieroglyphic Writing. Introduction.*— CIWP, № 589. Washington, 1950.

которых по мифологическим представлениям древних майя было несколько) до момента воздвижения данного памятника. Прошедшее время отмечалось количеством истекших дней (на языке майя — кин), месяцев по двадцати дней (виналь), годов по восемнадцать месяцев (тун), периодов по двадцать тунов (катун) и периодов по двадцать катунов (циклов)⁵⁹, равняющихся 144 тыс. дней, т. е. приблизительно четырьмя сотнями наших лет. Таким образом, дата, записанная по способу «начальной серии», имела приблизительно следующий вид: «От начальной даты 4 Ахау 8 Кумху прошло восемь циклов, четырнадцать катунов, три туна, один виналь и двенадцать кин до дня завершения (или посвящения) этого памятника». Современные исследователи, переводя цифры майя в наши и отбрасывая названия периодов (заменяя их позиционным положением чисел), записывают такую дату следующим образом: 8.14.3.1.12. Этот способ записи хронологических дат у майя, конечно, имел большие преимущества в силу своей точности⁶⁰.

⁵⁹ Употребляющееся в западной литературе для обозначения этого периода времени слово «бактун» является искусственным образованием и не засвидетельствовано источниками. Поэтому лучше избегать его применения.

⁶⁰ Если бы было известно соотношение даже только одной «начальной серии» с датами нашего календаря, то вычисление дат по хронологии майя не представляло бы никаких осложнений, и определение, на какое число нашего календаря падал этот исходный день, не вызывало бы затруднений. Но двойная запись дат по хронологической системе майя и по нашему летоисчислению имеется только в документах, относящихся ко времени после испанского завоевания, т. е. к концу так называемого юкатанского периода майяской истории. В этот период майя записывали даты исторических событий посредством так называемого краткого счисления, гораздо менее совершенного. Согласно этой системе одноименные даты могут повторяться через 93 600 дней (т. е. около 256 лет).

Исходный момент «начальных серий» — 4 Ахау 8 Кумху современные ученые могут установить только при помощи дат, выраженных в системе «краткого счисления». Поэтому исследователи расходятся в вопросе о выражении этой мифической начальной даты календаря майя в числах нашего календаря. Одни, как, например, Г. Дж. Спинден, помещают ее на 13 октября 3373 г. до н. э., другие (М. Эрнандес, Дж. Э. Томпсон, С. Г. Морли) — на 7 сентября 3113 г. до н. э., т. е. приблизительно на двести шестьдесят лет позже. Большинство специалистов в настоящее время придерживается последней системы пересчета лет, однако и она не может объяснить целого ряда спорных моментов.

В нашей работе даты приводятся по пересчету Дж. Э. Томпсона, так как при использовании другой системы получается разрыв между хронологией майя и датами других археологических культур Центральной Америки. Последние исследования методом радиоуглеродного анализа деревянных балок из тикальских храмов подтверждают, между прочим, датировку, предлагаемую системой пересчета Эрнандеса — Томпсона. См. L. Satterthwaite and E. K. Ralph. New radiocarbon dates and the Maya correlation problem.— «American Antiquity», 1960, vol. 26, № 2, p. 165—184.

С. Г. Морли, исследуя иероглифические надписи майя, обратил внимание на то, что во многих из них встречаются даты, кратные катуну, т. е. двадцатилетнему периоду. Отсюда американский исследователь вывел заключение, что у древних майя период времени в двадцать лет имел какое-то религиозное значение и что стелы воздвигались ими в ознаменование окончания такого периода или начала нового, а в более могущественных и экономически сильных городах, чтобы отметить половину или четверть катуна (т. е. приблизительно десять и пять лет). Этот принцип и был положен им в основу исследования всех памятников майяской монументальной скульптуры⁶¹. Взгляды С. Г. Морли с незначительными изменениями продолжают господствовать в зарубежной научной литературе и по настоящее время.

В действительности дело обстоит далеко не так просто. Во-первых, имеется большое количество памятников, даты на которых не совпадают с катуном или его дробными частями. Следовательно, можно предположить, что они воздвигались по какой-то иной причине, чем празднование завершения одного двадцатилетнего периода и начала другого. Часть их, бесспорно, ставили в ознаменование победы одного города-государства над другим; поэтому на них нередки изображения торжествующего победителя, попирающего ногами побежденного. К сожалению, никто из исследователей до сих пор не привел систематического сопоставления дат на стелах с их изображениями. Тот же Морли не уделял никакого внимания толкованию изображений на стелах, ограничиваясь лишь (и то в некоторых случаях) формальным стилистическим анализом фигур, чтобы подкрепить предлагаемую им датировку памятника.

А между тем подобная работа могла бы дать немало полезного для уяснения функций памятников монументальной скульптуры. Следовало бы также обратить внимание и на детали изображений на «юбилейных» (т. е. воздвигнутых в конце катуна) стелах; по нашему мнению, детали убранства и церемониальные жезлы в руках изображенных на них лиц имеют определенное значение. Решающее значение, однако, в правильном понимании и победных, и юбилейных стел имеет,

⁶¹ Кроме указанных выше работ С. Г. Морли, см. также: The hotun as the Principal Chronological Unit of the Old Maya Empire.— «Proceedings of the International Congress of Americanists, 19-th Session», Washington, 1917, p. 195—210. Следует иметь в виду, что, кроме «начальной серии», майя помещали на стелах и другие даты, выраженные менее точным способом. Морли, восстанавливая по ним «начальную серию», следовал своей гипотезе, не всегда учитывая возможности и иных толкований. Поэтому целый ряд памятников майяской скульптуры отнесен у него к датам катуна или его частей, хотя в действительности никаких круглых дат на данном памятнике не имеется

конечно, истолкование высеченных на них иероглифических надписей.

Отрадно отметить, что в последнее время для разрешения этой важнейшей проблемы наметился новый и перспективный метод⁶².

Интересное толкование символики юбилейных стел предложено недавно Ю. В. Кнорозовым. Он пишет: «В дальнейшем (со второй половины IV в. н. э.— Ю. К.) юбилейные стелы получают широкое распространение, что свидетельствует о значительных изменениях политического и религиозного характера. Юбилейные стелы неразрывно связаны с культом богов, правящих поочередно в течение определенного периода. Религиозные представления о переходе власти от одного бога к другому, несомненно, являются отражением реально существовавшего института смены правления по родам. Появление юбилейных стел, по-видимому, свидетельствует о том, что захват власти одной династией получил религиозную санкцию. Смена власти происходит уже не в реальной жизни, а у богов. Земной владыка, вместо того, чтобы передавать власть, получает от очередного бога инвеституру на правление.

Можно предполагать, что племя, организация которого послужила образцом, состояло из двадцати родов, объединенных в четыре группы (по две во фратрии). Такая структура является традиционной для многих племен Мексики. В период разложения родового строя у власти ежегодно менялись представители четырех групп родов (четырёхлетний цикл, сохранившийся у майя в религиозной практике до XVI в.). В дальнейшем возникают тенденции, во-первых, удлинить срок правления и, во-вторых, сделать передачу власти фиктивной. В результате сочетания четырёхлетнего цикла с летоисчислением по ре «двадцатилетие» разделили на четыре периода (по пять тунов), в конце которых воздвигаются стелы. Уже чисто жреческого происхождения, по-видимому, мистические учения

⁶² T. Proskouriakoffa. Historical implications of a pattern of dates at Piedras Negras, Guatemala.— «American Antiquity», 1960, vol. 25, № 4, p. 454—475. Сопоставляя даты на стелах Пьедрас Неграс с изображениями на них, Т. Проскурякова делает вывод, что в Пьедрас Неграс стелы воздвигались в ознаменование прихода к власти нового правителя города, на других отмечались важнейшие события из его жизни и т. д. Таким образом, согласно Т. Проскуряковой, большинство стел этого города связано с конкретными историческими событиями, а не с отвлеченными календарными расчетами, увековечивавшимися жрецами. Автор отмечает ряд иероглифических знаков, передающих различные виды исторических событий («восшествие на престол», «завоевание» и др.), не затрагивая вопроса об их фонетическом звучании. Близкие по назначению памятники монументальной скульптуры выделены исследовательницей и в других городах майя классического периода.

о тринадцати небесных богах, каждый из которых правил целое «двадцатилетие»⁶³.

Монументальная скульптура майя могла и должна была бы явиться темой специального большого исследования. Однако эта тема лишь в последнее время начинает привлекать к себе внимание. Первые наблюдения в этой области были сделаны Г. Дж. Спинденом, но они ограничились в сущности лишь копанскими материалами классического периода. В 1950 г. вышла книга Т. Проскуряковой, посвященная скульптуре майя классического периода в целом⁶⁴. В ней имеется немало ценных наблюдений, главным образом по стилистическому анализу памятников, разработана подробная система их датировки по деталям изображений, но главное, к сожалению, в этой работе отсутствует. Т. Проскурякова не уделяет никакого внимания значению изображений, общественной роли монументальной скульптуры и т. д. Ее интерес сосредоточивается исключительно на формальном стилистическом анализе и вопросах хронологического соответствия памятников. Однако и тщательная разработка этих проблем, произведенная Т. Проскуряковой, является значительным шагом вперед в изучении майяской скульптуры.

Памятники скульптуры майя, как и скульптурные памятники любого другого народа древности, могут быть сгруппированы по различным принципам: хронологически, стилистически, тематически, по технике выполнения или, наконец, по центрам производства. Однако подлинное исследование должно включать в себе рассмотрение их как памятников искусства, комбинируя все эти данные, при постановке во главу угла вопросов эстетического воздействия памятника. Но пока это остается лишь простым пожеланием.

7

Лицевая сторона майяской стелы, как правило, изображает мужскую фигуру — правителя или бога. Эти изображения следуют определенному канону, выработавшемуся в течение нескольких веков. Обычно лицо дается в профиль, редко в $\frac{3}{4}$, торс — в фас; головы удлинены согласно майяскому идеалу красоты, длинный орлиный нос, маленький рот с опущенными концами, небольшой округленный подбородок, широкий, сильно отступающий назад лоб, большие, слегка раскосые глаза, прямые волосы, небольшие, хорошо сформирован-

⁶³ Ю. В. Кнорозов. Письменность индейцев майя, стр. 12—13.

⁶⁴ Т. Proskouriakoffa. A Study of Classic Maya Sculpture.— CIWP, Publ. 593, Washington, 1950.

Метка со стадиона для игры в мяч в Чинкультике

ные руки и ноги. Обратная сторона стелы, а позже и две боковых, покрывались орнаментикой и иероглифическими надписями. Значительно реже на лицевой стороне встречается многофигурная композиция, иногда захватывающая и боковые стороны; обычно композиции такого рода помещались на притолоках или настенных рельефах.

На древнейших (пока известных нам) скульптурных памятниках майя с территории Центрального Петена (недавно найденная стела 29 в Тикале, так называемая «Лейденская табличка», стела 9 в Вашактуне), датирующихся концом III — началом IV в., эта центральная фигура на стелах изображается еще достаточно неумело: пропорции ее неверны и приземисты, тело кажется безжизненным и деревянным. Голова персонажа повернута в профиль, обычно влево (с точки зрения смотрящего на стелу), точно так же, как руки и ноги, но торс передается в фас. Характерны большие массивные ушные подвески,

напоминающие об ольмекском влиянии⁶⁵. Подобную передачу фигуры мы встречаем и на ранних скульптурных памятниках древнего Египта. Технические особенности рельефа на древнейших памятниках майяской скульптуры также близки к египетским.

Долгое время считалось, что первые попытки в создании монументальной скульптуры майя имели место в городах на территории Петена. Последние открытия несколько изменили наши представления в этой области. Недавно опубликованные стелы из Каминальхуйу и Чокола⁶⁶ заставляют предположить, что первые шаги в этом виде искусства (по крайней мере в камне) были сделаны в горной части Гватемалы еще в доклассический период. В дальнейшем, однако, развитие скульптуры здесь остановилось, и последующий этап начинается в нижней части Гватемалы (Петен) в начале классического периода, по всей видимости, самостоятельно от предшествующих попыток в горной. Около середины IV в. в Тикале и Вашактуне появляются рельефы с фигурами, изображенными в фас. С этого времени в майяской монументальной скульптуре можно заметить две линии развития: рельефы с позировкой тела, подобной древнейшим изображениям, совершенствуясь в композиции и пропорциях и реалистичности передачи тела, остаются рельефами; рельефы на стелах с передачей фигуры в фас обнаруживают тенденции постепенного перехода к почти круглой скульптуре. При этом последнем направлении решение поставленной задачи достигалось различными путями. В городах юго-востока (например, Копане и частично Киригуа), а также в Тонина оно впоследствии привело к тому, что на лицевой стороне стелы фигуры выдавались приблизительно на три четверти (см. составленную Г. Спинденом диаграмму пропорций тела и схему горизонтального разреза копанских стел)⁶⁷. С другой стороны, в некоторых городах, расположенных по р. Усумасинте, например в Пьедрас Неграс, фигура помещалась в нише, находившейся в верхней части стелы. По всей видимости, такие ниши должны были изображать трон с балдахином — один из отличительных знаков власти у древних майя. Интересно попутно отметить, что такой же мотив (фигура в нише) спорадически появляется и на стелах Киригуа (например, стела 1, обо-

⁶⁵ Влияние ольмекских монументальных памятников на раннюю скульптуру майя несомненно. Особенно сильно оно чувствуется в горной части Гватемалы, см., например, стелу из Каминальхуйу (A. Kidder II and C. Samayoа Chinchilla. *Op. cit.*, pl. 7), статуэтку сидящего мужчины (*ibid.*, tabl. 23), но следы его заметны и на памятниках Центрального Петена (упомянутые выше маски на пирамидах Вашактуна и Тикаля, статуэтка из Вашактуна — *ibid.*, pl. 36) и др.

⁶⁶ *Ibid.*, tabl. 7, 91.

⁶⁷ H. J. Spinden. *Op. cit.*, p. 157—158, fig. 212, 215.

ротная сторона), причем она датируется несколько более поздним временем (стелы 6 и 14 в Пьедрас Неграс — 9.12.15.00. и 9.16.15.0.0.⁶⁸, стела 1 в Киригуа — 9.18.10.0.0., т. е. 687 г., 766 г. и 800 г.). Случайное ли это совпадение или свидетельство проникновения в Киригуа каких-то влияний из Пьедрас Неграс, сказать пока трудно. До полного своего развития, т. е. до настоящей круглой скульптуры, эти виды горельефа, однако, не дошли. Последняя высшая ступень их — это стенная панель из здания 0—13 в Пьедрас Неграс, к которой мы еще возвратимся позднее, и великолепный по замыслу и исполнению, но сильно поврежденный фрагмент рельефа из того же города, приводимый П. Келеменом в его работе по древнеамериканскому искусству⁶⁹.

Конец раннего классического периода в истории майя был ознаменован какими-то значительными событиями, возможно, результатами крупных общественных сдвигов. Во всяком случае в период с 534 по 593 г. (9.5.0.0.0.—9.8.0.0.0. по хронологии майя) монументальные скульптурные памятники с датами в большинстве городов не воздвигаются. Более того, в некоторых городищах (например, в Тикале) археологи установили, что в это время многие стелы были разбиты или повержены на землю. Таким образом, налицо свидетельства о борьбе одной группы общества против другой или одного города-государства против другого; данные керамики до этого не позволяли предполагать чужеземное вторжение. Но к концу VI в. эти волнения оканчиваются; во многих городах снова начинают воздвигаться датированные стелы, в том числе и юбилейные. Количество их непрерывно растет.

В продолжение следующего периода (620—730 гг., 9.9.10.0.0.—9.15.0.0.0) скульптура майя, оставаясь в намеченных выше рамках, проходит большой путь развития. Фигуры на рельефах первого вида сохраняют еще статические позы, но становятся более естественными, анатомические пропорции их — более правильными, иногда появляются элементы передачи движения. Чаще всего голова изображаемого персонажа повернута в левую сторону, реже — вправо; очень часто при этом все тело изображается в профиль, хотя имеются и изображения в анфас. Ступни ног повернуты в разные стороны носками. Большое внимание уделяется декоративным деталям, тщательно проработанным. Усложняется значительно композиция изображения.

⁶⁸ Дата дана по работе: J. E. S. Thompson. The Initial series of Stela 14, Piedras Negras, Guatemala, and a date on Stela 19, Naranjo, Guatemala.— CIWIP, Div. Hist. Research. Notes on Middle Am. Arch. and Ethnol., № 18, Cambridge, 1943.

⁶⁹ P. Kelemen. Medieval American Art, vol. I. New York, 1944, p. 129; vol. II, pl. 78-a.

Если на древнейших памятниках чаще всего мы видим одиночную, неподвижно застывшую фигуру правителя или бога, то на рельефах этого периода появляются и другие персонажи, играющие немаловажную роль. В качестве примера можно привести рельеф на притолоке № 24 из здания № 23 в Йапчилане, где скульптор прекрасно передал монументальность и неподвижность статуи божества и, с другой стороны, напряженность позы жреца, приносящего этому божеству жертву и с мольбой и надеждой смотрящего на него. Заслуживает внимания и способ, которым мастер пытался преодолеть параллельность фигур, изображенных на рельефе: длинный жезл в руках божества пересекает изображение по диагонали; одновременно его верхняя часть, украшенная пышным пучком перьев, заполняет пустоту над головой жреца и уравнивает помещенную слева иероглифическую надпись⁷⁰.

Претерпевает значительные изменения и второй вид рельефа, тяготеющий к круглой скульптуре. Хотя четырехгранная форма стелы в описываемый период еще полностью не преодолена, однако в этом направлении намечаются определенные сдвиги. Некоторая скованность фигуры, диктуемая уже самой формой стелы, творчески переосмысливается: скульптор ставит задачей изобразить правителя в торжественной, спокойной и величавой позе. Лицо его равнодушно, глаза либо опущены на прижатый к груди горизонтально церемониальный жезл (так называемая змеиная полоса), символ его власти, либо устремлены вперед. Прекрасный образец такого вида рельефа мы имеем в стеле Р из Копана, воздвигнутой в 9.9.10.0.0., т. е., в 623 г.⁷¹

К концу этого второго периода, к середине VIII в. скульпторы майя окончательно преодолели технические трудности; ни материал, ни несовершенные орудия не являются для них препятствием при выполнении поставленных перед ними задач. К этому же времени относится и появление значительных стилистических различий в скульптурных памятниках разных городов, приведшее в следующем периоде к появлению и оформлению отдельных местных художественных течений или «школ». К сожалению, мы слишком еще мало знаем о различиях в идеологии между отдельными городами-государствами, чтобы достаточно полно осветить внутреннее содержание этих течений. Поэтому характеристика их поневоле приобретает несколько формальный характер.

Третий период (9.16.0.0.0—10.3.0.0.0., со второй половины VIII в. по конец IX в.) является вершиной в развитии майяской скульптуры. Наиболее яркой его чертой является

⁷⁰ A. P. Maudslay. Op. cit., t. II, tabl. 86.

⁷¹ Ibid., t. I, tabl. 86—87.

стремление скульптора передать движение, разрушить характерную для предшествующих памятников статичность.

В это время окончательно формируются и развиваются различные художественные направления в скульптуре городов Пьедрас Неграс, Йашчилана, Паленке, Тикаля, Ошкинтока, Тонина, Копана и Киригуа. Часто появляются многофигурные композиции, на многих памятниках рельеф свободно комбинируется с горельефом. Последние две черты особенно характерны для творчества скульпторов городов, расположенных в долине р. Усумасинты или по ее притокам: Пьедрас Неграс, Паленке и Йашчилана. Великолепная стела 12 из Пьедрас Неграс, воздвигнутая, по всей вероятности, в 9.18.5.0.0., т. е. в 795 г., может служить характерным образцом многофигурной композиции в скульптуре майя⁷².

Памятник этот находился некогда около здания 0-13, известного своим настенным барельефом, о котором речь пойдет ниже. Размеры стелы весьма значительны: высота ее свыше трех метров (причем к этому надо добавить по крайней мере еще один метр для части, погруженной в землю), ширина — 1 м, толщина плиты — 42 см. Изображения помещены только на лицевой стороне, оборотная сторона гладкая; по узким бокам расположены столбцы иероглифических надписей. Материал — местный желтоватый известняк. Стела была разбита на четыре неравные части; в настоящее время она реставрирована и находится в музее Пенсильванского университета в Филадельфии.

В верхней части памятника изображен сидящий на троне или помосте правитель (предположение Малера, что это бог, не соответствует действительности. Вся сцена носит совершенно «земной характер»). На нем — богатое одеяние из перьев, различные украшения и шлем с султаном. Левая рука его положена на бедро, правая — держит церемониальное копьё, фигура его наклонена вперед; он внимательно рассматривает то, что происходит внизу. Прекрасно переданному скульптором движению тела соответствует и передача одежды и пышного головного убора владыки Пьедрас Неграс (по всей видимости, на стеле изображен правитель именно этого города)⁷³. Скульптор

⁷² T. Maler. Researches in the Central Portion of the Usumasinta valley. Report of Explorations for the Museum, 1898—1900.— MPM, vol. II, № 1, tabl. XXI. Cambridge, 1901, p. 60—62; Paul Schellhas. Die Stela 12 von Piedras Negras.— «Zeitschrift für Ethnologie», Bd. 66. Berlin, 1934, S. 416—422; S. G. Morley. The Inscriptions of Peten, vol. III, p. 262—271.

⁷³ П. Шельхас считает, что стела 12 воздвигнута племенем поцилей, жившим в 140—150 км от Пьедрас Неграс, так как в надписях около персонажей часто повторяется знак «zotz» — «летучая мышь». Это предположение мало вероятно. По мнению Ю. В. Кнорозова, знак этот, будучи фонетическим, мог передавать и понятие «пленный».

умело использует длинный султан головного убора, чтобы заполнить остающееся за головой правителя пространство. Одновременно этот изгиб перьев дает естественное обоснование мягко закругленной верхушке стелы. Ниже правителя, по краям стелы, помещены фигуры двух представителей знати; они изображены в профиль, лицами друг к другу; оба в богатых одеждах. В руках у левого персонажа какой-то неясный предмет, возможно, церемониальный жезл в виде священной «змеиной полосы», правый персонаж левой рукой держит копьё, другая рука положена на грудь. Между ними сидит на поджатых ногах четвертый человек, почти обнаженный, но с богатыми украшениями (ожерелье, ушные подвески, головной убор из перьев). Лицо его поднято вверх, к правителю. Обычно считается, что это захваченный в плен вражеский полководец, но, думается, что, скорее, здесь изображен просто придворный писец или какой-то другой чиновник, иначе он был бы связан.

Ниже этой группы помещены изображения восьми скорченных нагих пленников; руки их, загнутые за спину, связаны веревками; другая толстая веревка опоясывает их туловища. Головы большинства пленников подняты, они с ужасом смотрят на правителя, ожидая решения своей участи или, может быть, уже предугадывая грядущее жертвоприношение. Обращает на себя внимание подчеркнутая индивидуальность в передаче образов пленных, отчетливо показаны различные люди или разные этнические типы: у одного — характерное украшение в носу (близкое, между прочим, к более поздним тольтекским), другой — редкая черта у индейских народностей — имеет густую бороду, третий (крайний справа), старый, худой человек, печально смотрит вниз. Триумфальный характер изображенной на стеле сцены не подлежит сомнению. Очевидно, этот мемориальный памятник был воздвигнут вскоре после какой-то крупной победы войск Пьедрас Неграс над войсками другого города.

Вся композиция рельефа строго уравновешена и гармонична. Поражает мастерство, с которым скульптор сумел расположить на имевшемся в его распоряжении пространстве все фигуры, не оставляя пустот и не нагромождая деталей, что нередко встречается в более ранних памятниках. Будучи, очевидно, поставлен перед задачей изобразить перспективу галереи или зала, в котором правитель принимает пленных, мастер решил ее путем членения рельефа на несколько поясов изображений, причем нижние фигуры даны более плоским рельефом, а верхние — более далекие — достигают горельефной глубины. Такое решение перспективы полностью оправдывает себя на памятнике. Благодаря этому же решению скульптор смог дать яркое противопоставление торжествующего победителя и покорно ждущих своей участи побежденных.

Другим великолепным образцом произведений той же скульптурной школы является выполненный на несколько десятилетий раньше (вероятно, в 9.16.10.0.0., т. е. в 761 г.) большой барельеф № 3 (часто неправильно называемый в научной литературе притолокой), украшавший стену здания 0-13 в Пьедрас Неграс. Размеры его равны 1,26 м длины, 0,62 м высоты и 0,14 м глубины; глубина резьбы местами доходит до 4 см. Этот барельеф принадлежит к числу лучших памятников всей древнеамериканской скульптуры. Для него, как и для других скульптур Пьедрас Неграс, характерно сочетание плоского рельефа с горельефом, достигающим местами почти до круглой скульптуры. На этом памятнике в ряде случаев головы, руки и ноги персонажей полностью отделены от фона. Композиция изображает правителя, сидящего на величественном троне, спинка которого передает маску божества. Левой рукой правитель опирается на край трона, в поднятой правой руке он держит церемониальный жезл, украшенный пучком перьев. Туловище центрального персонажа подано вперед: он смотрит на сидящих у подножья его трона сановников. По бокам трона помещены группы придворных: слева — трое, справа — трое или четверо (возможно, двое из них мальчики). У всех них руки сложены на груди — знак почтения и повиновения у древних майя. К сожалению, из-за того, что горельефные части были сколоты, невозможно сказать что-либо определенное о том, как были выполнены лица персонажей. У подножья трона внизу изображено семь сидящих на поджатых ногах людей; большой сосуд на трех ножках, стоящий на земле в центре, разбивает сидящих на две группы. По всей видимости, — это члены совета, существовавшего при правителях, а сам барельеф изображает собрание такого совета. Обращают на себя внимание характерные различия в изображении членов совета; очевидно, скульптор желал как-то передать индивидуальные особенности каждого изображенного персонажа (старческая тучность и т. п.). Композиция обрамлена тщательно вырезанной иероглифической надписью, расположенной в виде прямоугольной рамки. Упомянутый выше фрагмент притолоки № 1 (тоже, очевидно, в действительности стенная панель, а не притолока) стилистически настолько близок к разбираемому барельефу, что, вероятно, является произведением одного и того же мастера. Поражает монументальный стиль памятника; обычно по фотографии у зрителя создается впечатление о больших размерах барельефа, хотя он, как мы видели, очень невелик. Причина этого в монументальности скульптурного выполнения, что является характерным для памятников пластики Пьедрас Неграс. К другим отличительным чертам этой же скульптурной школы принадлежат мягкость очертаний, умелое комбинирование низкого и высокого рельефа,

гармоничность и уравновешенность композиций. Движения изображенных персонажей мягки и пластичны; лица их (в особенности несколько уцелевших штукowych голов, очевидно, от рельефов на кровельных гребнях) отличаются жизненностью и простотой черт. Из всех скульптурных школ майя мастера Пьедрас Неграс, несомненно, сделали наибольший шаг к реалистическому искусству античного типа. Но в Пьедрас Неграс (так же, как и в других городах майя) встречаются памятники и иного стиля, одновременные с описанными выше, что свидетельствует о наличии различных творческих направлений.

Скульптурная школа Паленке⁷⁴ во многих отношениях была близка творчеству мастеров Пьедрас Неграс. В произведениях этой школы мы встречаемся с той же мягкостью, чистотой и благородством очертаний, безупречностью пропорций, уравновешенностью и гармоничностью композиций. Основным материалом скульпторов Паленке был штур, которым они владели блестяще; каменные рельефы встречаются там (из-за упомянутых в разделе об архитектуре свойств паленкского известняка) гораздо реже. Создание рельефов из штура в условиях влажного тропического климата было значительным техническим достижением и требовало от скульпторов иных навыков, чем при работе по камню. Так, например, освидетельствование штукowych рельефов в паленкском дворце показало, что они время от времени реставрировались: покрывались тонким слоем штура, на котором резцом восполнялись детали, и заново раскрашивались. На многих рельефах оказалось по несколько таких слоев.

Рельеф господствует в Паленке. Им были украшены наружные стены зданий, составляющих дворец, на внутренних стенах помещались медальоны, в святилищах — большие рельефы, так называемые таблесты. Замечательные образцы рельефной пластики были недавно найдены на стенах склепа в пирамидальной базе «Храма надписей».

В творчестве паленкских скульпторов имеются черты, отличающие памятники этого города от всех остальных. Игра низкого и высокого рельефа, столь характерная для ваятелей Пьедрас Неграс, почти совершенно не привлекла мастеров Паленке, их рельефы значительно менее выпуклы. Видеть причину этого явления в материале не следует, — в том же Паленке сохранились прекрасные образцы круглой скульптуры из штура,

⁷⁴ R. T. del Trevigiano. Personalita e scuole di architetti e scultori maya a Palenque.— «Critica d'arte». Firenze, 1958, N 28, p. 246—285.

Голова молодого воина из погребального склепа
«Храма надписей» в Паленке →

в числе которых находятся такие замечательные произведения, как голова молодого воина⁷⁵. Лица персонажей на рельефах следуют майяскому идеалу красоты: у них вытянутые, уплощенные лбы (очевидно, следствие искусственной деформации головы), большие орлиные носы, раскосые глаза. Фигуры, несомненно, передают индивидуальные особенности: различный рост, старческую сутуловатость, стройность и подтянутость юношеского тела и т. д. Большое внимание уделяется деталям, в частности деталям костюмов: сандалии, щитки на ногах, пышные головные уборы из перьев, украшенные драгоценными камнями и раковинами одежды, ожерелья, ручные и ножные браслеты изображаются скульптором с величайшей тщательностью, доходящей порой до педантизма. Обычно композицию окружает рамка или из иероглифов, или из искусно сгруппированных декоративных элементов.

Характерным образцом паленкского рельефа может служить неоднократно воспроизводившаяся таблетка из «Храма солнца»⁷⁶. В центре ее помещена маска бога земли на щите, прикрепленном к двум перекрещенным копьям. Копья покоятся на священной «змеиной полосе», лежащей на спинах двух скорченных пышно одетых человеческих фигур, сидящих на земле. Справа от центрального изображения также на скорченной человеческой фигуре стоит очень высокий, худой, просто одетый жрец, подносящий к священному символу земли на вытянутых руках небольшую статуэтку сидящего божества. Слева находится жрец маленького роста в пышном костюме, но босой, также стоящий на согбенной человеческой фигуре; в руках у него статуэтка сидящего божества несколько большего размера. С боков изображение окаймлено большой иероглифической надписью. Интересно попутно отметить, что те же два персонажа фигурируют и на рельефах в святилищах двух других паленкских храмов: «Храме креста» и «Храме лиственного креста»⁷⁷. Очевидно, оба персонажа — исторические лица, существовавшие в действительности, хотя «Храм креста» по своей дате (9.10.10.0.0., т. е. 642 г.) более древний, чем два остальных (их даты — 9.13.0.0.0. — 692 г. — совпадают).

Интересным образцом культовой трактовки бытовой сцены может служить рельеф на крышке саркофага из крипты

⁷⁵ I. Groth-Kimball and F. Feuchtwanger. The Art of ancient México. London — New York, 1955, pl. 55.

⁷⁶ A. P. Maudslay. Op. cit. t. IV, tabl. 88.

⁷⁷ Ibid., tabl. 76, 81.

«Храма надписей», изображающий покойного правителя лежащим у подножья дерева — символа вселенной, — на вершине которого сидит птица. Все свободное пространство вокруг центральных фигур заполнено символическими знаками благополучия, мешающими правильному восприятию изображенной сцены. Дерево также трактовано очень схематично и резко контрастирует с реалистичным портретом правителя ⁷⁸.

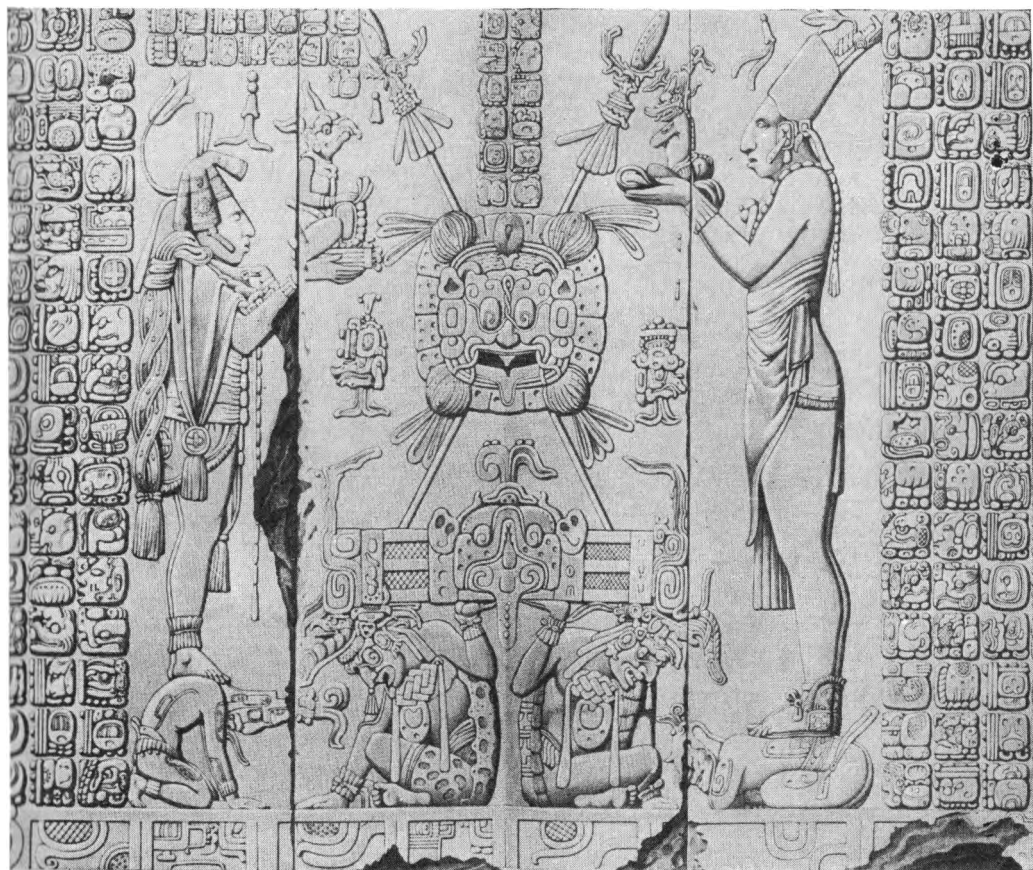
К сожалению, большинство штукowych рельефов Паленке сильно пострадало от климатических условий, археологических «изысканий» капитана дель Рио и варварского обращения случайно забредавших в развалины искателей жевательной смолы — чиклеро. Поэтому в ряде случаев мы можем составить о них более ясное представление только по рисункам путешественников прошлого столетия, видевших их не в столь разрушенном состоянии. Об одном из рельефов — возможно, самом выдающемся в художественном отношении — таблетке из «Храма прекрасного рельефа» — мы имеем возможность судить лишь по рисунку Фр. Вальдека, видевшего его не разрушенным. В настоящее время он уже не существует. Вальдек, конечно, внес определенный момент «европеизации» в свой рисунок, но сюжет и композиция утраченного рельефа из него все-таки достаточно ясны (см. стр. 117).

Скульптурная школа Паленке, несомненно, оказывала большое художественное влияние на памятники соседних с ним городов. Можно проследить, как изменения и нововведения, отмеченные в творчестве паленкских мастеров, через некоторое время неожиданно появляются на памятниках, расположенных иногда довольно далеко от Паленке. В середине 30-х годов текущего века экспедиция Туланского университета раскрыла в поселении Комалькалько (расположенном в мексиканском штате Табаско, приблизительно в 150 км к северо-западу от Паленке) небольшой кирпичный склеп с нетронутым захоронением. Стены склепа были покрыты штукowymi рельефами, изображающими девять мужских фигур (по три на каждой стене, кроме входной); погребение и сооружение склепа приблизительно датировалось 9.13.0.0.0., т. е. концом VII в. ⁷⁹ В стиливых особенностях рельефов из Комалькалько наряду с местными чертами совершенно неожиданно для исследователей было обнаружено несомненное влияние мастеров паленкской школы. Следы воздействия той же скульптурной школы видны и на стеле из Балам-Кана ⁸⁰, изображающей победителя, который избивает

⁷⁸ P. Rivet. Cites maya. Paris, 1954, p. 105, pl. 88.

⁷⁹ Tribes and Temples. A Record of the Expedition to Middle America conducted by the Tulane University of Louisiana in 1925, vol. I. New Orleans, 1926, p. 115—130, fig. 97—110.

⁸⁰ I. Groth-Kimball, F. Feuchtwanger. Op. cit., tabl. 46.

Настенный рельеф из «Храма солнца» в Паленке.

Рисунок Фр. Вальдаха

лежащего на земле пленника (стела хранится в музее г. Вильярмоса, Табаско). Может быть, не случайно, наконец, что расцвет скульптуры в Йашчилане начинается на одно поколение позже, чем в Паленке, а в Пьедрас Неграс — приблизительно на два поколения. Однако о прямой связи между этими тремя городами говорить трудно, так как линии художественного развития были у них различными.

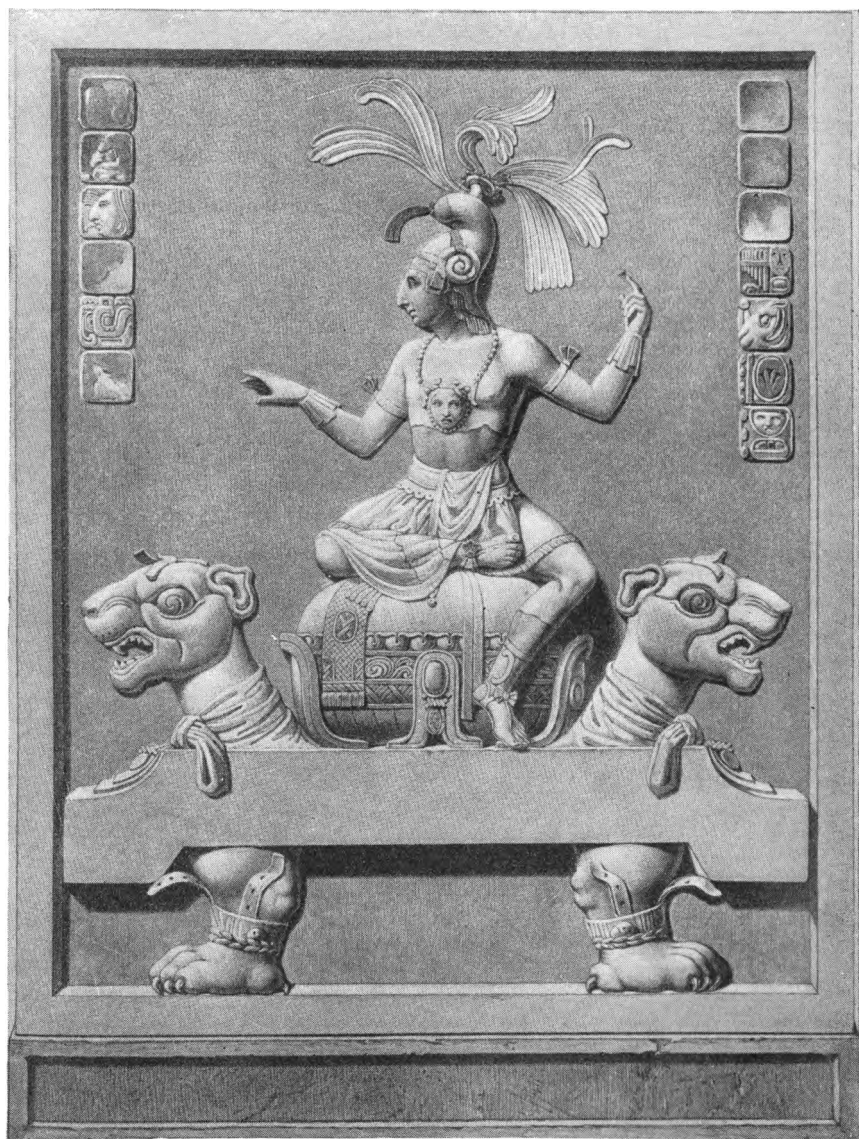
Скульптурная школа Йашчилана была во многом противоположна паленкской школе как по материалу и технике, так и по стилистическим особенностям. Кроме стел, основным типом скульптурных памятников здесь были монолитные каменные притолоки, последние часто использовались по несколько раз в различных по времени постройки зданиях. Тематика йашчиланских рельефов очень разнообразна: сцены триумфа и инвестиции перемежаются с изображениями явлений божеств, вручения знаков власти старшим начальником младшему, подношения дани или подарков, побежденных перед победителем, ритуальных истязаний. Нередки на притолоках и большие иероглифические тексты⁸¹.

Йашчиланские скульпторы не интересовались игрой высоких и низких частей рельефа — он имеет у них достаточно плоскостный характер. Йашчиланский стиль пластики энергичен, но слегка грубоват; фигуры персонажей обычно массивны и приземисты с непропорционально большими головами, детали костюма передаются более обобщенно, чем в скульптурных памятниках Паленке. В конце классического периода число орнаментальных деталей на рельефах сильно увеличивается, но сила и жизненность, присущая изображениям, гаснет и теряется. В центре внимания скульпторов в пору расцвета города находились вопросы композиции: мастеров Йашчилана неизменно привлекала задача противопоставления друг другу центральных фигур, часто при сложном размещении их на плоскости. Например, на притолоке 25 из здания 23 (около 9.14.15.0.0., т. е. 726 г.) в правом нижнем углу рельефа изображена скорченная фигура жреца с поднятой в экстазе головой. Всю остальную площадь рельефа занимает мастерски расположенное извивающееся туловище гигантской пернатой змеи с человеческой головой; лицо ее склоняется к жрецу⁸². В некоторых случаях скульптор пытался уравновесить центральную фигуру надписью или надписями.

Многие рельефы Йашчилана кажутся «переводами» с дерева на камень. Действительно, влияние образцов деревянной

⁸¹ T. Maler. Researches in the Central Portion of the Usumasintla valley. Reports of Explorations for the Museum. Part II.— MPM. Cambridge, 1903, p. 116—197, pl. 46—80; A. P. Maudslay. Op. cit., t. II, tabl. 82—87, 92—97.

⁸² A. P. Maudslay. Op. cit., tabl. 87.

Настенный рельеф из «Храма прекрасного рельефа»
в Паленке.

Рисунок Фр. Вальдека

Притолока 26 из Яшчилана

Прилока 33 из Йашчилана

скульптуры в йашчиланских памятниках значительно сильнее, чем в других памятниках крупной майяской пластики. К сожалению, деревянных скульптур майя почти не сохранилось. Известна только одна круглая скульптура из Йашчилана; божество в пышной одежде и головном уборе в виде змеиной головы, украшенной султаном из перьев⁸³, сидит с поджатыми ногами. В древности она украшала кровельный гребень здания 33. Художественные особенности этой статуи не выделяют ее сколько-нибудь среди других памятников йашчиланской пластики.

По совершенно иному направлению, чем в городах долины Усумасинты, шло развитие художественной мысли в скульптурных школах двух крупнейших городов майя на юго-востоке — Копана и Киригуа. Выше уже говорилось, что обе эти школы стремились к созданию объемной круглой скульптуры; это было достигнуто, однако, лишь скульпторами Копана. Для копанских памятников в рассматриваемый период характерны сравнительно невысокие грузные стелы, на передней стороне которых помещается горельефное изображение правителя. В руках, прижатых на уровне груди, он держит священную «змеиную полосу», ноги расставлены. Подчеркнутая статичность и застылость позы вызывает впечатление торжественности и значительности изображаемого момента. Все внимание скульптора, однако, устремляется на передачу лица и пышной церемониальной одежды изображенного; тело обычно непропорциональное, слишком короткое и тяжеловатое (высокие стелы типа стелы «Р» уже отошли в область прошлого). Часто основной интерес мастера сосредоточивается на изображении регалий и деталей костюма. Характерным примером подобного типа памятников может служить стела Н, воздвигнутая после 9.15.0.0., т. е. 731 г. Бока ее покрыты прихотливым орнаментом со стилизованными пучками перьев, из которых выглядывают маленькие фигурки божеств и демонов; на оборотной стороне в обрамлении тех же пучков перьев мы видим большую гротескную маску, укрепленную на спине правителя, а ниже ее — иероглифическую надпись⁸⁴. Близки к описанной и стелы F (9.16.10.0.0.—761 г.)⁸⁵ и С (9.17.12.0.0.—783 г.)⁸⁶, с той лишь разницей, что оборотные стороны их почти зеркально повторяют изображение на лицевой стороне.

⁸³ T. M a l e r. Op. cit., p. 161—162, fig. 57.

⁸⁴ A. P. M a u d s l a y. Op. cit., t. I, tabl. 55—57, 59, 61.

⁸⁵ Ibid., tabl. 77, 81—82.

⁸⁶ T. P r o s k o u r i a k o f f a. Op. cit., fig. 51.

Подобные же явления можно заметить и в иероглифических надписях Копана. Не случайно, что именно в это время на стелах увеличивается число так называемых персонифицированных иероглифов, благодаря которым надпись приобретает ярко выраженный орнаментальный характер. Чрезмерное внимание к отработке деталей, излишняя насыщенность изображений замысловатыми декоративными элементами затрудняют целостное восприятие копанской скульптуры. Именно из-за этих характерных черт некоторые зарубежные исследователи сравнивают монументальную копанскую пластику с памятниками «цветущей» готики. Но отдельные произведения копанской школы могут с полным правом быть сопоставлены с лучшими произведениями скульпторов древнего Востока. Таковы, например, бюсты «молодого божества кукурузы», украшавшие фасад храма 22; они поражают зрителя простотой и силой образа. Не уступают им по художественной выразительности и фигуры демонов с трибуны для зрителей или горельефы рычащих ягуаров, обрамляющие так называемую Лестницу ягуаров.

Скульпторы Киригуа — города, основанного, по всей видимости, выходцами из Копана примерно во второй половине VII в., в своих стелах пошли по несколько иному пути, хотя в целом они продолжали традиции, характерные для копанской школы того времени. Их памятники близки к упоминавшейся уже неоднократно стеле Р из Копана, воздвигнутой в 9.9.10.0.0., т. е. в 623 г.⁸⁷

Стелы Киригуа отличаются прежде всего совершенно иным соотношением ширины и высоты. Большинство их является наиболее высокими из всех майяских стел классического периода. Так, стела Е (дата — 9.17.0.0.0. — 771 г.), высеченная из одного монолитного куска базальта, весящего около шестидесяти пяти тонн, достигает высоты почти в одиннадцать метров. Иной является и сама форма стелы. Если в Копане она приближается почти к круглому столбу, то здесь геометрическая четырехгранная форма чувствуется совершенно ясно; закруглена лишь верхушка стелы. Отдельные стелы, однако, напоминают по своим очертаниям памятники Копана. Такова, например, сравнительно невысокая и грузная стела К⁸⁸, датирующаяся 9.18.15.0.0.,

⁸⁷ Самый ранний письменный памятник Киригуа — стела Т имеет дату 9.13.0.0.0., т. с. 692 г. Следующая стела U — 9.14.0.0.0. — 741 г. (S. G. Morley. *Op. cit.*, t. IV, p. 86—94). Правда, на этой последней стеле имеется и более ранняя дата — 9.2.3.8.0., т. е. 478 г., но Морли (*Op. cit.*, p. 393) справедливо указывает, что она, по всей вероятности, относится к какому-то историческому событию до основания Киригуа.

⁸⁸ A. P. Maudslay. *Op. cit.*, t. II, tabl. 47—48.

т. е. 805 г. Этот памятник свидетельствует, что скульпторы Киригуа и в дальнейшем, после основания города, испытывали эпизодическое влияние со стороны копанской школы (разница во времени между данной стелой и копанской стелой С составляет около двадцати двух лет).

Обычно на лицевой стороне стелы Киригуа изображается правитель со знаками власти в руках; иногда в одной руке у него имеется небольшой церемониальный щиток. Детали костюма прорабатываются скульптором с величайшей тщательностью. Остальные три стороны покрыты иероглифическими надписями. Встречаются иногда и янусовидные, как в Копане, стелы. Характерным примером подобного памятника может служить стела F, воздвигнутая в 9.16.10.0.0., т. е. в 761 г. На ее южной стороне мы видим изображение правителя в пышной одежде, стоящего на большой гротескной маске; в руках у него священная «змеиная полоса». На северной стороне изображен тот же правитель в том же костюме (не совпадают лишь детали головного убора), стоящий на маске бога смерти (череп). В правой руке у него жезл, оканчивающийся маленькой фигуркой сидящего божества (так называемый скипетр с карликом), на левой одет небольшой церемониальный щит с маской бога солнца⁸⁹. Весьма вероятно, что эти две стороны стелы изображают одного правителя или в различных функциях (как главу города-государства и как верховного жреца, например), или его при жизни и после смерти в обожествленном состоянии (северная сторона).

Как и в копанских памятниках, скульпторов Киригуа прежде всего привлекает лицо изображаемого персонажа, и на стелах этого города мы имеем целый ряд прекрасных пластических памятников с несомненными чертами портретности — явление необычайно редкое для искусства древней Америки⁹⁰. Среди них особо выделяется изображение на упомянутой стеле E (северная сторона): холодное волевое лицо с широко раскрытыми глазами и недовольно поджатыми губами. Наличие бороды, так редко встречающейся у майя, еще более подчеркивает индивидуальность и портретность изображения⁹¹.

В отличие от копанской школы, изображение лиц на стелах Киригуа достигается не горельефом, а способом снятия фона, так что на плоскости стелы остаются только наиболее высокие точки изображения, остальные его части как будто спрятаны в ее глубь. Очертания фигуры правителя на стелах Киригуа,

⁸⁹ A. P. Maudslay. Op. cit., t. II, tabl. 34—36

⁹⁰ Leonhard Adam, Le portait dans l'art de l'ancienne Amérique.— «Cahiers d'Arts», Paris, 1930, № 10, p. 519—524.

⁹¹ A. P. Maudslay. Op. cit., t. II, tabl. 27—28; T. Proskouriakoffa. Op. cit., fig. 65

так же как и в Копане, почти неразличимы из-за огромного количества покрывающих ее украшений. Их отделке и тщательному исполнению скульптором уделяется большое внимание, не достигающее, однако, той степени чрезмерности и вычурности, которую можно наблюдать на копанских скульптурных памятниках.

Очень своеобразны присущие только монументальной пластике Копана и Киригуа причудливые скульптуры, помещавшиеся обычно на открытом воздухе рядом со стелами. В сущности, это огромные булыжники типа валунов, которым придана форма какого-то мифологического чудовища, что-то среднее между черепахой, жабой или аллигатором. Традиция подобных скульптурных памятников, несомненно, восходит к ольмекской монументальной пластике. По мнению некоторых исследователей, — это изображения мифологического чудовища — олицетворения земли. Верх и боковые поверхности их покрыты рельефами и надписями; иногда в раскрытой пасти помещено изображение человеческого лица или целой фигуры. Назначение этих памятников не может считаться еще полностью выясненным, однако можно с известной уверенностью предполагать, что они являются какой-то особой разновидностью стел (перед ними часто находятся алтари), воздвигавшихся или употреблявшихся в строго определенных случаях. Интересно, что даты их воздвижения никогда не совпадают с датами сооружения стел (чудовище В — 9.17.10.0.0. — 780 г., чудовище О — 9.18.0.0.0. — 790 г., чудовище Р — 9.18.5.0.0. — 795 г., чудовище G — 9.17.15.0.0. — 785 г.)⁹². Одним из наиболее интересных по замыслу и выполнению такого рода памятников является чудовище Р: в его раскрытой пасти помещена сидящая человеческая фигура в богатой одежде и сложном головном уборе; в правой руке ее находится «скипетр с карликом», в левой — церемониальный щиток. Лицо, в противоположность изображениям на стелах, идеализировано и лишено индивидуальных черт. Возможно, что здесь перед нами отражение какого-то майяского мифа о появлении бога или героя из земных недр — мифологема, имеющая распространение почти у всех древних народностей земного шара.

На алтарях, находящихся около чудовищ О и G, открытых экспедицией Института Карнеги в 1934 г., имеются изображения танцующих фигур — тема достаточно редкая не только в пластике Киригуа, но и вообще в искусстве майя классического периода. Эти рельефы привлекают правдивостью и силой передачи движения и экспрессии. К сожалению, не имеется ни

⁹² A. P. Maudslay. Op. cit., t. II, tabl. 9, 10, 12, 41, 54—58, 62; S. G. Morley. Op. cit., t. III, frontispiece, t. IV, frontispiece.

Чудовище «Р» в Киригуа

одного достаточно удачного фотографического снимка этих памятников.

Единственными произведениями круглой скульптуры в Киригуа являются изображения нескольких человеческих голов и сильно стилизованных голов ягуара, украшавших некогда здание 1 (помещались над входами)⁹³. Человеческие головы обнаруживают явное влияние скульптур «молодого божества кукурузы» из копанского храма 22, но сделаны в более простой и суховатой, однако не лишенной определенной выразительности манере⁹⁴.

О скульптурной школе Тикаля говорить подробно пока еще трудно; материал явно недостаточен. Одну характерную черту — длительное переживание старых традиций, некоторую сознательную архаизацию изображений можно отметить уже сейчас. Учитывая важность и функции Тикаля как крупного религиозного центра, эту особенность легко объяснить. Интересны рельефы на балках из саподиллы, служивших притолоками в больших

⁹³ S. G. Morley. *Op. cit.*, t. V, 1, tabl. 177.

⁹⁴ Влияние копанской пластики простиралось и далее на восток: в долине Чамелекон (Гондурас) найдено каменное изображение головы юного божества, явно перекликающееся с копанскими (A. Kidder II and C. Samayoа Chinchilla. *Op. cit.*, tabl. 41).

храмах. Изображения на них повторяют тематику стел и дают яркий пример предшествующего каменному деревянному этапу майяской скульптуры⁹⁵ (см. стр. 129).

8

Замечательна мелкая пластика майя. В маленьких терракотовых статуэтках, изображающих божества, людей и животных, в резьбе по нефриту⁹⁶ и другим самоцветам и поделочным камням скульпторы майя достигли высокой степени совершенства. Эти изображения в большинстве случаев значительно более правдивы и жизненны, чем памятники крупной пластики. Причины этого ясны: в произведениях мелкой пластики майяские скульпторы могли свободнее выражать свое реалистическое восприятие мира, не будучи так стеснены условностями канонов религиозной и официальной скульптуры.

В маленьких статуэтках и табличках из нефрита и других камней влияние этих канонов, разумеется, было более чувствительно, так как большинство их служило амулетами или знаками достоинства официальных лиц. Древнейшим датированным памятником этого вида является знаменитая «Лейденская табличка», найденная в 1864 г. около г. Пуэрто Барриос в Гватемале. Это небольшая (высота около 20 см) тоненькая дощечка из бледно-зеленого нефрита, на лицевой стороне которой вырезано изображение торжествующего победителя, стоящего на распростертом противнике, а на оборотной — «начальная серия» 8.14.1.3.12, т. е. 320 г. Фрэнсис Морли тщательным стилистическим анализом убедительно доказала, что «Лейденская табличка» была изготовлена в Тикале в начале IV в. н. э. Действительно, фигура победителя близка к изображениям на тикальских стелах⁹⁷. Весьма возможно, что эта табличка некогда являлась одним из знаков власти тикальского правителя.

⁹⁵ A. P. Maudslay. Op. cit., t. III, tabl. 72—73, 78.

⁹⁶ Майя высоко ценили не только нефрит, но и близкие к нему (но с несколько иным химическим составом) жадеит и хлоромеланит. В публикациях памятников иногда два последних камня неправильно называются нефритом. Широко распространенное представление о том, что в Центральной Америке не имелось собственных месторождений нефрита и древние индейцы пользовались нефритом азиатским, опровергнуто теперь результатами спектроскопического анализа, показавшего качественные различия в составах азиатской (Китай, Бирма) и американской разновидности этого минерала. См.: D. Norman and W. W. A. Johnson. Note on a Spectrographic Study of Central American and Asiatic Jades.— «Journal of the Optical Society of America», 1941. Раскопки экспедиции Института Карнеги в Каминальхуу обнаружили большую глыбу необработанного нефрита весом более 200 фунтов.

⁹⁷ F. R. Morley and S. G. Morley. The Age and Provenance of the Leyden Plate. Contributions to American Anthropology and History vol. V, № 24.— CIWP, № 509, Washington, 1939.

Еще более древним памятником мелкой пластики майя, вероятно, является нефритовая статуэтка сидящего со скрещенными ногами мужчины, найденная под лестницей здания А-ХVIII в Вашактуне (Гватемала). Размеры ее значительны: высота 26 см и вес около 11,5 фунта⁹⁸. Руки персонажа сложены на груди, непропорционально большая и вытянутая голова слегка приподнята. На статуэтке нет надписи с датой, но, судя по явным ольмекским чертам, присущим ей (пропорции тела и головы, резной орнамент, передающий брови, пальцы рук и татуировку на щеках), она должна датироваться еще более ранним временем, чем «Лейденская табличка».

Большинство произведений мелкой пластики майя классического периода состоит из различных видов табличек или дощечек с рельефными изображениями человеческих фигур — вероятно, богов, героев и правителей — или с краткими иероглифическими текстами и из небольших статуэток людей и животных, масок (по всей видимости, нашивавшихся на одежду), а также различных подвесок. Множество этих предметов имеет дырочки, что указывает на способ их ношения. Очень часты бусины и губные и ушные вставки из нефрита, также имеющие иероглифические надписи.

Прекрасным образцом майяской нефритовой таблички является хранящийся в Британском музее миниатюрный рельеф (приблизительно 10 × 10 см) из голубовато-зеленого нефрита, изображающий сидящего на троне правителя, отдающего приказание коленапреклоненному подчиненному (около 800 г.). Пропорции тела, поза и выражение лица переданы резчиком просто и естественно. Однако говорить о каком-то особом, принципиально отличном стиле, присущем памятникам мелкой пластики в отличие от монументальной, конечно, не приходится. Эта табличка была найдена довольно далеко от территории, занимаемой майя, в развалинах Теотихуакана (Центральная Мексика). Еще более тонкое искусство резчика показывает нефритовая табличка с такой же точно тематикой, как и на предыдущей, обнаруженная А. Л. Смитом при разведочных раскопках в Небахе (Гватемала). Разнообразны нефритовые майяские подвески начиная с небольших плоских кусочков камня, на котором довольно грубым рельефом нанесено изображение человеческого лица, и кончая тщательно выделанными объемными скульптурами миниатюрного размера, изображающими головы божеств и людей. Во многих музейных и частных коллекциях имеются большие собрания подобных изделий. Одной из самых богатых в этом отношении является коллекция Р. Вудс-Блисс⁹⁹.

⁹⁸ A. Kidder II and C. Samayoa Chinchilla. Op. cit., tabl. 36.

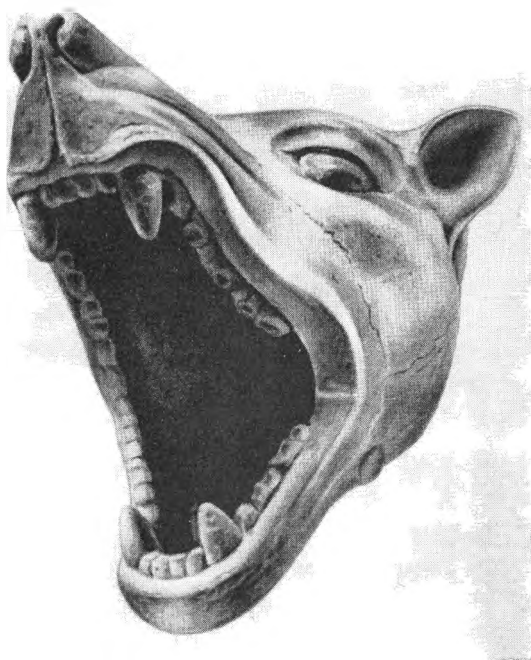
⁹⁹ R. Woods-Bliss Collection. Pre-Columbian Art. Text by S. K. Lothrop, W. F. Foshag, J. Mahler, New York, 1957, pl. 64, 65.

Керамические изделия сопутствовали майя на всех этапах их многовековой истории. Помимо утилитарной бытовой керамики, являющейся неоценимым сокровищем для археологов, но не относящейся к области искусства, майя изготавливали культовые сосуды разнообразных форм, покрывавшиеся художественной росписью, а также небольшие статуэтки. Фигурные сосуды, имевшие такое большое распространение среди других индейских народностей древней Америки, у майя сравнительно редки. Из них следует упомянуть о сосуде в виде сидящего горбуна (около 550 г.) из могилы в Каминальхуйу¹⁰⁰ и два сосуда в виде человеческих голов (одна бородатая, из Киригуа, другая — из Каминальхуйу — имеет явные следы влияния ольмекской пластики), а также прекрасную чашу в виде рычащего койота, найденную в Копане и хранящуюся теперь в музее Пибоди Гарвардского университета.

¹⁰⁰ A. Kidder II and C. Samayoa Chinchilla. Op. cit., tabl. 11.

Часть деревянной притолоки из храма IV в Тикале

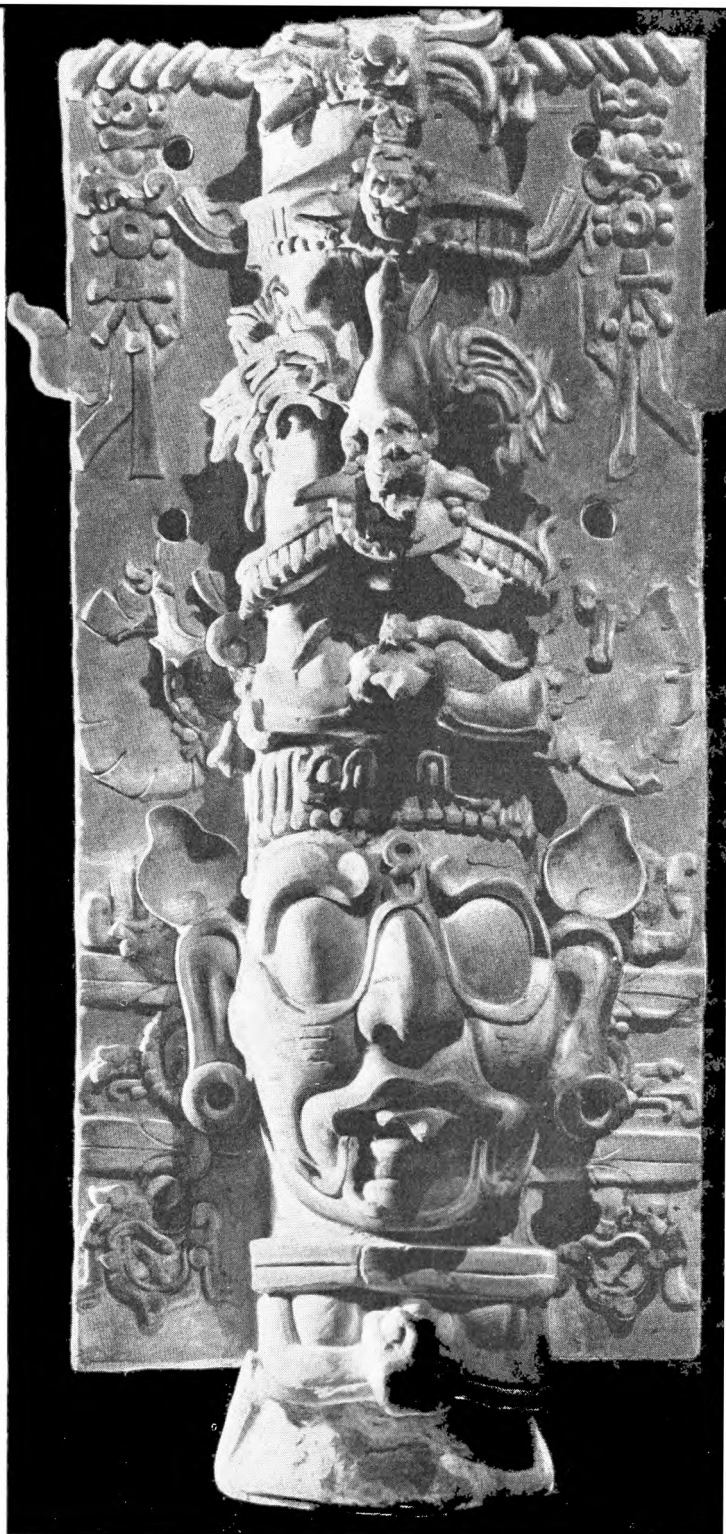
Чаша в виде головы койота

Значительно чаще у майя были сосуды с богатым рельефным или даже горельефным орнаментом. Из последних следует выделить группу высоких трубообразных культовых сосудов из Паленке, украшенных горельефными изображениями божеств и служивших курильницами для копаловой смолы¹⁰¹. Интересно отметить, что этот же тип курильниц позже появляется в северо-восточной Гватемале (в последние годы археологи-аквалангисты достали большое количество их со дна озера Аматитлан). Очень часто встречаются также сосуды с врезанным в тело рельефом, обычно это изображения божеств или парадно одетых воинов и правителей¹⁰².

Терраотовые фигурки майя встречаются еще в так называемой черной земле — слое, лежащем под древнейшими постройками Вашактуна в группе Е. По технике и тематике они близки к наиболее ранним произведениям мелкой пластики «Средней культуры» из долины Мехико. В дальнейшем такие керамические фигурки — по-видимому, примитивные изображения божеств и добрых гениев — встречаются чуть ли не в каждом городище майя. Художественные достоинства их, однако, значительно ниже, чем у памятников из долины Мехико. Высокохудожественные произведения мелкой пластики майя из терракоты не имели такого повсеместного распространения; центры их были сравнительно ограниченными. Примечательно, что они в большинстве случаев не совпадают с отмеченными выше центрами монументальной скульптуры. Так, например, лучшие образцы терракотовой пластики майя происходят с острова

¹⁰¹ «Искусство Мексики от древнейших времен до наших дней». Каталог выставки. Гос. Эрмитаж. Ленинград, 1961, табл. 47.

¹⁰² Rob. Woods-Bliss Collection, tabl. 82b, 83b; P. Kelemen. Op. cit., tabl. 135, 137b, 139a; S. Toscano. Arte precolombino de México y de la America Central. México, 1944, p. 419—421.

Культовой сосуд
из Паленке

Хайна, вовсе не отличающегося своими памятниками крупной пластики. Другие центры, судя по найденным памятникам, были, очевидно, расположены по нижнему течению Усумасинты и в долине р. Чишой. Многие из этих терракотовых статуэток имеют отверстия для воздуха и служили свистульками, другие — погремушками; этим, возможно, и объясняется их независимость от норм и канонов памятников культового искусства.

На острове Хайна было найдено большое число статуэток, сделанных с удивительной простотой и ясностью образа, наделенных жизненностью и грацией. Глядя на них, невольно вспоминаешь прославленные терракоты из Танагры; статуэтки с Хайны вряд ли уступают им. Многие из них раскрашены красками, напоминающими по тону пастель. Большинство их изображает женщин в различных, очень живо переданных позах, воинов со щитами или штандартами в руках, игроков в мяч, сановников. Запоминаются статуэтки пророчествующего жреца, сидящая фигура углубленного в раздумье человека, правитель или жрец, протягивающий в правой руке раковину, группа, изображающая знатного старика, ласкающего молодую обнаженную девушку (все статуэтки из коллекции Р. Вудс-Блисс)¹⁰³; молодая мать со спящим на ее коленях ребенком¹⁰⁴, толстый правитель с надменно брюзгливым лицом, сидящий на носилках, воин, убивающий пленного. Лица многих персонажей дают прекрасные психологические характеристики — черта, встречающаяся на территории древней Америки только лишь в фигурной керамике мочика (Перу). Интересны длинные жезлы, заканчивающиеся в верхней части изображением чашечки цветка, из которой выглядывает бюст божества¹⁰⁵.

Не менее выразительны и статуэтки, найденные около Паленке и в долине р. Чишой. Среди них очень часты изображения молодых женщин, обычно в сидячей позе, то полуобнаженных (статуэтка из Паленке около 750 г. в Национальном музее г. Мехико), то в пышной одежде (статуэтки с западного берега р. Чишой и из Кобана), но встречаются и мужские изображения (величественный воин, найденный в Симоховеле¹⁰⁶). Вызывает невольную улыбку статуэтка, найденная в Шупа (мексиканский штат Чиapas) и датирующаяся, по всей видимости, также второй половиной VIII в.¹⁰⁷ Толстая (и, очевидно, знатная)

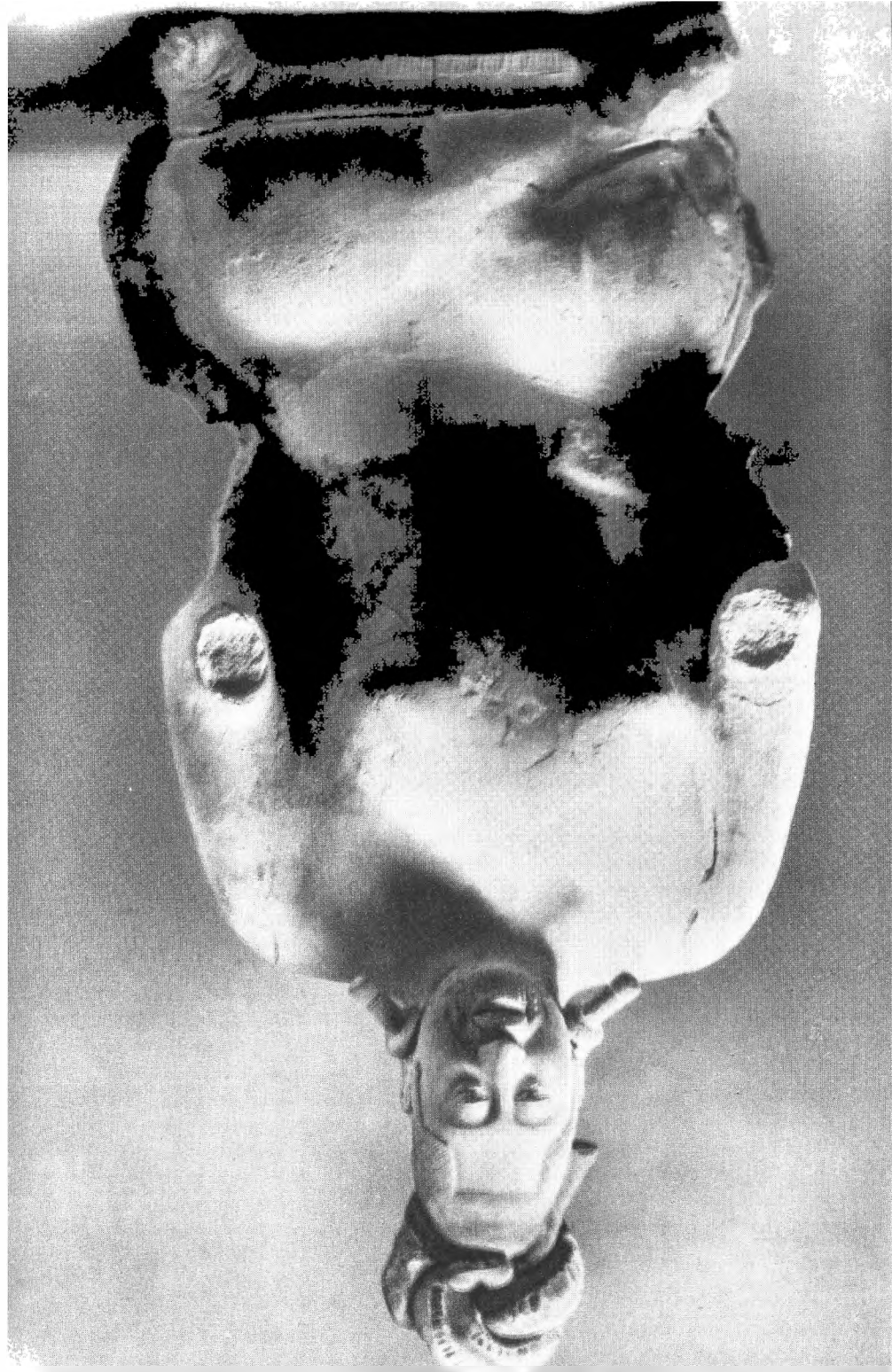
¹⁰³ R. Woods-Bliss Collection, pl. 69—78, N 119—131, рис. 17—21; I. Groth-Kimball and F. Feuchtwanger. Op. cit., табл. 51—52. и цветная табл. II.

¹⁰⁴ P. Kelemen. Op. cit., t. II, tabl. 134c.

¹⁰⁵ A. Kidder II and C. Samayoa Chinchilla. Op. cit., tabl. 49.

¹⁰⁶ J. Groth-Kimball and F. Feuchtwanger. Op. cit., tabl. 55.

дама, в ожерелье, одетая только в юбку, презрительно глядя перед собой, тащит за руку маленькую девочку; правой рукой она крепко прижимает к себе небольшую собачонку, покорно примостившуюся на бедре своей обладательницы. Сценка передана так живо и с таким юмором, что надолго запоминается всякому, ее увидевшему.

Керамика майя, украшенная росписью, настолько тесно примыкает к живописи, что более уместно ее рассмотреть в разделе, посвященном этому виду искусства, тем более, что мы непосредственно переходим к нему.

9

Памятники древней скульптуры и живописи майя имели несколько различные судьбы в последующие периоды истории народов Центральной Америки. Скульптура после сравнительно краткого этапа увядания (может быть, связанного с какими-то событиями в канун появления испанцев) сохранила свои традиции и нашла применение в украшении церквей и домов знати в колониальную эпоху. Нередки случаи, когда индейский скульптор, высекая рельефы на чуждые ему христианские темы, вплетал в них привычные ему орнаменты и символические изображения. После завоевания национальной независимости многие скульпторы Мексики и Гватемалы стали прямо обращаться к памятникам древнего искусства, видя в них образцы для своего творчества. Иначе обстояло дело с живописью. После испанского завоевания она надолго погружается в забвение и только открытие фресок Бонампак пробудило вновь интерес к этой отрасли древнего искусства. В настоящее время, однако, воздействие этого замечательного памятника на художественные круги Латинской Америки все более увеличивается, и можно надеяться, что дальнейшие археологические открытия еще более укрепят индейские традиции в творчестве молодых художников Мексики, Гватемалы и Гондураса.

Живопись у древних народов Центральной Америки, в том числе и у майя, не достигла в своем развитии тех высот, которые были отмечены при рассмотрении их скульптурных памятников. Степень ее применения была уже, чем у народов Старого Света, и оправивалась только настенными росписями, живописью на сосудах и рисунками в рукописях. В последнем случае следует иметь в виду, что в древней Центральной Америке живопись не была принципиально отделена от письма. Станковая живопись

¹⁰⁷ A. Kidder II and C. S. Chinchilla. Op. cit., tabl. 31.

народам древней Америки, как, впрочем, и большинству других древних народов, была совершенно неизвестна.

На материалах Старого Света мы можем наметить общую главную линию развития живописи как искусства. Перефразируя известное изречение, можно сказать, что в начале живописи была линия, контур предмета. Следующим этапом явилось заполнение этого контура краской и наложение другой краски вокруг контура для фона. В дальнейшем постепенно появляется моделировка изображения, достигаемая как усовершенствованием рисунка, так и применением различных красок, глубина, данная перспективой, и, наконец, игра светотени. Живопись древней Центральной Америки остановилась на первых двух этапах, все ее памятники в сущности лишь раскрашенные рисунки. Перспектива в них передается достаточно примитивно: самые нижние на изображении фигуры мыслятся самыми ближними, второй ряд их представляет более дальние и т. д. Это, однако, не влияло на пропорциональное уменьшение фигур: и далекие, и близкие изображения имеют одинаковые размеры. Отсутствует и контраст света и тени, все фигуры равно освещены, теней нет, движение выражено главным образом экспрессивностью линий. Употребляются только первичные чистые краски, нередко контрастирующие друг с другом; средних, переходных тонов, как правило, нет. Живопись, пожалуй, наиболее быстро разрушающийся вид искусства, по крайней мере в Центральной Америке. Влажный жаркий климат и тропические дожди, беспощадные лучи солнца, кристаллы солей, выступающие на поверхности стенных росписей, руки врагов и, наконец, все разрушающее время — оставили исследователям ничтожное количество образцов древней живописи. Наибольший расцвет ее мы можем наблюдать (судя по дошедшим памятникам) у майя классического периода. Вполне допустима, конечно, возможность, что результаты новых раскопок могут существенно изменить эти наши представления. Напомним, что до середины 40-х годов этого века мы почти ничего не знали о настенной живописи и у классических майя (более поздние образцы в Тулуме и Чичен-Ица мы сейчас во внимание не принимаем). Все наши знания исчерпывались лишь несколькими расписными сосудами. Поэтому открытие новых больших стенных росписей у какого-либо другого древнего народа Центральной Америки, даже превосходящих майяские памятники, теперь уже не вызовет особого удивления исследователей.

Мы еще довольно плохо представляем себе техническую сторону майяской живописи в классический период. Много приходится восстанавливать по материалам более позднего времени или других народностей. До сих пор еще ведутся споры, например, были ли они истинными фресками, т. е. писались по

сырой стене, или расписывалась уже высохшая поверхность¹⁰⁸. Детальное исследование богатого и интересного материала, добытого археологами за последние годы, поможет выяснить как этот, так и другие остающиеся пока неразрешенными вопросы.

Набор красок, имевшихся в распоряжении живописцев майя, был достаточно разнообразным. Употреблялось несколько красных красок различных оттенков, от темно-пурпуровой до сверкающе-оранжевой. В смеси с непрозрачной белой краской, служившей фоном, они давали ярко-розовый или темно-розовый цвет. Для нанесения контуров служила краска, имевшая цвет природной меди. Желтая гамма варьировалась от бледной желто-зеленой краски до темно-желтой, близкой к оранжевой. Темно-коричневый цвет получался от смеси желтой и черной красок. Имелась только одна синяя краска, но в зависимости от фона, на который она накладывалась, она могла давать два цвета: глубокий темно-синий и яркий, небесно-голубой. Зеленый — излюбленный цвет символики майя — употреблялся во множестве оттенков — от оливкового до почти черного (вероятно, различные смеси голубой и желтой красок). Кроме того, имелись блестящая черная и матовая белая. Сказанное выше не означает, однако, что все эти виды красок непременно употреблялись в одной росписи. Существовали большие градации в зависимости от времени создания, характера и тематики росписи и, наконец, от творческой индивидуальности художника.

Все краски растворялись в каком-то органическом веществе, состава которого мы не знаем, так как химический анализ ничего не дал; очевидно, его составные части с течением времени выветрились. С. Г. Морли считал, что основной частью его был смолистый сок копалового дерева. Сами краски были, очевидно, как минерального, так и растительного происхождения; анализами, однако, удалось пока определить лишь минеральные краски. Так, красные делались из гематита, желтые — из охровых земель, голубая, по всей видимости, из минерала бейделлита или хромистой глины. Черная краска изготовлялась, вероятно, из пережженных костей. Употреблялись различные виды кистей, от больших и грубых до самого маленького размера, делавшихся, возможно, из птичьих перьев или человеческих волос.

Роспись производилась мастерами майя прямо по белой штукатурке внешних и внутренних стен зданий. По своей тематике они могут быть разделены на чисто декоративные, мифологические и исторические. В последних иногда встречаются и сценки жанрового порядка.

Древнейшим известным образцом монументальной живописи майя классического периода является частично сохранившаяся

¹⁰⁸ S. Toscano. Op. cit., p. 324—325.

ся роспись на задней стене первой комнаты здания В-ХIII в Вапактуне, раскопанного экспедицией Института Карнеги в 1937 г. Несмотря на ее плохую сохранность, эта роспись достаточно ясно показывает высокий уровень искусства, достигнутый уже тогда майяскими живописцами. Датировать этот памятник мы можем, к сожалению, лишь очень приблизительно. Строительство группы В происходило (судя по стелам 23 и 2) между 475 и 751 гг. Здание В-ХIII, несколько раз перестраивавшееся, довольно раннее (не позже 633 г.). Следовательно, роспись могла быть произведена где-то между концом V и началом VII в.

Роспись выполнена на розовато-красном фоне черной, красной, желтой и серой красками; размеры ее — 3,04 м ширины и 1,27 м высоты. Всего представлено двадцать шесть человеческих фигур, расположенных на двух горизонтальных полосах, одна под другой; под нижней полосой помещен горизонтальный ряд иероглифических календарных знаков¹⁰⁹. Нижняя полоса распадается на две группы изображений. Первую из них (считая слева) составляют две мужские фигуры, стоящие лицом к лицу; между ними находится большая панель с иероглифической надписью. Левый персонаж — очевидно, более важный по занимаемому положению — держит в поднятой левой руке маленький круглый щит и жезл, а в правой — какое-то оружие, может быть, копье-металку. Другой мужчина стоит перед первым в почтительной позе, очевидно, выслушивая приказание. За ним изображено низкое двухкомнатное здание, в первой комнате которого со скрещенными ногами сидят две фигуры в длинных одеждах; каждая держит в правой руке какой-то предмет, возможно, курительницу. Дымок из них тянется к третьей фигуре, сидящей во второй комнате. С. Г. Морли предполагает, что это принимаемый с почетом важный посетитель. Около каждой фигуры — иероглифические надписи. Направо от здания помещены два других пышно одетых персонажа с иероглифической панелью между ними; они обращены лицами друг к другу. По позам фигур можно предположить, что они изображают танцующих. За ними находится небольшая фигурка, сидящая на поджатых ногах и бьющая ладонями в высокий цилиндрической формы барабан. Направо от барабанщика стоят тринадцать пышно одетых людей, которые смотрят на танцующих. Над их головами также остатки надписей. В верхней полосе изображено шесть фигур, из которых по крайней мере один персонаж тоже танцует; около каждой фигуры помещены иероглифические знаки. Вся композиция, несомненно, изображает какую-то важную церемонию, смысл которой, к сожалению, остается нам

¹⁰⁹ A. L. Smith. Uaxactun, Guatemala: Excavations of 1931—1937.—CIWP, № 588, Washington, 1950, fig. 46.

неизвестным. Художественные достоинства вашактунской росписи бесспорны; хотя она и выдержана в ограниченной цветовой гамме (основные красно-желтые и черные тона напоминают о памятниках вазовой живописи), точность (несмотря на некоторые погрешности и условность позы) и изящество рисунка оставляют глубокое впечатление.

Остатки росписей в другом вашактунском здании — А-V — слишком фрагментарны, чтобы расширить наши представления о мастерах живописи этого города. Не лучше обстоит дело и с остатками росписи на стенах святилища в задней комнате здания 33 в Йашчилане, где видны лишь следы человеческих фигур и завитков, нарисованных красной и синей краской.

В Паленке, помимо ранее известных декоративных росписей на внешних стенах дворца (иероглифические надписи и орнаменты)¹¹⁰, экспедицией Национального института антропологии и истории были обнаружены другие как декоративного, так и повествовательного характера¹¹¹. Характерным образцом последней тематики может служить сцена приношения даров (или дани) правителю, изображенная на стене восточной галереи северо-восточного двора¹¹². Роспись сильно повреждена, но, судя по опубликованным воспроизведениям ее, можно с достаточной уверенностью полагать, что паленкские живописцы, по крайней мере в области рисунка, были слабее мастеров Вашактуна (исходя, разумеется, из известных пока образцов).

Интересный локальный вариант стеной живописи майя классического периода был обнаружен в начале этого века в поселении Чакмультун (Центральный Юкатан). Остатки росписей находятся в двух больших многокомнатных зданиях. Наиболее сохранившаяся из них (комната 10 здания 3) делится, так же как вашактунская, на две полосы¹¹³. В верхней в центре изображена ссора или схватка нескольких людей на ступенях пирамиды; справа и слева от нее стоят воины с копьями и различными штандартами, внимательно наблюдая за происходящим. В нижней полосе сохранились две фигуры воинов, а справа от них — хижина с воткнутым перед ней в землю большим копьем, на которое нанизаны какие-то непонятные предметы. Изображения были окаймлены широкой полосой геометрического орнамента с рассеянными среди него маленькими изящ-

¹¹⁰ Tribes and Temples, Op. cit., t. 1, tabl. 1.

¹¹¹ A. Ruz Lhuillier. Exploraciones Arqueológicas en Palenque (1949).— «Anales INAH», vol. IV, fig. 1; idem. Exploraciones en Palenque (1950).— «Anales INAH», vol. V, fig. 5—6.

¹¹² A. Ruz Lhuillier. Exploraciones en Palenque (1951).— «Anales INAH», vol. V, p. 60, fig. 8.

¹¹³ E. H. Thompson. Archaeological Researches in Yucatan. Reports of Explorations for the Museum.— MPM, vol. III, № 1, Cambridge. 1904, p. 16—48, tabl. VIII.

ными человеческими фигурками. Цветовая гамма чакмультиунских росписей довольно велика (голубой, ярко-зеленый, светло-зеленый, красный, оранжевый, серый, желтый и телесный цвета), но рисунок значительно слабее, чем в Вашактуне и даже Паленке; единственной примечательной стороной его является живая передача движения персонажей в центральной группе. Роспись в другом здании Чакмультиуна (комната 8 здания 4) имеет чисто декоративный характер¹¹⁴.

Имеются остатки росписей и в других поселениях майя: Ддула, Ахканкех, Кичок, Танбуче, Шуль, Киник, Тикаль, Чиникиха и Санта Рита. В январе 1960 г. были случайно обнаружены развалины еще одного поселения классического периода, получившего имя Иаточ Ку (штат Чиapas, к югу от озера Лаканха). В главном здании сохранились фрагменты росписи с сильно стилизованными изображениями колибри, водяной лилии и еще какого-то цветка¹¹⁵.

Наиболее значительным памятником монументальной живописи майя классического периода, несомненно, являются случайно открытые в 1946 г. росписи трехкомнатного здания 1 в Бонампаке (территория мексиканского штата Чиapas). Это городище, расположенное на северной стороне долины р. Лаканха, находится на расстоянии около тридцати километров к юго-западу от Йашчилана и в древности, вероятно, состояло под политической гегемонией последнего.

Бонампак — маленькое селение, состоящее приблизительно из двух десятков зданий, сгруппированных около небольшого холма, одна сторона которого была превращена в ряд расположенных друг над другом террас; на них находятся здания акрополя. Общая планировка поселения, таким образом, несколько напоминает Йашчилан. Все здания имели явно церемониальное назначение; самое большое из них (здание 1 с росписями) имеет три комнаты; все остальные постройки — однокомнатные со стелами и алтарями внутри. Примечательно полное отсутствие мусора (обломков керамики, орудий, остатков угля и других отбросов), характерного для жилых помещений¹¹⁶.

¹¹⁴ Ibid., p. 18, tabl. IX.

¹¹⁵ «American Antiquity», vol. 26, № 1, Salt Lake City. 1960, p. 144—145.

¹¹⁶ A. V. Caletí. Las Pinturas de Bonampak.— «Cuadernos Americanos», VI, № 4. México, 1947, p. 151—168; idem. Bonampak, la ciudad de los muros pintados.— «Anales INAH», vol. III, suppl. México, 1949; idem. Expedición de 1951 a Bonampak. Tlatoani, t. I, № 5—6, México, p. 51—56. K. Ruppert, J. E. S. Thompson, T. Proskouriakoff. Bonampak. Copies of the Mural Paintings by Antonio Tejada F. Identification of Pigments in the Mural Paintings by Rutherford J. Gettens.— CIW Publ. 602. Washington, 1955; J. Soustelle, I. Bernal. México. Pre-hispanic paintings. New York, UNESCO, 1958, pl. 12—32.

Скульптурные памятники Бонампака (стелы, каменные притолоки, штукатурный рельеф на фасаде здания) показывают несомненное влияние монументальной пластики Йашчилана. На стеле 1 изображен правитель, на стеле 2 — правитель с двумя вождями, на стеле 3 — побежденный перед правителем. Все три притолоки из здания 1 изображают боевые сцены совершенно в духе йашчиланских победных рельефов. Отдельные детали скульптурных памятников Бонампака ведут, однако, к школе Пьедрас Неграс и даже Паленке (например, рельеф 1, изображающий подношение даров правителю) ¹¹⁷.

Как уже указывалось выше, бонампакские росписи находятся в трехкомнатном здании 1, являющемся наиболее значительным архитектурным сооружением городища. Высота постройки — 7 м, длина — 16,5 м, ширина — около 4 м. Здание в хорошем состоянии. Археологи дали нумерацию помещений, начиная с левого края здания (если стоять перед ним лицом к фасаду), т. е. левая комната — № 1, центральная — № 2 и правая — № 3. Внутри каждой комнаты вдоль стен тянется широкая каменная скамья или низкий помост. Живописью покрыты не только стены и своды помещений, но и узкий потолок (точнее, узкое горизонтальное пространство, остающееся между двумя наклонными сводами). В каждой комнате повествование начинается с левой от входа стены и продолжается по часовой стрелке (т. е. далее идет стена, находящаяся против входа, затем правая стена и, наконец, входная). В первой комнате, однако, композиция начинается с левого косяка входа и, обойдя помещение, заканчивается правым косяком. В ряде случаев изображение делится на два пояса: верхний и нижний, отделенные друг от друга горизонтальной трюной (обычно красной, белой и красной) линией. В таком случае верхний пояс рассматривается большинством исследователей как более ранний по времени повествования. Однако необходимо сразу же отметить, что в толковании как всех композиций в целом, так и частей их существуют значительные расхождения. Более того, имеются противоречивые мнения даже по вопросу, с какой комнаты следует начинать осмотр (т. е., где, по мысли самого живописца, начиналось повествование). Один из крупнейших авторитетов в области древнемайяской культуры А. М. Тоззер, например, считал, что композиция начинается в комнате 2, затем переходит в комнату 1 и, наконец, в комнату 3. Мы, однако, при описании будем придерживаться традиционного порядка, начиная с первой комнаты.

Вся композиция первой комнаты ¹¹⁸ изображает какую-то торжественную церемонию. Верх росписи занят восемью мас-

¹¹⁷ Bonampak.— CIW, Publ. 602, fig. 16c.

¹¹⁸ Ibid., fig. 27.

ками божеств (к сожалению, не поддающихся точному определению), расположенными на светло-голубом фоне. Ниже них, в первом поясе изображено четырнадцать человек в белых плащах с разнообразными головными уборами, стоящих на небольшом возвышении; у большинства из них по три небольших раковины, прикрепленных на груди и плечах. Дж. Э. Томпсон, исходя из того, что раковина — обычный символ земли, предполагает, что изображаемый обряд связан с культом бога земли¹¹⁹. Однако это не более чем догадка. Двое персонажей из этой группы что-то сообщают остальным или поучают их.

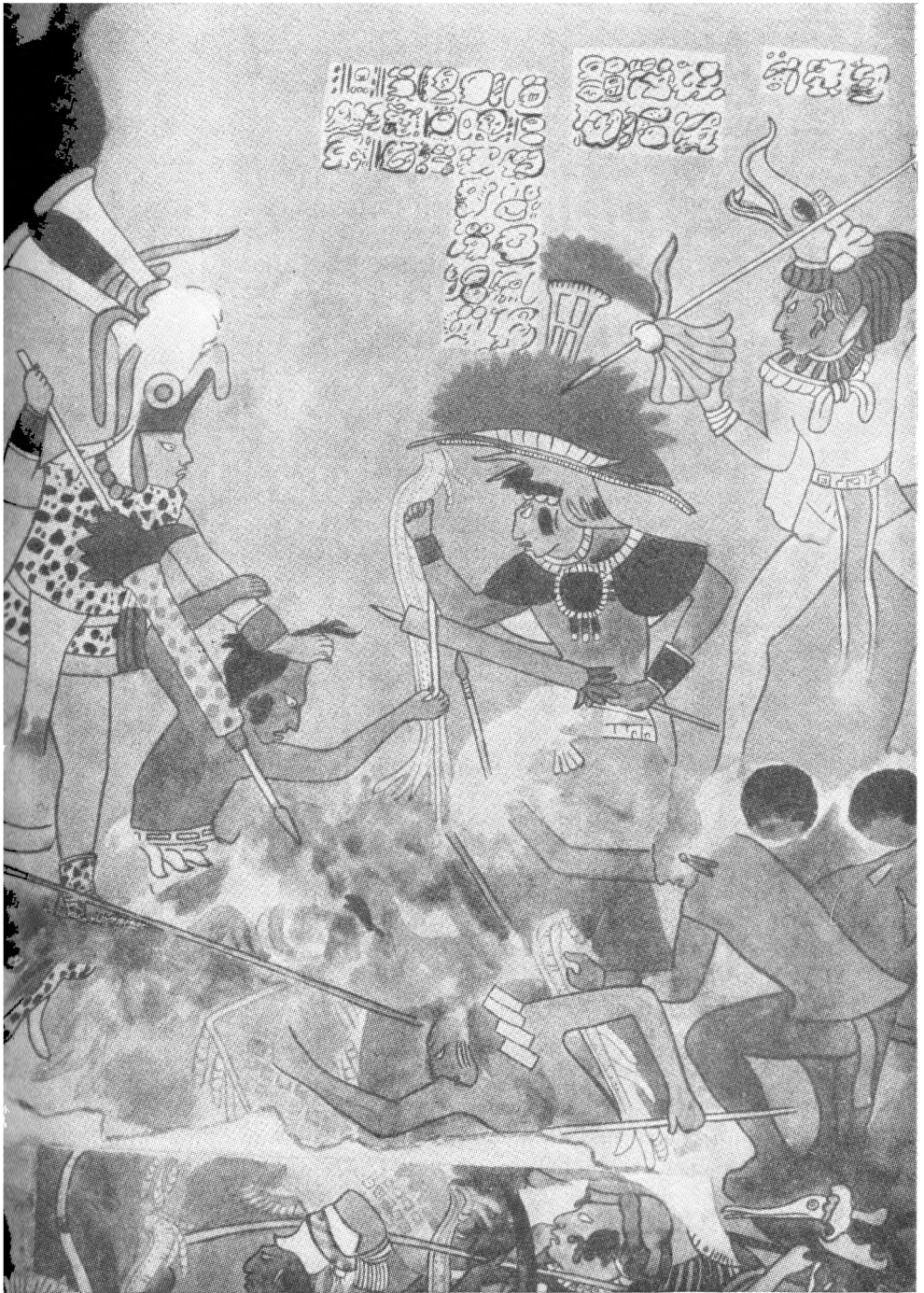
Правее от этой группы изображено возвышение, возможно, ступень пирамидального сооружения, в центре которого стоит трон, близкий по форме к найденным в Пьедрас Неграс и других майяских городищах. На нем по середине сидит со скрещенными ногами правитель лицом к человеку, стоящему на краю возвышения. В руках у этого человека ребенок, который смотрит на описанную выше группу. Около правителя по краям трона сидят две женщины — вероятно, его жены; внизу у ножек трона находятся две прислужницы, одна сидит, другая стоит¹²⁰.

Правее от этой сцены изображены три вождя, также сидящих на ступени пирамиды. Они одеваются в церемониальные костюмы для предстоящего праздника. Около них суетятся несколько прислужников: двое из них подносят плюмажи из перьев кецаля, укрепленные на длинных палках, третий надевает на руку вождя браслет, четвертый стоит рядом, держа в руках блюдо, вероятно, с краской. Правее стоят пять оживленно переговаривающихся человек. Ниже, на следующей ступени пирамиды, сидят семь слуг с различными предметами облачения вождей, восьмой подвязывает вождю с левой стороны сандалию. Почти около каждой фигуры помещена иероглифическая надпись; однако места, оставленные для надписей около правителя и персонажей с раковинами, не заполнены.

В центре нижней полосы, имеющей сплошь ярко-голубой фон, находятся три фигуры вождей, уже полностью одетых и, очевидно, исполняющих (судя по позам) торжественный танец. Слева от них помещается оркестр из двенадцати человек: впереди — пять музыкантов с трещотками, за ними — барабанщик, бьющий в большой вертикальный барабан, далее — три человека с черепаховыми панцирями, по которым они бьют отрезками оленьих рогов. Сзади них изображены два человека

¹¹⁹ Bonampak.— *CJW*, Publ. 602, fig. 48.

¹²⁰ Интересные замечания о бонампакских росписях можно найти в докладе чилийского ученого А. А. Липшутца, опубликованном в 1956 г. См. А. А. Липшутц. Храм с настенной живописью в дремучем лесу (из истории древних майя).— «Советская этнография», № 1, 1956, стр. 59—71.

Деталь росписей в Бонампаке. Сражение

с большими зонтами на длинных палках. Остальные члены оркестра — два трубача и человек, дующий в свистульку, которую он держит левой рукой, потрясая в то же время трещоткой в правой, — отделены от основной его части вклиненной группой из шести человек. Пятеро из них носят маски различных божеств (у двух, кроме того, на руки надеты чудовищные клешни), на шестом — нет ничего, кроме пышного головного убора из белых перьев и ожерелья; тело и лицо его выкрашены в ярко-красный цвет. Очевидно, это имперсонаторы божеств, ожидающие своей очереди для выступления. Четверо из них стоят, двое сидят на земле. Примечательно, что у всех у них в головном уборе неизменно присутствует большой цветок водяной лилии¹²¹.

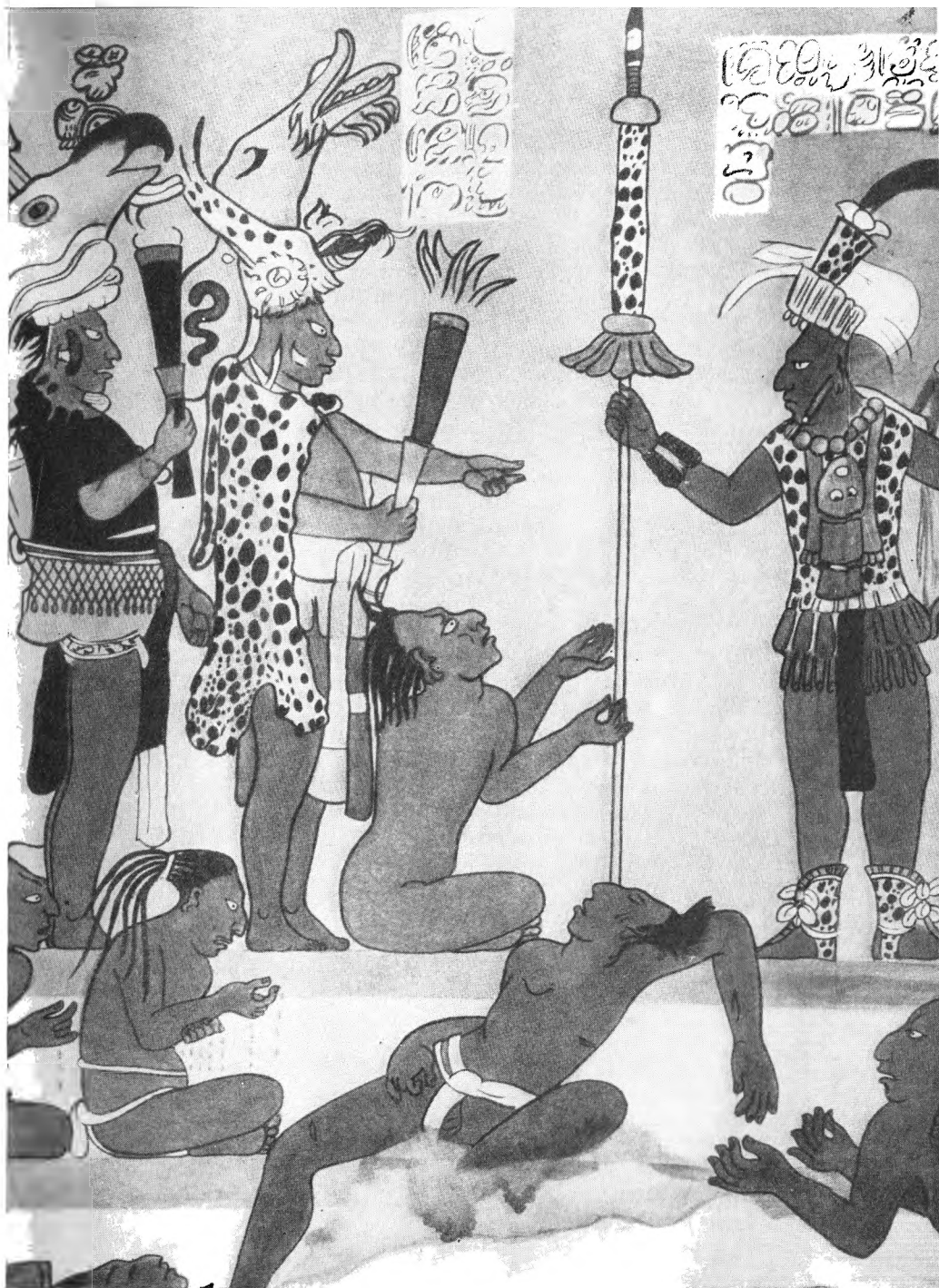
Направо от танцующих вождей изображены в различных позах тринадцать человек — вероятно, зрителей, присутствующих на празднестве. Они различны по рангам и званиям. Первый из них, стоящий ближе всего к вождям, имеет передник из шкуры ягуара — несомненный признак знатного лица. С другой стороны двое людей держат большие зонты, что вряд ли свидетельствует об их значительном положении в обществе. Интересно отметить жанровую черту, внесенную здесь в роспись художником: стоящие ближе к танцующим люди внимательно следят за происходящим, в то время как находящиеся в задних рядах оживленно переговариваются, иногда даже отворачиваясь от зрелища. Эти фигуры, изображенные на правом косяке дверного проема, замыкают композицию.

Переходим к росписям второй комнаты¹²². Самую верхнюю часть их составляет узкий фриз светло-желтого цвета, на котором изображены две маски (по одной на каждой торцовой стене), семь картушей и две фигурки пленных со связанными за спиной руками, находящиеся между картушами на южной стене. В пяти картушах изображены сидящие люди или божества, у некоторых в руках иероглифы; в двух остальных картушах помещены изображения пекари и черепахи. Смысл всех этих изображений совершенно неясен.

Ниже фриза с картушами разворачивается сама композиция, четко делящаяся на две сцены, но расположенная уже не в горизонтальном (как в первой комнате), а в вертикальном членении. Первая из них, занимающая левую, центральную и правую стены, изображает нападение большого военного отряда на какое-то поселение. Нападение это, очевидно, застало врагов врасплох, так как они, в противоположность участникам отряда, почти не одеты и безоружны. Сцена сражения или, вернее,

¹²¹ О символике этого цветка см. Дж. Э. Томпсон. *Op. cit.*, p. 49—50.

¹²² Bonampak, fig. 28.

Деталь росписей в Бонампаке. Жертвоприношение

стычки передана очень динамично и живо: отдельные группы воинов убивают противников или захватывают их в плен, трубачи трубят, пронзенный вражеским копьем человек тщетно пытается его выдернуть и т. д. Главными фигурами в стычке являются предводители враждебных сторон, неожиданно столкнувшиеся в пылу боя¹²³. В одном из них мы легко узнаем по портретному сходству правителя, изображенного в первой комнате. Он одет в безрукавную куртку из шкуры ягуара; его сандалии и копье украшены полосками из того же материала. Он схватил за волосы безоружного человека, но смотрит не на него, а вперед, где, угрожая ему копьем, стоит воин в пышном одеянии — вероятно, предводитель вражеского отряда. Правее от последнего другой богато одетый воин направил также свое копье на правителя. Но на помощь тому уже спешит слева большой отряд, предводительствуемый одним из тех трех вождей, которые исполняли танец во время церемонии, изображенной в первой комнате. Над головой предводителя враждебной стороны помещена большая иероглифическая панель; над головами других участников стычки находятся надписи меньшего размера.

Правее этой центральной части изображена группа отчаянно защищающихся жителей селения; один отбивается чем-то вроде опахала, другой поднимает деревянный или каменный брус, готовясь бросить его во врага; третий, хотя у него в руке копье, бросает левой рукой какой-то предмет. К сожалению, эта роспись настолько разрушена, что многие детали изображаемой сцены никак не могут быть восстановлены¹²⁴.

Вторая сцена, находящаяся на входной стене, изображает наиболее важный момент в празднике, устроенном победителями: торжественное жертвоприношение захваченных пленных. Действие происходит на открытом воздухе (это показано голубым фоном, передающим небо) на вершине ступенчатой пирамиды. В центре композиции помещена фигура правителя; он одет в ту же безрукавную куртку и сандалии; в правой руке — копье. Перед ним сидит обнаженный пленник, в котором можно узнать предводителя враждебного селения; он униженно молит о пощаде, простирая к победителю руки. За побежденным

¹²³ Дж. Э. Томпсон (Bonampak, p. 52) видит в противостоящих правителю фигурах не его противников, а его подчиненных. Такое толкование, однако, невозможно, так как позы этих персонажей и оружие, направленное на правителя, не оставляют сомнения в их враждебных намерениях.

¹²⁴ При открытии росписей Бонампака было обнаружено, что большая часть их покрыта известковыми отложениями — результат многолетнего воздействия воды на стены здания. Отмывка росписей не привела к значительному улучшению. Это, между прочим, является причиной того, что обе реконструкции фресок, предложенные А. Вильягра Калети и А. Техедой, в ряде деталей расходятся друг с другом.

стоят в торжественных застывших позах командиры отрядов и знатные воины, предводительствуемые одним из знакомых нам трех вождей. Справа от правителя находятся два других вождя с поднятым вверх оружием; за ними стоят две женщины (очевидно, жены правителя), первая из них обмахивается веером. Около них находится одетый в белый передник и шапку прислужник, держащий в правой руке какой-то предмет. Все они смотрят на центральную группу. Над всеми фигурами, включая прислужника, помещены иероглифические надписи.

Ниже, на следующих двух ступеньках пирамиды, сидят полюбощенные пленники с искаженными от ужаса или страдания лицами; у двух человек слева из изуродованных левых рук каплет кровь; третий хватается за сердце. Четвертого из них схватил за левую руку палач, из нее также брызжет кровь. Пленники, находящиеся справа, умоляюще простирают руки; крайний бьет себя кулаком в грудь. Между обеими группами пленников у ног главного военачальника на ступеньках пирамиды лежит труп только что принесенного в жертву вражеского воина; голова его запрокинута, левая рука безжизненно свисает с уступа. На третьей ступени пирамиды, у правой ноги убитого, помещена отрезанная человеческая голова, лежащая на ворохе зеленых листьев. На нижней ступени, обрамляя дверной проем, стоят, лицом друг к другу, две группы воинов, наблюдая за жертвоприношением. В руках у большинства из них — копья.

На стенах третьего помещения изображен последний, заключительный этап праздника¹²⁵. Самый верх росписи, так же как и в первых двух комнатах, занят узким фризом ярко-желтого цвета, на котором помещено семь масок божеств; некоторые из них даны в фас, другие в профиль.

Основную часть росписи занимает изображение невысокого пирамидального сооружения с лестницей из восьми ступеней посередине. На левом крыле его стоит трон, очень близкий к изображенному в первой комнате. На нем сидит правитель в женской одежде¹²⁶, очевидно, совершающий ритуальное кровопускание: левой рукой он колет себе каким-то белым острием (вероятно, заостренная кость) язык или губы; правая рука его поднята вверх. Стоящий на коленях перед троном прислужник, в котором легко можно узнать стоявшего за женщинами слугу из сцены жертвоприношения, подает ему новое острие. Перед правителем помещен большой украшенный налепами сосуд, из которого торчат бумажные свитки. По более поздним материа-

¹²⁵ Bonampak, fig. 29.

¹²⁶ О ритуальном надевании женских одежд мужчинами (правителями и жрецами) и символике этого обряда у народов Центральной Америки см. у Дж. Э. Томпсона (Bonampak.— CIWP, № 602, p. 54, 63—64).

лам из Центральной Мексики нам известно, что жертвенная кровь часто собиралась на бумажные полоски или пучки травы. Для такой же цели, очевидно, предназначены бумажные свитки, находящиеся в сосуде. Более простое на первый взгляд объяснение сцены — что правитель просто ест — противоречит прежде всего его необычной одежде.

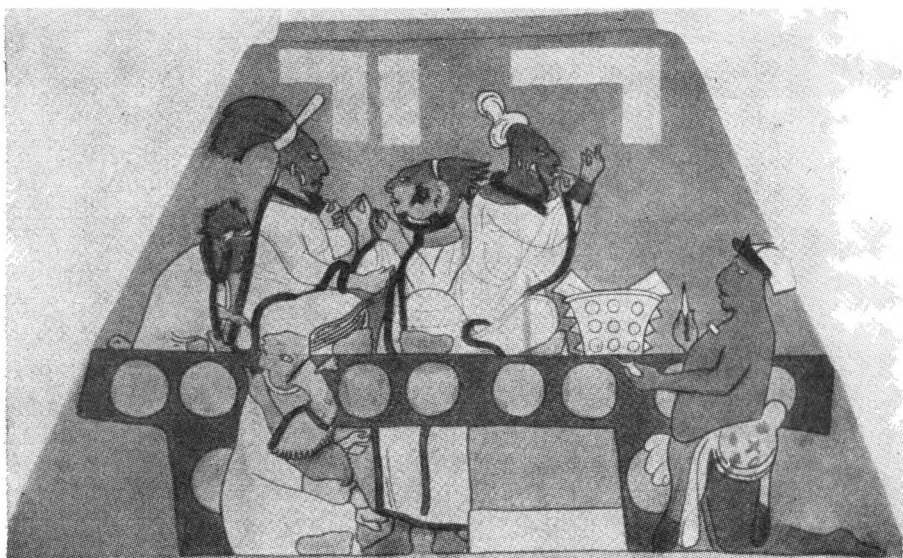
За правителем на том же троне сидят две женщины, уже фигурировавшие в росписях первого и второго помещения. Перед первой из них стоит (за троном) служанка, что-то подающая госпоже. У ножек трона сидит нянька с младенцем на руках, разговаривающая со второй женщиной на троне. Три панели для надписей над головами сидящих оставлены незаполненными.

Центральное место на вершине пирамиды и нижней ступени лестницы занимает изображение десяти необычайно пышно одетых фигур. Трое из них находятся на вершине пирамиды; в них можно предполагать (судя по контурам фигур, так как лица их сильно повреждены) трех уже знакомых нам вождей. Все они изображены в быстром танце; на это указывает положение ног и развевающиеся узкие и длинные полотнища из разноцветных перьев, прикрепленные к поясам. Попутно следует отметить, что узор на этих полотнищах строго индивидуален и не повторяется ни у кого другого. В руках у многих из них веера и небольшие жезлы. Около центрального вождя стоит слуга с красным блюдом в руках. Ниже два прислужника связывают руки и ноги у безжизненно лежащего на ступеньках человеческого тела — вероятно, труп жертвы.

На правом крыле пирамиды неподвижно стоит группа из десяти человек, держащая на плечах носилки с изображением пожилого горбоносого человека, по всей видимости, статуи божества. Лицо божества обращено к танцующим. По бокам лестницы помещены зрители, опахалоносцы и оркестр, состоящий здесь из четырех трубачей и одного человека с трещотками.

На последней, входной стене третьего помещения в верхнем ярусе изображена сцена, напоминающая одну из росписей первой комнаты. Мы снова видим здесь персонажей в длинных белых плащах с большими морскими раковинами на плечах и груди. Число их, однако, в третьем помещении меньше: вместо четырнадцати — десять человек, но что это одни и те же лица, можно узнать по реалистически выписанным характерным особенностям телосложения того или иного персонажа. Все они углублены в оживленный разговор или, может быть, даже горячий спор. Над каждым из них оставлено место для надписи, но заполнено знаками лишь одно.

В нижнем ярусе изображены девять сидящих со скрещенными погами людей, занятых беседой. Хотя одежда их состоит

Деталь росписей в Бонампаке. Правитель и женщины

только из набедренной повязки и скромного головного убора, однако, судя по нефритовым украшениям на шее, можно предполагать, что они также принадлежат к знати.

Как видно из изложенного, далеко не все может считаться ясным и понятным в бонампакских росписях. Существуют два основных толкования изображенного на них. Первое (если рассматривать второе помещение в качестве начального при осмотре) состоит в том, что на росписях изображено сражение, в честь которого был затем устроен праздник, состоявший из трех этапов (жертвоприношение, церемонии в комнате 1 и затем в комнате 3). Таково, в частности, было мнение А. М. Тоззера. Согласно второму толкованию, предложенному Дж. Э. Томпсоном, основной темой всех росписей является религиозный праздник, возможно, в честь божеств земли. После первого этапа его, изображенного в первом помещении, следует набег на соседнее селение с целью захвата пленных. Далее следует жертвоприношение и заключительный торжественный танец. Думается, что окончательное решение этого вопроса зависит от истолкования текстов, содержащихся в иероглифических надписях, рассыпанных среди изображений. К несчастью, сохранность их оставляет желать много лучшего, не говоря уже о трудностях, связанных с чтением их курсивного написания. Датировка бонампакских росписей не вызывает особых затруднений. В первом помещении под изображением персонажей в белых одеждах тянется

большая иероглифическая надпись; в ней наличествует «начальная серия» 9.18.0.3.4 (не все цифры абсолютно ясны, но показатели цикла и катуна бесспорны, следовательно, колебания могут быть лишь в размере девятнадцати лет), т. е. 790 г. Т. Проскурякова, анализирувшая фигуры на изображениях по разработанному ею хронологическо-стилистическому методу, приходит к заключению, что росписи созданы позднее 9.16.0.0.0., т. е. 751 г. Наконец, три стелы Бонампак и притолоки здания 1 датируются от 9.17.0.0.0.—771 г. до 9.18.10.0.0.—800 г. Следовательно, бонампакские росписи могли быть созданы между 770 и 800 г. и, вернее всего, ближе к последней дате.

Проведенные исследования по технике росписей не дают еще удовлетворительного ответа на вопрос: сколько художников участвовало в их создании? А. Вильягра Калети¹²⁷ и Игнасио Берналь, например, полагают, что поскольку работа велась по сырой штукатурке (что, между прочим, еще не доказано), то в росписях должны были принимать участие одновременно несколько художников¹²⁸. Т. Проскурякова считает, что второе и третье помещения были, возможно, расписаны более молодым художником, чем тот, кто расписывал первое помещение¹²⁹. Действительно, между этими комнатами имеется определенная разница, например, в красочной гамме. Но обязательно ли это должно указывать на разных живописцев? Выше мы упоминали, что можно проследить портретные изображения одних и тех же лиц в разных помещениях, совпадающие по стилистическим признакам. Допустимо предположение, что разница в красочной гамме могла быть обусловлена просто различием в характере изображенных сцен.

Т. Проскурякова указывает и на другую возможность. По ее мнению, роспись могла производиться в три этапа. При первом на белой штукатурке легкой красной линией рисовался контур фигур. Вторым этапом заключался в том, что на контуры накладывалась краска; при последнем готовая фигура обводилась тонкой черной линией. Так как в нескольких случаях первичные и окончательные контуры не совпадают, то Проскурякова заключает из этого, что работа могла выполняться различными лицами. Этим же, по ее мнению, следует объяснять и некоторые ошибки в анатомии, наблюдаемые в росписях. Последний мастер, заканчивавший работу, мог не понять композиции фигуры и невольно исказить ее в сторону старого, привычного, но анатомически неправильного изображения¹³⁰. Характерным при-

¹²⁷ A. Villagra Caletí. Bonampak. La ciudad de los muros pintados. México, 1949, p. 16.

¹²⁸ México. Pre-hispanic painting. New York, 1958, p. 15.

¹²⁹ Bonampak.—CIWP, № 602, p. 44.

¹³⁰ Bonampak, p. 42.

мером подобного случая может служить изображение побежденного, умоляющего правителя о пощаде (неправильная передача положения шеи и рук относительно профильного положения торса; такое положение возможно лишь при изображении туловища в фас). Совершенно такие же неправильности встречаются на стенах 12 из Пьедрас Неграс, 15 из Йашчилана и 2 из Канкуэна; первый и последний из этих памятников имеют даты, близкие к бонампакским росписям (9.18.5.0.0. и 9.18.0.0.0.). Весьма вероятно, что правильная прорисовка тела в этом положении была еще не вполне освоенным художественным новшеством.

По нашему мнению, в работе над бонампакскими росписями, возможно, участвовало несколько мастеров, но все они подчинялись какому-то одному лицу (являвшемуся их художественным руководителем). Стилистические переключки между росписью разных помещений настолько сильны, что невозможно объяснять их только общностью художественной школы разных живописцев. Несомненно, во главе всей работы стоял один человек, создавший первый эскиз росписей (возможно, ему и принадлежат контурные красные линии) и наблюдавший, как по его указаниям завершалось все остальное.

Этот художник, руководивший созданием бонампакских росписей, был, несомненно, большим мастером. Об этом свидетельствует прежде всего блестящее построение всей гигантской многофигурной композиции: величавая торжественность церемонии в первом помещении, напряженность, динамичность сцены битвы и драматический характер жертвоприношения во втором и, наконец, яркость и веселье победного праздника в третьем. Поражает уверенность, смелость и чистота линии рисунка. При этом надо иметь в виду, что основная эмоциональная нагрузка давалась не цветом, а именно выразительной ритмической линией. Мастер свободно и уверенно распоряжается богатой гаммой красок, не останавливаясь перед самыми своеобразными их сочетаниями, всегда направленными, однако, к достижению определенного, строго продуманного эффекта. Обращает на себя внимание то, что художник пользуется в основном только чистым цветом; лишь иногда он позволяет себе игру полутонов или постепенный переход одного тона в другой. В основном же цветовые переходы редки; оттенки никогда не используются, чтобы передать тень или форму. Обычно все цветовые части имеют ясные границы; к черным контурам иногда присоединяются белые линии, подчеркивающие тонкие детали (например, на головных уборах). Эта характерная для бонампакских росписей (да и вообще для живописи майя) черта в сочетании с подчеркнуто графической линией контура вызывает, на первый взгляд, впечатление определенной «плакатности». Но в данном случае

необходимо принять во внимание, что эти росписи, во-первых, имели значительный размер (большинство фигур выписано в естественную величину), а во-вторых, были рассчитаны на полутемное помещение (бонампакский храм, как и большинство других зданий майя, освещался только через дверные проемы). Естественно, что при таких условиях рассчитывать на большую игру оттенков в цвете художнику не приходилось.

Рисунок фигур на бонампакских росписях частично сохраняет традицию условного изображения. Лица, например, всегда изображаются только в профиль. Также в профиль даются и ноги, хотя туловище изображено в фас. Но эти незначительные уступки старым традициям почти не производят впечатления. Анатомические пропорции тела, динамика движения, выражение лиц переданы художником достаточно реалистично и выразительно. Следует также помнить, что современные Бонампаку художественные произведения Европы значительно уступают по своим качествам майяскому памятнику.

В росписях Бонампак поражает противоположность скульптуре: здесь нет одного центрального, все заполняющего персонажа и второстепенных лиц. Все участвующие в церемониях выписаны столь индивидуально и охарактеризованы так живо и ярко, что моментами это кажется почти карикатурой (вспомним, например, толстого прислужника около знатных дам в сцене жертвоприношения или отдыхающего трубача в третьем помещении). Художник, не колеблясь, вводит в композицию маленькие эпизоды почти жанрового порядка, побочные к главной теме. Характерной чертой является желание художника дать личный комментарий к изображаемым происходящим событиям и участвующим в них лицам, передать то, что он сам видел и переживал¹³¹. Примечательны его попытки (правда, еще достаточно примитивные) изобразить окружающую природную обстановку: растительность, почву, небо. Это первый шаг к созданию пейзажа.

Между росписями Вашактуна и Бонампак по крайней мере два с половиной столетия. Можно видеть, сравнивая их, какой большой путь развития проделала живопись майя за этот период. Находясь в рамках одной и той же художественной традиции, эти две росписи отличаются друг от друга прежде всего своим отношением к действительности. Художник вашактунской росписи стремился к точной зарисовке происходящего, но не более. Что происходит и как воспримут зрители изображенное, его не волновало. Совершенно по-иному мыслит творец бонампакских росписей. Желание его передать дух изображаемой сцены, вызвать у зрителей те же чувства и переживания,

¹³¹ Бонампак, р. 42.

которые волнуют участников церемонии, ощущается совершенно явственно. Вот почему бонампакские росписи вызывают и у нас определенное настроение, а вашактунская фреска оставляет равнодушной.

Хотя росписи Бонампака, так же как и современная им монументальная пластика майя, были призваны утверждать господствующую идеологию того времени, они более свободно и ярко отражают живую жизнь, чем памятники крупной скульптуры. Чем это можно объяснить: меньшим влиянием религиозных канонов в живописи или гениальностью бонампакского художника, сумевшего освободиться из-под их влияния? Сравнение с материалами других индейских обществ древней Мексики не подтверждает первого предположения. Росписи Теотихуакана перегружены религиозной символикой и для того, чтобы получить из них какие-то сведения о действительной жизни их создателей, исследователям приходится проводить порой работу, близкую к искусству дешифровщика. Такие же явления характерны и для более поздних росписей майя, например, в Санта-Рита и Тулуме. Единственное художественное достоинство их, с нашей точки зрения, — это высокая степень декоративности. Следовательно, устойчивость культовых требований в живописи была не меньшей, чем в скульптуре. Второй тезис, сводящий все к гениальности личности художника, может быть по-настоящему проверен лишь тогда, когда мы будем иметь, наряду с Бонампаком, по меньшей мере еще две-три одновременных майяских росписи. Только сравнивая их, можно будет с уверенностью сказать, насколько творец бонампакских фресок превышал в своем творчестве уровень современного ему искусства. Пока этих сравнительных материалов еще нет. Однако косвенные данные (монументальная скульптура, роспись на сосудах) позволяют все же с известной уверенностью утверждать, что художник, создавший фрески Бонампака, был исключительно одаренным в творческом отношении человеком.

10

Расписные сосуды майя — тема специального исследования, к сожалению, никем еще не выполненного. Не имеется даже более или менее подробного сводного издания их, за исключением работы Дж. Б. Гордона, не претендующей на полноту и вышедшей около четверти века тому назад¹³². Материал же очень велик и с каждым годом все увеличивается благодаря новым находкам. Естественно, что в нашей работе,

¹³² G. B. Gordon and L. A. Mason. *Examples of Maya Pottery in the Museum and other Collections*, vol. I—III. Philadelphia, 1925—1943.

носящей обзорный характер, не следует ожидать детального рассмотрения всех вопросов, связанных с художественной керамикой майя.

Расписные сосуды появляются у майя в керамический период «цаколь», начало которого датируется приблизительно 8.5.0.0.0., т. е. 254 г., и продолжают бытовать до самого конца классического периода. Как формы сосудов, так и тематика росписей на них крайне разнообразны; высокие цилиндрические сосуды, горшки, чаши, блюда, кубки покрывались тонким слоем штука, на который наносили изображения животных, птиц, змей, людей и божеств, геометрические и растительные мотивы, а также иероглифические надписи. Преобладает красно-желтая гамма красок с белыми, красными или черными линиями рисунка.

Так же как и при рассмотрении мелкой пластики, приходится отметить одно, не лишнее интереса обстоятельство: по видимому, центры изготовления расписных сосудов не совпадали с известными нам центрами монументальной живописи. Ориентировочно можно наметить (по местам находок, разумеется) следующие области, где представлена наиболее выдающаяся в художественном отношении расписная керамика: Хольмуль, Чама (вдоль верхнего течения р. Чишой с городами Ратинлиншуль, Небах), Копан, Вашактун. Из них только последний имеет памятники монументальной живописи.

Характерным примером вашактунской расписной керамики могут служить сосуды, найденные в погребальной камере какого-то знатного лица, помещавшейся в фундаменте здания А-І. На первом из них (обычно называемом «сосудом с начальной серией») изображена торжественная церемония¹³³. На низком троне сидит, поджав ноги, правитель города или другое знатное лицо. Сзади него стоит мальчик в пышной одежде, возможно, его наследник, он держит в левой руке предмет в виде большого кольца с тремя крупными зубцами — вероятно, символ власти или знатности. Изображения таких предметов в руках знатных лиц не раз встречаются в вазовой живописи. С. Г. Морли предполагал, что это кремневые пластины необычной причудливой формы, часто находимые в вотивных кладах и захоронениях¹³⁴. С. Н. Замятин посвятил таким предметам, найденным на территории Старого Света, интересное исследование¹³⁵. Сзади мальчика стоит слуга с большим опахалом в руках. Перед правите-

¹³³ P. Kelemen. Op. cit., tabl. 129a, c.

¹³⁴ S. G. Morley. The Ancient Maya, p. 417.

¹³⁵ С. Н. Замятин. Миниатюрные кремневые скульптуры в неолите северо-восточной Европы. — «Советская археология», № 10, 1948, стр. 35—123.

лем помещена «начальная серия»¹³⁶, а за ней — два персонажа в пышных одеждах с большими необычными украшениями из перьев за спиной и татуированными или раскрашенными лицами. Первый из них держит в правой руке точно такой же предмет, как и мальчик, второй — длинное копьё. Между этими персонажами помещена фигура сидящего и рычащего ягуара, который передними лапами держит какой-то большой предмет — по предположению С. Г. Морли, два связанных сосуда, наложенных один на другой. В храме E-III в Вашактуне между двух подобных по форме сосудов был найден человеческий череп. По верху сосуда идет лента из крупных иероглифических знаков; около фигур также находятся небольшие группы знаков, очевидно, имена или титулы. Вся композиция, по-видимому, изображает прием правителем Вашактуна послов от соседнего города (значение фигуры ягуара остается неясным). Рисунок твердый и уверенный; основная цветовая гамма — яркий оранжево-красный, фигуры очерчены черной краской и нарисованы черной и желтой (в несколько оттенков) красками. По стилистическим особенностям сосуд должен быть датирован около 730 г.

Два других расписных сосуда из этого же погребения — плоские тарелкообразные чаши на трех ножках — представляют собой хорошие образцы композиции, вписанной в круг. На первой из них изображен поднявшийся на цыпочки и танцующий человек; движение показано разметавшимися во все стороны полосками набедренной повязки. Примечательна попытка передать перспективу: левая вытянутая рука и плечо, находясь ближе к зрителю, больших размеров, чем правая. В рисунке фигуры есть некоторые ошибки, но в целом она оставляет сильное впечатление¹³⁷. На второй изображена человеческая голова в профиль с пышным головным убором из перьев; чтобы композиция вписалась в круг, перед носом, под подбородком и на лбу головы помещены изображения трех стилизованных цветков. Для этой росписи характерна сильная декоративность изображения.

Из расписных сосудов, найденных в Копане, в первую очередь следует упомянуть два невысоких цилиндрических бокала, хранящихся в музее Пибоди (Кэмбридж, США). На первом из них изображено знатное лицо, перед которым стоит слуга (изо-

¹³⁶ Дата читается: 7.5.0.0.0. 8 Ахау 13 Канкин — число, совершенно невозможное по календарю майя. С. Г. Морли считает, что в написании была допущена ошибка и предлагает читать ее: 8.5.0.0.0. 12 Ахау 13 Канкин (S. G. Morley. *Op. cit.*, p. 415—416). Однако думается, что правильное было бы изменить лишь коэффициент дня и месяца, не затрагивая показателя цикла.

¹³⁷ A. Kidder II and C. Samayoa Chinchilla. *Op. cit.*, tabl. 37.

бражение повторяется дважды)¹³⁸. По верху сосуда идет иероглифическая надпись. Рисунок более наивен, чем на вапактунских сосудах, но подкупает непосредственностью и живостью; цветовая гамма такая же, как и в предыдущей группе. Второй бокал, очень часто приводимый в изданиях по майяскому искусству, имеет на матовом черном фоне изображение двух кецалей в желто-красной гамме¹³⁹. Фигуры птиц несколько стилизованы. Сверху также тянется иероглифическая надпись. Примечательно, что хотя, как известно, хвостовые перья кецаля имеют ярко-зеленый цвет (за что они так ценились в древности), в росписи зеленый цвет отсутствует. Отсюда мы можем заключить, что черно-красно-желтая гамма красок была в росписи сосудов строго традиционной. На третьем сосуде из Копана¹⁴⁰ изображена сильно стилизованная морда ягуара; вместо пасти у нее большой иероглифический знак; сверху, как обычно у этой формы сосудов, помещена надпись. В росписи данного сосуда переключка с памятниками монументальной скульптуры чувствуется гораздо явственнее. Очевидно, именно от росписей такого типа ведет свое начало живопись на полихромных сосудах (найлены в долине р. Улуа в Гондурасе), подражающих расписной майяской керамике¹⁴¹.

Наиболее блестящие образцы росписей на майяских сосудах, однако, найдены на территории департамента Альта Вера Пас в горной Гватемале. Самым известным из них, пожалуй, является высокий (22 см) цилиндрический сосуд из Чама, хранящийся в настоящее время в музее Пенсильванского университета¹⁴². На кремово-желтом фоне помещено семь человеческих фигур, выполненных красной, коричневой, желтой и черной красками. В центре композиции — два встречно расположенных персонажа, тела которых окрашены в черный цвет. Один из них (правый) с наброшенной на плечи шкурой ягуара и большим жезлом в правой руке делает быстрый шаг вперед; опустившийся на одно колено лысый старик кладет к его ногам какой-то предмет. За этим черным предводителем стоит в почтительной (или удивленной) позе прислужник с веером под мышкой. Сзади второго черного персонажа помещены трое людей: у двоих в руках — веера, у третьего — меч или палица, которую он прижимает одной рукой к себе, другая поднята вверх. Все изображенные на сосуде из Чама персонажи настолько индивидуальны (передаются такие черты, как лысина, чахлая

¹³⁸ G. B. Gordon and J. A. Mason. Op. cit., tabl. 34—35.

¹³⁹ G. B. Gordon and J. A. Mason. Op. cit., tabl. 39—40.

¹⁴⁰ Ibid., tabl. 64—65.

¹⁴¹ Ibid., tabl. 22, 25, 28, 56, 59 и др.

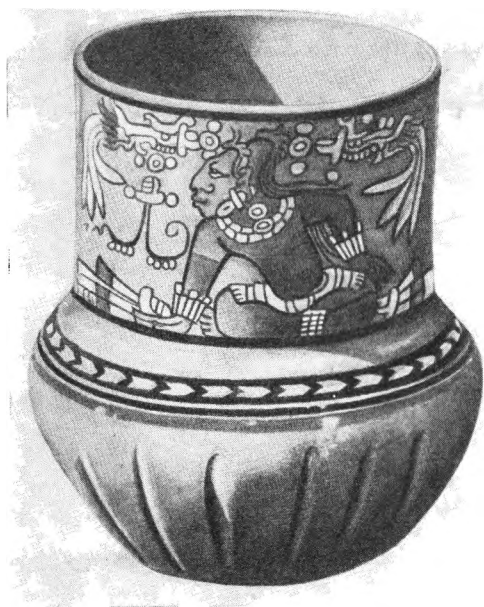
¹⁴² Ibid., tabl. 1—2; Ed. Selser. Das Gefäß von Chamà.— «Gesammelte Abhandlungen...», Bd. III. Berlin, 1908, S. 653—669.

бородка, усы, бородавка на носу и т. д.), что можно предполагать исторический характер изображенного события. Это подчеркивается как наличием двух этнических типов у изображенных, так и иероглифическими надписями (вероятно, именами) около каждого из них. Рисунок (несмотря на отдельные анатомические погрешности) поражает уверенностью линии и чувством пространства; прекрасно выражена напряженность присутствующих лиц. Композиция обрамлена сверху и снизу декоративной лентой из шевронов.

Росписи на двух других сосудах из этого же географического района имеют более бытовую тематику. На

первом из них, найденном в Небахе ¹⁴³, изображен сидящий на низком помосте правитель, занятый беседой со знатным посетителем. В правой руке у последнего тот же кольцеобразный предмет, который мы видели на описанном выше сосуде из Вашактуна. Позы беседующих легки и непринужденны. Между этими двумя фигурами на низеньком столике, покрытом вышитой тканью, стоит блюдо с лепешками или фруктами. Сзади правителя сидит писец, считающий при помощи абаки ¹⁴⁴ яйца в корзине. За ним стоит слуга с поднятой рукой, очевидно, что-то говорящий писцу. За посетителем находится другой слуга, скрестивший на груди руки и мрачно прислушивающийся к разговору. Около каждой фигуры панель с иероглифической надписью. Вся сценка передана очень непосредственно и живо; в цветовой гамме преобладает красный цвет.

На втором сосуде, найденном в Ратинлиншуле и хранящемся теперь в музее Пенсильванского университета ¹⁴⁵, изображено путешествие какого-то знатного лица, может быть, правителя или жреца. Его несут в паланкине два носильщика; сам он обмахивается веером; у головы его помещено три иероглифиче-

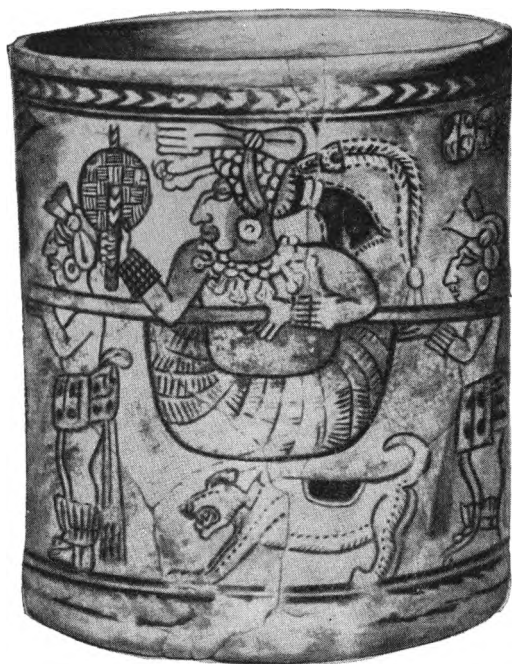

Сосуд с росписью из Чама

¹⁴³ G. V. Gordon and J. A. Mason. Op. cit., tabl. 29—30.

¹⁴⁴ «Советская этнография», № 2, 1949, стр. 236.

¹⁴⁵ G. V. Gordon and J. A. Mason. Op. cit., tabl. 51—52.

Сосуд с росписью из Ратинлиншуля

ских знака. Под паланкином бежит собака с маленькой попонкой на спине. За носильщиками слуга несет скамью, покрытую ягуаровой шкурой; за ним идут три воина с большими палицами и другой слуга, несущий какой-то неясный предмет в левой руке, в то время как правая лежит на его левом плече (знак внимания или почтения). Роспись выполнена в красных, оранжевых и белых тонах с небольшими вкраплениями черного цвета; композиция ограничена сверху и снизу декоративной лентой так же, как и на сосуде из Чама. Благодаря цилиндрической форме сосуда процессия кажется бесконечной. Очень хорошо передано выражение лиц у различных персонажей: самодовольное и властное у сидящего в носилках, усталое у слуги, строгое — у воинов и беззаботное — у замыкающего процессию.

Прочие памятники художественного ремесла майя классической эпохи очень малочисленны: фигурные кремни, раковины с выгравированным на них рисунком или надписью и другие; о мозаике из перьев и изделиях ткачества мы можем судить лишь по изображениям их на рельефах.

Искусство майя классического периода является, несомненно, самым ярким и интересным из всех, развивающихся на североамериканском континенте до испанского завоевания. Помимо больших чисто технических достижений (система кладки, состав штукатурки, краски, техника обработки камня и др.), оно знаменовало собой новый и важный этап в процессе эстетического освоения действительности древним индейским населением. В созданных памятниках были углублены и расширены представления о значительности и величии человека, нашли отражение черты реальной жизни, а отдельные произведения показывают явный интерес создавшего их художника к передаче конкретной действительности и привлекают даже современ-

ного зрителя живой реалистической характеристикой образа. Однако эти реалистические тенденции имели еще ограниченный и недостаточно развитый характер в силу существовавших исторических условий.

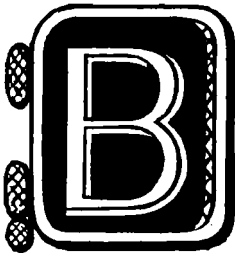
Общество майя в классический период было раннеклассовым. Естественно, что изобразительное искусство майя (так же как, очевидно, и другие виды искусства) стало идеологическим оружием в руках растущего нового рабовладельческого класса. Именно поэтому идейное содержание большинства памятников сравнительно узко. Основной тематикой их было прославление силы и величия правителей и родовой знати, утверждение мощи божеств и данного города-государства. Взгляд на человека как на представителя общины, города-государства, наличие примитивных религиозных представлений о связи правителя и божества препятствовали широкому развитию гуманистического начала в идеологии и делали ограниченным раскрытие образа человека в искусстве. В подавляющем большинстве случаев в памятниках искусства майя мы видим не индивидуального человека, а изображение представителя данной общины или города-государства. Такое отсутствие интереса к личности (обусловленное, конечно, спецификой того этапа общественного развития) и объясняет нам, между прочим, сравнительную редкость портретных изображений. Характерный пример тому представляют собой стелы Копана. Скульпторы, создавшие их, изображали не ту или иную конкретную историческую личность, а правителя копанского государства. Поэтому понятие портретности для них заключалось не в точности передачи черт лица, а в достоверной передаче парадного одеяния и атрибутов власти, характеризовавших человека как правителя. Естественно, что раскрытие внутреннего мира человека, создание его психологической характеристики было для мастеров майя задачей почти еще непосильной.

В идеологической жизни общества майя (как и вообще во всех древних обществах) важную роль играла религия, поставленная на службу рождавшемуся эксплуататорскому классу. Обрядовая сторона религии имела огромное, подавляющее значение; этико-дидактические аспекты ее, характерные для позднейших, более развитых религий, здесь почти не имели места. Первоначальной и основной задачей этих обрядов было обеспечить магическим путем растительное и животное плодородие, а также процветание и безопасность данного города-государства. Этими характерными чертами объясняется необычайная устойчивость ряда символических изображений (маски божеств воды, неба и земли, древо жизни, змеиные и растительные элементы и др.), загружающих часто памятники искусства майя. К этому следует, впрочем, добавить, что подобная символика была несравненно понятней представителям того общества, для которо-

го создавались данные памятники и, следовательно, менее мешала их целостному восприятию.

Искусство майя классического периода оказало несомненное влияние на искусство индейских народов Центральной Америки в последующий период их развития и тем самым внесло свою лепту в сокровищницу мировой культуры. Традиции доиспанского искусства продолжали существовать и в колониальный период, пробиваясь, подобно живым струям родника, среди официального искусства, призванного укреплять власть короля и церкви в странах Латинской Америки. Особо важную роль памятники древнего индейского искусства, в том числе и искусства майя, играют в настоящее время, когда национально-освободительное движение латиноамериканских стран растет и все более крепнет. В обращении к художественным традициям прошлого прогрессивные архитекторы, скульпторы и художники Мексики, Гватемалы и Гондураса черпают новые силы для борьбы с чуждыми их народам абстракционистскими течениями в искусстве.

ИНДЕЙСКИЕ ЭЛЕМЕНТЫ В ЯЗЫКАХ И ТОПОНИМИКЕ НОВОГО СВЕТА

старину на берегах Ориноко бытовало одно местное предание. В индейских селениях на берегу жил попугай, пользовавшийся общей любовью и считавшийся священной птицей. Племя было истреблено занесенной чужеземцами повальной болезнью, и от его селений остались лишь безжизненные развалины. Никто не посещал пустынных мест. Один лишь попугай, единственное говорившее существо, продолжал обитать здесь и все повторял слова замолкшего навсегда языка, нарушая мертвую тишину своим голосом. Он повторял слова старинной песни, значения которых никто уже не понимал. Птица стала печальным призраком этих мест, и, заслышав с реки ее голос, путники суеверно ускоряли движение своих лодок.

Это старое предание таит в себе глубокий смысл.

Большое число индейских племен вместе с их языками стерто с карты Нового Света. Но множество индейских названий прочно вошло в культурный и бытовой обиход современного населения Америки.

Множество растений и животных, которых европейские пришельцы и ввезенные ими африканцы впервые узнали в Новом Свете, большое число гор, долин, равнин, рек, озер, изгибов морских побережий его двух, а с ледовитыми — четырех океанов хранят свои старые названия, хотя зачастую и в новой, чуждой им передаче. Многие населенные пункты называются на каком-либо из индейских языков, а на Крайнем Севере — эскимосски. Немало старых индейских слов было перенесено на новые общественные отношения, порядки и установления, из которых иные успели в свою очередь устареть и отмереть. Индейские слова можно услышать из уст нынешних обитателей

американского континента, говорящих на испанском, португальском, английском, французском языках. В Латинской Америке индейские элементы в процессе значительной метисации населения, а также культурного взаимодействия исконного населения с колонизаторами и ввезенными ими черными рабами заметно преобразовали, или, вернее, образовали — вместе с африканскими элементами — американо-испанскую и бразило-португальскую речь.

Индийские слова прочно вошли не только в ныне господствующие в Новом Свете языки — испанский, португальский, английский, французский. Их можно найти во всех других более или менее значительных языках мира. Так, немецкий языковед Пальмер отмечает, что много индейских слов проникло в немецкий язык еще даже до того, как они утвердились в английском¹. Но, разумеется, большинство индейских слов перешло в языки мира из испанского, португальского, английского, французского языков. Русская Америка, занимавшая юго-западную и западную части Аляски с индейским и эскимосским населением, несомненно, способствовала непосредственному внесению индейской лексики и в русский язык, а через него и во многие другие языки.

Массовая эмиграция из различных стран в США, Канаду и Латинскую Америку, нередкие случаи возвращения на родину, наконец, письма на родину — также способствовали проникновению индейской лексики в немецкий, итальянский, русский и украинский, польский, чешский и многие другие языки Старого Света. Мореплаватели и путешественники, в том числе русские, среди которых были и первооткрыватели земель, и научные исследователи Нового Света, наконец, международная торговля, мировой рынок, в большой мере способствовали обогащению индейскими словами международной лексики — географической, геологической, ботанической и зоологической, этнографической, исторической, товароведческой, бытовой. Индейская лексика проникла в международную научную латинскую номенклатуру.

Мы не ставим перед собой задач лингвистического исследования, а лишь касаемся влияния индейских языков на другие языки в историко-культурной плоскости.

В этом аспекте следует прежде всего подчеркнуть, что языковые взаимоотношения между пришедшими на западный континент европейцами, ввезенными ими африканскими рабами и исконным населением Нового Света сложились по-разному в Северной Америке (имеется в виду территория нынешних

¹ Ph. M. Palmer. Einfluss der Neuen Welt auf den deutschen Wortschatz. Heidelberg, 1933.

Соединенных Штатов и Канады) и в Южной и Центральной Америке. Социально-исторические условия французской, голландской и возобладавшей затем английской колонизации северной части Америки и пиренейской (испанской и португальской) — ее южной части были различны. Английская колонизация, совершенно вытеснившая из Северной Америки голландскую и, за исключением так называемой Французской Канады, подавившая французскую, стимулировалась главным образом резко углублявшимися противоречиями первоначального накопления и аграрного переворота в Англии, а потому приобрела массовый характер. Испания и Португалия и даже Франция были еще скованы феодальными отношениями, что не могло не сказаться на характере колонизации Америки этими странами. Она далеко уступала английской по интенсивности колониального движения.

В те страны Нового Света, где развилось плантационное хозяйство, испанцы, португальцы, англичане, французы, голландцы ввозили из Африки черных рабов. Негры образовали впоследствии компактное население южных штатов в США и участвовали в метисации населения в ряде стран Латинской Америки, а в некоторой степени и в США.

Лишь совсем небольшие собственные колониальные контингенты могла выделить маленькая Португалия, разбросавшая к тому же свои колониальные владения по всему свету — Америке, Африке, Ост-Индии. Она ввозила в свою громадную заокеанскую колониальную империю огромные массы черных рабов из Африки.

Коренное население Северной Америки делилось на множество разноязычных племен, хотя и образовывавших некоторые крупные языковые группы, как, например, алгонкины, протоэ, сиу, атапаски и др. Они находились на различных ступенях первобытнообщинного строя. Наоборот, испанская колонизация почти сразу же натолкнулась на весьма значительные раннеклассовые общества с довольно густым населением, древней и относительно высокой культурой майя и ацтеков в Мексике, чибча в нынешней Колумбии и на самое обширное и могущественное из них — государство инков в Древнем Перу. Португальцы встретили на огромном побережье Бразилии довольно плотное население, находившееся еще на стадии первобытного строя. Общественный быт живших здесь тупи-гуарани обнаруживал некоторые признаки начавшегося у них разложения первобытного строя.

Общая неравномерность исторического развития резко сказалась на различных типах этнической и социальной среды, с которой пришлось столкнуться европейской колонизации в разных частях Нового Света.

На севере американского континента индейские племена, разрозненные и часто враждовавшие между собой, подверглись систематическому оттеснению и истреблению; остатки их были в XIX в. загнаны в резервации и здесь в значительной мере утратили свою племенную и этническую индивидуальность. Индейское население Вест-Индии — островные араваки и застигнутые испанской конкистой в процессе своего переселения на острова карибы — подверглось полному уничтожению, причем испанские завоеватели воспользовались для этого жестокой борьбой между ними.

Целые районы и страны Центральной и Южной Америки были «очищены» колонизаторами от индейского населения (Вест-Индия, Уругвай, где индейцы были полностью истреблены, значительная часть Аргентины). В ряде других районов сохранились крупные массивы коренного населения, особенно — в странах древних индейских высоких культур — ацтеки, майя, кечуа и в значительной мере ассимилировавшиеся с ними аймара, отчасти чибча. Латинская Америка в значительной мере остается и теперь индейской, даже в тех ее странах, а их большинство, где население является в основном метисным. В Латинской Америке совершался в течение трех с половиной столетий процесс смешения двух, а где — и трех рас (индейцев, европейцев и негров), что особенно характерно для Бразилии. Все это не могло не сказаться на различии языковых отношений в северной части Америки и в так называемой Латинской Америке.

Различие природных условий в северной части Америки и в странах нынешней Латинской Америки также наложило глубокий отпечаток на сложившиеся в обеих частях американского континента в результате их колонизации языковые отношения. Эти отличия резко сказались в экваториальной и южной частях Америки.

Англичане, голландцы и французы находили на территории нынешних США и Канады природные условия, не столь уж резко отличающиеся от природных условий их родины и не требовавшие от них особых усилий в приспособлении к новой среде. Другое дело тропические и субтропические страны Америки с их богатством растительного и животного мира и обилием исключительно им присущих форм. Испанцы и португальцы на каждом шагу наталкивались на совершенно неведомые им виды растительного и животного мира, для обозначения которых ресурсов их собственных языков не хватало. Им приходилось обращаться прежде всего к местным названиям этих новых для них растений и животных. Эти названия в основном и заполнили американско-испанский и бразильско-португальский ботанический и зоологический словарь, проникнув и в общий испан-

ский, и общий португальский языки. В меньшей степени индейские названия растений и животных северной части Америки вошли в языковой оборот ее европейских поселенцев — англичан, французов. В англо-американской речи дают себя чувствовать и заимствования из африканских языков негров, не скоро усвоивших английскую речь и сохранивших в ней многие характерные слова и выражения из языков своей африканской родины.

Многие языки индейцев Северной Америки теперь уже исчезли. Часть индейцев усвоила, в сочетании со значительными реликтами собственных языков и упрощениями, английский язык. Тем не менее индейских языков и наречий в Северной Америке и по сей день остается довольно много, хотя по большей части с незначительным числом говорящих на них. В XIX в. даже выработались письменные и стали складываться литературные языки (навахов, чироков, дакота и др.), не нашедшие, однако, благоприятных условий для своего развития. В общем и целом грамотность североамериканских индейцев весьма низка. Индейские наречия в процессе вовлечения индейского населения в капиталистические отношения наводнились английскими, точнее, — англо-американскими и англо-канадскими, а частью и франко-канадскими словами, причем их исконная собственная лексика заметно деформировалась и обеднела.

Вместе с тем на основе некоторых родственных индейских наречий сложились так называемые торговые языки, в которые вошли элементы иноязычных — соседних индейских наречий и немало слов из английского или французского языков. В процессе вовлечения индейцев — от племени к племени — в торговые отношения с европейцами, с усилением деятельности скупщиков пушнины, кож и пр. сложились различные торговые языки: *чинук*, на основе языка племени чинук (из большой языковой семьи пенути), в который проникли английские, французские и даже некоторые русские слова; *мобил* (вначале — офранцуженное название племени манвил²), на основе наречий племен чоктавов и чикасавов (мускогской группы большой языковой семьи сиу-хока) и др. «Торговые языки» явились одним из важных путей проникновения индейских слов в английский и французский языки в Северной Америке.

Обращаясь к заимствованиям из индейских языков Северной Америки, следует иметь в виду, что на восприятие индейских слов европейскими поселенцами оказывали влияние глубокие различия в фонетике и грамматическом строе между индоевропейскими и индейскими языками, из-за чего заимствованные слова значительно видоизменялись.

² G. R. Stewart, Names on the land. Account of placenaming in the United States. New York, 1945, p. 136.

Вследствие языковой дробности коренного населения Северной Америки и существенных различий между племенными диалектами наблюдались многочисленные варианты одного и того же слова у отдельных племен, и в тоже время весьма различные значения одних и тех же слов у них. К тому же ни звуковая форма, ни смысловое содержание слов и их сочетаний не имели еще в первобытном обществе достаточной устойчивости.

Энгельс, говоря об образовании новых племен и наречий у индейцев Северной Америки, указывал: «В действительности племя и диалект по существу совпадают; новообразование племен и диалектов путем разделения происходило в Америке еще недавно и едва ли совсем прекратилось в настоящее время»³. Энгельс отмечал, однако, и интегрирующие тенденции развития в языковом сближении объединявшихся в союзы племен, делавших таким образом «первый шаг к образованию наций», — как, например, у ирокезов: «Они говорили на родственных диалектах одного и того же языка и населяли сплошную область, которая была поделена между пятью племенами»⁴.

Явление диалектальной дробности речи и ее лексической неустойчивости в родо-племенных обществах создает немалые трудности и для этимологической реконструкции многих слов, заимствованных некогда от индейцев, как по их лексической и, в частности, фонетической форме, так и по их значению. Отсюда разноречивость, множественность и зачастую гипотетичность их этимологических толкований.

В Северной Америке наибольшее число индейских слов — мы говорим здесь о непосредственных заимствованиях — пришло в английский (около 150 слов) и французский языки (примерно столько же) от алгонкинов. Племена алгонкинов ко времени появления белых населяли огромные пространства от Скалистых гор до Атлантического побережья Северной Америки. Английские и французские колонисты прежде всего столкнулись с восточными алгонкинами, населявшими обширную область от современной юго-восточной Канады до штата Южная Каролина. Много слов заимствовали англичане и французы от ирокезов, живших в области Великих Озер и реки Св. Лаврентия. Немало заимствований проникло в английский и французский языки от племен сиу, населявших внутренние степи, а также от атапасков, расселившихся на необозримых пространствах от американского Северо-Запада до границ Мексики, и от других индейских языковых групп. И не только индейцы, но и эскимосы, заселившие береговую полосу арктической и субарк-

³ Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. — К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 21, стр. 93.

⁴ Там же, стр. 95.

тической Северной Америки от Аляски до Гренландии, внесли в эти языки свой вклад. Многие североамериканские индейцизмы в английском и французском языках совпадают, что свидетельствует о значении этих заимствований в обоих языках.

Приведем наиболее характерные заимствования⁵.

В физической географии Северной Америки утвердились некоторые ландшафтные обозначения местного индейского происхождения. Так, из делаварского произошло в английском и французском слово *покосон*, означающее в Виргинии и Мэриленде, а местами также на всей исторической территории так называемой Большой Луизианы низменные трясины, летом обычно пересыхающие. Оджибуэйское *маскег* и теперь остается названием покрытых травой торфяных болот — во франко-канадском, а местами и в англо-канадском. Слово *байю* (*bayou*), во французском и английском языках в Луизиане означающее мелкую илистую речку или заводь, а на побережье лагуну или мелководную бухту, заимствовано из языка чоктавов.

Больше индейских слов пришло в английский и французский языки из области индейской фитонимии (названий растений) и зоонимии (названий животных).

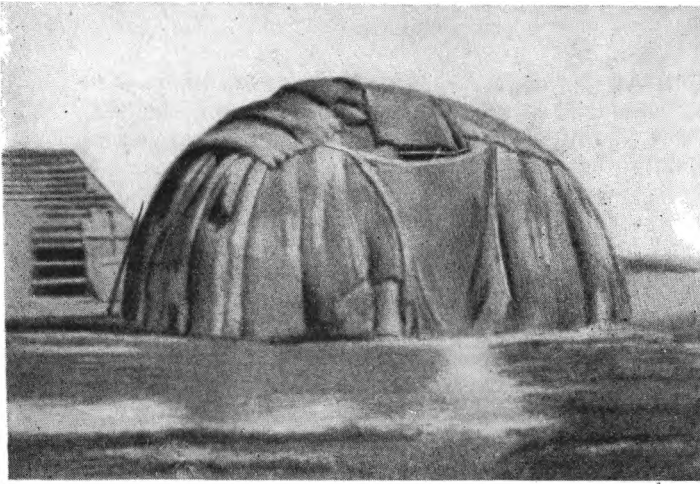
Многие местные растения Северной Америки продолжают носить свои старые индейские названия в английском или во французском языках, а чаще — и в том, и в другом, и, по большей части, также в других языках мира и в международной лексике. Таково, в частности, *пекан*, или *гикори* (*hickory*) — ореховое дерево с вкусными плодами-орехами и ценной древесиной, акклиматизировавшееся и у нас на юге. Алгонкинский наукохиккора означало собственно кашу из толченых орехов гикори; европейские переселенцы рассекли это слово на две части и обе (пауко — пекан и хиккора — гикори) перенесли на название самих деревьев. Пушкин цитирует *hickory* в «Джоне Теннере»⁶ еще в англо-французском начертании, но впоследствии гикори вошло в русскую ботаническую лексику.

Таково и *персиммон* (делаварский посименен) — так называемая виргинская хурма, иначе финиковая слива.

К ним же относится *маномони* (алг., встречается у Лонгфелло) с вариантами, иначе тускарора (по названию одного из ирокезских племен), или так называемый индейский рис, еще

⁵ Заимствования, вошедшие также в русский язык или в международную лексику, равно как и первоначальные индейские слова, не представляющие каких-либо особых затруднений в их передаче, мы прописываем русскими буквами. Названия наиболее часто упоминаемых индейских языков условно сокращены, например: алг.— алгонкинский, т.-г.— тупи-гуарани, аравак.— аравакский, араук.— арауканский, кариб.— карибский, оджиб.— оджибуэйский, адтек.— адтекский.

⁶ А. С. Пушкин. Полн. собр. соч., т. XII. М., 1949, стр. 112—143.

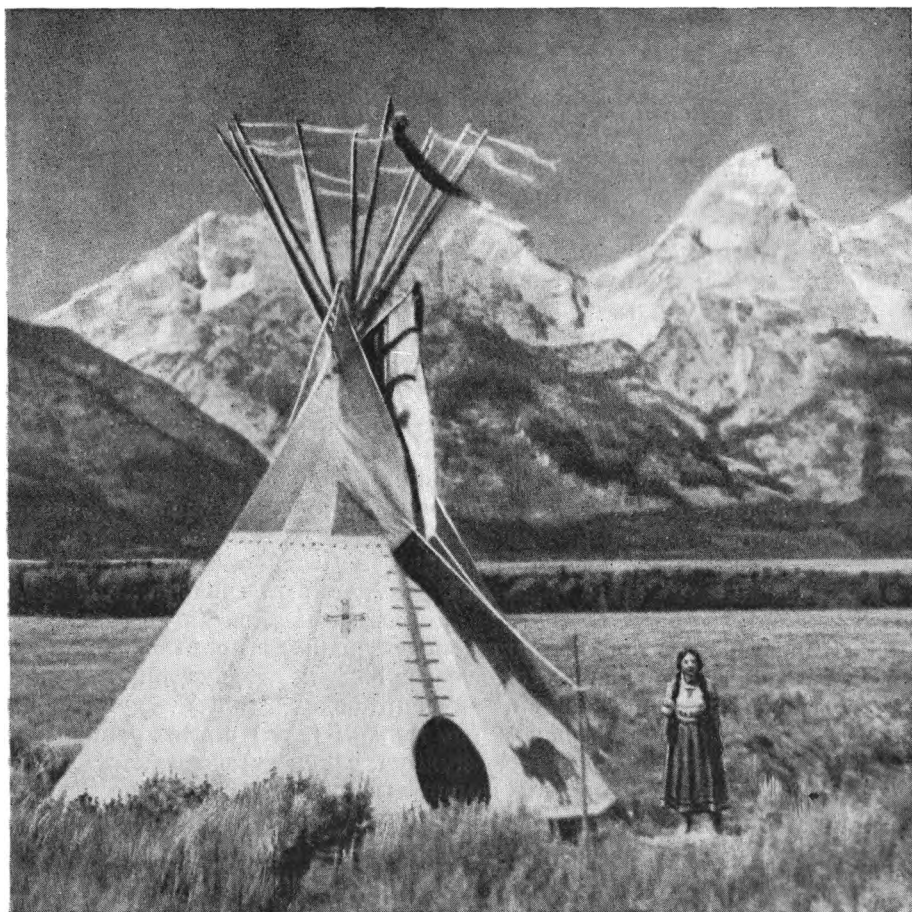
Вигвам

иначе — водяной рис, *zizania aquatica*, — составлявший у индейцев Великих Озер один из основных продуктов питания. Одно из алгонкинских племен, в хозяйстве которых водяной рис играл особенно большую роль, получило от своих соседей название — меномини, т. е. люди водяного риса. Индейский рис играл не последнюю роль в питании первых европейских колонистов. Этот быстро разваривающийся рис и в настоящее время находит спрос в Миннесоте и Висконсине среди лесорубов. В охотничьих угодьях его высевают на прикорм для болотных птиц⁷.

В североамериканскую фитонимику вошли и некоторые названия, придуманные самими европейцами — колонистами или учеными по именам некоторых популярных индейских культурных деятелей.

Таково, например, происхождение названия *Pue weed*, травы пи (*eupatorium purpureum*), однако из североамериканских видов посконника, обладающего ценными лечебными свойствами (противолихорадочными, противозастойными, потогонными). В первые времена колонизации Новой Англии (XVII в.) колонисты, часто болевшие в новых для них природных и бытовых условиях, охотно обращались к средствам индейской народной медицины и за советами к индейским лекарям. Из них особой славой пользовался местный врачеватель, получивший известность у колонистов под именем Джо Пи; он много пользы принес колонистам своим знанием местных растений

⁷ Е. Э. Бломквист и Ю. П. Аверкиева.— Индейцы Северо-Восточного и Приозерного районов США (ирокезы и алгонкины).— «Народы Америки», т. I, М., 1959, стр. 222—224.

Типи

с лечебными свойствами. Его имя и утвердилось в народной памяти в названии этого вида посконника.

Другой пример, еще более яркий, представляет индейское название гигантского хвойного дерева в Калифорнии, *секвойи*. Ученые называли его и веллингтония (так его называют иногда и теперь) и вашингтония; в народе это дерево зовут иногда береговым (или калифорнийским) красным деревом (coast red wood).

Но в 1847 г. известный австрийский ботаник-систематик, языковед и путешественник Ст. Л. Эндлихер (участник революции 1848 г. в Австрии), давший первое после Линнея исчисление родов растений, присвоил этому гигантскому дереву имя секвойя, в память Секвойи (около 1770—1842), метиса из пле-

мени чироки, знаменитого индейского культурного деятеля (английское имя которого было Джордж Гесс (Guess) или Гист), составителя чирокского силлабического алфавита и основоположника чирокской письменности (впоследствии она вышла из употребления, сыграв, однако, свою культурно-историческую роль).

Из представителей животного мира Северной Америки индейские названия в английском и французском языках, а некоторые и в других языках, носят: алгонкинское *муз* (moose — англ.), американский лось — слово, перешедшее еще в русском начертании в словарь пушкинского языка⁸; *карибу* (алг.) — американский северный олень. Отсюда и обычное название оленьих эскимосов — эскимосы карибу, а также название хребта Карибу в Скалистых горах (Пушкин передавал это слово еще в англо-французском начертании — *caribou*); *вапиги* (алг.) — канадский олень: *скунс* (делавар.) англ. skunk, франц. sconsse — известный зверек из куньих, с ценным промысловым мехом, но в переносном словоупотреблении в Северной Америке (из-за зловонности этого зверька) — никчемный человек; *опоссум* (алг.) — сумчатый зверек с длинным мехом, в англо-канадском просторечье, под влиянием подслушанных промысловиками у индейцев фольклорных рассказов об этом зверьке, в переносном значении — притворщик, хитрец; *монак* (алг.) — вид сурка (*marmota monax*); *некан*, или *неккан* (алг.) *martes pennanti* — так называемая пеннантова куница; *ракун* — *расооп* (алг. *arunghsup*), сокращенно *сооп*, — американский енот, и отсюда — трапперская меховая шапка, а в пренебрежительном переносном смысле (в просторечье) — прощелыга; *ондатра* (из гуронского) — мускусная крыса, ценный вид пушнины. Немало местных птиц, рыб, земноводных, пресмыкающихся также носят индейские названия.

Из области материальной культуры индейская лексика Северной Америки сообщила английскому и французскому, а также и другим языкам целый ряд слов.

Так, среди индейских слов, относящихся к жилью, из алгонкинских наречий пришло общеизвестное *вигвам* (абнакское *wigwam* — дом, и сходные слова в оджибуэйском, делаварском и др.), причем не только в прямом и общем значении индейской хижины, а в более узком и специальном — куполообразной хижины из воткнутых в землю жердей, связанных вместе и покрытых спитыми кусками древесной коры или кож, но и в переносном — идиллического семейного уюта в небольшом и укромном жилище. Вигвамами в Америке зовут также палатки для летних детских лагерей.

⁸ А. С. Пушкин. Указ. соч. стр. 113.

Мокасины

Из языков индейцев дакота, некогда в основном охотников на бизонов, заимствовано слово *типи*, обозначающее легкий переносный шатер, которым пользовались трапперы, ковбои и жители границы с индейскими независимыми племенами; типи явилось прототипом военных палаток американской войны за независимость и от них — новых летних лагерных палаток.

Среди слов, относящихся к одежде и обуви, из алгонкинских языков происходит получившее по народному осмыслению совершенно английский облик слово *matchcoat* — охотничья меховая фуфайка с короткими рукавами (у индейцев павкатан — мачкоро), а в переносном значении — сермяга, дерюга. От алгонкинов к французам и англичанам в Северной Америке перешли вместе с их названием мокасины — мягкая кожаная обувь, получившая широкую известность в этнографической литературе; от этого слова произошли названия растений и животных: *водяной мокасин* (иначе — водяной щитомордник) — одна из ядовитых змей; *мокасиновый цветок* — известная североамериканская орхидея и др.

Томогаук

В быту американцев и канадцев прочно укоренились некоторые индейские кушанья вместе с их индейскими названиями. Широкую известность получил *пеммикан* (алг.) — особый способ приготовления мяса впрок.

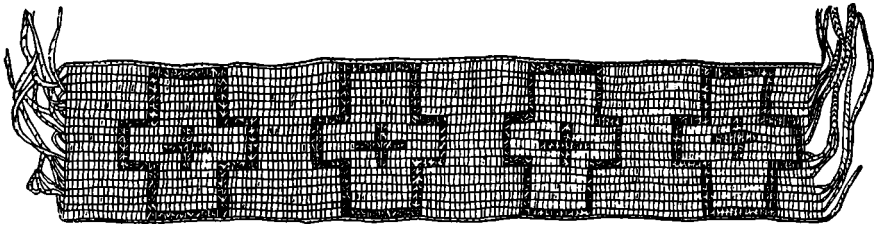
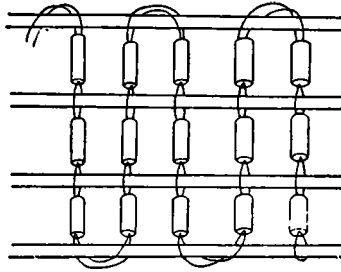
Популярностью пользуются также *хомини* и *маш* (разного приготовления маисовые каши), *поун* (маисовые лепешки), *саккогаш* (блюдо из маиса, бобов и кусков свинины), как и разные другие блюда народной кулинарии вместе с их названиями, заимствованными от индейцев.

Из различных видов оружия североамериканских индейцев стал общеизвестным *томогаук* (алг.), индейский боевой топорик.

Из индейских обозначений перевозочных средств получило известность слово *тобогган* (алг.) — бесполозные сани, применявшиеся многими индейскими племенами Северной Америки. Катанье с гор на тобогганах — один из любимых видов зимнего спорта у американцев и канадцев.

Даже франко-канадский шумовой инструмент, народная погремушка из полых тычков с камушками — *сисикок*, или *шшикуа*, перенят со своим названием от алгонкинов (алг. звукоподражательное «шишикуан»).

Для весьма различных целей употреблялся в старину у индейцев Северной Америки — алгонкинов, ирокезов и других так называемый *вампум* (алг. *wap-wap-riak*, дословно — низки белых раковин). Он состоял из искусно выделанных раковин с Атлантического побережья в форме цилиндрических бус белого, фиолетового и других цветов, иногда сочетавшихся с белыми в различных комбинациях, символических узорах и даже реалистических рисунках. Их цвет и комбинации имели определенное значение. Бусы нанизывали и нашивали на широкие пояса (пояса-вампумы). Они служили украшением, меновой единицей, а также для передачи сообщений. В форме вампумов и их собраний составлялись своего рода племенные летописи, увековечивавшие те или иные важные события. Имелись искусные составители таких исторических вампумов и опытные чтецы и толкователи из почтенных стариков. Племенные вампумы сохранялись как святыня. Почетное и преемственное имя

Вампум

Гайявата (собственно — Ахионуатха), которое носил один из легендарных основателей Ирокезской лиги, означает «он составляет вампумы». Вампумные бусы и сами вампумы с определенным набором бус служили также единицами обмена между племенами. Долгое время вампумы фигурировали и как одно из средств сношений индейцев с белыми. Историческую известность приобрел так называемый Вампум Пенна (Penn-wampum), удостоверявший соглашение об уступке делаварскими вождями значительных земельных угодий пенсильванским квакерам и договор о вечной дружбе (впоследствии грубо нарушившийся белыми); на этом вампуме символически изображены силуэты индейца и европейца (Пенна), держащихся за руки⁹.

⁹ D. Diringer. The Alphabet, a key to the history of mankind. 2 ed., London, 1949, p. 28, fig. 8

В течение целого полувека вампумы определенного набора бус и сами вампумные бусы служили важнейшими единицами торгового обмена между индейцами и белыми и имели хождение даже в среде самих колонистов. Усиление притока металлических денег в колонии, вовлечение индейского населения в товарно-денежные отношения, расширение торговых связей и образование постоянных рынков привело к господству денежного обращения, но долго еще вампумы и вампумные бусы имели хождение наравне с металлическими деньгами и на время установился даже их денежный эквивалент. В связи с таким экономическим и юридическим значением вампумов само слово «вампум» было в старые времена довольно частым в повседневной речи колонистов в прямом и различных переносных значениях. Позднее, с утратой значения вампумов, оно стало чаще означать в разговорном языке ожерелье из раковин («индейское» ожерелье). Впрочем, индейские женщины в Оклахоме и в настоящее время выделывают пояса-вампумы — правда, главным образом для туристов¹⁰.

Из области индейских верований и поверий широко вошло в английский язык Северной Америки и во франко-канадский алгонкинское слово *манито* (у французов — маниту) — дух, божество, фетиш и вообще все сверхъестественное. Оно нашло особое распространение в среде трашперов, войдя в их поверья и фольклор в значениях дух-покровитель, фетиш, амулет, талисман. Впоследствии оно стало означать и более отвлеченные представления и понятия, как, например, везение или пристрастие, иногда ассоциируясь в последнем значении по звуковому уподоблению с манией. Манито вошло и в американскую художественную литературу и в любящую яркое словцо публицистику. Манито часто встречается и как составная часть географических названий.

Оджибуэйское ототеман¹¹ (дословно — его род) превратилось в *тотем*, и не только в английском и французском языках, но и в международной этнографической лексике. Из этого слова в науке сложилось обозначение более общего понятия для всей системы религиозных, космогонических и социальных представлений на определенной ступени развития общества — *тотемизм*.

В области брачно-семейных отношений заимствовано англоамериканцами алгонкинское слово *сква* (*squaw*), означающее в английском — жену-индейку и в более широком смысле во-

¹⁰ И. А. Золотаревская. Некоторые материалы об ассимиляции индейцев Оклахомы. — «Краткие сообщения Ин-та этнографии АН СССР», XXXIII, 1960, стр. 86.

¹¹ Handbook of american indians north of Mexico, Washington, 1907—1910, vol. 2, p. 787.

обще индейскую женщину. От этого же слова происходит скво-мэн (squaw-man), белый, женатый на индейке, особенно — оставшийся жить в ее роде — племени. Отсюда и Скво-Вэлли (Долина индейнок) — название живописного уголка в горах Калифорнии, известного места зимнего спорта.

Ряд социально-политических терминов и выражений, сложившихся в США и Канаде, выдает их индейское происхождение.

Интересна судьба алгонкинского слова *сахем*, вошедшего и в широкую историко-этнографическую литературу. В марксистской литературе оно утвердилось со времени Энгельса, определившего на основе работ Моргана функцию сахема у прокезов, в частности — в племени сенека как родового «старшины для мирного времени» наряду с «вождем-военачальником». «Власть сахема, — указывает Энгельс, — внутри рода была отеческая, чисто морального порядка; средствами принуждения он не располагал. Вместе с тем он по должности состоял членом совета племени сенека, а также и общего совета союза прокезов»¹². Беря, как и Морган, прокезский род «в качестве классической формы этого первобытного рода» и исследуя прокезский род как классическое явление родового строя, Энгельс рассматривал и функции сахема в общем типологическом плане. Таким образом, и само слово сахем приобрело в марксистской историко-этнографической литературе значение родового института, далеко выходящее за пределы одного лишь прокезского рода и распространяемое на родовое общество в Северной Америке вообще. Но сахем, по-английски — сэйчем (sachem), вошло в американский политический лексикон в значении политического лидера, как и сэгемор (sagamore), некогда означавший более мелких вождей или старейшин. Сэйчемами и сэгеморами стали в период американской революции называть руководителей различных политических клубов. В дальнейшем так именовали вообще местных политических лидеров, а также боссов.

В период войны за независимость различные политические организации, в частности политические клубы, стали охотно присваивать себе разные индейские названия в целях конспирации, а иногда из желания подчеркнуть свою связь с американской землей — индейской родиной, унаследованной американцами, и противопоставить себя метрополии. По имени Таманенда, делаварского вождя, уступившего Пенну значительную полосу земли, был назван клуб Таммани-холл. Таманенд, Таммани и даже Сент-Таммани были названы некоторые населенные пункты в США¹³.

¹² Ф. Энгельс. Указ. соч., стр. 88.

¹³ H. G a n n e t t. American names. A guide to the origin of place names in the United States. Washington, 1947 (под соотв. названиями).

Клуб Таммани-холл первоначально поставил одной из своих целей привлечь на сторону молодого государства индейцев, еще представлявших значительную силу в основных районах Соединенных Штатов и державших зачастую сторону лоялистов (некоторые индейские племена предпочитали более отдаленную Англию власти янки). Клуб разделялся на землячества (по штатам), которые назывались племенами, именовал место общих собраний вигвамом, устраивал индейским вождям торжественные приемы, наряжая своих членов в индейские костюмы, вводил у себя индейские церемонии и обряды, титуловал своих руководителей индейскими почетными званиями сахемов (сэйчемов) и сэгеморов и самочинно преподносил в первые десятилетия своего существования почетное звание «великого сахема» президенту Соединенных Штатов. В дальнейшем в связи с тем, что этот клуб сделался орудием финансовых воротил Нью-Йорка, с раскрытием ряда политических обманов, финансовых афер и широко практиковавшейся им коррупции, слово таммани стало в народе нарицательным обозначением для нечистоплотной, не брезгающей никакими средствами политической клики.

Из алгонкинского слова *miguomr* — великий вождь получилось англо-американское *магвам* (*mugwump*). Слово это вначале означало влиятельного и независимого политика, но затем так стали главным образом называть «независимых» членов той или другой из господствующих в Америке буржуазных партий, оставляющих за собой право голосовать на выборах независимо от решений руководства и, наконец, — с общим разложением буржуазной политической верхушки — просто боссов, бессовестных политиканов, независимых от своих собственных обещаний и деклараций, а также вообще ненадежных и вероломных политических деятелей. Так постепенно снижалось и значение этого термина индейского происхождения. Утратив свое первоначальное значение, он отразил политическую деградацию американской крупной буржуазии.

Наконец, *кокес* (*caucus*), как полагают некоторые американские авторы, означавшее у виргинских алгонкинов «место совета», родового или племенного¹⁴, — стало означать закрытое, часто конфиденциальное, совещание заправил той или другой господствующей буржуазной партии для обсуждения политических, организационных и связанных с ними финансовых вопросов, особенно с целью воздействия на оппозицию среди рядовых членов своей партии.

В народе это слово употребляется в значении клики политиканов.

¹⁴ Handbook of american indians north of Mexico, vol. 1, p. 219—220

Пушкин в своем «Джоне Теннере» цитирует место из записок Теннера, где тот упоминает о военном кличе отавуавов (оттава), могущем служить как вызовом, так в некоторых случаях и выражением радости и приветствия, — «криком бранном, называемом *сассакуи*»¹⁵. Интересно, что во франко-канадском просторечье существуют варианты того же слова *sasacouest* (сазакуэ) и другие¹⁶ как в первоначальном значении — «военный клич» индейцев, так и в переносных — дикий вопль, беспорядочный крик или шум. Это один из примеров снижения индейских слов, характерного для пренебрежительного отношения «цивилизованного» белого к стародавним обычаям и психологии «краснокожих дикарей». Но даже в своем сниженном значении это слово в разных его вариантах, воспринимаемых, по-видимому, как звукоподражание, могущее служить выразительным, хотя и грубоватым восклицанием, является так или иначе одним из тех индеанизмов, которые обогащают разговорную речь живыми эмоциональными оттенками.

Как известно, англичане и французы утвердились наряду с испанцами и в Вест-Индии. Французы, как и голландцы, проникли в Бразилию, откуда их вытеснили португальцы. Англичане, французы и голландцы разделили между собой господство над колониальной Гвианой. Англичане завладели также небольшой частью Юкатана (Британским Гондурасом). В английский, французский, голландский языки вошло поэтому немало слов из аравакских и карибских языков и даже из тупигуарани, а в английский — также из майя. Известную роль в этом сыграли и базировавшиеся на некоторых островах в Вест-Индии флибустьеры, в основном французы, голландцы, англичане. Они нередко высаживались на побережье материка и входили в непосредственные сношения с местными жителями, перенимали их навыки и отдельные слова. Флибустьеры (от голл. *vljbuiteurs* — «вольнодобытчики») были известны и под прозвищем *буканьеры*, дословно — «копильщики», от французского *houcan* «копильня», что в переносном смысле получило значение — пиратский, разбойничий «притон». Но французское слово *houcan* произошло от «мокем» (т.-г.), что означает приспособление, козлы для копчения и само копчение, тушеное или вяленое мясо, обычную пищу неприхотливых в еде — *буканьеров*.

Из языка чибча (по другим данным, из островного аравакского) *barbasoa* — вошло во французский язык, теперь уже устаревшее *barbecue*, *barbecote*, в том же смысле «вяленое мясо». В дальнейшем, может быть, в *матюрене*, старинной французской

¹⁵ А. С. Пушкин. Указ. соч., стр. 128.

¹⁶ N. E. Dionne. Le parler populaire des canadiens français. Québec, 1909 (под соотв. словом); G. Friederici. Amerikanistisches Wörterbuch. Hamburg, 1947 (под соотв. словом).

матросской речи, оно превратилось, с огрублением значения, в *barbaque* — «тухлятина», которой нередко кормили матросов на судах дальнего плавания и которая часто была поводом к их возмущению против капитанов. На Кубе слово «барбакоа» бытует и сейчас, обозначая навес для сушки мяса. Барбекью (*barbecue*) вошло и в англо-американское просторечье прежде всего в смысле целиком копченой или зажаренной туши. Барбекью означает в Америке также пикник с зажариванием мясной туши на костре — по полуиндейскому способу старых трапперов; отсюда и глагол *to barbecue* в переносном грубоватом значении — мучить кого-нибудь, надоедать (собственно — коптить или поджаривать на медленном огне).

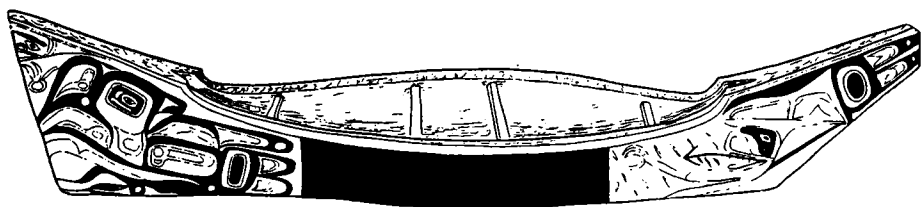
Из аравакского *каноз*, вошедшего и в интернациональную лексику, образовалось совершенно офранцуженное *canot* — челн.

С Антильских островов и из Гвианы во франко-канадскую и во французскую речь в Луизиане пришло слово *саванна* в смысле главным образом болотистых пустошей, а в общефранцузском ставшее одним из названий прерий. В международной научной лексике это слово означает тропическую лесостепь.

В английский и французский язык непосредственно из индейских языков Вест-Индии и Южной Америки перенесен ряд ботанических и зоологических названий, часто совпадающих (с вариантами) с испанскими и португальскими из того же источника (маис, табак, акажу и др.). Из аравакского и карибского вошло в английский и в интернациональную лексику наименование красного дерева (*mahogany*), чаще *махагони* (во французском — *magré*), то же, что и акажу. Французское, а из него и русское слово *ламантин* — так называемая морская корова (в латинской номенклатуре — *manatus*) произошло от аравакского и карибского «манати».

Французы завезли в щелях своих кораблей из Бразилии к себе на родину американского таракана (*blatta americana*); возможно, что еще в матюрене «арабэ» (т.-г.) превратилось в чисто французское по звучанию *gavet*. Слово *manangouins*, обозначающее больно кусающихся тропических москитов, было также заимствовано у тули-гуарани; оно приобрело и переносное значение: Бомарше называл так одолевавших его мелких литературных «кусак».

Но, разумеется, основной запас индейских слов в английском и французском языках поступил в них не из Центральной и Южной Америки, а из индейских языков Северной Америки. Да и большинство слов из Центральной и Южной Америки пришло к ним не непосредственно от местных индейцев, а через испанцев и португальцев (как, например, маис).

Каное

Конечно, далеко не все названия местных растений и животных, новых предметов быта, новых условий жизни были заимствованы колонизаторами из языков коренного населения Америки.

Подавляющее большинство новых слов как в Северной, так и в Южной Америке было создано ресурсами собственных языков колонистов путем не только перенесения старых слов на новые предметы, но и соответствующих изменений или ярких, выпуклых сочетаний старых слов.

Можно привести большой список английских составных названий, имеющих отношение к природе (особенно к растительному миру), истории или быту Северной Америки, в словосочетании с прилагательным *indian*, индейский. Таковы, в частности, *indian trail* (индейская тропа) и *indian way* (индейская дорога), — обозначения путей, столь тесно связанных с освоением Северной Америки европейскими поселенцами.

Путешественники, трапперы, солдаты и миссионеры, торговцы и колонисты пользовались индейскими тропами через густые леса и индейскими дорогами через прерии. Так возникли официальные тракты, сыгравшие столь большую роль в экономической, политической, административной и культурной жизни Северной Америки, как, например, Калифорнийская дорога, Орегонская тропа и др.

В английском языке американцев сложилось выражение *indian file*, индейский ряд, в смысле осторожного — по-индейски — следования гуськом.

Заимствовав у индейцев культуру *маиса* (кукурузы), американцы, наряду с индейским, происходящим из Вест-Индии словом *маис* (аравак., кариб.), стали звать эту замечательную индейскую земледельческую культуру *indian corn* (т. е. индейским зерном) и даже сокращенно — просто *corn* — зерном. Это сложившееся в американском народе название кукурузы показывает, что она всегда являлась в его глазах, так сказать, классическим индейским знаком.

Алгонкинское название *маиса* — *мондамин* получило известность во всем мире благодаря «Песне о Гайявате» Лонгфелло. По алгонкинским мифам, Мондамин был не только отцом многих питательных растений (и табака), но и всех индейских

племен¹⁷. Немалую помощь оказали индейцы кукурузой первым колонистам Северной Америки, а вождь племени вампаноагов Массасоит научил отцов-пилигримов возделывать кукурузу¹⁸. В общей сложности более сотни различных растений в США и Канаде носят название индейских.

Образное американское выражение «индейское лето», т. е. красное («краснокожее») лето, означает пору, когда листва краснеет, по-русски мы в просторечье называем это время «бабьим летом».

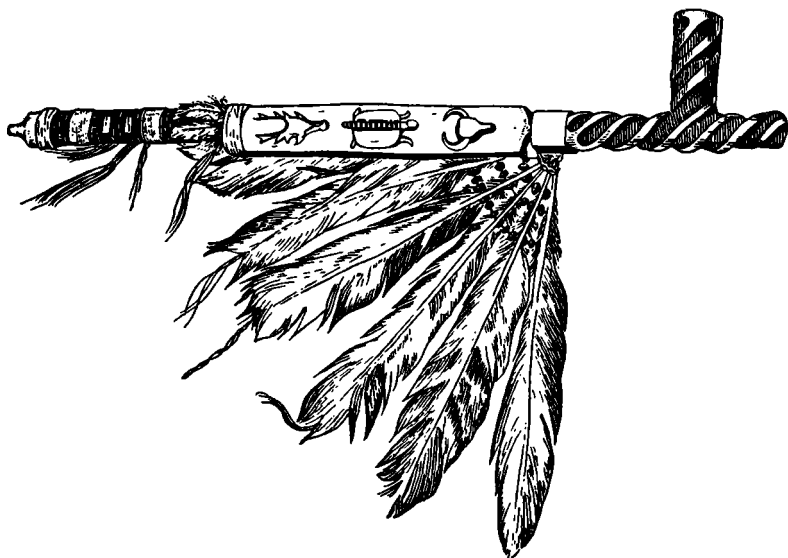
Правдиво отражая колонизаторскую психологию, такие выражения носят насмешливо-укоризненный характер. *Indian gift* — «индейский дар», или «дар по-индейски», означает подарок, требуемый обратно или что-либо взамен его, да еще сторицей. Известно, что колонизаторы в порядке обмена дарами получали за бесценок от индейцев пушнину и даже целые угодья земли, а между тем они же выражали негодование, когда индейцы, убеждаясь в бессовестном обмане, приходили иногда за своим даром или хотя бы за приплатой к произведенному обмену. Однако выражение «индейский подарок» должно означать, что жертвами «неблагодарности» являлись вовсе не индейцы, а колонизаторы, якобы их благодетельствовавшие: индейцы, дескать, ничем не довольны, и что «дарят», то требуют обратно, да еще вымогают без конца ответные дары, гораздо более дорогой подарок.

Чрезвычайно интересно этноисторическое происхождение этого англо-американского выражения. Оно явно восходит к родовому институту *потлача* у индейцев, — действительно «индейского дара», сути которого белые колонизаторы Северной Америки не поняли и содержание которого исказили в этом проническом выражении. Обычай *потлача* получил в той или иной мере развитие у многих племен Америки, особенно у индейцев северо-запада Северной Америки. Он детально описан с использованием фольклорных материалов и исчерпывающим образом разъяснен с точки зрения его социального значения советским этнографом Ю. П. Аверкиевой¹⁹. Как указывает Ю. П. Аверкиева, обычай *потлача* сложился на определенной стадии разви-

¹⁷ В. Иохельсон. Гайявата и источники вдохновения Лонгфелло. Вступ. очерк к кн.: Лонгфелло. Гайявата. Перев. И. Бунина. М., 1916, стр. XVI.

¹⁸ А. В. Ефимов. Очерки истории США. М., 1958, стр. 33.

¹⁹ Ю. П. Аверкиева. Общественный строй индейцев северо-западного побережья Северной Америки (род и *потлач* у тлинкитов, хайда и цимшиан). — «Американский этнографический сборник», I (Труды Ин-та этнографии АН СССР, т. LVIII. М., 1960); е е же. Разложение родовой общины и формирование раннеклассовых отношений в обществе индейцев северо-западного побережья Северной Америки. — Труды Ин-та этнографии АН СССР, т. LXX. М., 1961.

Трубка мира

тия родового строя у индейцев, когда появилась возможность для накопления предметов, превращавшихся в своего рода сокровища. Обладание этими сокровищами определяло положение человека в обществе, но они не могли быть использованы для эксплуатации сородичей. Борьба родового общества с возникавшими отношениями частной собственности выражалась, в частности, в том, что накопленные сокровища раздавались на особых празднествах — потлачах — приглашенным гостям из других родов, а те в свою очередь отдаривали устроителей потлача на таких же празднествах.

Другой индейский обычай, связанный с открытием индейцами и разнообразным использованием ими свойств табака и особенно распространенный в Северной Америке, получил со временем глубокое и всемирное символическое значение. Всем известна «индейская трубка» — по-английски *indian pipe*, которую выкуривали вкруговую на торжественных собраниях, во время различных обрядовых церемоний, на приемах гостей, при заключении союза между друзьями или мира между врагами. Она искусно выделывалась из камня, обожженной глины, кости или дерева, иногда даже меди, и часто украшалась тончайшей резьбой. Индейская трубка на языках всех народов получила название «трубки мира», как образный символ прекращения вражды, примирения между враждующими. Отсюда и русское выражение: «Выкурить трубку мира» — помириться.

Английские и французские колонизаторы Северной Америки исказили имена многих индейских племен и народов.

Поощряя в своих целях их межплеменные распри, колонизаторы зачастую закрепляли за отдельными племенами клички, которыми наделяли их враги. Так, ирокезы, составлявшие «Союз пяти (впоследствии — шести) наций» (племен), сами себя называли символическим именем хо-де-но-сау-ни, народом «длинного дома». «Это и было единственным именем, которым они себя называли», — подчеркивает Л. Г. Морган²⁰. Но враждовавшие с ними алгонкины прозвали их «иринакхоив» — «настоящие ужи» (т. е. увертливые). Эту алгонкинскую кличку их и переняли французы, превратив ее в *igoquois*, ирокезы, и передав ее также англичанам. Так это название племени вошло и в литературу, утратив свой первоначально неприязненный смысл. Виандотов (гендатов) французы прозвали гуронами, *hurons*, что по-французски означает «взъерошенные головы» (ассоциируясь с кабаньими головами), по их обычаю остригать волосы бобриком, и в переносном смысле «грубияны». Любопытно, что французские феодалы в средние века так презрительно называли жаков, участников крестьянских восстаний, жакерий. Это название — гуроны закрепилось за виандотами и тоже вошло в литературу, утратив свой первоначально глумливый характер. *Дакога*, сами так себя называвшие («союзники», в смысле союзные племена), получили у оджибуэев такую же кличку *сиу* (враги); это их название от оджибуэев перешло к французам, а от них к англичанам и в международный оборот, также утратив, впрочем, свое первоначальное отрицательное значение.

Часть южных атапасков (самоназвание, как и у всех атапаскских племен, *дене* — настоящие люди) получила от команчей прозвище апачи (враги).

Индейцам *лени-ленапе* («настоящие люди» — по их самоназванию) — некогда могущественной и влиятельной конфедерации алгонкинских племен — колонизаторы навязали, как и их захваченным землям, имя лорда де ла Уарр (умер в 1610 г.). Де ла Уарр получил королевский патент на обширную область, которая вместе с протекающей здесь рекой и заливом стала именоваться Делавар, название было впоследствии перенесено и на один из образованных здесь штатов. Самих лени-ленапе именовали не иначе, как «делаварскими индейцами», позднее — просто *делаварами*. И именно под этим именем вошел в историю Северной Америки этот народ, сыгравший в ней большую роль. До прихода европейцев делавары занимали еще более обширную страну, которая в алгонкинских преданиях считалась общей прародиной алгонкинов, признававших за делаварами как бы старшинство и называвших их «дедами». Делавары создали замечательное пиктографическое письмо, которым запечатлено

²⁰ Л. Г. Морган. Древнее общество. Л., 1934, стр. 39.

выдающееся произведение их словесного творчества — «Валам-Олум» («Красная зарубка»), содержащее исторические предания племени и общие алгонкинские мифы²¹. Значительную часть своих земель делавары уступили пенсильванским квакерам. Во время войны за независимость делавары сражались на стороне колоний, восставших против английского господства. Но ослабленное войнами с ирокезами, это мужественное племя было оттеснено на Запад американскими колонизаторами, которым оно оказало столь существенную поддержку в борьбе за независимость. В настоящее время делавары рассеяны по резервациям других индейских племен²².

Англичане и французы придали именам некоторых индейских народностей, особенно мятежных, непокорных, оскорбительный, бранный смысл, применяя их к подонкам общества. Так, в конце XVIII в. в Лондоне *мохоками* (т. е. могавками, именем одного из ирокезских племен) называли бандитов, а в Париже преступное босячество до сих пор зовется *апавами* (т. е. апавами).

Но отдельные имена индейских племен перенесены на некоторые фенологические явления (*чинук* — ветер, дующий со Скалистых гор), полезные растения (*гускарора* — одно из названий индейского риса) и т. д. Некоторыми из них ученые различных специальностей воспользовались даже для создания искусственных терминологических обозначений, правда, нередко в полном отрыве от их прямого значения, — например, алгонкская эра (алгонкский период) и гуронская формация в геологии. Имена некоторых индейских племен увековечены прогрессивной литературой. «Последний из могикан» Ф. Купера (1826) стал синонимом стойкого, хотя и последнего борца.

В Америке и в языках мира привились названия, данные индейцами некоторым другим, неиндейским, народам. Так, северным алгонкинам принадлежит ставшее общепринятым название *эскимосов* («ускхе-юмуг», т. е. «сыроядцы», — эскимосы сушили мясо на солнце и консервировали его во льду); сами себя они называют *инуиты* («люди»). По мнению некоторых американских исследователей, индейцам отчасти принадлежит и слово *янки*, в котором алгонкины объединили английское «инглиш» и французское «англе»²³.

Особенно богата индейскими названиями топонимика Северной Америки, хотя они в английском и французском звучании часто искажены до неузнаваемости. Можно смело сказать, что

²¹ D. G. Brinton. The Lenapé and their legends, with the complete text and symbols of the Walam-Olum. Philadelphia, 1885.

²² Е. Э. Бломквист и Ю. П. Аверкиева. Указ. соч., стр. 220—221.

²³ Is. Taylor. Words and places, 4 ed. London, 1873, p. 40, 259.

все без исключения индейские племена Северной Америки, как сохранившиеся на старых местах, так и согнанные с них и даже совершенно вымершие и истребленные, оставили следы своих языков в топонимике Северной Америки. Она повествует о переселениях и быте индейских племен до прихода европейцев, о заимствовании европейцами их знаний родной природы и их навыков в ее освоении, об упорном сопротивлении европейцам, стойкой борьбе за землю, на которой жили их предки. Она повествует вместе с тем о систематическом вытеснении индейцев с родных земель, их массовом истреблении, заключении в резервации.

Без обращения к местной индейской топонимике европейцам труднее было бы колонизовать необъятные пространства нынешних США и Канады. Без обращения к ней также много труднее составить себе вполне отчетливое понятие об истории колонизации Северной Америки.

По производившимся подсчетам, из примерно двух тысяч озер и других водоемов в США по крайней мере триста носят индейские названия и более тысячи рек имеют названия индейского происхождения. Как подчеркивает Стюарт в своем историко-топонимическом обзоре США (1945)²⁴, индейские имена носят 26 штатов, 18 крупнейших городов США, большинство значительных рек и озер, целый ряд гор и тысячи отдельных местностей, мелких городов и других населенных пунктов.

Почти нет таких индейских племен и народов в Северной Америке, имена которых не вошли бы в названия ее рек, озер, гор, городов, штатов, графств или отдельных населенных пунктов. Так, гуроны дали название озеру Гурон в системе Великих озер, а их более близкое к самоназванию обозначение — городу Виандот (их бывшему поселку) в штате Мичиган; по атапаскам — названы река и озеро Атабаска (в Канаде), по ирокезам — река Ирокуэй (США), по кри — озеро Кри (в Канаде), по оттавам — река и город Оттава (в Канаде).

Канада — самое большое по территории государство на всем американском континенте носит гуронское название. Французы приняли гуронское слово *канада*, т. е. «деревни», за название страны²⁵. Впоследствии имя Канады перешло и на Канадские озера, другое название Великих озер, и на Канадский архипелаг, а в геологии Северной Америки оно было перенесено на так называемый Канадский (Лаврентийский) щит и др.

Из Великих озер на границе Канады и США алгонкинские и ирокезские названия носят: Мичиган (оджиб. Мисигома —

²⁴ G. R. Stewart. Names on the land, p. 10.

²⁵ N. M. Holmer. Indian place-names in North-America. Upsala-Cambridge (USA), 1948, p. 35.

«широкая вода») ²⁶, сообщившее свое имя штату Мичиган, Эри (искаженное гуронское название прокезского племени енришей), Онтарио (прокез.) ²⁷. Алгонкинские названия носят канадское озеро Виннипег (у индейцев кри — «илистая вода»), давшее имя и городу Виннипег, одному из крупнейших в Канаде. На озере Манитоба, в его узком месте, расположен остров, у одной из каменистых отмелей которого сильный прибой волн производит в теснине раскатистый грохот — поверья кри и оджибуэв приписывали его Манито, яростно бьющему здесь в барабан; отсюда — и название озера, распространенное впоследствии и на одноименную канадскую провинцию Манитоба ²⁸.

Из значительных рек Канады носит, в частности, индейское название Оттава, приток р. Св. Лаврентия, — по алгонкинскому племени оттава, игравшему крупную роль в местной торговле между белыми и индейцами внутренних областей.

С другим притоком р. Св. Лаврентия, рекою Сагеной, связывались надежды французского мореплавателя Жака Картье, открывшего р. Св. Лаврентия и искавшего от нее северо-западный путь в Китай; местные индейцы, если только он не вкладывал в их уста то, что он хотел от них слышать, упоминали о некоей сказочно богатой стране Сагеной. Так Жак Картье и назвал открытую им реку, считая ее проходом в другой океан и положив этим начало легенде о некоей северной золотой стране, путь в которую лежит прежде всего по этой реке ²⁹ (как известно, золото впоследствии было открыто в Канаде, в Квебеке и Онтарио, а позднее — на дальнем Юконе).

Квебек, один из старейших городов Канады, административный центр одноименной провинции, получил свое название от гуронского «кепек» — теснина: в том месте, где был построен французский форт, широкая р. Св. Лаврентия действительно резко суживается — от острой косы, нанесенной отложениями впадающей здесь в нее реки Чарлз. Саскачеван (кри — Кикизкадживан, «быстрая река»), впадающий в озеро Виннипег, также сообщил свое название одноименной провинции. О реке и озере Атабаска мы уже упоминали.

Юкон, полноводная река в пределах северо-западной Канады и Аляски, вполне оправдывает свое североатабаскское имя — «большая река». Его золотonosный приток Клондайк получил свое сильно англизированное название из того же языкового источника, в котором оно означает «олень». «Клондайк» в свое

²⁶ Ibid., p. 17.

²⁷ Ibid., p. 18, 26.

²⁸ J. C. Meredith. Indian and pseudo-indian place-names in the canadian West. Winnipeg, 1956, p. 9.

²⁹ И. П. Магидович. Очерки по истории географических открытий. М., 1957, стр. 257—259.

время вошел в поговорку, и не только в Канаде, как неожиданно привалившее и притом неисчерпаемое богатство. Но золотая горячка на рубеже XIX—XX вв. в короткое время исчерпала основные золотые запасы Клондайка. Вместе с тем она стоила жизни подавляющему большинству местных индейцев — охотников и рыболовов, которых сгоняли с насиженных мест и обрекали на голод золотопромышленники, хищнически разорявшие их охотничьи и рыболовецкие угодья. Отсюда и другое, горько-ироническое значение этого слова.

В Соединенных Штатах Америки индейские названия носят заливы Чесапикский (вероятно, от делавар. *Hitshihwareuk*, «большая соленая бухта») ³⁰ и Наррагансетский.

Миссисипи — «отец вод», как прозвали ее индейские племена, а за ними и европейские поселенцы, носит старое индейское название «великой реки» (оджиб. и кри «Миче-сепе»). Эта великая река с ее колоссальным бассейном и мощными притоками — важнейшая водная артерия США сыграла огромную роль в процессе колонизации страны и в ее экономическом развитии. Вместе с тем она явилась рубежом в истории оттеснения индейцев на Запад, после чего и там последовал массовый захват новых земель, истребление целых племен и рассеяние их остатков по резервациям. Примерно со времени разгрома в 1814 г. восстания северо-восточных племен, возглавленного Текумсэ, до окончания войны с семинолами во Флориде в 1842 г., совершилось изгнание индейцев за Миссисипи. «К 1842 г. только небольшие островки индейских резерваций, — указывает А. В. Ефимов в своих «Очерках истории США от открытия Америки до окончания Гражданской войны», — напоминали о том, что вся территория к востоку от Миссисипи раньше была населена индейскими племенами» ³¹. Переход чироков и криков под штыками генерала Уинфилда Скотта за Миссисипи в 1838 г., повлекший огромные жертвы в пути, был «одной из величайших трагедий в истории Америки», — говорит У. З. Фостер. Индейцы назвали этот путь «дорогой слез» ³².

Миссури и Огайо, главные притоки Миссисипи, также носят индейские имена — первый на языке индейцев сиу, второй — прокезов.

Огромное число притоков Миссисипи и рек ее обширного бассейна также носит индейские имена. Платт-Ривер — название крупного притока Миссури — не что иное, как французское *Rivière Plate* («Плоская река»), перевод-калька с дакотского «Нибратхка» — «ровная вода», т. е. река, текущая по равнине;

³⁰ H. Gannett. Op. cit. (под словом *Chesapeake*).

³¹ А. В. Ефимов. Очерки истории США. М., 1958, стр. 254.

³² У. З. Фостер. Очерк политической истории Америки. М., 1953, стр. 292.

отсюда и ее другое название — Небраска, перешедшее и на штат Небраска ³³.

Интересна топонимическая история реки Де Мойн, одного из притоков Миссисипи. На этой реке когда-то жило племя *моингов*, по которому французы вначале и называли ее Рекой Моингов, *Rivière des Moings* ³⁴. Позднее на ней построили свою обитель католические монахи аскетического ордена траппистов, возникшего во Франции в XVII в., и французские колонисты переосмыслили старое название реки как *Rivière des Moines*, Река Монахов. В дальнейшем оно превратилось, в английском произношении, в Де Мойн. Отсюда и название г. Де Мойн, главного города штата Айова.

Берега озера Юта и реки того же названия были в свое время населены племенем *юта*, от которого они и получили свое название; оно перешло и к штату Юта. Мормоны, поселившиеся здесь в середине XIX в., переименовали было реку Юта, или Скалистую реку, как ее называли сами индейцы юта, в Иордан (Джорден), видя в этом указанную самим «божьем промыслом» библейскую аналогию с палестинской рекой, текущей через Тивериадское озеро в соленое Мертвое море. (р. Юта течет из оз. Юта в Большое Соленое озеро). Однако этот мормонский Иордан чаще называют по-прежнему Юта-Ривер, рекой Юта ³⁵.

Кентукки, по одному из толкований, значит по-чирокски река «зеленого тростника» арундарии, в изобилии росшего по ее берегам; но по другому, менее идилическому объяснению это значит «кровавая река», — здесь происходили столкновения племен из-за луговых угодий и их кровопролитные стычки с белыми ³⁶.

Потомак, на котором расположена столица США — Вашингтон, сохраняет в измененном виде имя некогда расположенного на его берегах индейского селения племени, которое было истреблено колонистами.

Название р. Саванной с атлантическим портом Саванной — переосмысление «реки шауниев», одного из алгонкинских племен.

Знаменитая Ниагара означает по-ирокезски «расколотая надвое земля» (онгмиара), а по другому толкованию — «ревущая стремнина», то и другое — яркие топонимические образы. Как мы уже указывали, в США, как и в Канаде, множество «индейских речек» (*indian creeks*) и «индейских озер» (*indian lakes*).

³³ I. T. Link. The origin of place names of Nebraska. Lincoln, 1953, p. 38, 76—77.

³⁴ G. R. Stewart. Op. cit., p. 89.

³⁵ Ibid., p. 261.

³⁶ W. Sturmfels. Etymologisches Lexikon deutscher und fremdländischer Ortsnamen. Berlin — Bonn, 1925 (под соотв. словом).

Следует заметить, что у различных племен Северной Америки были, как и у многих других народов на земле, свои священные озера; иногда их названия составляли сокровенную тайну. Колонисты — католики, пуритане, сектанты, возбуждаемые фанатическими миссионерами и проповедниками, нередко глумились над верованиями индейцев и прозывали эти озера «чертовыми». Известное «Чертовое озеро» (Devil's lake) в Северной Дакоте — не что иное, как дакотское Миниуака, «священная (или жертвенная) вода», бывшее священное озеро дакотов.

Ряд горных возвышенностей и долин в Северной Америке также носит индейские имена. Аппалачи (муског.), Аллеганы (делавар.), Адирондаки, могавкское глумливое прозвище абнаков, одного из соседних алгонкинских племен «древоядцы», — индейские названия этих горных краев.

Многие местности в Скалистых горах, на Сьерра Невада, в Береговых цепях также известны под индейскими именами. Живописная Йосемитская долина в Калифорнии заимствовала свое название от У-зу-майти, т. е. от гриззли, североамериканских серых медведей, являвшихся тотемом мивоков (из языковой семьи пенути), против которых американская конная милиция вела в середине XIX в. беспощадную войну³⁷.

После американской революции, указывает Стюарт, когда индейцы уже были оттеснены от Атлантического побережья, появилась целая доктрина о «благородном дикаре», noble savage. Индейские имена и названия стали пользоваться популярностью. В поисках имен для новых штатов и городов обращаются к названиям индейских племен и знаменитых индейских деятелей. В пограничных с индейскими землями местах еще остерегались этого, но в краях, прочно обжитых белыми, стали давать их весьма охотно³⁸.

В результате индейские названия носят штаты Айдахо, Айова, Алабама, Аризона, Арканзас, Вайоминг, Висконсин, обе Дакоты, Иллинойс, Канзас, Кентукки, Коннектикут, Массачусетс, Манитоба, Миссисипи, Миссури, Мичиган, Небраска, Нью-Мексико, Огайо, Оклахома, Теннесси, Техас, Юта. Сюда же, кроме того, можно причислить, по происхождению названия, как увидим дальше, и обе Виргинии. Возможно, что индейским по названию или происхождению названия является и Орегон.

Эти штаты именуются так по крупным рекам (Мичиган — по одному из Великих озер), носящим индейские названия, по былым индейским обозначениям этих мест или по индейским племенам.

³⁷ E. G. G u d d e. California place-names. Berkeley — Los Angeles, 1949 (под соотв. словом).

³⁸ G. R. S t e w a r t. Op. cit., p. 275—276.

Оба штата Дакота, Северная и Южная, получили свое название по р. Дакота (Джемс-Ривер), притоку Миссури, берега которого были в свое время густо заселены дакотами. Другой приток Миссури, текущий параллельно р. Дакоте, носит название Сиу.

В начале европейской колонизации Северной Америки дакоты занимали обширную территорию по обе стороны верховьев Миссисипи. Их основным занятием была охота на бизонов. Заимствовав к началу XVIII в. от европейцев лошадь, они занялись на необозримых пространствах прерий, где свободно паслись бесчисленные стада бизонов, конной охотой на них. Дакоты стали одним из самых значительных «конных народов» прерий и создали своеобразную конно-охотничью культуру, красочное народное изобразительное искусство, яркий степной фольклор. Однако в 30-х годах XIX в. началась колонизация прерий; в них устремились толпы белых охотников, за ними скучники пушнины, агенты мехоторговых компаний. Началось хищническое, ради одного лишь шкур, истребление бизонов, к 80-м годам совершенно исчезнувших. Вместе с тем шло постепенное вытеснение дакотов с обжитых земель, а затем под дулами ружей в резервации. Исконный хозяйственный и бытовой уклад дакотов подвергся жестокой ломке. Испытывая тяжелые лишения, они должны были перейти к земледелию на неплодородных землях, без навыков к тому и средств. Земли, населенные дакотами, вошли в образованную в 1837 г. Индейскую территорию, после расчленения которой в 1854 г. они были включены в штат Небраска. В 1861 г. была образована отдельная территория Дакота с жестоким военным режимом, направленным против индейцев. Дакоты мужественно оборонялись. В 1867 г. их поселили в резервацию, занимавшую тогда территорию нынешней Южной Dakoty и окруженную военными постами. Когда в Южной Дакоте открыли золото и серебро, у индейцев стали отбирать земли. Восстание дакотов 1872 г. было жестоко подавлено. Расхищение индейских земель продолжалось: в 1876 г. от резервации отрезали наиболее пригодные к земледелию уголья, в 1882 г. оставили за индейцами лишь жалкие клочки земель. А в 1889 г. на территории Dakoty было образовано два штата — Северная и Южная Дакота. В 1890 г. дакоты восстали вновь и были совершенно разгромлены. В настоящее время остатки некогда крупного и могущественного племени живут в нескольких резервациях³⁹. В обоих штатах Дакота эти индейцы составляют всего 1—2% населения. Но они оставили многочисленные следы в топонимике этого

³⁹ Ю. П. Аверкиева. Индейские племена североамериканских степей и плато. — «Народы Америки», т. I. М., 1959, стр. 261—263.

обширного края. Дакотский фольклор обогатил народное творчество американцев, проник и в американскую литературу. В XVIII—XIX вв. дакоты вели на бизоньих кожах своеобразные пиктографические анналы — «зимописи» (winter counts). Индейцы прерий вели счет по зимам; в конце каждого года они делали символический рисунок, характеризовавший истекший год и дававший ему свое название⁴⁰.

Индийские названия Индианы и Оклахомы (по-чоктавски — «Земля красного человека») отчасти отразили политику насильственного поселения в этих краях разноязычных индейских племен. Бывшая территория Индианы — обширный край, протянувшийся широкой полосой от озера Мичиган до р. Огайо на путях колонизационного движения к Миссисипи и за него, получил свое название, как указывает Стюарт⁴¹, по имени старой земельной компании, орудовавшей в этих краях, которую автор характеризует как компанию «земельных спекулянтов». Действительно, демагогически прикрываясь названием «Индиана», эта земельная компания спекулировала на скупке за бесценок индейских земель в обстановке истребительных войн против индейцев и насильственного «уплотнения» их земельного фонда все новыми переселениями индейских племен с востока США.

Чрезвычайно интересно индейское первоначальное происхождение такого, казалось бы, подлинно английского названия как Виргиния (Вирджиния), сыгравшей столь большую роль в истории США. Виргиния была первой английской колонией в Северной Америке. Уолтер Рэйли, знаменитый английский корсар, фаворит королевы Елизаветы Тюдор, «преподнес» эту новую землю своей августейшей покровительнице. Он получил королевский патент на новые земли к северу от испанской в то время Флориды, куда и отправился в 1584 г. в уверенности найти там золотые россыпи. В своих донесениях королеве он называл открытое им побережье Вингиндакоа, по имени местного алгонкинского вождя Вингина. Но «королева-девственница» одним росчерком пера переделала это название по созвучию в Виргинию (лат. *virgo* — *inis*, англ. *virgin*, дева, девственница)⁴². В 1706—1722 гг. индейцы Виргинии были почти полностью уничтожены колонистами в истребительной войне. На их территории возникли два штата — Виргиния и Западная Виргиния.

Из крупных городов США с индейскими названиями следует отметить прежде всего Чикаго. Его название производят от алгонкинского слова *чикагу*, «место, где водится скунс»⁴³;

⁴⁰ J. G. Févriér. Histoire de l'écriture. Paris, 1948, p. 47.

⁴¹ G. R. Stewart. Op. cit., p. 192.

⁴² Ibid., p. 23.

⁴³ Ibid., p. 86.

по другому толкованию, оно происходит от местного, также алгонкинского, названия дикого лука (поря), в изобилии здесь произраставшего. Но одно не противоречит другому, ибо дикий лук у местных индейцев назывался «скунсовой травой»⁴⁴.

Особенно интересна и поучительна топонимическая история Нью-Йорка. Как известно, его историческим центром является остров Манхэттен. Когда состоявший на голландской службе английский мореплаватель Генри Гудзон посетил впервые в 1609 г. устье реки, ныне носящей его имя, и этот остров, где была тогда расположена алгонкинская деревушка, он первым делом приказал напоить ромом тамошних индейцев (известный своим коварством колонизаторский прием, нашедший отражение в «Буре» Шекспира (1623 г.) в горьких словах Калибана, — акт I, сц. 2 и акт II, сц. 2). Несколько позднее голландцы построили на острове сарай для хранения пушнины, которую они за спиртные напитки и безделушки стали получать от местных индейцев. В 1626 г. остров был приобретен голландцами за жалкий набор ржавых ножей, стеклянных бус и пестрого тряпья. Голландцы оценивали покупку в 60 гульденов (около 24 долларов), откуда и произошло впоследствии шутовское нью-йоркское прозвище Манхэттена — Twenty-four-dollar Island («Двадцатичетырехдолларовый остров») ⁴⁵.

По-видимому, Манхэттен был сначала несколько измененным названием племени, обитавшего в этих местах. Это можно заключить из того, что голландцы употребляли это название во множественном числе — Манхатты — и что оно распространялось на всю округу. Р. Гудзон называлась Рекой Манхаттов и этот остров на ней — Островом Манхаттов. Один из старых голландских авторов прямо указывает, что Река Манхаттов так называется по племени манхаттов в ее устье⁴⁶. Вполне возможно, что их название было одним из вариантов имени могикан, мана-хеган, собственно «волки»⁴⁷ (вероятно, по их тотему).

Но как бы то ни было, близко родственные могиканам делавары, бывшие в свое время их непосредственными соседями, два столетия спустя, когда могикане уже исчезли, и, может быть, частью слились с ними, давали названию Манхэттена другое толкование. Относя историческую встречу индейцев с Гудзоном к своим собственным предкам, они с горечью рассказывали о том, как колонизаторы, спаивавшие их ромом, выменяли у них этот остров за ломаный грош, и объясняли его название самим способом его приобретения. Они стали производить его

⁴⁴ Gannett. *Op. cit.* (под соотв. словом).

⁴⁵ B. Botkin. *New York city folklore*. New York, 1956, p. XVIII—XIX, p. 12.

⁴⁶ *Ibid.*, p. 17—18.

⁴⁷ G. R. Stewart. *Op. cit.*, p. 68.

от делаварского *манахактенеид*, «там где мы перепились»⁴⁸, «где нас напоили» или просто «место пьянства», даже объясняя его как «место отравления».

Бенджамен Боткин, известный американский фольклорист, приводит из старой книги пастора Джона Хекквелдера делаварскую версию прибытия Гудзона. «В его блестящем, расшитом золотом, красном мундире индейцы приняли Гудзона за самого Манито»; в этой делаварской версии рассказывается об «отравлении» индейцев предательским крепким ромом, а также о том, как белые всякими уловками стали овладевать все большими участками земли, так что «бедные индейцы стали убеждаться, что белые вскоре станут нуждаться во всей их земле, что в конце концов и произошло»⁴⁹.

Одну из первых улиц Нового Амстердама, так будущий Нью-Йорк назывался при голландцах, составляла старая Индейская тропа, пересекавшая наискось остров; тропа выводила к пристани, куда индейцы приносили на обмен добывавшиеся ими для белых бобровые шкуры. Иначе ее называли Бобровой тропой. Впоследствии эта довольно узкая тропа стала, с прокладкой настоящих улиц, магистралью *Breede wegh*, т. е. Широкой дорогой, как ее уже называли голландцы, откуда нынешнее *Broadway* — Бродвей. Так индейский Манхэттан вырос в Нью-Йорк и Индейская тропа стала всемирно известным Бродвеем⁵⁰.

Индейские имена носят и Саратога и Аппоматокс, исторические места крупнейших побед американской войны за независимость и гражданской войны в США.

Топонимика Аляски и Лабрадора обнаруживает, наряду с индейскими, также множество эскимосских географических названий. Само название Аляски, по одному из толкований, происходит от эскимосского *alakshak*, полуостров⁵¹. По другому толкованию, оно индейского происхождения и означает «большая земля». Американский этнограф, географ и исследователь эскимосского языка Уилер приводит длинный список местных эскимосских названий на Лабрадоре. Он предпосылает своей топонимической работе по Лабрадору следующее посвящение: «Посвящается иннуитам Лабрадора, культура которых разрушается без заботы о ее равноценном возмещении. Отнесемся же с уважением к их именам (названиям) за те земли, которые мы от них унаследовали»⁵².

⁴⁸ G. R. Stewart. Op. cit., p. 68.

⁴⁹ B. Botkin. Op. cit., p. 13—17.

⁵⁰ Ibidem.

⁵¹ H. Gannett. Op. cit. (под соотв. словом).

⁵² E. P. Wheeler. List of Labrador Eskimo place-names, Ottawa, 1953 (посвящение).

Громадное число населенных пунктов США, как и Канады, носит индейские имена, несмотря на длительное и до сих пор дающее себя знать движение расистских элементов против «savage names» — диких имен. Миссионеры и проповедники различных исповеданий — католики и протестанты. — старались насаждать религиозные имена, превратить топонимику Северной Америки в святцы или новую «обетованную землю». Владетельные же колонизаторы из английской аристократии и чиновные эмиссары раздавали новым местам имена своих августейших покровителей. Рядовые переселенцы ощущали потребность заносить из старой родины, вместе с заветными мешочками ее земли, родные им имена старых мест. И тем не менее новая обстановка, воздействие индейской среды, потребности общения с индейским населением и ознакомления с осваиваемыми землями, даже при отнюдь не мирных путях европейской колонизации, способствовали популяризации индейских географических названий. Индейские названия переносились с одних мест на другие как самими индейскими племенами, отмечая собой скорбный путь их переселений, так и европейскими поселенцами. В то же время они подвергались искажениям по звуковой аналогии, по переосмыслению, иногда глумливому, нередко — по вольному или невежественному переводу, и во всех случаях англазации или офранцузиванию. При всем этом прочно осевшие в тех или иных местах колонисты обычно сохраняли и даже сами укореняли индейские названия. Так, уже в сравнительно раннее время колонизации Уильям Пенн (вторая половина XVII — начало XVIII в.) способствовал в интересах самих колонистов сохранению и даже охране в квакерской Пенсильвании индейских названий холмов, озер, рек. Более того, используя ресурсы местной природы, пенсильванские квакеры часто давали тем или иным местностям, которые они осваивали, индейские имена по местным полезным растениям. В ответ на упреки в попустительстве «варварским названиям» Пенн писал: «Что верно, то верно, — Окторокон, Ранкокоз, Озиктон, Шакамэкон, Покерим — все это имена здешних населенных мест. Ну, и что же! Они доставляют им честь!»⁵³.

Индейцев сгоняли с насиженных мест. Их перегоняли с места на место, загоняли в резервации, истребляли, но старые индейские географические названия чаще всего не трогали, хотя и подвергали тем или иным искажениям. А если и производились переименования, то старые имена обычно оказывались более живучими.

В то же время складывался чрезвычайно характерный и поучительный топонимический фольклор, примеры которого мы

⁵³ G. R. Stewart. Op. cit., p. 106.

приводили как у индейцев, так и в среде нового населения Северной Америки, своеобразное преломление в народном сознании и преданиях старины отдаленной истории Северной Америки, ее европейской колонизации и сложившихся в ней расовых, этнических и связанных с ними социальных отношений. Вашингтон Ирвинг приветствовал индейские имена и написал целый очерк о них. Глубокий и живой интерес к индейцам выразился в серии романов Фенимора Купера, и особенно в его «Последнем из могикан» (1826), и, конечно, в появлении индейской эпопеи Лонгфелло «Песнь о Гайявате» (1855). Прогрессивные писатели-реалисты США и Канады (в последней как на английском, так и на французском языках) часто обращаются к описанию быта и положения индейцев в Северной Америке. Джек Лондон дал ряд вышуклых зарисовок из суровой жизни индейцев Аляски. В англо-канадской литературе видное место заняла метиска Полина Джонсон (1862—1913), записавшая прокезские предания и в своих ярких стихах выразившая пламенный протест против угнетения индейцев.

Огромный размах изучение коренного населения Америки приобрело в первые десятилетия XX в. В эти годы в трудах таких ученых, как Фр. Боас, Дж. Суантон, Эд. Сепир, Д. Дженнесс и др., было опубликовано множество монографических исследований об отдельных народах Америки, записей текстов и фольклора, исследований, посвященных языкам индейцев.

Все это также сыграло немалую роль в сохранении или даже восстановлении индейских географических названий и появлении новых. Имя Гайяваты получили десятки новых населенных пунктов. Именами прославленных вождей индейских восстаний и индейских культурных деятелей был назван ряд городов и других населенных пунктов (Понтиак — город в Мичигане и Иллинойсе, Текумсэ — город в Небраске и Оклахоме⁵⁴, Секвойя — графство в той же Оклахоме⁵⁵ и т. д.). Наряду с этими доблестными именами появилось, однако, немало названий населенных пунктов по именам всякого рода индейских соглашателей, пособников в экспроприации индейских земель и прочих предателей интересов индейского населения.

Прокладка железных и автодорог, сооружение станций, покрытие США и Канады сетью почтово-телеграфных пунктов, развитие туризма и сети туристских баз, освоение пустошей — все это потребовало и обилия новых местных названий, и среди них далеко не последнее место заняли старые индейские имена.

Индейцам Северной Америки принадлежит, как мы видели, значительная часть названий ее ландшафтов, фенологии явле-

⁵⁴ G. R. Stewart. Op. cit., p. 276; Gannett. Op. cit. (под соотв. геогр. названиями).

⁵⁵ Foreman et G. Sequoia. Norman, 1959, p. 78.

ний природы) мира растений и животных и великое множество ее географических названий — всего того, что так много говорит о родине уму и сердцу каждого американца и канадца, к какой бы расе он не принадлежал. Вместе с названиями многих вещей и мест индейцы передали европейским поселенцам Северной Америки свои веками и тысячелетиями накопленные навыки. Индейцы обогатили американскую и канадскую культуру своим богатейшим фольклором, американскую и канадскую народную речь — своими красочными, яркими выражениями. На протяжении трех-четырёх столетий, отстаивая свою свободу, они давали неизгладимые примеры и уроки мужества, стойкости и благородства и вписали в общую историю Северной Америки немало героических имен, таких, как Понтиак и Текумсе, и имен таких неутомимых культурных деятелей, как Секвойя. Гайявата был, так указывают некоторые авторы, не легендарной личностью, но историческим лицом, лишь позднее овеянным легендами: он был первым политическим мыслителем в реальной истории Северной Америки, еще задолго до ее фактической колонизации белыми выдвигавшим великую идею всеобщего мира. Этой точки зрения придерживался и Вл. Иохельсон⁵⁶.

Но в процессе колонизации Северной Америки и развития в ней капитализма в его наиболее хищнических формах совершается в течение трех-четырёх веков массовое истребление и ограбление индейцев. Они живут в условиях жестокой эксплуатации торговыми компаниями и монополиями, сопровождаемой расовой дискриминацией.

Национальному развитию крупных индейских групп мешают условия, в которые поставлено коренное население США и Канады. Едва ли не единственным примером сохранения этнического и культурного единства большого индейского народа к северу от Мексики являются *навахи*. Они имеют свою территорию, сохраняют свой язык и многие обычаи, чувство этнической общности. Все остальные некогда довольно многочисленные племена умышленно рассеяны по отдельным резервациям. В этих небольших резервациях соединены разноязычные племена, что долго затрудняло их общение и также было сделано умышленно. Здесь индейцы довольно быстро утрачивали родной язык и переходили на английский — единственно возможное в создавшихся условиях средство общения не только с белыми, но и между разноязычными индейцами.

Но в индейских массах усиливается движение социально-политического протеста и стремление к единению с наиболее сознательной частью американского пролетариата в общей борьбе против империализма. Коммунистическая партия США

⁵⁶ В. Иохельсон. Указ. соч., стр. XXVIII, XXXIV—XXXV.

и Коммунистическая партия Канады всемерно поддерживают индейцев в их борьбе за равенство, свободу, улучшение материального положения и культурное развитие.

В Латинской Америке испанский и португальский языки буквально пропитались индейской лексикой, в них вошло и немало африканизмов, особенно в речь бразильцев. Значительное проникновение индеанизмов в испанский и португальский языки Нового Света привело вместе с другими факторами к образованию довольно заметных различий между испано-американской и бразило-португальской речью, с одной стороны, и речью их исторических метрополий, с другой, при безусловном единстве общего испанского и столь же несомненном единстве общего португальского языка. «Испанско-американский словарь отличается от собственно испанского вследствие проникновения в него индейских слов, заимствований из языков неиспанской национальности, а также в результате особой семасиологической судьбы значительной части испанской лексики», — указывает советский испанист Г. В. Степанов⁵⁷.

Кроме того, в испаноязычной Америке — не две страны, как в англоязычной Северной Америке, а около двух десятков стран, и в каждой из них сложились свои особые этнические отношения и языковые черты. Особенности эти объясняются не только лингвистическими различиями в среде колонистов (кастильцы, баски и другие в странах испанской колонизации) и различиями их социального состава, но и влияниями отдельных индейских (в Мексике и Центральной Америке — ацтекского и майяского языков, в Перу — языков кечуа и аймара, в Парагвае — гуарани, в Чили — арауканского, в Венесуэле — аравакского и карибского и т. д.), а в некоторых странах — и африканских языков, их сравнительным удельным весом. Испанский язык в каждой из этих стран обогащен множеством заимствований из индейских языков, живых и исчезнувших. Но местные языковые особенности не ограничиваются одной лексикой. Чилийский лингвист Родольфо Ленц констатирует арауканский субстрат в местной чилийской фонетике испанского языка: «Это — говорит он, — испанский язык с явно арауканскими звуками»⁵⁸. Б. Мальмберг в своей работе об испанском языке в Новом Свете отмечает фонетические влияния гуарани на испанский язык в Парагвае и ацтекского в Мексике⁵⁹.

⁵⁷ Г. В. Степанов. О национальном языке в странах Латинской Америки. — «Вопросы формирования и развития национальных языков» (Труды Ин-та языкознания АН СССР, т. X). М., 1960, стр. 145.

⁵⁸ R. Lenz. Diccionario etimológico de las voces chilenas derivadas de lenguas indígenas. Santiago, 1904 (предисловие).

⁵⁹ B. Malmberg. L'Espagnol dans le Nouveau Monde. Lund, 1947—1948, p. 58, 69, 71.

Наблюдаются влияния индейских языков даже на грамматический строй испанского просторечья в некоторых испаноязычных странах Америки, например, появление нахуаских суффиксов на севере Мексики (в большую языковую семью нахуа входит и ацтекский язык), на грамматические особенности языка кечуа в некоторых горных местностях Эквадора, гуарани в Парагвае и т. д.

Но, разумеется, всего убедительнее лексические влияния. Как указывает А. Ховер-Перальто в предисловии к своему гуарани-испанскому словарю⁶⁰, парагвайцы больше говорят на гуарани, чем по-испански, и в просторечье местного испанского языка можно насчитать добрых восемь десятков гуаранийских слов на каждую сотню.

Г. В. Степанов предлагает следующую классификацию заимствований в испанском языке по их распространению: 1) локализмы (местные слова), 2) зональные американизмы, 3) общеиспанские американизмы и 4) интернациональные американизмы⁶¹.

Вместе с тем следует иметь в виду, что индейские языки не оставались изолированными друг от друга. Еще задолго до прихода европейцев разноязычные индейские племена и народности находились в постоянном соприкосновении между собой. Оно продолжалось и даже усилилось с испано-португальским завоеванием и колонизацией. Отсюда, в частности, немало лексических совпадений в тупи-гуарани с карибским и аравакским, в кечуа с аймара и т. д. Иногда поэтому трудно даже определить, из какого именно индейского языка было занесено в испанский, португальский и другие европейские языки то или другое индейское слово, так как оно встречается в разных индейских языках.

Аравакские и карибские языки Вест-Индии внесли большое количество слов в испанский, а ацтекский, майя, кечуа — языки высоких культур — еще больше. Тупи-гуарани обогатил как португальский, так (особенно в Парагвае) и испанский язык. Ацтекский, кечуа, тупи-гуарани были широко использованы миссионерами и колониальной администрацией. Много слов из языков ацтеков и кечуа вошло в язык испанского колониального законодательства. В Бразилии Жозе де Аншиета, патер-иезуит, составил в XVI в. грамматику «бразильского» языка (тупи) и писал на этом языке, с переводом на португальский, благочестивые гимны и устрашительные мистерии, произвольно

⁶⁰ A. Jover-Peralto, T. Osuna. Diccionario guarani-español, Buenos-Aires [1954] (предисловие).

⁶¹ Г. В. Степанов. Об индейских заимствованиях в испанском языке. Уч. зап. ЛГУ, вып. 59, 1961, стр. 208.

приспосабливая отдельные слова из тупи к катехизису и церковным понятиям⁶².

На португальском языке в Бразилии индейское влияние, пожалуй, сказалось с наибольшей силой. Вместе с тем ему пришлось испытать дифференцирующего влияния множественности государств, которая образовалась в испаноязычной Америке, хотя и в нем сложились заметные местные особенности. В то же время ему пришлось столкнуться с не меньшим, если не большим, разнообразием местной природы.

Побережье Бразилии довольно густо заселяли тупи-гуарани, языки которых получили большое значение в самой колонизации страны европейцами и ее катехизации — «обращении» в христианство. К началу XVIII в. тупи, населявшие значительную часть морского побережья и проникшие на берега Амазонки, смешались с португальцами и вскоре исчезли как отдельная этническая группа. Язык тупи, литературно обработанный в XVI—XVII вв. миссионерами, главным образом — иезуитами, также исчез. Но на его основе сложился в Бразилии так называемый общий язык, *лингуа жерал* (*lingua geral*), или, как его иначе называют, колониальный ньеэнгату, все более изменявшийся под влиянием португальского. Вместе с тем в него вошло немало заимствований от многочисленных племен внутренних областей огромной страны, стоявших на более низких ступенях социального и культурного развития, чем тупи и родственные им гуарани на юге.

«К началу XVIII в., — говорит бразильский ученый Теодоро Сампайо, — соотношение между обоими языками, на которых говорили в колонии, — тупи (под ним Сампайо разумел лингуа жерал) и португальским, — было приблизительно как три к одному»⁶³. На нем говорили повсюду, даже в португальских семьях. Он явился основным каналом, по которому в португальский язык Бразилии вливался целый поток индейских слов.

С конца XVIII — начала XIX в., ко времени завершения в основном колониального освоения внутренних областей огромной страны, образования общего рынка и формирования бразильской нации, лингуа жерал стала разлагаться, утрачивать свою силу, и ареал распространения ее сужался. В настоящее время сохранились лишь ее остатки, так называемая, амазонская лингуа жерал, или амазонский ньеэнгату. Повсеместное распространение с начала XIX в. получил португальский язык, в значительной мере пополненный индеанизмами из лингуа жерал колониального времени и обогащенный африканизмами.

⁶² J. de Anchieta. Poesias, manuscrito de S. XVI em portugues, castelhano, latim e tupi. São — Paulo, 1954.

⁶³ Th. Sampaio. O tupi na geografia nacional. Bahia, 1955, p. 48.

Метисация всех трех рас наложила глубокий отпечаток на португальский язык в Бразилии, причем индейские влияния были особенно сильными. Как утверждает Сампайо, вклад тупи-гуарани не ограничился португальской лексикой; подвергалась некоторым изменениям фонетика португальского языка бразильцев, влияния тупи сказались даже на некоторых явлениях грамматического порядка⁶⁴.

Следует заметить, что индейские слова в испано-американском и бразило-португальском претерпели, при всех их трансформациях, гораздо меньше искажений, чем в английском и французском в Северной Америке. Здесь, по-видимому, сказалось несравненно более тесное сближение европейских колонистов с аборигенами в Латинской Америке и их несравненно более значительная метисация в процессе образования большинства новых наций.

Из огромного множества индейских слов, вошедших в испанскую и португальскую лексику Нового Света, и значительного количества их, проникшего из нее, или даже непосредственно, в другие языки и в международную лексику, мы можем выбрать лишь наиболее характерные, касающиеся явлений природы, социальных отношений, быта, материальной и духовной культуры⁶⁵. Некоторые слова вошли также и в русский язык и в русскую научную литературу.

Так, из обозначений явлений природы в испанском и многих других языках, в том числе — русском, общеизвестно слово *ураган*, разнесенное моряками по всему свету. Оно восходит, по-видимому, к языку киче (языковая группа майя): Хуаракан, судя по «Пополь-Вух» («Книга Народа» индейцев киче), являлся у них одним из воплощений триединого божества Какулха, бога-громовика⁶⁶. На Антильских островах — у араваков и карибов — бог бури (возможно, под каким-то влиянием киче) также назывался Хуракан⁶⁷. В португальском — *furacão*.

В обозначении различных ландшафтов испанский и португальский языки, равно как и международная географическая лексика, также обогатилась многими индейскими словами. Так, в Бразилии *мата* (т.-г.) означает зону лесов, *каатинга* — (т.-г.)

⁶⁴ *Ibid.*, p. 49.

⁶⁵ Происхождение того или иного слова в португальском языке Бразилии от лингуа жерал мы обобщили в целях упрощения изложения с тупи, легшим в основу лингуа жерал, и с гуарани, составляющим с тупи единую и весьма тесную языковую группу. Напоминаем, что большинство так называемых бразилизмов произошло из лингуа жерал. Мы прибегаем к сокращению «т.-г.» (тупи-гуарани).

⁶⁶ «Пополь-Вух». Перев. с языка киче, изд. подготовлено Р. В. Кинжаловым. М.—Л., 1959, стр. 11, 13, 15 и др., а также комментарии, стр. 198—199.

⁶⁷ G. Friederici. *Op. cit.* (под словом *Huracan*).

низкорослые засухоустойчивые леса, *игано* (т.-г.) — тропические пойменные леса, особенно в Амазонии.

Интересна судьба слова *мангли* (аравак. Гаити, приводится еще Лас-Касасом, но часто ошибочно приписывается по созвучию малайскому, в испанском — *mangles*, в португальском *mangues*). В английском сложилось смешанное, но перешедшее и в международную лексику *mangrove*, от *mangle* + англ. *grove* — заросль, откуда и в русском словоупотреблении — *мангровы* и не совсем правильно образуемое от него прилагательное «мангровый» (например, «мангровые леса»), а в свою очередь, от последнего — встречающееся сокращение — мангры. Мангровами или манграми называют заросли вечно зеленых деревьев и кустарников в тропиках по илистым побережьям океанов и устьев рек.

Исключительным богатством индеанизмов отличается испанская и португальская ботаническая и зоологическая лексика. Мы можем привести из нее лишь очень немногое, расположив для более удобной обзорности названия растений по тем или иным их свойствам, преимущественно-народнохозяйственного значения, а названия животных — по их основным и общеизвестным систематическим подразделениям.

Начнем с растительного мира. Сперва приведем названия растений с полезными свойствами и прежде всего остановимся, конечно, на *маисе* (кукурузе). Маис — аравакское и карибское название кукурузы, культуре которой мир обязан индейцам.

«Старый свет, — говорит Энгельс, — обладал почти всеми поддающимися приручению животными и всеми пригодными для разведения видами злаков, кроме одного; западный же материк, Америка, из всех поддающихся приручению млекопитающих — только ламой, да и то лишь в одной части юга, а из всех культурных злаков только одним, но зато наилучшим: кукурузой»⁶⁸. Испанцы и от них некоторые другие народы (англичане, французы) и международная латинская научная терминология восприняли это аравакское и карибское слово — маис. Португальцы же перенесли на эту сельскохозяйственную культуру Нового Света португальское слово *milho* (собственно — просо), приняв маис за своего рода просо, а просо с тех пор стали называть *milho miúdo*, дословно — «мелкое просо». Русское слово кукуруза пришло, по-видимому, с Балкан (тур., серб., рум.)⁶⁹, но первоначальное значение слова «кукуруза» остается невыясненным.

Одним из испанских названий картофеля является *papa* (пара) на языке кечуа наряду с *patatas*, по ошибочному вна-

⁶⁸ Ф. Энгельс. Указ. соч., стр. 30.

⁶⁹ А. Преображенский. Этимологический словарь русского языка. М., 1910—1914 (под соотв. словом).

чале уподоблению картофеля бататам (аравак.), откуда и в английском картофель называется potatoes, а бататы sweet potatoes — «сладкий картофель»; в португальском точно так же картофель — batata, а батат — batata doce.

Кастельянос, участник экспедиции конкистадора Кесады в Колумбию (1536—1537), рассказывает, что испанцы находили в домах бежавших индейцев кукурузу, бобы и какие-то странные «трюфели», которые он описывает довольно подробно. Оказывается, что испанцы приняли за «трюфели» не что иное, как картофель, которого до тех пор нигде и никогда не видали. Отсюда из первоначального ошибочного испанского обозначения картофеля как трюфеля и пошло его название в некоторых других языках, в том числе немецком и русском, причем из «тартуфель» образовалось «картофель»⁷⁰. В самом испанском оно довольно рано уступило место индейским словам.

Клубнеплод *батат*, из-за смешения которого с картофелем возникла двойная путаница в их названиях в некоторых европейских языках, происходит из тропической Америки. Он известен только в культурном состоянии, хотя имеет дикого сородича там же. Батат был известен и древним перуанцам, и на языке кечуа назывался «кумар». Замечательно, что еще в XIII—XIV вв. батат получил распространение и в Полинезии, где на местных языках он называется «кумара» (с вариантами). Есть поэтому основания предполагать, что он был завезен туда из древнего Перу уже в культурном состоянии полинезийскими мореходами⁷¹, как полагает известный новозеландский этнограф (по происхождению — маори) Те-Ранги-Хироа. По мнению норвежского путешественника и археолога Тора Хейердала, это сделали сами древние перуанцы⁷². Но и в том и другом случае — это факт, указывающий на далекие пути распространения древнеперуанской земледельческой культуры.

Топинамбур — земляная груша — также клубнеплод, по вкусу несколько напоминающий картофель, возможно, носит свое название по индейцам тупинамба, родственным тупи.

Всемирное распространение получил *маниок* (т.-г.); его другое название — *юка* также индейского происхождения (аравак). Так называемая «рисовая лебеда», семена которой употребляются в пищу как крупа, иначе именуется *киноа*, словом, взятым из языка кечуа.

⁷⁰ С. М. Букасов, Н. Е. Шарина. История картофеля. М., 1938, стр. 43, 56, 64.

⁷¹ Те-Ранги-Хироа. Мореплаватели Солнечного Восхода. М., 1959, стр. 248—250.

⁷² Т. Хейердал. Путешествие на Кон-Тики. Ярославль, 1959, стр. 118—119; см. также П. М. Жуковский. Культурные растения и их сородичи. М., 1960, стр. 39—40 и 167—168.

Слова *какао* и *шоколад* происходят от ацтекских *xocoaatl* и *sacauatl*. Когда Линней в своей научной классификации растений первый дал какао латинское, или, вернее, греко-индейское название *theobroma sacao* (пища для богов — какао), он, по видимому, имел в виду не только его превосходные вкусовые качества, но и основанное на них представление ацтеков о якобы божественном происхождении этого дерева⁷³.

Таким образом, научное название какао отчасти восходит к древним индейским культурам и представлениям. Известно, что Монтесума первый велел подать Кортесу этот напиток. Обычно индейцы пили какао без сахара, но знать подслащивала его медом или соком агавы.

Индийские названия сохранили и получивший всемирную известность *ананас* (кариб., т.-г., с испан. мн. ч.), *гуаява* (аравак.) и *авокадо* (ацтек. «ауакатль»), *мамей* (аравак.); *буриги*, или *муриги* (т.-г.) — одна из винных пальм; *мади* (араукав.) в Чили и *жабути* (т.-г.) в Бразилии (ценные масличные деревья), а также *томат* (ацтек. «томатль»), распространившийся по всему свету.

Матэ (возможно, из языка кечуа), собственно — тыквенный сосуд для питья, или парагвайский чай, чрезвычайно распространенный напиток в Парагвае, Уругвае, Бразилии и отчасти в Аргентине. Пьют парагвайский чай следующим образом: в специальную посуду, изготовленную из небольшой, но толсто-стенной тыквы, называемой *матэ*, насыпают растертую в порошок «жербу» (высушенные и опаленные листья парагвайского чая — *Plex paraguainensis*), наливают туда кипяток и вставляют серебряную трубочку («бомбижа») с сеточкой на конце, через которую порошок не может проникнуть. Напиток сосут через эту трубочку по очереди все, участвующие в чаепитии. Возможно, что этот обычай воспринят у индейских вождей и связан с выкуриванием по очереди трубки⁷⁴. Напиток *матэ* был в ходу у индейцев еще задолго до открытия Америки.

Табак (аравак. Гаити и Кубы) означал первоначально у самих индейцев сигары или даже особые курильницы и нюхательные приборы для листьев этого растения, возделывавшегося ими еще задолго до открытия Америки европейцами. Впоследствии табак был распространен моряками, странствующими купцами, солдатами, колонизаторами по всему свету. «Табак» стал вообще весьма популярным словом, давшим во многих языках обилие производных слов и целую гамму переносных значений и поговорочных выражений.

⁷³ Л. Безерра дос Сантос. Плантации какао. — «Люди и ландшафты Бразилии», стр. 130.

⁷⁴ П. М. Жуковский. Указ. соч., стр. 539.

Из тупи-гуарани перешли в старинный португальский (*petume*), французский (*petun*) и немецкий (*Petum*) — другое название табака⁷⁵. На Западе оно со временем почти вышло из употребления (еще встречается у бретонских рыбаков), но проникнув в Переднюю Азию, превратилось в турецкое «тютюн», которое с Балкан или из Крыма, а может быть, из Молдавии (тутун) было занесено впоследствии в украинский (тютюн). Это слово проникло и в просторечье русского языка, но здесь — скорее, в значении низкосортного табака: «Под вечным смрадом тютюна я месяц высидел сполна», — писал Некрасов («Суд»).

Бразильскую пальму *карнаубу* (т.-г.) А. Гумбольдт называл «деревом жизни», указывая на ее полезные свойства (превосходная древесина, волокно и воск, по которому она называется также «восковой пальмой»). Бразильский ученый Жозе Вериссимо замечает даже, что на северо-востоке Бразилии существует настоящая «карнаубская цивилизация», поскольку с карнаубой «в этом районе связана почти вся деятельность человека»⁷⁶.

Сеуба (аравак.) — громадное хлопковое дерево, растущее в Венесуэле и некоторых других странах; волоски из его плодов дают капок, очень легкий ворсообразный набивной материал. *Итауба* (т.-г.) — вид железного дерева в Бразилии; *жакаранда* (т.-г.) — палисандровое дерево, там же, *пиасаба* (т.-г.) — бразильская пальма с ценным волокном. *Самаума* (т.-г.) — гигантское дерево в Бразилии, также с ценным волокном и растительным маслом. *Тукума* (т.-г.) — там же, пальма, с ценным волокном, идущим на плетение гамаков. *Ягуа* (аравак.), или королевская пальма, также обладает превосходным волокном. *Ярей* (аравак.) — кубинская пальма, дает волокно, из которого плетут шляпы. *Хенекен* (аравак.), называемый на Юкатане *сисаль* (майя) с волокном тех же названий, идущим на плетение канатов, сетей и т. д., занимает на Юкатане огромные плантации, целиком, однако, зависящие от американского капитала. *Кампешевое* дерево (майя) обладает ценной древесиной, а также красильными и дубильными свойствами. *Попал* (ацтек.) служит кормовым кактусом для кошенили, разведение которой было известно еще в древней Мексике и в древнем Перу⁷⁷. Из нитей агавы *магей* (ацтек.) древние мексиканцы производили тонкие полотна (из сока магея изготовляют хмельной напиток пульке).

⁷⁵ Ph. M. Palmer. Op. cit. (под соотв. словом).

⁷⁶ Ж. Вериссимо да Коста Перейра. Леса карнаубских пальм. — «Люди и ландшафты Бразилии», стр. 81—83.

⁷⁷ H. Veuchat. Manuel d'Archéologie américaine. Paris, 1912, p. 379, 669.

Каучук (кечуа — cau-chu) составляет открытие индейцев Центральной и Южной Америки. Индейцы изобрели и способ добывания каучука подсечкой каучуконосных деревьев, которыми особенно богаты гилеи, тропические влажные леса бассейна Амазонки и правых притоков Ориноко.

Наиболее каучуконосными являются *хевеи* (от *heve* на языке индейцев области Эсмеральда в Эквадоре). Уже спутники Колумба заметили индейцев, играющих в мяч. Эта игра занимала большое место в обрядах и мифологии ацтеков и была широко распространена среди многих индейских народов Центральной и Южной Америки, найдя отражение и в их фольклоре. В Мексике даже в раскопках попадаются резиновые мячи. Индейцы издавна делали из каучука также различные предметы домашнего обихода, фляги, трубочки и даже пипетки. Любопытно, что именно они изобрели резиновые галоши — в виде каучуковых чулок, натягивавшихся на ноги во всю длину, но не обладавших достаточной эластичностью и прилипавших к телу так, что их приходилось сдирать. Одним из первых среди европейцев открыл каучук, способы его добывания и его применение у индейцев французский ученый Ш. де Кондамин в первой половине XVIII в.⁷⁸ Во французском языке слово, обозначающее резиновые галоши, *sautchous*. Еще и теперь добыча каучука в Бразильской Амазонии ведется теми же способами, которые задолго до появления здесь европейцев выработали местные индейские племена⁷⁹.

Многие другие каучуконосы и смолоносы из Латинской Америки также носят индейские названия. К ним относятся, в частности, кустарник *гваюла* (ацтек.)⁸⁰, который для добывания из него каучука вырывается с корнем и размалывается, и *баласа* (кариб.) — растение с одноименным млечным соком, близким по свойствам к гуттаперче. Индейское название носит и *копал* (ацтек. *copalli*) — твердая смола некоторых деревьев, употребляемая для лаков.

Средняя и Южная Америка — родина многих растений с химическими свойствами сильного физиологического действия. Горцы Анд открыли стимулирующее действие *коки* (аймара — *суса*), кустарника, который растет в диком состоянии и культивируется там на высоте 1500—1800 м над уровнем океана. Жевание *коки* издавна служило местным индейцам стимулирующим средством, временно увеличивающим выносливость. Постоянное употребление *коки* приводит к раннему истощению

⁷⁸ П. М. Жуковский. Указ. соч., стр. 514.

⁷⁹ Ж. Вериссимо да Коста Перейра. Серингейро. — «Люди и ландшафты Бразилии», стр. 35—38.

⁸⁰ Ю. Н. Воронцов. Мексиканский каучуковый куст гваюла. Л., 1928.

сил. Из коки, как известно, искусственным путем добывают алколоид *кокаин*, пристрастие к которому, кокаинизм, является одним из видов распространенной в капиталистическом обществе наркомании; в небольших дозах он употребляется в медицине как средство местного обезболевания. Сейчас кока служит индейским горцам, живущим в крайне тяжелых условиях, искусственно возбуждающим средством и является для них подлинным бедствием, как и для горняков Оруро и Потоси, постоянно подбадривающих себя кокой. О разведении коки в боливийских юнгах индейцами и о том зле, которое приносит это наркотическое средство местному населению, ярко повествуется в книге Ганзелки и Зикмунда⁸¹.

Другим открытием индейцев является *кураре* (кариб.): сильный растительный яд, добываемый главным образом индейцами Гвианы — шиароа и другими — из коры местного ползучего растения *мавакуре* (*strychnus toxifera*); индейцы отравляют им свои легкие стрелы для спрелометательных трубок, употребляемых на охоте, а также как боевое оружие⁸².

Индейцы Южной и Средней Америки создали замечательную народную медицину. Наряду со всякими шарлатанскими средствами, применявшимися местными шаманами, индейцы открыли много действительно полезных фармацевтических свойств местных растений и животных (как, например, некоторых видов муравьев) и передали свой многовековой опыт не только испанским и португальским колонистам, но и научной, международной фармакопее и медицине. Многие из лекарственных растений так и вошли в них под своими индейскими названиями.

Таковы, в частности, *копаиба* (т.-г.) — дерево, из которого добывается *копай* или копайский бальзам, применяемый как мочегонное и дезинфицирующее средство, *ипекакуана* (т.-г.) — рвотный корень (рвотное и отхаркивающее), *папайя* (кариб., аравак.), или «дынное дерево», в котором впервые был открыт протеолитический фермент, близкий к пепсину и названный по ней *папайином* (млечный сок папайи усиливает пищеварение).

Величайшей заслугой индейцев Южной Америки является открытие ими противомаларийных и жаропонижающих свойств *хинны* (кечуа), из коры хинного дерева. *Хинин*, ее важнейший алкалоид, получил по ней свое название. В настоящее время потомки первооткрывателей хинной корки, гибнущие от малярии в девственных лесах Южной Америки, в которых местами

⁸¹ И. Ганзелка, М. Зикмунд. Через Кордильеры. М., 1960, стр. 90—94 и 165—170.

⁸² L. Alvarado. Glosario de las voces indigenas de Venezuela. Caracas, 1953 (под соотв. словом); его же. Datos etnográficos de Venezuela. Caracas, 1956, p. 29—31.

находят золото, получают в католических миссиях «грамм хинина за грамм золота»⁸³.

Носят индейские названия и многие другие замечательные растения Южной и Центральной Америки: *омбу* (т.-г.) — гигантское тенистое дерево в пампе; исключительно долго живущий мексиканский кипарис, называемый в Мексике *ahuahete* (ацтек.); удивительно красивая сосна Монтекумы с длинной спускающейся хвоей.

Упомянем и о наиболее известных животных Средней и Южной Америки, носящих индейские названия.

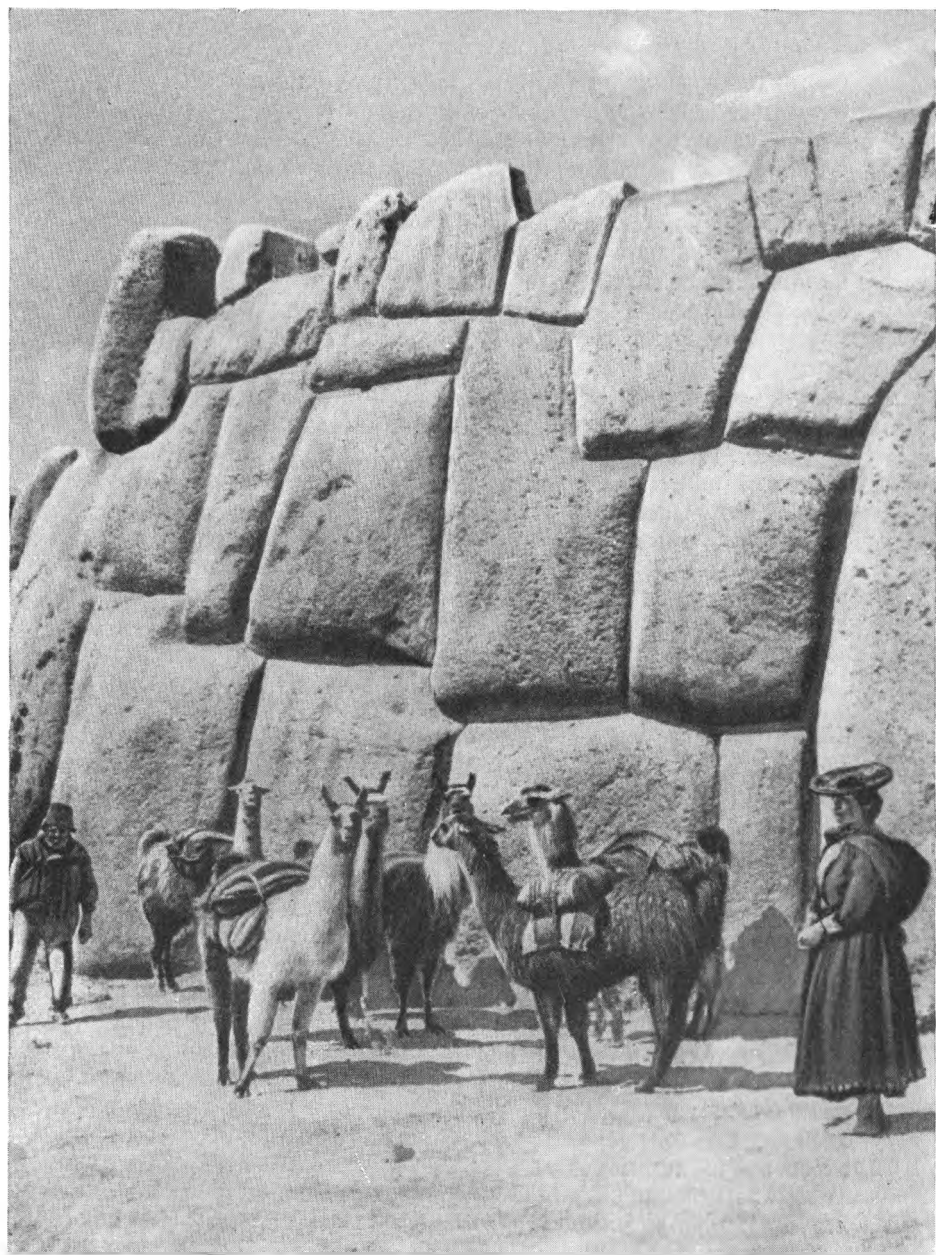
Из млекопитающих Центральной и Южной Америки под именами, данными им индейцами, стали известны европейским колонистам и всему миру, в частности, следующие: весьма характерные для ее фауны *неполнозубые* — *аи* (т.-г.) — ленивец, *тагу* (т.-г.) — так называемый исполинский броненосец; грызуны — *шиншилла*, точнее, чинчила (аймара, с испанским уменьшительным суффиксом), почти истребленная из-за ее ценного меха, *капивара* (т.-г.) — то же, что водосвинка (самый крупный из грызунов), *койну* (араукан.) — грызун, более известный под именем нутрия, с одноименным мехом; копытные — *тапир* (т.-г.), свинка *пекари* (чибча), олень *мазама* (ацтек. *maçatl*), лама (кечуа, аймара) в двух диких — *гуанако* и *викунья* (вигонь) и двух домашних видах — собственно *лама* и *альпака*. Две последние были одомашнены еще древними перуанцами. «Западный... материк, Америка, — как указывает Энгельс, — обладал из всех поддающихся изучению млекопитающих только ламой, да и то лишь в одной части Юга»⁸⁴. Лама, дававшая шерсть и употреблявшаяся как вьючное животное, играла очень большую роль в народном хозяйстве древнего Перу и теперь является ценным животным Перу и некоторых других южноамериканских стран. Среди хищных зверей носят индейские названия из кошачьих — *пума* (кечуа, аймара), иначе кугуар (т.-г.), *ягуар* (т.-г.), которому индейская мифология, древние культы и фольклор отводят видное место (ср. майяские книги «Чилам-Балам», «Жрец-Ягуар»), дикие кошки *ягуарунди* (т.-г.); из псовых — *койот* (ацтек.) — мексиканский луговой волк, распространенный и на западе Северной Америки. В обширном подотряде американских (широконосых) обезьян также немало известно под индейскими названиями — *уистити* (аймара), цепкохвостая *коата* (т.-г., аравак., кариб.), *сагуин* (т.-г.) и др.⁸⁵

Птиц с индейскими названиями в Латинской Америке также

⁸³ И. Ганзелка, М. Зикмунд. К охотникам за черепами. М., 1960, стр. 137.

⁸⁴ Ф. Энгельс. Указ. соч., стр. 30.

⁸⁵ Н. А. Бобринский. География животных. М., 1951, стр. 135.

Ламы

очень много: *кондор* (аймара, жечуа) — одна из самых крупных птиц (также — денежная единица в Колумбии); *нанду*, или *ньянду* (т.-г.) — американский страус; *кетцаль* (ацтек.) — птица с замечательным оперением, игравшая большую роль в ацтекской мифологии, откуда и имя бога-героя, носителя культуры, Кетцалькоатля (также — денежная единица в Гватемале); *каракоры* (т.-г., кариб.) — подсемейство соколиных; *колибри* (повидимому, аравак., или кариб., так как Антииллы — главнейшее местообитание этой птички); *корокоро* (т.-г., кариб., аравак.) — красный ибис; *тукан* (т.-г.) — перцеяд; *ара* (т.-г., кариб.) — известный, имеющий до 10 видов, клинохвостый попугай; *уру* (т.-г.) — из куриных (от них — название реки Уругвай и одноименной с ним страны); *гокко* (кариб.) — род куриных птиц; *урубубу* (т.-г.) — вид грифов; *сабуа* (т.-г.) — бразильский певчий дрозд, ставший излюбленным образом в народных песнях и лирической поэзии.

Индюк, прирученный древними мексиканцами⁸⁶, — носит в Мексике индейское название *ojolote* (от ацтекского). По-французски эта заморская домашняя птица получила название *coq d'Inde* (откуда, вероятно, и русское «индейский петух»), сокращенно — *dinde*, индейка, отсюда *dindon* — индюк.

Богатый мир пресмыкающихся Средней и Южной Америки также насчитывает много индейских названий. Их, в частности, носят: *боа* (т.-г. *boa*, *mboya*) — знаменитый *boa constrictor*, огромный удав (его название перенесено на длинный женский шарф из меха и перьев) и множество других ядовитых (жарурака — в переносном смысле — злая женщина) и неядовитых змей. Индейское название носит и известная южноамериканская ящерица *игуана* (аравак., кариб.), причем интересно отметить, что палеонтологи назвали по некоторому сходству зубов открытый ими в нижнемеловых отложениях Северо-Западной Европы род вымерших гигантских пресмыкающихся (из птицептазовых динозавров) *игуанодонами* (дословно — «игуанозубыми») ⁸⁷, *жикара* (т.-г., кариб.) — бразильский крокодил; *кайман* (аравак., кариб.) — один из двух родов аллигаторов, откуда название каймановые рыбы — другое именование рыб клювонососов, и Каймановые острова в Карибском море. *Гремучая змея* — точный перевод с туши-гуарани, на котором она называется боисининга в том же значении ⁸⁸.

Из земноводных индейские названия носят известный *аксолотль* (ацтек.) — личинка амблостомы и ряд других.

⁸⁶ Ф. Энгельс. Указ. соч., стр. 31.

⁸⁷ Л. Ш. Давишвили. Курс палеонтологии. М.—Л., 1949, стр. 518—519.

⁸⁸ Th. Sampaio. Op. cit. (под соотв. словом).

В Центральной и Южной Америке много своеобразных рыб, носящих местные индейские названия, вошедшие в ряде случаев в общую ихтиологическую лексику, как, например: *карамуру* (т.-г.) — электрический угорь: *пираруку* (т.-г., кариб.) — очень крупная рыба бассейна Амазонки, в сушеном виде — главнейшая местная пища. *Пиранья* (т.-г.— «рыба-ножницы») — небольшая, но хищная и острозубая, глубоко въедающаяся в тело рыба, получившая также у испанцев название «кариб» в силу рассказов о якобы особой жестокости карибов, была еще описана А. Гумбольдтом⁸⁹ и вошла в историю как чрезвычайно досаждавшая переправлявшимся через реки войскам Боливара. Наконец, акула носит по-испански название *tiburón* и по-португальски *tiburão*, — слова, пришедшие в эти языки от араваков Гаити благодаря морякам, и заметно вытеснившие исконные романские обозначения акулы на этих языках — *escualo* и *esqualo* (от лат. *squalus*).

К этому следует прибавить индейские названия великого множества местных насекомых, от восхитительных бабочек до лютых «индейских блох».

Одним из индейских открытий большого сельскохозяйственного значения явилось использование *гуано* (кечуа — *huano*), превосходного азотно-фосфорного удобрения из колоссальных залежей помета миллионов морских птиц, в особенности на перуанских прибрежных островах Чинча — совершенно голых скалах в Тихом океане. Гуано добывалось там еще при инках, о чем не без гордости упоминает их потомок Гарсиласо де ла Вега эль Инка. Но с разрушением инкского государства «Гуановые острова» были заброшены. О них вспомнили лишь в середине XIX в., когда за три столетия здесь образовались целые горы гуано. Началась настоящая гуановая «золотая лихорадка», продолжавшаяся 20 лет и вызвавшая в 1865 г. пиратское нападение испанского флота, за спиной которого стоял английский капитал. Французские, американские и иные компании наживали миллиарды, почти совершенно разграбив накопившиеся здесь веками удобрения. Но и их крохи составляют в настоящее время громадные ценности, да и птиц развелось миллионы. Теперь работы по добыче гуано производятся голодающими индейцами с бесплодного альтиплано (высокогорья) за нищенскую плату, в ужасающих условиях труда и жизни на островах, в смрадном воздухе, насыщенном мельчайшей гуановой пылью. Добыча гуано ярко описана Ганзелкой и Зикмундом, посетившими эти острова⁹⁰.

⁸⁹ A. Humboldt et Bonpland. Voyage aux régions équinoxiales du Nouveau Continent, t. VI. Paris, 1820, p. 229—231.

⁹⁰ И. Ганзелка, М. Зикмунд. Через Кордильеры, стр. 310—341

Многие предметы индейской материальной культуры с их индейскими названиями вошли в широкое народное употребление в странах Латинской Америки, да и не в них одних. *Кассава* (аравак.), — хлеб из маниока, очень распространен в народных массах, особенно — в малоимущих слоях. *Тапиока* (т.-г.), маниоковая крупа, идет на экспорт; ее название ввиду ее популярности давно перенесено предприимчивыми бакалейными торговцами разных стран и на некоторые сорта саго, в том числе на искусственные суррогаты из картофельной муки.

Крепкие, но сравнительно дешевые хмельные напитки — *пульке* (араукан, и из других индейских языков) из сока пулькового магея и *чича* (от араваков Гаити⁹¹ или из языка куна на Панамском перешейке) чаще всего и сейчас делают из кукурузы. Следует заметить, что европейцам принадлежит незавидная заслуга введения среди индейцев настоящих алкогольных напитков и превращение в них пульке и чичи. От майяского слова «сигара» происходит во многих языках название папирос (сигарета и т. д.), в украинском — цигарка (от цигара).

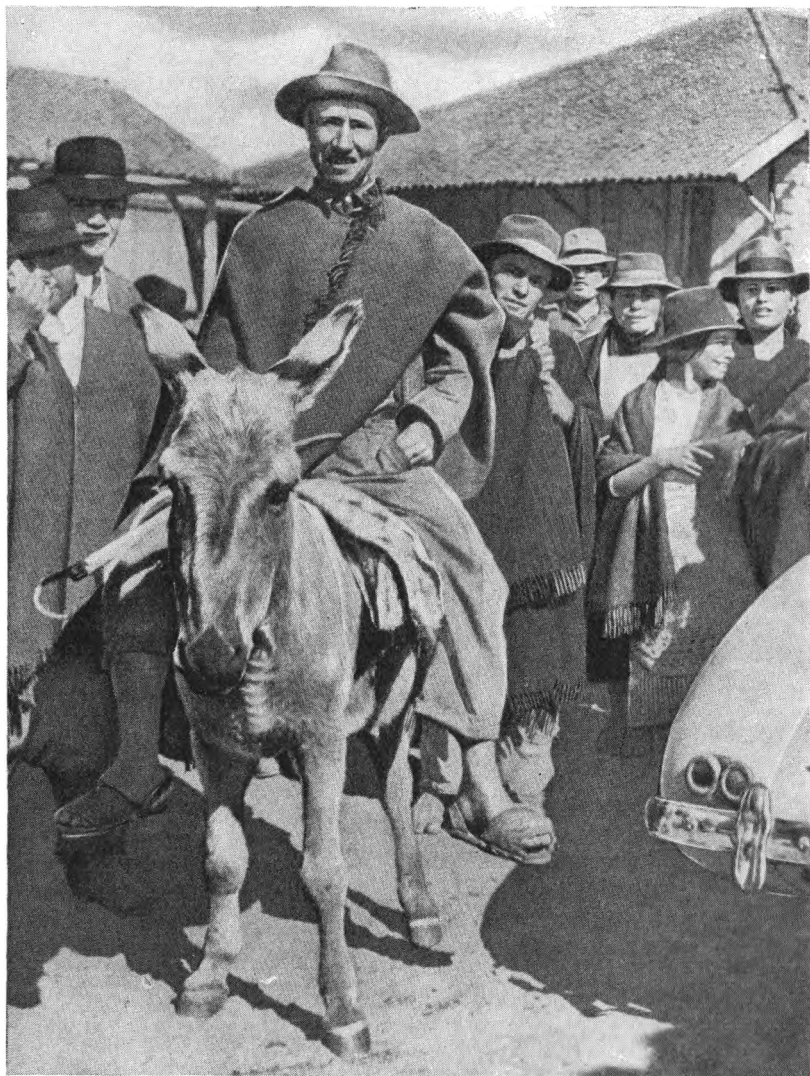
Из названий предметов одежды наиболее известно наименование индейского плаща *пончо* (араукан.), в Бразилии — пончо, изготовляемого из цельного полотнища с прорезью посредине для надевания через голову. Пончо до сих пор служит верхней одеждой гаучо (гаушо), леонов, чернорабочих и бродячих ремесленников.

Из предметов домашнего обихода *гамак* (аравак., кариб.) — замечательное изобретение индейцев, незаменимая принадлежность жилья в тропиках, получил вместе со своим индейским названием и широкое распространение в быту почти всех народов. «Никто на материке, — замечают чехословацкие путешественники Ганзелка и Зикмунд, — не умеет с таким совершенством вязать их, как никарагуанские индейцы». «Ложе — для целой семьи... а весь гамак весит меньше 4 кг»⁹². Немцы и голландцы переосмыслили индейское название гамака, как *Hangmat* и *Hangmatte* («висячая циновка»).

Индийские *каноз* (аравак.) — легкие плоскодонные челны из древесной коры, натянутой на остов из деревянных планок, с одинаковыми носом и кормой, загнутыми вверх, управляемые двумя короткими однолопастными веслами, удивляли своей подвижностью и плавучестью конкистадоров. От «каноз» произошли испанское и португальское сапоа, англ. сапое и даже совершенно офранцузенное сапот (челн), о котором мы уже говорили. Каноз и до сих пор встречаются на реках Центральной и Южной

⁹¹ L. Alvarado. Op. cit. (под словом *chicha*).

⁹² И. Ганзелка, М. Зикмунд. Меж двух океанов. М., 1961, стр. 170—183.

Индец в пончо

Америки. Они прочно вошли в международный водный спорт. Другая индейская лодка — *пирога* (кариб.) — более вместительная, выдолбленная из целого ствола дерева или представляющая остов из реек, обтянутых корой, также не вышла из употребления. Ее название даже перенесено европейцами на сходные лодки других народов, в частности — островитян Океании.

Некоторые индейские орудия труда, сохранившие свои названия, сыграли как до прихода европейцев, так и в колониальное время большую роль в развитии земледелия Центральной и Южной Америки. Так, знаменитая мексиканская *коа* (ацтек, *coatl* — «змея»), примитивное земледельческое орудие индейцев, до сих пор встречающееся у крестьян бедняков, а также у помещиков на латифундиях помещиков, подняла за свою многострадальную историю многие тысячи гектаров суровой земли мексиканского нагорья.

Богатейшая археология выдающихся культур Центральной и Южной Америки вошла вместе с обозначениями этих культур, большей частью по создавшим их народностям, в общую сокровищницу археологической науки и всемирной истории искусств. Достаточно вспомнить культуры майя, тольтеков и ацтеков, инкскую культуру, «золотую» культуру чибча-муисков, в связи с которой в среде конкистадоров возникла знаменитая легенда об Эльдорадо, сыгравшая столь большую роль в истории конкисты, вошло в международный оборот само слово «эльдорадо». Достаточно вспомнить грандиозные архитектурные памятники Юкатана, долины Мехико, Центральной Америки, Перу и Боливии, сохранившие поныне почти в полной неприкосновенности свои собственные имена или древние названия местностей, в которых они расположены.

К ним следует присоединить целый ряд собирательных названий индейского происхождения, под которым издавна известны различные категории археологических предметов Южной и Средней Америки: знаменитые «плавающие сады» ацтеков — *чинампа* в Шочимилько (Мексика), замечательное достижение огородной культуры и садового искусства в древней Мексике, когда-то расположенные на озерных плотках, а позднее приросшие к высохшему грунту и представляющие неподвижные островки⁹³. Иногда и в настоящее время в Мексике устраиваются такие плавающие чинампы; *чульпы* (аймара) — башни в Перу и Боливии⁹⁴, возможно, связанные с обрядом погребения; *гуаки* (кечуа) — некогда различные священные места и предметы в древнем Перу, *тамбо* (кечуа — «тамбу») — инкские дорожные станции для гонцов и воинских отрядов со складами продоволь-

⁹³ С. М. Букасов. Возделываемые растения Мексики, Гватемалы и Колумбии. Л., 1930, стр. 30.

⁹⁴ Н. Veuchat. Op. cit., p. 575—578.

ствия и оружия и загонами для лам⁹⁵, а в настоящее время — их развалины и постоянные дворы в Андах, нередко на месте древних тамбо и из их камней. К области археологии относятся и бразильские кьеккенмединги («кухонные кучи» — места старых поселений), известные в народе и науке под старым индейским названием *самбаки* (т.-г.)⁹⁶.

К истории как материальной, так и духовной культуры в Перу, Боливии и Эквадоре относится старинный предмет, который в народе унаследовал название *кипу* (кечуа — «узелки») и под этим названием перешел также в этнографическую науку. Иногда его неточно называют «узелковым письмом». Он состоит из толстого «главного» шнура и свисающих с него более тонких разноцветных шнурков с различно расположенными на них и разнообразными по форме узелками. Шнурки служили рядами десятиричной системы счета, их цвета — категориями предметов (черный, цвет ночей, для отсчета времени), форма узелков — разными традиционными символами. Кипу в основном употреблялось для счета — обозначения времени (а с ним иногда и расстояний — дней пути) и количества тех или других предметов (дани и пр.) или людей. Но благодаря своей цветовой и узелковой символике, кипу могли служить и для сообщения — в числовых категориях — тех или иных событий или обстоятельств. Кипу находят и в погребениях — по древним верованиям считалось, что это орудие счета может пригодиться и душе покойника в ее

Кипу

⁹⁵ Ibid., p. 704—705.

⁹⁶ Ibid., p. 247—250.

странствиях. До сих пор похожие на кипу пшурки с узелками употребляют крестьяне и рыбаки на о. Пуна в Гуаякильском заливе (Эквадор)⁹⁷. В древнем Перу существовало и тайное (главным образом жреческое) иероглифическое письмо — килька, или *келька* (*quillca, quellca*). В Боливии и на юге Перу оно встречается и сейчас; это так называемое *андское письмо*, которое используется главным образом для католических молитв⁹⁸.

От индейцев в странах Латинской Америки заимствовали некоторые народные музыкальные инструменты вместе с их названиями, как, например, погремушка *марака́* (т.-г., кариб., аравак.) из тыквы с зернами и камешками. От индейцев восприняты и песенные и связанные с песнями хореографические жанры, например, *яравí* (аравак., кариб.), *гуарача* (аравак., кариб.) — быстрый танец и др.

Из индейских языков в испанский и португальский вошли названия различных социальных и этнических групп населения. Таким является название *гаучо* (араукап.). Это первоначально вольные скотоводы аргентинской пампы, постепенно закабаленные крупными землевладельцами и скотоводами и ставшие простыми пастухами. В Бразилии их называют гаушу. Те и другие сыграли значительную роль в народном движении Аргентины и Бразилии. Они развили красочное искусство, обогатившее народную культуру обеих стран. Метисное крестьянство Бразилии часто зовут *кабокло*, от саа-вос (т.-г.), обитатель «леса», деревенской глуши⁹⁹ на местах бывших дебрей и пустошей. Социальная верхушка, мнящая себя «чистокровно белыми», вкладывает в это слово пренебрежительный расистский оттенок, но в народе оно имеет другое значение и звучит примерно как наше «браток»; как указывает Жозе Вериссимо, оно часто означает в народе «любимый человек»¹⁰⁰.

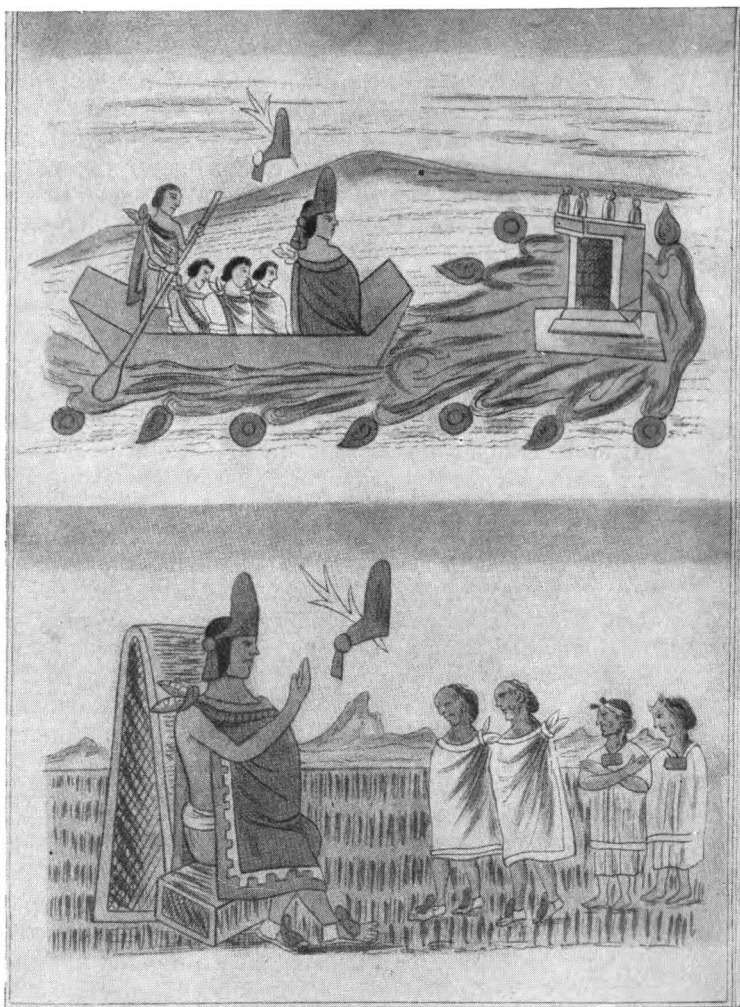
В период конкисты возникло слово *каннибалы*, искаженное испанскими завоевателями самоназвание карибов (собственно — «сильные, отважные, умные»), которое притом получило у конкистадоров значение: людоеды (откуда и более поздний термин каннибализм, людоедство). Конкистадоры застали и использовали в Вест-Индии кровавую борьбу между карибами, переселившимися с материка на острова, и араваками, которые гораздо раньше там обосновались. Карибам удалось утвердиться на некоторых островах, истребить или поработить аравакское

⁹⁷ I. G. Févriér. Op. cit., p. 20.

⁹⁸ Д. Э. Ибарра Грассо. Иероглифическая письменность индейцев Андского нагорья — «Вопросы языкознания», 1958, № 1, стр. 97—104.

⁹⁹ Th. Samraio. Op. cit. (под соотв. словом).

¹⁰⁰ Ж. Вериссимо да Коста Перейра. Амазонский кабокло. — «Люди и ландшафты Бразилии», стр. 11.

Касик (с гравюры XVI в.)

население, увести их женщин (аравакские жены карибов и их малолетние дети продолжали говорить на своих, ставших «женскими», аравакских языках, что внесло много аравакских слов и в карибские языки). Араваки жаловались испанцам на жестокость карибов, причем часто преувеличивали ее в своих рассказах. Среди араваков Гаити шла молва о людоедстве карибов. Испанские завоеватели нашли в этой молве повод и оправдание для полного истребления индейцев в Вест-Индии, будь то каробы или араваки. Они стали называть не только карибов, но и всех индейцев вообще каннибалами, людоедами,

и на этом основании истреблять их как на островах, так и на материке.

Из социально-исторических терминов индейского происхождения отметим, в частности, слово *касик* (аравак., кариб.). Завоеватели перенесли его и на соответствующие общественные институты других индейских народностей. Значение этого слова претерпело глубокие исторические изменения. Вначале касиком считался избравшийся племенем старейшина, а затем — наследственный вождь. При конкистадорах касики стали все чаще назначаться завоевателями и были превращены в их послушное орудие, так что само положение и звание касика потеряло свое прежнее значение. В дальнейшем, в колониальный период, оно еще более снизилось, обозначая просто сельских старост индейских деревень, по большей части выполнявших обязанности полицейского характера. В самой Испании касиками стали называть самовластных крупных помещиков, тиранов и самодуров, и вообще полновластных заправил; их произвол, столь характерный для феодальных отношений в Испании в прошлом и пользующийся полным покровительством со стороны нынешнего франкистского режима, выражается словом *касикизм*.

Название касик (*casique*) было перенесено испанцами на целую группу птиц тропической Америки, отличающихся стройным, «франтоватым» видом, блестящим опереньем, длинным острым, хищным клювом и сильными длиннопальцами ногами.

О таких широко распространенных терминах как *мита*, *янаконы*, *ганда*, *айлью*, взятых из языка кечуа, см. статью Ю. А. Зубрицкого «Влияние языка кечуа на лексику испанского языка стран Латинской Америки» в настоящем сборнике.

Из португальских слов индейского происхождения, отражающих историю колонизации Бразилии, интересно отметить образное слово *тапера* (т.-г.), означающее собственно «исчезнувшие деревни». Так назывались в период конкисты и в колониальное время индейские деревни, покинутые их обитателями в результате вторжения и дальнейшего наступления колонизаторов, в частности набегов отрядов захватчиков, «бандейрантов», на внутренние районы страны. В настоящее время так называют довольно многочисленные населенные пункты и отдельные хозяйства во внутренних областях Бразилии, покинутые их жителями и хозяевами (как индейцами, так и самими колонистами) в результате значительной внутренней миграции, вызывавшейся различными экономическими и другими причинами в весьма сложном процессе длительного колониального освоения этой огромной страны¹⁰¹.

¹⁰¹ Н. Вернек Содре. Тапера.— «Люди и ландшафты Бразилии», стр. 274.

Как ни богата географическими названиями индейского происхождения Северная Америка, топонимика Латинской Америки (и той весьма значительной территории, которая была в 1845—1848 гг. отторгнута Соединенными Штатами Америки от Мексики) богаче ими во много раз в силу тех же исторических причин, которые определили общее обилие индейских слов в испанской и португальской речи Америки. По тем же причинам туземная топонимика подверглась в Центральной и Южной Америке гораздо меньшим (хотя все же довольно значительным) искажениям, чем в Северной. Колонизаторы и сопровождавшие их католические миссионеры принесли с собой на ту часть западного континента, которая стала их светской и духовной вотчиной, огромный арсенал феодальных и особенно церковно-феодальных названий. Правда, много церковных и других испанских и португальских имен утвердилось за новооткрытыми островами, землями на континенте и основанными на них городами. Но они не могли все же вытеснить индейскую топонимику. К тому же без знания местных названий было трудно овладевать той или другой страной, что мы видели и в Северной Америке.

При первой же встрече конкистадоры расспрашивали местных жителей о названии края и о золоте, иногда рассчитывая в самом названии местности найти намек на Эльдorado. Индейцы далеко не всегда понимали их вопросы о названии местности или даже селения. Нередко какой-нибудь недоуменный возглас, непонятый ответ на непонятый вопрос становился в дальнейшем названием данной местности, распространявшимся даже на целую страну. Таких топонимических недоразумений (исторически, однако, вполне закономерных) было в Латинской Америке не меньше, чем в Северной.

В этом отношении очень характерно объяснение происхождения названия Юкатана, данное Лопесом Гомарой, одним из первых «хронистов» конкисты, в его «Общей истории Индии» (1552 г.). На вопрос о названии страны индейцы отвечали: «Тектетен» — «Не понимаем», а по недоразумению этот ответ был принят испанцами за название страны и превратился притом в «юкатан». Испанцы сначала назвали было этот полуостров, принятый ими за остров, по обету, данному богородице, — остров Святой Марии Поспешницы (Isla de Santa Maria de los Remedios). Однако за ним так и удержалось название «Юкатан». Диего де Ланда¹⁰² в своем «Сообщении о делах Юкатана» (1566) рассказывает о происхождении этого названия иначе: на вопрос Эрнандеса де Кордоба, первого завоевателя

¹⁰² Д. де Ланда. Сообщение о делах Юкатана. Перев. с испанского Ю. В. Кнорозова. М., 1955, стр. 100 и 236.

Юкатана, что это за страна, местные рыболовы в своем ответе часто повторяли слова «киут'ан» («так они говорят», «он говорит», «они говорят» — майяская разговорная формула), откуда и пошло: Юкатан. Ю. В. Кнорозов в своих комментариях к русскому переводу Ланды приводит и другие толкования, относящиеся к тому же времени. С. Пачеко-Крус в своем майяском топонимическом словаре, приводя целый ряд старых и новых толкований названия Юкатана, говорит, что Юкатан, по-майяски *Ууус-с'атап*, по-видимому, искаженное под испанским влиянием, но все же исконное, майяское название страны *Jusalpeten*, встречающееся неоднократно в чумайельском варианте древней майяской книги «Чилам-Балам»¹⁰³. Но каково бы ни было действительное происхождение названия Юкатана, старые версии Гомары и Ланды ярко свидетельствуют о том, как конкистадоры допытывались, но не понимали индейских названий и принимали часто за них любой ответ и любой возглас.

Немало недоразумений происходило и в Латинской Америке с названиями ее индейских народностей, но всегда правильно понимавшимися первооткрывателями, путешественниками, конкистадорами, колонизаторами и миссионерами.

Миссионеры нередко и заведомо их искажали или придавали им другой смысл в интересах церковной политики. В Бразилии иезуиты старались связать название народности *тупи*, которую они избрали вначале основным объектом, базой и орудием своей миссионерской деятельности в этой стране, со словом «тупа» (т.-г. «высокий», «предок», «отец»), придав ему новый, церковный смысл: «всевышний», «бог» (разумеется, христианский) и таким образом пытались внушить этой народности мессианскую мысль богоизбранничества, идею о том, что они якобы являются «божьим народом» среди индейцев этой огромной страны. Духовные отцы резко противопоставляли им *тапуйя* (у самих тупи — собственно общее обозначение всех иноязычных племен внутренних областей страны), труднее поддававшихся «обращению», произвольно толкуя данное им индейцами тупи название как «варвары», «язычники» и пользуясь им как жупелом для натравливания на тапуйя обращавшихся в христианство тупи.

Весьма возможно, что название «кечуа» и «аймара» были перетолкованы в миссионерских целях доминиканцами и иезуитами. По мнению Маркхема¹⁰⁴, основанному на исторических документах, «кечуа» и «аймара» в инкское время назывались небольшие племена (группы айлью) в долине р. Пачачаки,

¹⁰³ S. Pacheco-Cruz. Diccionario de etimologías toponímicas mayas. Chetumal, México, 1953, p. 254—256.

¹⁰⁴ Cl. Markham. Vocabularies of the general language of the Incas of Peru. London, 1907, p. 8—10; егo же. The Incas of Peru. London, 1910, appendix B (p. 311—317): Note on the names quichua and ayмара.

в Центральном Перу (за одной местностью в ней так и сохранилось название Аймакас). И те и другие входили в господствовавшую в Перу народность и говорили на диалектах ее общего языка. Эта господствовавшая народность называла свой язык *gupa-sinu*, собственно, «язык людей». Возможно, что индейцы этой народности сами называли себя, подобно многим другим историческим народам в Америке и в других частях света просто «людьми» (этнонимические понятия в первобытных и раннеклассовых обществах еще только складывались). Когда после завоевания Перу миссионеры-доминиканцы составили для себя грамматику основного перуанского языка (*gupa-sinu*), они называли его языком кичуа (кечуа). Впоследствии иезуиты перенесли это название и на основную перуанскую народность, обращенную в христианство. Кичуа (кечуа) для них были прежде всего «обращенные» перуанские «люди».

Что касается нынешних *аймара*, то, как указывает Маркхэм, они сами себя называют *колья*, а не аймара. Это последнее название пришло к ним извне. Произошло это так. Инка Тупак-Юпанки вывел колонию упомянутых выше аймара из долины Пачачаки на озеро Титикака, где аймарские поселенцы постепенно восприняли язык местного иноязычного населения из народности *колья* и отчасти ассимилировались с ними, передав ему в свою очередь и многие слова из *gupa-sinu*. Когда в колониальное время и в этих местах утвердились иезуиты, они сделали своей базой именно этих, еще, вероятно, двуязычных аймара. У них они научились языку *колья*, и сам язык *колья* стали называть в своих грамматиках «языком аймара». В дальнейшем само название аймара было перенесено на постепенно обращенное в христианство население *колья*.

Местные географические названия (как их воспринимали испанцы и португальцы) по большей части сохранились, а «крестные имена» при этом отпали или в некоторых случаях стали сочетаться с индейскими. Колумб назвал первый открытый им остров (на Багамах) Сан Сальвадором (Святой Спаситель), но он вошел в историю открытия Америки со своим туземным именем Гуанахани (если только сам Колумб его правильно воспринял). Правда, невозможно с точностью установить, который именно из Багамских островов был прежде всего открыт Колумбом. Остров Куба получил от Колумба название Хуаны по имени кастильской инфанты, впоследствии — злополучной королевы Хуаны Безумной, и позднее — название Фердинанды, по имени короля Фердинанда Арагонского, ее отца. Однако за островом так и осталось индейское название Куба по местному селению. Колумб назвал открытый им остров Гаити Эспаньолой, но за ним так и осталось его аравакское название Гаити («Суровая земля» в смысле «Страна круч»). Ямайку

Колумб окрестил освященным в борьбе испанцев с маврами именем Сантьяго, но его индейское название Ямайка (собственно — Джаймака) — «Остров Родников» — оказалось более живучим. За американским «средиземноморьем» утвердилось название Карибского моря и страны всего этого обширного бассейна объединяются общим географическим названием карибских стран, а великая горная цепь Южной Америки, Анды, обязана своим названием древнему кечуанскому слову «анти», восток, — обозначавшему прежде всего горы к востоку от Куско, столицы инков. По другому толкованию, их название происходит от кечуанского же Антисуйю, Медного края ¹⁰⁵.

Добрая половина стран Латинской Америки носит индейские названия: Мексика, Гватемала, Никарагуа, Панама, Куба, Гаити, Перу, Чили, Парагвай, Уругвай. К ним следует присоединить и обширную страну Гвиану, часть которой входит в пределы Венесуэлы и Бразилии, а другая — колониальная — поделена между Англией, Голландией и Францией. Название Гвианы — и от него — ее французской части, Кайенны, происходит от имени некогда жившего к северу от р. Амазонки значительного карибского племени уайана.

Мексика, которая с частью Центральной Америки составляла в свое время колониальное вице-королевство Новой Испании, сохранила за собой историческое название Мексики, как и город *Мехико*, построенный на развалинах Теночтитлана, столицы ацтеков. От Мексики пошло и название Мексиканского залива и Мексиканского нагорья, наиболее высокую часть которого составляет Анагуак (тоже — древнемексиканское название), как в старину называлась зачастую и вся Мексика, и обширного исторического края Новой Мексики и, наконец, нынешнего штата Нью-Мексико в США. В самой Мексике ¹⁰⁶ преобладают ацтекские и — на Юкатане — майяские географические названия. Ацтекские имена носят, в частности, г. Чиуауа, Тампико, Оахака, Мичоакан, перешеек Техуантепек («Ягуаровая гора») и от него — Техуантепекский залив Тихого океана.

Сохраняют индейские названия (из различных языков лингвистической семьи нахуа, к которой относится и ацтекский) и многочисленные действующие и потухшие вулканы в Мексике: *Попокатепетль* («Курающаяся гора»), *Орисаба* и другие. Интересно происхождение названия Орисабы. Это искаженное до неузнаваемости ацтекское наименование местности, прилегающей к знаменитому вулкану, — *Ahuilizaran* — «оросительные каналы», которыми она изобиловала. Как известно, ацтеки широко применяли искусственное орошение, особенно в горных мест-

¹⁰⁵ W. Sturmfels. Op. cit. (под соотв. словом).

¹⁰⁶ A. Peñafiel. Nombres geográficos de México. México, 1885.

ностях. Завоеватели в целях порабощения населения прежде всего привели в полное расстройство и запустение ирригационную систему края. Первоначальное значение слова Орисаба было забыто, и так стали именовать вулкан, для которого у ацтеков было совсем другое имя — Ситлалтенетль, «Звездная гора» (гора, достигающая звезд). Последнее название сохраняется в народе и сейчас.

На Юкатане господствуют майяские названия, начиная с самого названия этого полуострова (см. выше): штат и город Кампече, откуда — Кампеческий залив и кампешевое (точнее, кампечевое) дерево, города Чутумаль, Чумайель, древняя Чичен-Итца, Майяпан и другие, отражающие древнюю культуру майя.

Уж на что испанским является, казалось бы, название пограничной реки Мексики и США — Рио Гранде дель Норте (т. е. Великая река Севера), а оно лишь воспроизводит и уточняет ее древнее индейское название на языке тева (из индейцев пуэбло) — П'осахе, «Великая река».

Топонимика Гватемалы также хранит много майяских (из языков киче и др.) и нахуаских слов. Неясно, какой из этих языков дал название этой стране и ее столице и что оно означает. Гватемальский ученый Арриола склоняется к его майяскому происхождению — У-хата-з-мал-ха («Гора, выступающая из вод») ¹⁰⁷ по высокогорной местности близ Тихого океана. В примечаниях к русскому переводу книги гватемальских индейцев киче «Пополь-Вух» приводится другое мнение, будто Гватемала происходит от ацтекского *Guauhtemallan*, в свою очередь являющегося переводом майяского *quichelah* — «лес», т. е. «страна, покрытая лесами» ¹⁰⁸.

То же обилие индейских географических названий мы наблюдаем и в других странах Центральной Америки. Правда, Гондурас, Сальвадор и Коста-Рика носят испанские имена, но столица Гондураса Тегусигальпа сохраняет старое индейское название. *Никарагуа*, с одноименным озером и перешейком, ведет свое название от нахуаской народности никарао; нахуаским является и название ее столицы, Манагуа. Москитовый берег в Никарагуа (на Карибском море) назван так не по москитам, одолевающим местное население, а по индейцам мискито (из языковой группы чибча), которых называют также москито.

Панама означает на одном из местных наречий чибча место в Панамском заливе Тихого океана, где водилось когда-то «много рыбы». На месте индейской рыбалки и расположена Панама, столица государства.

¹⁰⁷ J. L. Arriola. Pequeño diccionario de voces guatemaltecas. Guatemala, 1941 (под словом *Guatemala*).

¹⁰⁸ «Пополь-Вух», прим., стр. 196.

Топонимика Колумбии хранит следы древней культуры чибча, кечуанской колонизации из Перу и вторжения карибов. Кечуанская топонимика преобладает на юге, иногда совпадая с названиями в самом Перу. Столица Колумбии Богота по одним сведениям называется так в честь индейского правителя времени конкисты — Бакатá, или по названию одного из местных племен. Частица «та» на языке чибча означает «обработанное поле». Кесада, разрушивший город и основавший на его пепелище новый, дал городу имя Санта Фэ де Богота. Однако благодарственное добавление к старому индейскому названию со временем отпало. Крупнейшая из рек Колумбии носит имя Магдалены, но почти все остальные реки, и в их числе крупнейший приток Магдалены — Каука, сохраняют индейские, в основном чибчаские названия, на юге — кечуанские¹⁰⁹.

В Эквадоре, территория которого большей частью входила в непосредственную сферу господства инков и инкской культуры и где образовалось отдельное инкское государство со столицей в Кито, повсюду встречаются города и другие населенные пункты, получившие свои названия от древних кечуа или от местных индейских племен, покоренных инками и частично воспринявших культуру кечуа.

Так, столица нынешнего Эквадора Кито означает на языке кечуа «голубь», *quitu*; возможно, что он был символическим знаком города и всей страны в инкское время. Другие относят его название к бывшему местному племени *киту*, обитавшему здесь еще в X в., задолго до инкского завоевания, а голубь мог быть его тотемом. И. Ганзелка и М. Зикмунд, посетившие Кито, приводят, однако, третье — чрезвычайно интересное — толкование названия Кито, указывающее на историческую связь его с нынешним латино-испанским названием страны — Эквадор, т. е. «экватор» (страна расположена на экваторе), и древним названием ее столицы, края и племени, его населявшего. Оказывается, что на языке самих киту слово «киту» означало «две половины»¹¹⁰. Киту, весьма возможно, подметили, что сутки (в их стране, расположенной на экваторе) делятся на две равные половины — день и ночь, т. е. образуют постоянное равноденствие, которым и характеризуется смена дня и ночи на экваторе. Так, возможно, индейское название Кито (Киту) предвосхитило название страны Эквадор и сохранилось за его столицей. Франсиско Писарро, взявший Кито в 1533 г., переименовал его было по своему «святому» патрону в Сан-Франсиско дель Кито, однако, как и в случае со столицей Колумбии Боготá, он остался просто Кито. Сохранили свои индейские названия

¹⁰⁹ L. Tason. Quechuismos usados en Colombia. Bogotá, 1934, p. 4.

¹¹⁰ И. Ганзелка, М. Зикмунд. К охотникам за черепамя, стр. 79.

и эквадорские вулканы: потухший Чимборасо (возможно, кечуанизированное более древнее местное название) и величайший из действующих вулканов на земле Котопахи («Сверкающая громадина»).

Перу — некогда основная часть государства инков — насыщено кечуанскими и в меньшей степени аймарскими названиями. Инки называли свое государство — по его обширности — «Четырьмя сторонами» (т. е. странами света) — Тауантинсуйо, по ним они и делили его. Но само название Перу дано стране испанцами отчасти даже по недоразумению, каких было много, как мы уже указывали, в топонимике конквисты. Франсиско Писарро узнал от одного испанца, жившего некоторое время где-то на побережье этой страны, о богатейшей империи Биру (Пиру, Перу), расположенной на высоких горах. По-видимому, рассказчик имел в виду государство инков. Биру, по мнению одних, было лишь одной из высокогорных долин в перуанских Андах, по мнению других, — небольшой частью побережья на юге Колумбии. По некоторым смутным данным довольно позднего происхождения, в самом Перу существовало предание о легендарной династии *Пируа* (откуда иногда в литературе встречается условное название доинкской культуры в Перу — культуре пируа). Во всяком случае для Писарро, искавшего золото, Перу стало лозунгом и именем неведомой золотоносной страны, которую нужно во что бы то ни стало найти и завоевать.

Куско («пуп» — в смысле «центр»), бывшая столица государства инков, которую испанцы переименовали было в Новый Толедо, так и осталось Куско. Однако Писарро предпочел ему основанный им в 1535 г. город в непосредственной близости от Тихого океана. Он назвал его Сиудад де лос Рейес. Тем не менее город получил свое настоящее имя Лима по искаженному названию местной реки Римак. Некогда священное озеро Титикака, на границе Перу с Боливией, сохраняет свое древнее, по-видимому, аймарское название.

Территория Боливии, названной так по одному из вождей национально-освободительного движения в Южной Америке Симону Боливару, также входила в свое время в государство инков. И в настоящее время подавляющее большинство ее населения составляют индейцы, главным образом — аймара и кечуа. Наиболее значительная часть народности аймара живет в Боливии. Топонимика страны заимствована преимущественно из этих языков и восходит к глубокой древности.

Со знаменитым городом *Погоси* в Боливии — мировым центром добычи серебра во второй половине XVI и начала XVII в. — связано очень интересное топонимическое предание, записанное в начале XVII в. Гарсиласо де ла Вега эль Инка. Тайна Серебряной горы была, как он указывает, давно известна

инкам. Инка Уайна-Капак снарядил к ней большую партию рудокопов. Однако, когда они подошли к горе, внезапно из расщелины раздался предостерегающий громовой голос: «Остановитесь, люди! — бог хранит сокровища горы для тех, кто придет позднее». Отсюда — аймарское название горы и впоследствии основанного города — Потоси (аймар. — «воплъ», «тревога», «предостерегающий голос»). Испанцы, привлеченные смутной молвой о Серебряной горе, долго, но тщетно искали здесь серебро и уже были готовы оставить бесплодные поиски, как вдруг один старый пастух-индеец в надежде получить большое вознаграждение от своего испанского хозяина выдал ему сокровенную тайну о якобы случайно обнаруженном им серебре. Вскоре на этом месте вырос огромный город.

В настоящее время Потоси, серебряные запасы которого давно исчерпаны, один из важных центров добычи олова.

Топонимика Чили в значительной мере отражает упорное сопротивление арауканов, ее основного индейского населения, колонизации страны. На севере Чили дает себя чувствовать влияние кечуа: государство инков распространяло свою власть и на эту область. Какому из индейских языков обязано Чили своим названием, не установлено. По распространенному (но оспариваемому) толкованию, название Чили происходит от кечуа. Кечуа могли называть эту страну по ее высокогорным пунам «Холодной, или Снежной страной» (*chili* на языке кечуа — «снег», «холод»).

В Аргентине, носящей по реке Лаплата (испанское — *la plata* — «серебро») свое латинское имя — «Серебряная», индейского населения осталось сравнительно немного, но ему принадлежит все же немало географических названий в стране. Высочайшая вершина Анд, Аконкагуа на границе с Чили, носит кечуанское название. Влияние кечуа захватывало северо-западный угол Аргентины. Им же обязаны своим названием города Тукуман и Катамарка в предгорьях Анд. Из языка кечуа происходит и название *пампы*.

Весьма любопытно происхождение названия Патагонии, связанное не с каким-нибудь индейским языком, а с некоторыми этническими особенностями местных индейцев. Магеллан, увидав в бухте Сан-Хулиан (на юге Аргентины, близ нынешнего Магелланова пролива) рослых людей в грубой, сыромятной обуви, назвал их патагонами (по-испански — *patagos*, *patagones* — лапищи). Ноги индейцев в этой обуви из снятой с гуанако кожи с мехом выглядели в глазах испанцев настоящими звериными лапами.

Интересно также происхождение названия Огненной Земли, разделенной между Аргентиной и Чили. Открывший ее в 1520 г. Магеллан назвал ее Землей Дымов — по многочисленным кост-

рам, которые он видел на берегу днем и ночью, когда следовал проливом, получившим впоследствии его имя. Это индейцы, жившие в условиях сурового климата, обогревались кострами и готовили на них пищу. Но испанский король Карл I (император Карл V) приказал переименовать эти острова в более импортировавшую его честолюбивую Землю Огня (Tierra del Fuego), сострив, что «не бывает дыма без огня». Этот топонимический анекдотика, вызванной великими географическими открытиями. Но так или иначе, название Огненной земли, как и Патагонии, связано с индейским населением и его бытом, как его воспринимали первые появившиеся здесь европейцы.

Уругвай — одна из наиболее «белых», по расовому соотношению, стран Латинской Америки. Но и здесь истребленное индейское население — чарруа и другие — оставило по себе память. Само название страны, связанное с одноименной рекой, принадлежит языку гуарани: Uru-qua-u, «река уру»; уру — это общее гуаранийское название различных диких видов птиц из отряда куриных.

На территории Парагвая — густая сеть гуаранийских названий. Сама река Парагвай, от которой страна заимствовала свое имя, носит гуаранийское название, означающее «Река Попугаев» (по их многочисленным гнездовьям).

Много индейских географических названий и в Венесуэле. Охеда, первым из испанцев открывший залив и лагуну Маракайбо, увидел здесь свайный поселок, и назвал эту местность «Маленькой Венецией» — Венесуэлой. Впоследствии это название распространилось на всю обширную страну. Таким образом, и «венецианское» название Венесуэлы имеет в действительности прямое отношение к истории быта ее исконного индейского населения.

Диего де Лосада после долголетней и истребительной войны с карибским племенем карака, вождем которых был стойкий и отважный Гуайкаймаро, основал в 1567 г. город, который получил тройное название Сантьяго де Леон де Каракас¹¹¹. Это громоздкое название в торжественных случаях сохраняется и до сих пор за столицей Венесуэлы, но в повседневный обиход, даже официальный, вошло лишь индейское Каракас (с испанским окончанием множественного числа). Название лагуны, залива и города Маракайбо, ныне — центра значительной нефтяной промышленности Венесуэлы, находящейся в руках американского капитала, было дано в колониальное время по имени местного могущественного касика Мара (Мара-кайбо — «земля Мары»),

¹¹¹ P. P. Barnola. ¿Porque Caracas se llama Santiago de Leon de Caracas? Caracas, 1958.

между тем как старое индейское название этой лагуны было Кокивакоа (просто «лагуна»).

Ориноко (кариб.) названа по ее низовьям или одному из рукавов ее дельты — Iripioso, которое испанцы приняли за название реки в целом и превратили в Ориноко. Выдающийся венесуэльский ученый Лисандро Альварадо¹¹² дает целый список географических названий индейского происхождения в Венесуэле, преимущественно карибских и аравакских, в особом топонимическом приложении к своему «Глоссарию туземных слов Венесуэлы».

Бразилия — самая большая из стран Латинской Америки; по площади она занимает почти ее половину. Вместе с тем она единственная страна португальского языка в Америке. В ней также множество индейских географических названий.

В названии самой страны — Бразилия (Brasil) причудливым образом сочетались отголоски легендарных средневековых представлений о таинственном острове Бразил где-то в Атлантическом океане и весьма реальные ценности, которые португальские кушцы-мореходы стали извлекать при помощи индейцев из хищнической рубки на побережье новооткрытой земли и вывоза в Европу найденного ими pau brasil («пашу бразил») — *Caesalpinia echinata*, бразильского «огненно-красного» дерева (португал. brasil — «огненно-красный», от brasa «жар», «горящие угли»). Названию, которое дали ему португальцы, соответствовало на языке тупи или, точнее, на лингуа жерал, «ибирапитанга» (ibirapitanga) — «красное дерево». Известный бразильский историк К. Прадо так прямо и заявляет, что собственно «от этой древесины... произошло и само название страны»¹¹³. «Но, — замечает Прадо, — в течение нескольких десятилетий были вырублены лучшие прибрежные рощи, где росло драгоценное дерево». Любопытно также, что иезуитские миссионеры в Бразилии пытались заменить казавшееся им языческим слово «индейцы» словом brasis, «бразилы», «брази» — по цвету кожи индейцев, который они также ассоциировали с brasil «огненно-красным» цветом ценной древесины¹¹⁴, но эта попытка, как известно, не имела успеха¹¹⁵. В настоящее время название Brasilia (в отличие от названия страны — Brasil) присвоено основанной в 1960 г. новой — вместо Рио де Жанейро — столице Бразилии, расположенной на территории штата Гояс, внутри страны.

Бандейранты, захватчики внутренних районов страны, сами распространяли в них названия на лингуа жерал, в основу ко-

¹¹² L. Alvarado. Op. cit., p. 367—402.

¹¹³ К. Прадо Жунior. Экономическая история Бразилии. М., 1949, стр. 49.

¹¹⁴ Th. Sampaio. Op. cit.

¹¹⁵ J. I. Egli. Nomina geographica. Leipzig, 1893 (под словом *Brasil*).

торой, как мы уже указывали, лег язык тупи. Но наряду с ними во внутренних областях страны много названий из разных местных языков, а на юге — гуаранийских. Так, Парана на гуарани означает «мореподобную» реку. Того же тупи-гуаранийского происхождения названия реки, порта и штата Пара, двух рек, города и штата Параиба, г. Ресифе и штата Пернамбуко (откуда и фернамбук, другое название бразильского красного дерева). Название бухты Гуанабара, в которой расположен Рио де Жанейро (ее первооткрыватели приняли бухту за реку, «рио») — не что иное, как измененное в устах португальцев Гуана-пара («мореподобный залив» на тупи). Того же происхождения и название города Нитерой («Укрытый залив», *Inheteró*), расположенного также в бухте Гуанабара, напротив Рио де Жанейро.

Загадочно происхождение названия Амазонки, собственно — Реки Амазонки (*Amazonas*), на местном амазонском ньеэнгату — Парана-асу, «Великая река». По рассказу священника Карвахала, участвовавшего в плавании испанца Орельяны по «реке Амазонк» в 1541 г., оно якобы произошло от того, что они натолкнулись на прибрежную деревню, населенную одними лишь женщинами-воительницами, которые осыпали бригантину стрелами. Однако, по общепринятому мнению, рассказ Карвахала о встрече Орельяны с «амазонками» является выдумкой. Некоторые полагают, что название «Амазонка» или «река Амазонк» в применении к великой и бурной реке — не что иное, как книжное переосмысление карибского слова «амассуну», собственно — «грохот воды», одного из местных названий пороки (т.-г.), отвесного вала, часто мчащегося в половодье высокой стеной — вследствие морского прилива — от самого устья мощной реки на громадное расстояние вверх против течения и обрушивающегося с грохотом на ее берега.

Очень большой этимологический материал на основе лексики тупи (точнее, лингва жерал), весьма важный для уяснения характера и происхождения топонимики Бразилии, собран в уже упомянутой нами старой работе «Тупи в национальной географии» бразильского ученого Теодоро Сампайо, переизданной в 1955 г. с ценными комментариями и коррективами профессора Фредерико Эделвейсса.

Внимание ученых и литераторов давно привлекал общий вопрос о происхождении названия Америки. Стефан Цвейг написал даже блестящий очерк «Америго, повесть об одной исторической ошибке»¹¹⁶. В сущности, этот вопрос давно и безоговорочно решен самой историей, которая общеизвестна:

¹¹⁶ St. Zweig. Amerigo. Die Geschichte eines historischen Irrtums. Stockholm, 1944. Есть русский перевод: Ст. Цвейг. Америго. Повесть об одной исторической ошибке. М., 1960.

Колумб, избравший впервые западный путь в Индию, считал, что открытая им земля¹¹⁷ — не что иное, как дальневосточная окраина Индии. И он, и непосредственно следовавшие за ним мореплаватели называли открывавшиеся им острова и берега материка «Индиями». Это их название сохранилось в названии Вест-Индия. За жителями западного континента со времен Колумба утвердилось название индейцев — *indios* — собственно «индийцы» (в современном русском языке различают слова «индейцы» и «индийцы», но Пушкин в своем очерке «Джон Теннер» еще писал «индийцы» в смысле индейцев, а индийцев в своих стихах называл индейцами (см. в «Отрывках из путешествия Онегина»: «Сюда жемчуг привез индеец»).

Лотарингский космограф Вальдземюллер предложил в 1507 г. новооткрытые земли, в основном представлявшие ему в смутных очертаниях одних лишь берегов Северной Бразилии (тогда еще притом мыслившейся островом), назвать Америкой — по описанию плаваний Америго Веспуччи, произведшему еще большее впечатление на умы, чем само открытие Колумба. А в 1538 г. фламандский картограф Герард Меркатор, пользовавшийся непререкаемым авторитетом, называет на своей карте мира Америкой уже весь западный континент. А Гумбольдт впоследствии указывал: имя великого континента, общепризнанное и освященное употреблением в течение веков, представляет собой верх человеческой несправедливости. Вместе с тем он реабилитирует память самого Америго, невольного виновника этой исторической «несправедливости».

Однако в XIX в. некоторые ученые, особенно из тех, кто испытал романтические влияния, пытались — если уж с укоренившимся названием Америки ничего нельзя было поделать — доказать, что это название Нового Света, столь несправедливо обходящее Колумба, все же происходит не от имени второстепенного деятеля эпохи великих географических открытий, а заимствовано из самой индейской топонимики западного континента. С этой целью стали прежде всего приводить в свидетели конкистадора Хулиа Гонсалеса де Авила, завоевателя Никарагуа. В сообщениях о его «ратных подвигах» обнаружили, что он в 1522 г., т. е. в то время, когда еще только складывалось название «Америка», натолкнулся в Никарагуа на горную ме-

¹¹⁷ Когда мы говорим об «открытии Америки», мы не можем вырвать ее из ограниченного круга представлений, являющихся пережитками европоцентризма. В действительности ее «открытие» принадлежит не Колумбу и не скандинавским викингам, а самим индейцам, ее коренным и исконным жителям. Это их предки, переселенцы из Азии, пришли в нее 20—30 тыс. лет тому назад. Открытие, заселение и освоение Америки индейцами, точнее предками индейцев, — одно из наиболее грандиозных событий в истории человечества.

тность, которую индейцы якобы называли «Amerique». Слово это стали выводить, по сомнительным данным, из несохранившегося языка тольтеков: *meric* — «гора», «горы» *ique* — «большой», а в целом *Amerique* — якобы должно означать по-тольтекски — «большие (высокие) горы»¹¹⁸. Таким образом, доказывалось, что название «Америка» принадлежит самим индейцам, и никому иному, как тольтекам, знаменитому «народу-строителю».

В 1880 г. Ж. Маркон на тех же основаниях выдвинул в Парижском географическом обществе мысль, что Новый Свет называется Америкой по цепи холмов, отделяющих Москитовый берег от озера Никарагуа и носящих или по крайней мере носивших в прежние времена название *Americ* майяского происхождения.

В связи с этим высказывался даже парадоксальный домысел, что, дескать, не Америка называется по Америго, а скорее, Америго — по Америке! Действительно, Веспуччи, судя по более ранним документам, носил крестное имя не Америго (Америго), а Альберико (Альберико) и лишь позднее, уже после своего путешествия, стал именовать себя Америго (Америго) — тоже старинным итальянским и испанским именем (древнегерманского происхождения), которое ему, быть может, более нравилось и к тому же входило, по-видимому, в моду. Так вот стали доказывать, что он переименовал свое имя неспроста, а в ознаменование своего посещения Москитового берега, где он якобы нашел созвучное с итальянским Америго (и испанским Америго) местное географическое название¹¹⁹ и, может быть, в благодарность своему ангелу-хранителю за благополучное возвращение из этих малогостеприимных мест.

Но еще задолго до этой версии известный французский американист Брассер де Бурбур в своем сообщении из Юкатана в 1864 г. сделал попытку вывести название Америки из искусственного сложения вместе майяских слов: *am* «вода» и *cani* «люди», «народ». А в 1883 г. американский ученый Дж. Х. Ламберт заявил, что нашел объяснение названия Америки в древнеперуанских преданиях¹²⁰.

Разумеется, ни тольтеки, ни майя, ни инки, ни другие носители индейских высоких культур или иные индейские народы не имеют в действительности никакого отношения к названию Америки. Его происхождение удостоверено непреложными фактами. К тому же по одному лишь сходству слов, особенно путем произвольных манипуляций с ними, нельзя устанавливать

¹¹⁸ W. Sturmfels. Op. cit. (под словом *Amerika*).

¹¹⁹ R. Kleinpaul. *Länder und Völkernamen*. Leipzig, 1910, S. 38—39.

¹²⁰ J. I. Egli. Op. cit. (под словом *America*).

их взаимной связи. Так, Энгельс вскользь отметил, но с ссылкой на Г. Кунова, как раз в отношении Америки, — поразительный случай простого совпадения слов из весьма далеких друг от друга языков (кечуа и германских), даже при известной близости обозначаемых ими общественных явлений. «В Перу, — говорит он, — ко времени его завоевания существовало нечто вроде маркового строя (причем удивительно, что эта марка тоже называлась *marca*)»¹²¹. Впрочем, это испанская передача кечуанского слова *Mallca*, вошедшая во многие географические названия (Кахамарка в Перу, Катамарка в Аргентине, Кундинамарка в Колумбии и др.).

Языки отдельных крупных индейских народов сыграли довольно значительную роль в самом складывании подавляющего большинства испано-американских и бразильской наций. Влияние отдельных туземных языков сказалось в специфических особенностях испанской речи в некоторых латиноамериканских странах и в португальской речи бразильцев.

Вместе с тем имеются общие черты, по которым легко отличить речь любого испано-американца от речи испанца, что позволяет говорить об испано-американской речи вообще, как говорят о речи бразило-португальской, в отличие от португальской в Португалии. Эта испано-американская речь обязана характерными для нее общими чертами всего больше влиянию индейских языков, каковы бы ни были различия между отдельными индейскими языками, принадлежащими к различным лингвистическим группам. В оживленном языковом общении латиноамериканских наций между собой с особой силой проявляется многообразие и изумительное богатство всей совокупности местных индейских влияний, особенно в лексике. Можно даже заметить некоторую общность индейских влияний на испано-американскую и бразило-португальскую речь.

Топонимика Латинской Америки, как и североамериканская, чрезвычайно насыщена индейскими названиями. Но земной шар невелик, и география Латинской Америки (как и Северной Америки), громадная по своему пространственному охвату, представляет одну из крупнейших частей всемирной географии. Точно так же названия растительного и животного мира Латинской Америки, в значительной части индейские, не являются одной лишь фито- и зоонимикой Южной и Центральной Америки, ибо эти растения и животные, принадлежат ей, принадлежат тем самым и всей нашей планете в целом; многие из них к тому же давно акклиматизированы и в других странах мира.

¹²¹ Ф. Энгельс. Указ. соч., стр. 63.

Индейцы Южной и Средней Америки создали великие земледельческие культуры, обогатив ими человечество и внося вместе с ними во всемирный языковой обиход, бытовой и научный, немало новых названий. Они познакомили человечество со многими важными лекарственными растениями, которые сохранили свои индейские названия в мировой медицине и фармакологии, со многими химическими веществами большой технической ценности, с обилием полезных бытовых предметов, из которых многие также сохранили свои индейские имена.

Индейцы Южной и Центральной Америки создали ряд высоких культур, дальнейшее самостоятельное развитие которых было пресечено европейскими завоевателями, варварски разрушившими эти культуры. Но многое из того, что от них осталось, является историческим достоянием всего человечества, вошло в общую сокровищницу его материальной и духовной культуры вместе с лексическим богатством, почерпнутым из индейских языков.

Латиноамериканский фольклор неотделим от индейского фольклора. Индейский фольклор вошел в мировую фольклорную сокровищницу.

Латиноамериканская литература тесно связана с местной индейской тематикой, занимающей в ней весьма значительное место, индейскими образами, характерами и персонажами, яркой и выпуклой индейской лексикой как прямого, так и переносного, образного значения. Этому способствовала в большей степени общественная активность самих индейских народов, в свою очередь вызвавшая интерес к индейской истории, языку, быту, фольклору, искусству.

Этот интерес был характерен для латиноамериканского прогрессивного романтизма, но последний обращался больше к прошлому и зачастую прибегал к его идеализации. Обращение к индейской тематике, к быту, положению и запросам индейцев стало одной из важных сторон реалистического искусства и литературы в Латинской Америке. Романтики и тем более реалисты использовали неисчерпаемые сокровища индейской лексики. Многие из произведений латиноамериканских писателей, касающихся индейской темы и уделяющих большое внимание живой индейской речи, индейской лексике, вошли в мировую литературу.

Индейская лексика Южной и Центральной Америки стала проникать ещё в произведения классиков Испании и Португалии. Слова индейского происхождения можно обнаружить еще у Лопе де Вега и у Сервантеса. Индейские образы встречаются и у англичанина Шекспира¹²² в его «Буре», где Калибан взыва-

¹²² W. Sh a k e s p e a r. The Tempest. Act. I, sc. 2, act. V, sc. 1.

ет к своему божеству Сетebосу (заимствование из описания путешествия Магеллана, сделанного итальянцем Пигафеттой¹²³ и переведенного на английский язык ещё в 1577 г. Ригардом Иденом)¹²⁴.

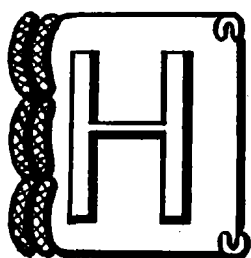
Кое-что сохранилось и от древних индейских литератур, хотя и в более поздних версиях колониального времени. Творчество на языках нахуа, майя, кечуа, аймара, гуарани никогда не иссякало, а в настоящее время, с развитием национального самосознания, заметно получает литературное оформление и развитие в новой исторической обстановке, внося и свой вклад в сокровищницу мировой литературы.

Культурный вклад индейских народов Центральной и Южной Америки и их языков очень велик и многообразен, но до сих пор недостаточно оценен и изучен. В то же время резкий контраст с ним составляет положение индейских масс даже в тех странах Латинской Америки, где они весьма значительны. Большинство индейцы находятся на самых низших ступенях социальной лестницы. Однако в индейских массах Латинской Америки крепнет воля к сплочению своих сил, все более растет сопротивление национальному и классовому угнетению. Их движение все более смыкается с общереволюционным движением трудящихся масс Латинской Америки в борьбе против империализма, колониализма, против гнета помещиков, против расизма.

¹²³ А. Пигафетта. Путешествие Магеллана. М., 1950, стр. 54.

¹²⁴ Al. Schmidt.— Shakespeare — Lexicon, revised and enlarged by Gr. Sarrazin. Berlin — Leipzig, 1923, vol. II and suppl. (под словом *Setebos*).

ВЛИЯНИЕ ЯЗЫКА КЕЧУА НА ЛЕКСИКУ ИСПАНСКОГО ЯЗЫКА СТРАН АНДСКОГО НАГОРЬЯ

а территории Андского нагорья уже много столетий назад, начиная приблизительно с VIII в. н. э., зарождаются очаги местных цивилизаций, достигавших высокого уровня развития. К моменту появления здесь испанцев обширные районы современных государств Перу, Боливии, Эквадора, а также некоторые северные районы Чили и Аргентины входили в состав «империи» инков, самого значительного государственного образования того времени на американском континенте. Официальным и наиболее распространенным языком в Тауантинсуйо (т. е. «империи» инков) был язык кечуа. После упорного сопротивления, оказываемого местным населением испанским завоевателям в течение нескольких десятилетий, инкское государство пало. Испанское завоевание сопровождалось беспощадным разрушением индейской культуры, насильственным насаждением испанских общественных институтов, католической религии, испанского языка.

Во время почти трехсотлетнего господства испанцев в странах Андского нагорья протекали сложные процессы взаимовлияния различных этнических групп населения, их культуры, их языка. Появился многочисленный слой метисов, имеющий свои специфические черты в каждой стране. Таким образом, к моменту ликвидации испанского господства в первой четверти прошлого века население Андских стран состояло из трех основных групп: креолов, метисов и индейцев. После провозглашения независимости Перу, Боливии, Эквадора, Аргентины и Чили в них начинается сначала медленный, а затем все более ускоряющийся процесс национальной консолидации. Однако в силу ряда социально-экономических причин он затрагивает главным

образом креольское и метисное население. Индейцы, если они не подвергались интенсивной ассимиляции складывающимися нациями, оставались вне этого процесса. Лишь примерно с начала нашего века индейцы кечуа вступили на путь национальной консолидации, которая протекает у них в замедленной и мучительной форме.

Издавна инки, а затем их этнические преемники кечуа, оказывали и продолжают оказывать всестороннее воздействие на культуру и быт испаноязычного населения Андских стран. Кечуа явился одним из серьезных источников пополнения лексики испанского языка в Америке, а также общепанского языка. Особенно отчетливо это сказывается на обогащении лексики испанского языка терминологией, заимствованной из кечуа. Данному вопросу и посвящена наша работа.

Несмотря на тяжелое экономическое, социальное и политическое положение носителей языка кечуа, он оказался необычайно жизнеспособным: В настоящее время кечуа распространен на значительной территории, охватывающей обширные районы Эквадора, Перу и Боливии, а также некоторые северные районы Аргентины (провинции Сант-Яго дель Эстеро и Жужуй). Небольшие группы кечуаязычного населения имеются в Чили и Колумбии. В наши дни на кечуа говорят от 7 до 10 миллионов человек.

Влияние кечуа на испанский язык не ограничивалось лишь областью лексики. В ряде районов Андского нагорья¹ оно ска-

¹ Употребляя в данной статье термин «страны Андского нагорья», а также «Андские страны», мы имели в виду прежде всего Перу, Боливию, Эквадор, северные районы Чили и Аргентины, т. е. территорию бывшей «империи». Хотя данная терминология в значительной мере условна, мы прибегаем к ней, следуя традиции, установившейся в последние годы в советской и зарубежной этнографической литературе.

Весь лексический материал, использованный в статье для примеров, разбит на отдельные категории, группы, также в определенной степени условные. Вслед за каждым словом, приведенным в форме его бытования в испанском языке, дается исходная кечуанская форма. При этом мы старались дать кечуанский вариант на диалекте кечуа того района, в котором был зафиксирован испанский вариант. Для этой цели были использованы следующие словари: 1) Luis Cordero. Diccionario quichua-español, español-quichua. Casa de Cultura Ecuatoriana. Quito, 1955; 2) J. H. V. F a r f a n. La clave del lenguaje Quechua del Cusco. Lima, 1941; 3) J. A. Lira. Diccionario kechuwa-español. Tucumán. Argentina, 1944; 4) C. Guardia Mayorga. Diccionario kechwa-castellano, castellano-kechwa. Lima, Perú, 1959.

Фамилия в русской транскрипции, стоящая после кечуанского варианта, указывает на автора словаря, у которого было заимствовано написание данного слова. Отсутствие ссылки на одного из этих авторов означает, что написание слова берется из живого разговорного языка кечуа.

При рассмотрении терминологии фауны и флоры в тех случаях, когда мы располагали соответствующим материалом, нами приводятся

зывается также в синтаксисе, морфологии, фонетике некоторых групп испаноязычного населения. В данной статье мы ограничиваемся областью лексики, исходя из следующих соображений. Прежде всего это влияние охватывает наибольшую территорию. Во-вторых, оно эффективно сказывается на повседневном разговорном языке самых различных социальных групп. В-третьих, значительная часть заимствованного из кечуа лексического материала органически вошла в литературный язык стран Андского нагорья и таким образом исчез момент случайности, неустойчивости бытования ее в языке местного населения.

Процесс влияния языка кечуа на испанский протекал на протяжении контакта этих двух языков далеко неравномерно. Наибольшее число заимствований падает на XVI—XVII вв., хотя сам процесс продолжался и в последующее время.

В районе Андского нагорья сложились различные этнические группы, которые могут быть охарактеризованы, как испаноязычные. Испанские солдаты, чиновники, священники, купцы составили одну из них, дав начало многочисленной группе креолов. В языковом отношении мы рассматриваем обе эти группы, т. е. испанцев и креолов, вместе, потому что между ними на первых порах не было заметной разницы; и те и другие являлись носителями испанского языка². Тем не менее, и те и другие вынуждены были допустить в свой (испанский) язык определенное количество кечуанских слов.

Третья группа — метисы. Как известно, на первых порах испанки не приезжали в новые колонии. В результате браков между испанцами и индейками, а также в результате случайных связей между ними в Андской области очень быстро появилась довольно многочисленная метисная прослойка. Независимо от характера отношений между родителями, языком детства и юности у метисов был в подавляющем большинстве случаев язык матери индейки, либо индейки воспитательницы. Таким образом, испанский язык для данной группы не был родным. Однако затем часть метисов, попадая в испаноязычную среду,

латинские названия. К сожалению, это оказалось возможным далеко не всегда. С другой стороны, мы не ставили перед собой цели обязательно найти соответствующий латинский термин. Точно так же, где это позволял материал, мы подтверждали факт заимствования кечуанской лексики примерами из художественной и общественно-политической литературы Андских стран.

Лексический материал, подобранный автором, был подвергнут проверке группой студентов из Эквадора, Перу и Боливии, обучающихся в СССР. Автор считает своим долгом принести им свою глубочайшую благодарность.

² Подмечая общие черты испанцев и креолов, мы не останавливаемся на существенных и многочисленных социально-экономических, политических и культурных различиях между ними (прим. автора).

сама усваивала испанский язык. Понятно, что бытование кечуанской лексики в языке этой группы следует рассматривать прежде всего не как результат заимствования, а как результат сохранения рудиментов языка матери. Сказанное в отношении метисов в еще большей степени можно отнести к четвертой группе испаноязычного населения Андских стран, к индейцам ладинам, т. е. к индейцам кечуа, забывшим родной язык.

Особой сложностью отличается процесс влияния кечуа на испанский язык других индейских групп. С одной стороны, индейцы не кечуа испытывали и продолжают испытывать это влияние, ассимилируясь с кечуа. Переходя затем на испанский язык, они сохраняют часть кечуанской лексики, заимствованной ранее. С другой стороны, они воспринимают кечуизмы при переходе на язык других испаноязычных групп населения Андского нагорья.

Вскоре после завершения военных акций колонизаторы перешли к «мирным» формам эксплуатации индейцев. Между эксплуататорами и эксплуатируемыми налаживалось повседневное общение в процессе производства. Возникновение и развитие феодального способа производства на территории бывшего государства инков отличалось своеобразием. Колонизаторам незачем было начисто разрушать для этого все институты покоренного государства, незачем было ликвидировать все средства производства, применявшиеся индейцами. Наоборот, целый ряд средств производства, а также многие общественные институты и даже до некоторой степени идеология Тауантинсуйо были использованы испанскими пришельцами для обеспечения своего экономического и политического господства. Упомянутые средства производства и институты воспринимались испанцами и креолами зачастую вместе с соответствующей кечуанской терминологией.

Перейдем к конкретным примерам:

Yapasna, yapasina — индеец-издольщик (кеч. *Yapasina* — рабы, слуги). Употребляется испанцами и креолами, а также другими группами современного испаноязычного населения Андских стран для обозначения индейцев, находящихся в личном услужении, а также крестьян-издольщиков (индейцев и неиндейцев). Часто применяется современными писателями и поэтами в отношении отдельных людей и групп людей, находящихся на низшей социальной ступени, в смысле «обездоленные, несчастные». Именно в этом смысле оно было употреблено крупнейшим современным боливийским писателем Хесусом Лара в его романе о жизни крестьян кечуа³. В русском издании романа слово «Янакона» также не переводится. Заметим, что «yapasna-

³ Х. Лара. Янакова. М., 1958

па» уже давно вошло не только в лексику населения Андских стран, но и в испанский язык вообще; в частности, оно использовалось уже Лопе де Вега.

No se habra visto estafeta
de los yanacunas indios
que vaya con más presteza
desde Chacona a Tambico.⁴

(Не видно ли эстафеты индейцев-янаконов, которая идет очень быстро из Чаконы в Тампико.)

В сочетании с собирательными суффиксами испанского языка -azgo и -je слово «уапасона» (в форме «уапасоназго» и «уапасонаже») стало обозначать одну из разновидностей производственных отношений; в этом виде оно часто встречается в современной общественно-политической литературе Андских стран.

«Comunidad, servidumbre, yanacuna y salariado son diversas formas de organización social de la producción que se pueden encontrar dentro de nuestro país». (Община, крепостничество, янаконаж и наемный труд являются различными формами социальной организации производства, которые можно встретить в нашей стране)⁵.

Huasipungo — уасипунго, участок земли, на котором работает индеец-издольщик, иногда усадьба, поместье. Распространено главным образом в Эквадоре (кеч. *Huasipungu* — Кордеро, земельный участок вокруг дома). В сочетании с испанским суффиксом -ero образует «*huasipungero*» — издольщик.

Эквадорский писатель Хорхе Икаса дал одному из своих романов название «*Huasipungo*», которое сохранено в русском переводе⁶. «*Huasipungo*» широко употребляется и в общественно-политической литературе. Например, «*Los congresistas acrobatas tienen que obligadamente retornar a sus huasipungos*» (Депутаты-акробаты обязаны возвращаться к своим уасипунго).

Mita — мита, трудовая повинность (кеч. *Mita*, значение то же). Производное от «*mita*» — «*mitayo*» — человек, несущий трудовую повинность, митаюс. Мита была широко распространена в колониальный период, приняв формы наиболее бесчеловечной эксплуатации индейцев. Митаюс, отправляющийся на миту, обычно не возвращался; проводы его часто сопровождалась похоронными обрядами. «*Mita*» и «*mitayo*» получили

⁴ Lope de Vega. Obras dramaticas, t. XI. Real Academia española. Madrid, 1929, p. 519.

⁵ Alberto Tauro. El indigenismo a través de la poesía de Alejandro Peralta. Lima, 1935, p. 35.

⁶ Х. Икаса. Уасипунго. «Интернациональная литература», 1935, № 7, стр. 32.

широкое распространение в общественно-политической и художественной литературе

Tu padre fué un mitayo
Tu mismo eres un mitayo.⁷

(Твой отец был митайос, и ты сам митайос.)

Curaca — курака, вождь, старейшина (кеч. *Curaca*, значение то же). Кечуанское слово «*curaca*» было в значительной степени вытеснено как из языка кечуа, так и из испанского языка, куда оно проникло в XVI в., карибским словом «*Casique*» — касик. Однако оно все еще встречается в испанском языке Андских стран, в основном в художественных произведениях и в исторических исследованиях.

Como viejos curacas van los bueyes
Camino de Trujillo meditando⁸.

(Подобно престарелым вождям, в раздумии проходят
по дороге на Трухильо)

Chasque — скороход, вестник (кеч. *Chaski*, значение то же). В настоящее время «*Chasque*» употребляется главным образом в художественной литературе.

Ayllu — айлю, род, община, деревня (кеч. *Ayllu*, значение то же).

...trayendo el hambre
hasta los ayllus.⁹

Carlos Gómez Cornejo «La Cruz de Mayo»

(голод приходит в айлю.

Карлос Гомес Корнехо «Майский крест».)

К терминологии общественных и производственных отношений тесно примыкает терминология орудий и средств производства, а также трудовых процессов. Большинство терминов этой группы, пришедших в испанский язык Андского нагорья различными путями, через посредство различных этнических групп, связано с сельским хозяйством. В этом нас убеждает перечень основных заимствований данной группы терминов.

Cachay — многократно перекрецивающиеся, либо изгибающиеся под большим углом борозды на пахотном поле (кеч.

⁷ A. Tauro. Op. cit, p. 58.

⁸ C. Vallejo. Les Heraldos Negros. Editora Perú Nuevo. Lima, 1959, p. 61.

⁹ G. V. Fabre. Poetas nuevos de Bolivia. La Paz Bolivia, 1941, p. 129.

Sacha — Лира, грамматическая частица, употребляемая при образовании сложных глаголов, выражающих многократность действия).

Caito — нить, пряжа, чаще всего из шерсти ламы (кеч. *Qaitu*. — Гвардия, значение — то же).

Chacra — ферма, хозяйство, поле (кеч. *Chajra* — Фарфан, значение — то же).

Chacarear — работать на ферме, в хозяйстве (кеч. — см. пред. пример).

Huano — гуано, удобрение (кеч. *Huano*, *huani*, значение то же).

Huanear — удобрять, унавоживать почву (кеч. см. предыдущий пример).

Huaraca — праща (кеч. *Huaraca*, значение то же).

Guareaquear — раскручивать пращу (кеч. см. предыдущий пример).

Isangas — рыболовное орудие, напоминающее корчагу больших размеров (кеч. *Isanqa* — Гвардия, значение то же).

Lampa — разновидность мотыги (кеч. *Lampa*, значение то же).

Toro — земельная мера (кеч. *Turu*, значение то же).

Непосредственно с производственной деятельностью человека связан лексический материал, относящийся к его жилищу, предметам обихода, пище и костюму. В этом отношении испанский язык указанных стран также подвергся весьма существенному влиянию. Приводимый ниже список примеров разбит на три части, которые назовем условно «жилище и предметы обихода», «костюм» и «пища».

Жилище и предметы обихода

Chuyla — хижина (кеч. *Chuhlla* — Фарфан, значение то же).

Quincha — стена из дикого тростника и глины (кеч. *Quencha* — Гвардия, значение, примерно, то же).

Pilca, а также «*Pirca*» — стена из камней и глины (кеч. *Pirqa* — Гвардия, значение то же).

Hacia el sur, corta el aire una fuga de buhos
y un incendio de alcohol tras de las pircas
prende fogatas de alaridos¹⁰.

Alejandro Peralta. «El indio Antonio»

(Дальше к югу ветер прерывает крики филинов,
и пламя алкоголя за стенами зажигает костры жалобных стонов.)

Александр Перальта. «Индеец Антонио».)

¹⁰ А. Тауго. *Op. cit.*, p. 92.

Colca — строение для хранения зерна, главным образом кукурузы, разновидность амбара (кеч. *Qollqa* — Гвардия, значение то же).

Quipe — заплечный мешок, в котором носят ребенка, вещи, продукты (кеч. *Kerí* — Кордеро, значение то же).

Pichana — метла, щетка (кеч. *Pichana* — Гвардия, значение то же).

Callana — глиняный горшок, черепок (кеч. *Scalana*, значение то же).

Petaca — чемодан, баул (кеч. *prerí* — собранное вместе). Слово распространено в языке всех испаноязычных стран Латинской Америки, а также в самой Испании.

Chomba — сосуд для изготовления чичи (кеч. *Chumpra* — Гвардия, значение то же).

Chaquena — горшок для приготовления картофельного блюда (кеч. *Chaque* — блюдо из мелко дробленных картофеля).

Lliela, llyjla — квадратный кусочек узорчатой ткани, в котором хранятся и транспортируются мелкие вещи (кеч. *Lliklla, lljlla*, значение то же).

Callapo — носилки (кеч. *Callapo*, значение то же).

Lloque — трость (кеч. *Lloque* — хвойное дерево местной породы, *Pineda Incana*).

К о с т ю м

Anaco — накидка, употребляемая в горном районе (кеч. *Anaku* — Гвардия, значение то же).

Chullo — вязаная шапка, обычно многоцветная, часто покрытая узорами (кеч. *Chullu* — Гвардия, значение то же).

Tosuyo — хлопчатобумажная ткань (кеч. *Kkuuyu* — Фарфан, прясть).

Ojota — разновидность обуви, напоминающая сандалии (кеч. *Oquta* — Гвардия, значение то же). Слово распространено весьма широко и употребляется даже в Уругвае.

Chumpi — пояс (кеч. *Chumpi*, значение то же).

П и щ а

Cullpi — сладкое блюдо, приготовленное из зерна (кеч. *Khullpuchay* — Фарфан, смешивать с чем-либо зерно).

Chancana — сладкое блюдо, приготовленное из тоторы (озерного тростника) (кеч. *Chancau* — Лира, готовить сладкие блюда).

Charana — блюдо, приготовляемое из юкки (кеч. *charuy* — Лира, смешивать).

Chifo — блюдо из вяленого или замороженного картофеля (кеч. *Chifü* — Гвардия, значение то же).

Timpusca — блюдо из жареного картофеля с большой долей капусты (кеч. Timpuca — Гвардия, кипеть).

Chaque — блюдо, приготовленное из мелкого, дробленого картофеля (кеч. Chaque, значение то же).

Causa — очень популярное (особенно, в Перу) блюдо, приготовляемое из картофельного пюре с салатом, свежим сыром, растительным маслом, кукурузными зернами, перцем и т. д. (кеч. Kausay — Гвардия, продукты питания).

Sango — каша из кукурузной муки, соленая либо сладкая (кеч. Sancu — Гвардия, значение примерно то же).

Humita — сладкая паста, изготовляемая из кукурузной муки (кеч. Huminta, значение то же).

Mote — вареная кукуруза (кеч. Moti — Гвардия, значение то же).

Poroto — бобы (кеч. Purutu — Гвардия, значение то же). Слово распространено весьма широко. Помимо Андских стран, употребляется в Чили и Аргентине.

Tecte, tegte — острая приправа, приготовляемая из перца и свежего сыра (кеч. Tekkti, tekkte — Фарфан, алкогольный напиток из риса, которым принято запивать острые приправы).

Charque — высушенное мясо (кеч. Charqi — Гвардия, значение то же).

Huaparo — отвар из сахарного тростника, который после брожения разбавляется водой; отвар из фруктов (кеч. Waparo, wapara, значение то же).

Pisco — собирательное название водочных изделий в Перу (кеч. Pisco — птица. Так же называется местность, бывшая в свое время центром производства водочных изделий в Перу).

Chuma — пресный, безвкусный (кеч. Chuma — Гвардия, значение то же, употребляется главным образом в Перу).

Collir — жарить что-либо, обернув в мокрую ткань (кеч. Qollu — Гвардия, раскаленные угли, засыпанные слоем золы).

Pucho — кончик сигары (кеч. Puchu — Гвардия, остаток).

Испанцы, прибывавшие в Америку, имели строго определенные семейные отношения и отношения родства. Эти отношения были зафиксированы юридически и освещены религиозными догмами. Католическая церковь с помощью колониальной администрации силой навязывала индейцам систему и отношения родства, бытовавшие в Испании. Вспомним, что уже во время суда над последним верховным инкой Атауальпой среди предъявленных ему обвинений фигурировало обвинение в кровосмесительстве. И тем не менее даже в область лексики семейных отношений и отношений родства проникли некоторые кечуанские термины, хотя и в небольшом количестве. К этой терминологии мы условно относим также терминологию возрастных категорий.

China — жена, женщина, девушка, подруга, приятельница, служанка (кеч. *China* — Гвардия, самка). Слово, помимо Андских стран, широко распространено в Аргентине, Чили, Уругвае.

Mirad, ahí vienen
Mis voluptuosas chinas¹¹.

(Смотрите, вот приближаются мои сладострастные жены.)

Guagua — ребенок, сын (кеч. *Wawa* — Гвардия, значение то же).

Malton, maltona — юноша, девушка (кеч. *Mallta* — зверек).

Macjta — юноша, парень; иногда имеет пренебрежительный оттенок (кеч. *Macjta, Maqta* — Гвардия, значение то же).

Derrepente lo llevaron preso
y los macjtas en la recluta¹².

Alejandro Peralta «Lobos de las Islas»

(Неожиданно его самого забрали в тюрьму,
а парней — в рекруты.

Александр Перальта «Островные волки».)

Huacho, huacha — подкидыш, незаконнорожденный (кеч. *Wakcha* — Гвардия, значение то же).

Духовная культура вообще, искусство в частности и в особенности, являются одним из тех социальных явлений в испанской лексике, в которых влияние языка кечуа было довольно ощутимым. Это и понятно. Отделенные огромным расстоянием от очагов испанской национальной культуры испанцы, а также их потомки, креолы, неизбежно должны были удовлетворять частично свои духовные запросы, свои эстетические потребности за счет развитой духовной культуры индейцев. Таков был один из путей проникновения кечуизмов данной категории в испанский язык стран Андского нагорья.

С другой стороны, частичный переход на испанский язык метисов, а также ладинов не означал, что они полностью порывают с кечуанской духовной культурой. Их связь с народной культурой кечуа, особенно с народным искусством, оставалась довольно тесной. В результате, забывая кечуанский язык, они не забывали названий народных танцев, песенных и поэтических жанров, музыкальных инструментов, народных празднеств и традиций, связанных с этими явлениями. Таков второй, и на

¹¹ А. В. Heredia. Carnaval de Oruro. Oruro, Bolivia, 1956, p. 138.

¹² А. Тауго. Op. cit., p. 96.

наш взгляд, основной путь проникновения кечуанской терминологии искусства в лексику испанского языка.

Помещенный ниже список открывается кечуизмами из области празднеств и торжеств, имеющих тесную связь с духовной культурой.

Cacharpari — вечернее прощальное торжество (кеч. *Cacharpari* — Лира, прощание, прощальные ласки, прощальные жесты). Известна драма под названием «*El Cacharpari*», написанная Мануэлем Сегура.

Huarahua — ликование, веселье (кеч. *Warawa* — Лира, совокупность действий, имеющих магический оттенок).

Ancosa — произнесение тоста (кеч. *Anqusa* — Гвардия, значение то же).

Cachua — иногда *Cashua*, качуа — танец или песня индейцев нагорья (кеч. *Kachwa* — Гвардия, танец, напоминающий хоровод).

Y hombres y mujeres felices
bailan marineras y csashuas mozas¹³.

Ruben Sueldo Guevara «Itinerario de la primavera».

(Счастливые женщины и мужчины
Танцуют маринеру, а девушки — качуа.

Рубен Суэлько Гевара «Шестое весны».)

Yaravi — ярави, печальная, почти всегда лирическая индейская песня (кеч. *Harawi* — Фарфан, особый песенный и поэтический жанр).

...que lejanos quedaron los recuerdos
y como tiembla el yaravi de nuestro
olvido¹⁴.

*Raul Brosovich Mendoza «Cesar Vdllejo
vuelve a su patria».*

(«Как далеко остались воспоминания, и как трепещет
ярави нашего забвения!»)

*Рауль Бросович Мендоса «Сесар Вальехо
возвращается к себе на родину».)*

От «*haravi*» происходит «*haravico*» (а также «*harawico*, *harahuico*») поэт, автор песенных текстов.

¹³ «Exposición de la poesía cuzqueña contemporánea». Cuzco, 1958, t. II, p. 10.

¹⁴ «Exposición», t. II, p. 82

Huayno, waiño — уайно, уайньо, индейская песня и танец (кеч. *Wayño* — Гвардия, особый танец парами).

...Las lluvias inundan los huaynos¹⁵.

Oscar Cerruto «*Alliplano para uso de turistas*».

(уайньо наполняется дождями

Оскар Серруто «*Альтиплано для туристов*».)

Quena, kena — разновидность флейты (кеч. *Kena*, значение то же). Наименование «*Quena*» широко распространилось в Андских странах и за их пределами. Оно употребляется даже в южной части Аргентины, а также в Уругвае.

En triste noche...

remotas suenan las quenenas¹⁶,

(Среди печальной ночи... звучат древние флейты.)

Процитированное нами четверостишие принадлежит перу перуанского поэта Хосе Мариа Эгурена, о котором Хосе Карлос Марьятеги сказал: «Эгурен в Перу не понимает и не знает народа. Он не замечает индейцев, которые так далеки от него своей историей и которые чужды его переживаниям»¹⁷.

Таким образом, факт использования слова «*Quena*» Эгуреном является лишним доказательством его широкого распространения.

Pinquillo — разновидность флейты (кеч. *Pinquillu* — Гвардия, значение то же).

Antara — музыкальный инструмент, несколько напоминающий губную гармонику (кеч. *Antara* — Гвардия, значение то же).

Pututo — путуто, музыкальный инструмент, изготовляемый из морской раковины (кеч. *Pututu* — Гвардия, значение то же).

...el pututo anunciador de una lluvia
de wainos y gritos cholos¹⁸.

Gustavo Perez Ocampo «*Canto al Cuzco*».

(...путуто, возвещающий дождь уайно и восклицаний метисов

Густаво Перес Окампо «*Песнь Куско*».)

¹⁵ G. V. Fabre. Op. cit., p. 58.

¹⁶ J. M. Eguren. Poesías escojidas. Lima, 1957, p. 79.

¹⁷ J. C. Mariátegui. 7 ensayos de interpretación de la realidad peruana. Lima — MCMLII, p. 322.

¹⁸ «Exposición», t. II, p. 15

В области обрядово-культурной терминологии испанский язык Андских стран также испытал определенное влияние. Здесь совершенно очевидно преобладание второго пути проникновения кечуизмов в испанский язык, а именно — в результате испанизации индейцев и метисов. Следует, однако, отметить, что число заимствований в этой области невелико. Кроме того, они бытуют не столько в разговорном языке, сколько в историко-этнографической литературе.

Amauta — амаута, жрец, мудрец (кеч., значение то же).

y de haravicos y amautas
ya por los campos apenas
Se oían resonar las quenás
nuestras indígenas flautas¹⁹.

(В полях едва слышалось звучание кен, индейских флейт, на которых играли поэты и амауты.).

Huaca — в этнографической литературе фигурки идолов, а также любой священный предмет индейцев. В разговорной речи — древние могилы, в которых якобы захоронены знатные индейцы со своими богатствами. Отсюда «Huaqueño» — искатель кладов, а также «Huaquear» — искать клады (кеч. Huaca — идол, амулет, священный предмет).

La aldea ante su paso se revista
de un rudo gris en que un mugir de vaca
se aceita el sueño y emoción de huaca²⁰.

(Встречая его, деревня одевается в тяжелый серый цвет, в котором мычание коров влияет в чуткий сон древней могилы.

Сесар Вальехо «Грусть о минувшем».)

Catatar — слезить (кеч. Katatay — Гвардия, дрожать).

Challa — особый обряд среди креолов и метисов (главным образом Боливии) «окропления» жилища вином, осыпания его сладостями и т. д. В некоторых районах до сих пор четко прослеживается связь этого обычая с древним культом Пачамамы — Матери-земли²¹.

Перейдем к рассмотрению кечуизмов, проникших в сферу физико-географических понятий. Испанец или его потомок вынужден был прибегать к местной терминологии, чтобы правиль-

¹⁹ J. de Arona. Diccionario de peruanismos. Paris, 1938, p. 69.

²⁰ C. Vallejo. Op. cit., p. 61.

²¹ B. A. B. Heredia. Op. cit., p. 35—36.

но ориентироваться в сложном рельефе и находить объяснения местным природным явлениям.

Pampa — пампа, степь, пампасы (кеч. *Pampa* — Гвардия, значение то же).

Un grito de banderas libres
y un horizonte de canciones
inundará las pampas y alcanzará las cumbres²².

Angel Avendano Farfan «Definición».

(...крик свободных знамен и горизонт песен
наводнит пампу и достигнет вершин.

Анхель Авендано Фарфан «Определение».)

В несколько видоизмененном виде «пампа» входит в многочисленные топографические названия, в частности в наименование городов (*Cochabamba* — Кочабамба в Боливии; *Riobamba* — Риобамба в Эквадоре и т. д.).

В результате слияния рассматриваемого нами слова с испанским корнем «alt» через посредство испанского же суффикса -i появилось новое словообразование «*Altipampa*» — плоскогорье, плато.

En la altipampa con la lluvia
Cortada a pico pastor de relampagos²³

Alejandro Peralta «Trazo montanés».

(На дождливом плоскогорье, разорванном утесом,
пастьухом молний...

Александр Перальта «Горная картина».)

Слившись с другими испанскими суффиксами, слово «пампа» послужило основой для образования целого ряда других слов, как-то «*pampino*» — житель пампы; «*pamprego*» — ветер из пампы, житель пампы, относящийся к пампе; «*pampeano*» значение то же, что и «*pamprego*»; «*pampear*» — объезжать пампу и т. д.

Как само слово «пампа», так и различные словообразования его, в которые оно вошло, прочно бытуют не только в испанском языке Перу, Боливии и Эквадора, но также и в испанском языке Испании и некоторых других языках.

²² «Exposición», v. II, p. 140.

²³ A. T a u r o. Op. cit., p. 97.

Puna — пуна, высокогорный холодный район, в прошлом почти необитаемый (кеч. *Puna* — Гвардия, значение то же).

Puna!

Puercu espín de púas erizadas
donde danzan los vientos agarrados de
las manos ²⁴.

Omar Estrella «Alliplano»

(Пуна! Дикобраз, ошетилившийся шипами,
где пляшут ветра, взявшись за руки...

Омар Эстрелья «Альтипано».)

Archeta — груды камней или земли, указывающие на точку перевала через Кордильеры. Эти груды возникли в результате древнего индейского обычая, согласно которому каждый путник, переходя через перевал, обязан был оставить на нем принесенную с собой горсть земли или камень в знак благодарности к милостивому божеству за благополучное путешествие (кеч. *Archeta* — Гвардия, обязывать приносить что-либо).

Lloglla — поволодь (кеч. *Lloglla* — Гвардия, значение то же).

Chimba — противоположный берег реки (кеч. *Chimra* — Гвардия, значение то же).

Chimbar — перейти с одного берега на другой (кеч. *Chimray* — Гвардия, значение то же).

Champa — участок земли, обычно заболоченной, с растительностью на нем (кеч. *Champa* — Гвардия, дёрн).

Pongo — проход между двумя более или менее отвесными скалами, ущелье (кеч. *Puncu* — Гвардия, дверь, проход).

Jaguay — источник воды в пустыне (кеч. *Jaku* — Гвардия, вода).

Puquio — источник, родник (кеч. *Pujuu* — Фарфан, значение то же).

Negro toro, astas de luna
Sause de blonda melena,
mojada en la colina,
puquios ²⁵.

Arturo Castro Loaiza «Serrania».

(Черный бык, лунообразные рога; ива с белокурой
шевелюрой, вымокшая на поляне; родники.

Артуро Кастро Лоайса «В краю гор».)

Cocha — большое и ровное пространство, но значительно меньших размеров, нежели пампа (кеч. *Cocha* — Гвардия, озеро, залив, лагуна).

²⁴ G. V. Fabre. Op. cit., p. 105.

²⁵ «Exposición», v. I, p. 73.

Cuecha — лагуна (кеч. — см. предыдущий пример).

Обособленность и многообразие американской фауны и флоры, отражение их в языке кечуа еще до открытия Америки, привели к широкому притоку соответствующей терминологии в лексику испанского языка. По свидетельству перуанского писателя Сиро Алегрия²⁶, даже в тех районах, где в прошлом кечуазычное население полностью испанизировалось, кечуа сохранился в названиях растений. Многие кечуанские названия растений и животных распространились не только за пределы Андского нагорья, но и во всем мире.

Puma — пума (кеч. *Puma* — Гвардия, значение то же).

Pinquillos y tamborines
Cantos de peñascal
en un rincón del nevado
La familia del cazador de pumas
y toda la gente moza
del último revoque
a la nueva choza del ayllu²⁷.

(Флейта и барабаны, песни скалистых утесов. В одном углу среди вечных снегов семья охотника за пумами и вся молодежь кладут последнюю краску на новую хижину деревни.)

Añaz — вонючка (кеч. *Añas* — Гвардия, значение то же).

Kirquincho — броненосец (кеч. *Kirkinchu* — Гвардия, значение то же).

Vizcacha — вискаша (из семейства шиншилл), *Lagidium peruvianum* (кеч. *Viscacha*, значение то же).

Cuy, *Coy* — разновидность кролика (кеч. *Coy*, значение то же).

Con que antes que nos ensarte
Como cuy en asador
largarnos será mejor
con la música a otra parte²⁸.

Segura, «*El resignado*», Acto 2.

(Прежде чем нас нанижут, как кролика, на вертел, лучше будет, пожалуй, с музыкой перебраться в другое место.)

Segura «*Покорный*», 2 акт.)

²⁶ С. Алегрия. В большом чуждом мире. М., 1944.

²⁷ А. Тауго. *Op. cit.*, p. 69.

²⁸ J. de Arona. *Op. cit.*, p. 153.

Llama — лама (кеч. *Llama*, значение то же).

Vicuña — вигонь, разновидность ламы (кеч. *Vicuña*, значение то же).

...y en mis ojos se ha dormido
und *vicuña* azul ²⁹.

Luis Luksis «*Ambiente del cuento*».

(В моих глазах запечатлелась голубая вигонь.

Луис Луксис «*Аромат сказки*».)

Alpaca — альпака (кеч. *Alpaca*, значение то же).

Raco — см. предыдущий пример (кеч. *Raco*, значение то же).

Cuculí — разновидность горлицы (кеч. *Cuchuhuay*, значение то же).

Chivillo — название породы птиц, *Cassicus palliatus* (кеч. *Chiwaku* — Лира, значение то же).

Chiuanco — разновидность дрозда (кеч. *Chiuanco*, значение то же).

Ja se acercan los instantes
en que nace el paraguay
y lo saluda el chiuanco
con su doliente ay-ay-ay! ³⁰

(Уже приближается мгновение созревания кукурузы, и дрозд ее приветствует своим жалобным криком ай-ай-ай!)

Pichitanka — разновидность воробья (кеч. — Гвардия, значение то же).

Los *pichitankas* y las ovejas correteaban ³¹

Alejandro Peralta «*Lobos de las Islas*»

(Резвились воробьи и овцы...

Александр Перальта «*Острожные волки*».)

Pariwana — разновидность фламинго (кеч. *Pariwana* — Гвардия, значение то же).

...hombres de Chucuito y Amantani
parten con sus *pariwanas*... ³²

(Люди Чукуйто и Амантани уходят вместе с фламинго...)

²⁹ G. V. Fabre. Op. cit., p. 143.

³⁰ J. de Arona. Op. cit., p. 167.

³¹ A. Tauro. Op. cit., p. 96.

³² Ibid., p. 95.

Piscaca — крупная разновидность куropатки (кеч. Piskaka — Гвардия, значение то же).

Asaltan las piskakas
mientras Vallejo piensa
maíz para los hombres
maíz para los pajaros³³.

(Куropатки нападают [на маисовые поля], а в это время Вальехо думает о маисе для людей и о маисе для птиц.

Марио Эскобар Москосо «Сесару Вальехо».)

Condor — кондор (кеч. Cundur — Гвардия, Кордеро, значение то же).

Ha caído de las cimas
el condor de la revolución
Luis Felipe Vilela «Elegía revolucionaria»³⁴.

(...с отвесных вершин устремился вниз кондор революции.

Луис Фелипе Вилела «Революционная элегия».)

Coras — разновидность растительных сорняков (кеч. Qora — Гвардия, сорняк).

Arnanchu — сорт местного, очень острого перца, *Cariscum frutescens* (кеч. Arnanchu, значение то же).

Huacatay — травянистое растение, употребляющееся в качестве приправы, *Tagetes minuta* (кеч. Huakatay, значение то же).

Cochayuyo — вид водорослей (кеч. Cochayuyu — водоросль).

Airampo — айрампо, разновидность кактуса (кеч. Airampu, значение то же).

En las llanuras del florido campo
Cuando el sol en las tardes se deploma
y consagrado el horizonte toma
mágicos tintes de carmín y airampo³⁵.

(В цветущем поле, в долине, когда солнце вечером расплавляется, освященный горизонт приобретает волшебные краски кармина и айрампо.)

Tuna — туна, разновидность кактуса, *Cactus opuntia*. Служит для приготовления корма скоту, используется также в пищу людей (кеч. Tuna, значение то же).

³³ «Exposición», v. 1, p. 107.

³⁴ G. V. Fabre. Op. cit., p. 231.

³⁵ J. Arona. Op. cit., p. 64.

Norbo — порода цветущего растения, *Passiflora punctata* (кеч. *ñurru*, значение то же).

Chuncho — название растения с красными цветами (кеч. *Sunchu* — Лира, значение то же).

Guaranco — разновидность акации, *Acacia punctata* (кеч. *huarancu*, значение то же).

Camico — дикорастущее растение, *Datura stramonium* (кеч. *Chamiku*, значение то же).

Pacay — плодовое растение, *Inga reticulata mimosa inga* (кеч. *Paкау*, значение то же).

Suche — цветущее низкорослое растение, *Aprocineas ambas* (кеч. — см. *Chuncho*).

Icho — заросли травы на плоскогорье (кеч. *Ichu* — Кордеро, трава, солома).

Chonta — чонта, *Guillerma Speciosa* (кеч. *Chunta*, значение то же).

Lúcuma — лукума, плодовое дикорастущее дерево, *Lúcuma mammosa* (кеч. *Lugma* — Кордеро, значение то же).

Panti — целебная трава, произрастающая в холодных районах плоскогорья. *Cosmos pulcherrimus* (кеч. *Panti* — Лира, значение то же).

Amancaу — Аманкай, растение, напоминающее лилию, *Ismepe hamansae* (кеч. *Amanкау* — Гвардия, значение то же).

Las fragancias aromas
el coronado palillo
y el amancaу, amarillo
narciso de nuestras lomas³⁶.

(Благовонные запахи, коронованный палильон³⁷
и аманкай — желтый нарцисс наших седловин.)

Totora — тотора, разновидность тростника (кеч. *totora*, *tutura* — тростник).

Yo no tengo la culpa Juanita
si no sé cortar las totoras de lago
pero sé cortar peñascos³⁸

Alejandro Peralta «Canción Titicaca»

(Я не виноват, Хуанита, что не умею резать
тростник, зато я умею срезать утесы.

Александр Перальта «Песня озера Титикака».)

Choclo — кукурузный початок восковой спелости (кеч. *chogllo* — Гвардия, значение то же).

³⁶ J. de A г о п а. Op. cit., p. 68.

³⁷ *Samponesia cornifolia*.

³⁸ А. Т а и г о. Op. cit., p. 94.

Pansa — листья, покрывающие початок кукурузы (кеч. *ppansa*, значение то же).

Paraguay — травянистая верхушка кукурузного початка (кеч. *parhuay*, значение то же)³⁹.

Yo se acercan los instantes
en que nace el paraguay
y lo saluda el chihuano
Con su doliente ay, ay, ay⁴⁰.

(Уже приближаются мгновения, когда рождается верхушка початка, и дрозд приветствует ее своим жалобным криком ай-ай-ай!)

Caigua — сорт огурцов (кеч. *Kaywa* — *Лира*, значение то же).

Avinca — разновидность кабачка (кеч. *Ahuinsa*, значение то же).

Achira — растение семейства *cannáceas* (кеч. *Achira* — *Гвардия*, значение то же).

Pallar — сорт фасоли, *Phaseolus pallar* (кеч. *Pallar*, значение то же).

Papa — картофель (кеч. *Papa* — *Лира*, значение то же).

Quinoa — разновидность проса (кеч. *Kenua*, значение то же).

Juyos — разновидность капусты (кеч. *Juyu*, значение то же).

Chirimoya — чиримоя, *Anona cherimollia* (кеч. *Chirimuyu*, *chirimoyo*, значение то же).

Afirmemos bien las patas
Para cantar y bailar
Pisa, pisa Negro viejo
Cabeza de chirimoya⁴¹.

(Пусть окрепнут наши ноги, будем танцевать и петь. Наступай, наступай, Старый Негр, на большую чиримую.)

Coca — кока, кустарник из семейства *eritroxilea* (кеч. *Kuka* — *Лира*, значение то же).

Enviando el maíz... la coca
al adusto molino⁴².

Armando Salas Gamarra «*El sembrador*»

(Посылая маис, ... коку на унылую мельницу...

Армандо Салас Гамарра «*Сеятель*».)

³⁹ К названию страны Парагвай отношения не имеет.

⁴⁰ J. de Arona. Op. cit., p. 305.

⁴¹ B. A. B. Heredia. Op. cit., p. 154.

⁴² «Exposición», v. II, p. 100.

Заметное влияние кечуа оказал также на названия болезней и физических недостатков.

Chogñi — гноящийся глаз (кеч. *Chugñi* — Гвардия, глаз, уменьшившийся в размере в результате опухоли или нагноения).

Churo — нарыв, чирий, опухоль (кеч. *Churu* — Гвардия, значение то же).

Coto — тучность, полнота (кеч. *Scoto*, значение то же).

Caracha — чесоточное заболевание (кеч. *Karacha* — Гвардия, значение то же).

Ora — глупец, слабоумный (кеч. *Ура* — Гвардия, значение то же, а также глухой).

Nausa — слепой (кеч. *Ñausa* — Гвардия, значение то же).

Collota — беспалый (кеч. *Collota* — голыш; камень, отточенный водой).

Scolonchi — безухий (кеч. *Scullunchi*, значение то же).

Scaranta — безбровый (кеч. *Scaranta*, значение то же).

Soroche — горная болезнь (кеч. *Suruchi* — Ли́ра, значение то же).

Collqui — сморщенный, морщинистый (кеч. *Khullki* — легкая обработка почвы с помощью палки; нанесение на нее полос).

Среди испаноязычного креольского и метисного населения Андских стран большое хождение имеют междометия кечуанского происхождения, которые мы приводим ниже без ссылки на кечуанский вариант.

Alaláu — восклицание, передающее ощущение холода.

Atatáu — восклицание, передающее чувство ужаса или отращения.

Ananáy — междометие боли, сожаления, безнадежности.

Acacáu — восклицание, передающее ощущение боли и жары.

Achaláu — восклицание, передающее чувство восхищения.

Achacháu — угрожающее восклицание.

Таковы основные области испанской лексики Андских стран, в которых влияние языка кечуа наиболее ощутимо. В других областях оно менее заметно, но тем не менее также прослеживается. Приведем еще для примера ряд слов, которые показывают нам, насколько многосторонним было воздействие кечуа на испанскую лексику.

Ahora ñaupas — вовремя (кеч. *Naupa* — Гвардия, в старину).

Dar huasca — бичевать, наказывать (кеч. *Waska* — Гвардия, канат, цепь).

Cancha — площадка, корт (кеч. *Camcha*, значение то же).

Chasca — Планета Венера (кеч. *Chaska qoyllur* — Гвардия, значение то же).

Chumpi — бурый (кеч. *Chumpi* — Гвардия, значение то же).

Simra — коса (кеч. *Simra* — Гвардия, значение то же).

Calato — обнаженный (кеч. *Qala* — Гвардия, значение то же).
Japa — добавка, премия при совершении коммерческой сделки (кеч. *Japa* — Гвардия, то, что дается сверх нормы, определенной заранее).

Tahuashar — счетверять, учетверять (кеч. *Tahua* — четыре).

Llueve... Llueve...
sustancias de aguacero
reduciendo a fúnebres olores
el humor de los viejos alcanfores
que velan tahuashando en el sendero
con sus ponchos de hielo y sin sombrero.

*César Vallejo «Ojas de ebano»*⁴³

(Дождь идет... дождь идет ...материя ливня превращает в печальные запахи сущность старых камфарных деревьев, которые, счетверившись, стоят на дороге в своих снежных пончо с непокрытой головой.

Сесар Вальехо. «Листья черного дерева».)

* * *

Как мы уже указывали, данная статья ограничивается рассмотрением влияния кечуа лишь на лексику испанского языка стран Андского нагорья. Однако это вовсе не значит, что кечуа не влиял на другие стороны испанского языка. Особенно это влияние заметно среди отдельных групп испаноязычного населения. В качестве примера укажем на довольно частую замену артикля притяжательным местоимением, наблюдаемую в испанском языке провинции Сант-яго дель Эстеро (Аргентина).

Не менее интересное явление наблюдается и в фонетике испанского языка Андских стран. В частности, обращает на себя внимание частое смешение «i» и «e», а также «o» и «u», представляющее собой совершенно неоспоримое следствие влияния кечуанской фонетики, не делающей существенного различия между этими звуками. Однако эти и подобные им вопросы должны составить предмет самостоятельного исследования.

Вернемся к нашей основной теме. Анализ влияния кечуа на испанскую лексику показывает, что оно охватывает самые разнообразные стороны словарного состава, отражающие самые различные стороны человеческой деятельности и тех внешних условий, в которых она протекает. Материал, приведенный в статье, несомненно, позволяет сделать выводы о том, что это влияние, во-первых, имело место и что, во-вторых, оно было весьма существенным и в немалой степени способствовало обогащению словаря испанского языка стран Андского нагорья.

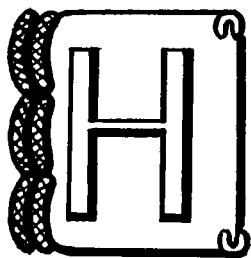
⁴³ C. Vallejo. Los heraldos negros. Lima, 1959, p. 63.

Элементы языка кечуа не только широко бытуют в испанском разговорном языке Андских стран, но и вошли в их литературный язык. Процесс его формирования протекал на протяжении длительного периода и не закончился до наших дней.

Влияние языка кечуа, с одной стороны, в значительной мере определило отличие литературного языка упомянутых стран от литературного языка Испании, а с другой стороны, обусловило близость и перспективы дальнейшего сближения между языками нескольких креольско-метисных наций, прежде всего Эквадора, Перу и Боливии.

Проникновение кечуанских элементов в испанский язык и обратно имело своей основой совместное участие различных этнико-лингвистических групп в процессе производства. Оно является лишь одним из моментов сложного и противоречивого процесса взаимодействия различных культур, определившего не менее сложные процессы формирования народностей и наций в странах Андского нагорья.

«АПУ-ОЛЬЯНТАЙ» — ПАМЯТНИК КУЛЬТУРЫ НАРОДОВ КЕЧУА

ародная драма на языке кечуа «Апу-Ольянтай»¹ по праву считается одним из самых выдающихся памятников литературного творчества американских индейцев. Стройная и ясная композиция, органическое сочетание личного и общественного момента, утверждение высоко гуманных идей, ярко очерченные, полные естественных человеческих достоинств и недостатков характеры, необычайная образность, богатая рифма сливаются в «Ольянтае» воедино, позволяя поставить этот памятник в один ряд с гомеровским эпосом, «Песнью о Роланде», «Словом о полку Игореве», русскими былинами и другими выдающимися произведениями мировой литературы.

Действие драмы, развертывающееся в правление Великих Инков Пачакутека и Тупак-Юпанки, охватывает значительный отрезок времени и значительное число действующих лиц. Ольянтай — центральная фигура драмы — неустрашимый воин, вождь — правитель Антисуйо, одной из областей «империи» инков. Однако, занимая столь высокое положение, он не принадлежит к племени собственно инков, не является «инкой по крови».

Первая же сцена пьесы показывает нам Ольянтая и его слугу и товарища по походам Пики-Чаки («Легконового»). Они стоят неподалеку от храма Солнца в Куско, столице инкского государства. Ольянтай любит Коси-Койлюр, дочь Инки Пачаку-

¹ Наряду с названием «Апу-Ольянтай» часто можно встретить наименование «Ольянтай» без слова «Апу», что на кечуа означает «господин, сановник». В нашей статье мы употребляем оба эти варианта (здесь и дальше примечания автора).

тека, но законы инков суровы: простой смертный, в жилах которого не течет «солнечная» кровь, будь он даже правителем области, не может рассчитывать на брак с принцессой. Неудивительно, что желание послать любимой сердечный привет через Пики-Чаки, повергает последнего в ужас.

Появляется Вильях-Ума, верховный жрец, возносящий молитвы к Вечному Солнцу. Вильях-Ума всеведущ. Он видит то, что скрыто от глаз простых смертных ²:

На луне я вижу знаки,
Письмена в них различаю,
Судьбы, скрытые во мраке,
Я легко по ним читаю.

Жрец проник и в тайну Ольянтая. Он предупреждает вождя о жестокой каре, которая ожидает его за «преступные» чувства:

Из-за глупой дерзкой мысли
Ты рискуешь с ясной выси
В пропасть черную свалиться...

Но ничто уже не в силах погасить чувства Ольянтая. Он готов на все:

...я петлей опутан длинной,
Я умру в ней, нет сомненья,
Но умру без сожаленья:
Золотом петля сверкает,
Пусть она собой венчает
Золотое преступленье!

Более того, жрец узнает из уст Ольянтая о том, что Койлюр фактически стала его женой и что об этом знает ее мать Анауарки. Ольянтай взывает к Вильях-Уме о помощи. Тот советует ему самому обо всем сказать Пачакутеку, однако еще раз предупреждает о возможной каре. Жрец прощается с Ольянтаем, обещая помнить о нем.

Второе действие переносит зрителя в один из покоев инкского дворца, где он видит Коси-Койлюр и ее мать Анауарки. Принцесса безутешна, уже давно не появляется ее тайный супруг Ольянтай. Она полна дурных предчувствий, все вокруг приобретает в ее глазах злобеший оттенок.

...Солнце вестником ненастья
Для меня отныне стало.

² Здесь и дальше перевод с кечуа автора статьи

По утрам заря пропала,
Небеса свой цвет теряют
Серым пеплом зарастают.
Звезды мне, рыдая, вторят,
И глазам моим от горя
Дождь, пролившийся на травы,
Ливнем кажется кровавым.

Появляется Инка Пачакутек со свитой. Он обращается к дочери с ласковыми словами:

О, душа моя! О, чадо!
Блеск бесценного металла!
Ты нежней, чем цвет коралла,
Лучший мой цветок из сада.
Ты мне лучшая отрада,
Ты очей моих зеница,
От твоих девичьих взглядов,
Как от солнца свет струится!
Всем живущим в мире любви
Эти солнечные взоры.
Ты долины, реки, горы,
Лишь едва раскроешь губы,
Наполняешь ароматом.
Без тебя, без кроткой птицы,
Я не мог бы насладиться
Ни восходом, ни закатом!

Но несмотря на ласковое приветствие отца Коси-Койлюр продолжает проливать слезы. Инка встревожен. По его приказу во дворец приходят юноши и девушки, пытающиеся песнями и танцами развлечь принцессу. Но все напрасно. Уходит Инка, принцесса изгоняет из дворца певцов и танцоров и дает волю слезам.

Третья сцена начинается с показа военного совета. Кроме Инки и Ольянтая, в нем принимают участие Руми-Ньяви — Каменный глаз — вождь, равный по рангу Ольянтаю, правитель области Ханансуйо. Вожди один за другим докладывают Инке о готовности подчиненных им войск к новым походам. Ольянтай делает это с оговоркой:

Я готов идти в сраженье,
Только пусть Великий знает,
Тайна сердце мне сжимает
И приносит мне мученья.

По приказу Инки удаляется Руми-Ньяви, и Пачакутек просит Ольянтая поведать о тайне, явно обнадеживая великого Вождя:

Говори, мой храбрый воин,
Ты всего желать достоин.
Хочешь? я сниму корону,
Дав тебе дорогу к трону.

Ольянтай перечисляет сначала свои заслуги перед Верховным правителем, а потом просит о великой милости: отдать ему в жены Коси-Койлюр. Куда девались благосклонность и благодушие великого Инки! Надменный деспот, неограниченный правитель, в жилах которого течет «благородная солнечная» кровь, он возмущен притязаниями Ольянтая, ему уже кажется, что вождь Анти чуть ли не посягает на его верховные прерогативы. В гневе он изгоняет Ольянтая и приказывает ему ожидать решения своей участи.

Следующая сцена переносится в окрестности Куско, в лес. Надменность Инки, как никогда прежде, пробудила в Ольянтае чувство человеческого достоинства и ненависти к деспотизму. Вождь Анти предвещает разрушение столицы и смерть Пачакутека, которого он называет тираном.

В следующей короткой, но выразительной сцене, Пачакутек беседует с Руми-Ньяви, которому он поручает найти исчезнувшего неизвестно куда Ольянтая. В этот момент появляется голец, принесший известие о том, что Ольянтай был радостно встречен в своем родном краю, в Антисуйо. Более того, на голове Ольянтая красуется льавта — символ провозглашения его Инкой и отделения Антисуйо от «Империи». Пачакутек вне себя от возмущения. Он приказывает Руми-Ньяви немедленно вести войска в Антисуйо и без жалости расправиться с мятежниками. Тот обещает Инке быструю и легкую победу:

...Мы минуем все ущелья,
Принеся врагам мученья.
Смертью и позором плена
Обернется их измена.
Инка! В Куско отдыхая,
Вей петлю для Ольянтая.

После этого действие переносится в Ольянтайтамбо, крепость, принадлежащую роду Ольянтая³. Оказывается, что из Куско бежали и примкнули к Ольянтаю некоторые другие вожди.

³ Остатки этой крепости сохранились до сих пор.

Среди них Орку-Варанка — Горный вождь и престарелый Ан-коуайлю. Ольянтай, обращаясь к вождям и к народу, рассказывает, почему он покинул Инку, обещает народу спокойную жизнь, свободную от тягот бесконечных войн. Вожди и народ провозглашают Ольянтая своим Инкой. Ольянтай и его военачальники отдают распоряжение о подготовке сопротивления войскам Инки Пачакутека, которые вот-вот должны появиться:

Пачакутек мыслит злое!
Он вождей опутал лестью,
Он грозит нам страшной мезтью,
Вынув чампи золотое ⁴.

.
Встаньте плотною стеною,
Лишь тропинкой длинной, узкой
Вход оставьте людям Куско
Меж скалою и скалою...

.
А потом путуту ⁵ стая
Заревет, терзая душу,
Скалы свой наряд обрушат,
Глыбы смерти низвергая.
И от каменного града
Затрещат людские кости.
Побегут в испуге гости,
Как от пумы ламье стадо.
Но не скроется ватага
Супостатов оробелых!
Их настигнут наши стрелы,
Наша ярость и отвага!

В драме не описано сражение между войсками Ольянтая и отрядом Руми-Ньяви. Но монолог последнего показывает, что войска Инки Пачакутека потерпели сокрушительное поражение. Единственный, кто избежал гибели, это сам Руми-Ньяви. В отчаянии он проклинает самого себя, однако одновременно грозит Ольянтаю, что сумеет погубить противника его же руками.

После этих событий проходит несколько лет. В акла, дворце-монастыре, предназначенном для ньюст, жриц Солнца, растет девочка редкой красоты. Недаром она носит имя Има-Сумах ⁶. Ей предстоит разделить судьбу остальных жриц, т. е. вечное

⁴ Чампи — разновидность инкского боевого топора. Золотое чампи — один из атрибутов верховной власти Инки.

⁵ Путуту — музыкальный инструмент из морской раковины, применяющийся главным образом для сигнализации.

⁶ Има-Сумах (кечуа) — какая красота!

заточение. Но она не хочет этого и старается вырваться из акла. Однажды, блуждая по саду, она слышит жалобные стоны, доносящиеся из подземелья. Проникнув туда с помощью своей служанки, она видит женщину, близкую к кончине, замученную долгими годами суровой неволи. Это Коси-Койлюр, подруга Ольянтая, брошенная сюда по приказу своего безжалостного отца. Има-Сумах узнает, что она дочь узницы и Ольянтая.

Но эти события происходят уже при новом Инке. Пачакутек умер, оставив бразды правления государством в руках своего сына Тупак-Юпанки. Новый Инка хотел бы жить мирно, без забот и войн. Но Вильях-Ума напоминает ему о его долге вновь включить Антисуйю в границы Инкской «империи».

И вот однажды перед воротами крепости Ольянтайтамбо появляется израненный и измученный человек. Он требует пропустить его к Инке, к Ольянтаю. И хотя лицо пришельца обезображено, Ольянтай узнает в нем Руми-Ньяви. Новый Инка в Куско Тупак-Юпанки, по словам Руми-Ньяви, жесток, бессердечен и несправедлив. Жертвой его несправедливости и стал правитель Ханансуйо. Ольянтай старается утешить несчастного и предлагает ему принять участие в великом празднике Солнца, который продлится трое суток. Ольянтай не сумел разгадать коварного замысла Руми-Ньяви, он и не подозревал, что хананский вождь сам обезобразил себя, чтобы не возбудить никаких подозрений. Во время праздника, когда многие анти были опьянены и безоружны, Руми-Ньяви открыл ворота крепости, обеспечив тем самым полную победу инкским войскам. Пленники, в том числе и Ольянтай, приведены в Куско. Им грозит жестокая кара. Но вмешательство верховного жреца предотвращает гибель Анти и их вождей. Более того, Тупак-Юпанки назначает Ольянтая своим заместителем и предлагает ему взять себе жену. Ольянтай отвечает, что он уже женат, но не знает о судьбе своей супруги. В этот момент во дворец вбегает Има-Сумах и просит Тупак-Юпанки о справедливости и заступничестве. Снисходя к мольбам девочки, Инка тем самым спасает от верной гибели ее мать, жену Ольянтая, свою сестру Коси-Койлюр.

Первые достоверные сведения о драме «Ольянтай» восходят к третьей четверти XVIII столетия. Драма ставилась в кругу единомышленников Габриэля Кондорканки, будущего вождя грандиозного индейского восстания, который известен также под именем Тупак-Амару II. Напоминая о былом величии инков, о времени независимого существования Тауантинсуйо, она внесла существенный вклад в идеологическую подготовку восстания. Неудивительно, что после подавления восстания испанским королем был издан специальный указ, запрещающий под угрозой жестокого наказания ставить народные драмы

кечуа. Даже списки этих драм подлежали безоговорочному изъятию и уничтожению. Лишь в отдельных частных собраниях и библиотеках списки «Ольянтая» избежали печальной участи. Рукопись драмы сохранилась также в библиотеке монастыря Санто-Доминго (перестроенного из древнего инкского строения Кориكانча) в городе Куско. Этот список сохранялся по меньшей мере до середины XIX столетия. По сведению ряда исследователей, состояние рукописи было весьма незавидное: она сильно отсырела и читать ее было почти невозможно. Список, который находится в монастыре Санто-Доминго в наши дни, несомненно является копией первого и сделан в более поздние времена. Драма долго пребывала в забвении, пока в 1837 г. перуанский журнал («Мусео Эрудито» — Museo Erudito) не опубликовал краткого изложения предания об Ольянтае. В 1853 г. Иоган Якоб фон Чуди издал в Вене свою работу «Die Kechua Sprache». Во второй части ее, озаглавленной «Sprachproben», начиная с 71-й страницы, был помещен текст драмы на кечуа без перевода. Как сообщает автор в предисловии, он использовал в качестве источника копию с рукописи из монастыря Санто-Доминго, сделанную одним из монахов и предоставленную в распоряжение Чуди немецким художником Ругендасом.

У Чуди не было сомнений в древнем происхождении драмы. Более того, он считал ее одним из доказательств существования драматургии у инков. Впоследствии (в 1875 г.) Чуди вновь вернулся к «Ольянтаю», используя для новой публикации уже не только копию, данную ему Ругендасом, но также работы других авторов и, кроме того, новый список, датированный 18 июня 1735 г. В 1876 г. работа Чуди была переиздана и в нее был включен перевод драмы на немецкий язык, выполненный Альбрехтом Графом Викенбургом.

Из других многочисленных исследований и публикаций «Ольянтая» укажем лишь на наиболее важные.

В год первой публикации Чуди, другой крупный европейский американист англичанин Клеменс Маркхам совершил научную поездку в Перу. Там ему посчастливилось познакомиться сразу с двумя списками драмы. В 1871 г. Маркхам опубликовал в Лондоне работу, содержащую кечуанский текст «Ольянтая» и его перевод на английский язык.

Выдающийся перуанский кечуолог Габино Пачеко Сегарра в 1871 г. издал в Париже книгу, содержащую научный анализ драмы, текст ее на кечуа, перевод на французский язык, изложение предания об «Ольянтае», опубликованное в 1837 г. в газете «Мусео Эрудито», и краткий кечуанско-французский словарь. Следует особо упомянуть также многочисленные, глубокие и разнообразные примечания к тексту драмы. Для своей публи-

кации Сегарра использовал рукопись, найденную в архиве своего деда Педро Сегарра.

В 1879 г. появляется в Лейпциге новое издание «Ольянтая» на кечуа и на немецком, подготовленное крупным немецким кечуологом Е. В. Миддендорфом, который пользовался публикациями Маркхама и Пачеко Сегарра.

В 1891 г. был опубликован в Турине итальянский перевод драмы. Переводчик Г. Рагуса-Молети поместил текст «Ольянтая» в сборнике «Poesie dei popoli salvaggi o raso civili». В 1897 г. этот перевод был переиздан в Неаполе. Взяв за основу текст Миддендорфа, чешский филолог Отокар Янота в 1917 г. опубликовал в Праге перевод «Ольянтая» на чешский язык. Упомянем также перевод драмы на латинский язык, появившийся в Перу в двух частях в 1937 и 1938 гг.

В 1877 г. была сделана первая попытка перевода драмы на русский язык. Ф. Миллер опубликовал полный перевод «Ольянтая» и небольшую вступительную статью к нему в журнале «Русский вестник». К сожалению, перевод не отличался высоким художественным уровнем и был сделан не с кечуа, а с немецкого языка. Подверглись искажению имена действующих лиц (в том числе и главного персонажа), а также (что намного важнее) были обеднены художественные достоинства драмы.

Как можно судить по краткому предисловию к тексту перевода, Ф. Миллер имел далеко не полное представление об исторических судьбах индейцев кечуа. Неудивительно, что драма в переводе Ф. Миллера не нашла пути ни к сердцу русского читателя, ни на сцену русского театра. Эти отрицательные моменты, однако, не умаляют большой заслуги Ф. Миллера, познакомившего русскую общественность последней четверти прошлого века с этим замечательным памятником литературы.

Переводы драмы «Апу-Ольянтай» в странах испанского языка весьма многочисленны и основываются на тех же источниках, что и работы перечисленных выше авторов. Среди них имеются издания, содержащие текст только на языке кечуа, либо только на испанском, либо на том и другом языке вместе. Первый полный перевод на испанский язык опубликовал в Лиме перуанский кечуолог Хосе Себастьян Барранка.

Центральным, основным вопросом, возникающим при рассмотрении «Апу-Ольянтая», является проблема определения его автора и времени создания. При отсутствии источников, дающих непосредственные и достоверные сведения по этому вопросу, он приобрел особую сложность, и до наших дней не может считаться решенным.

Более чем столетняя история публикаций «Апу-Ольянтая» одновременно отражает длительную и порой ожесточенную

полемику между двумя основными направлениями. Одна сторона упорно пытается доказать, что драма была создана лишь в колониальный период испанцем, в лучшем случае метисом, владевшим кечуанским языком. Среди сторонников этой точки зрения фигурируют столь авторитетные исследователи, как испанский филолог и искусствовед Франсиско-и-Маргали, выдающийся эквадорский литературовед, лингвист, поэт и общественный деятель Луис Кордеро; крупный аргентинский ученый и общественный деятель Бартоломе Митре; польский ученый Р. Г. Ноконь и многие другие. Характерно, что все эти исследователи за исключением Луиса Кордеро, не знали языка кечуа. Не ставя перед собой задачи анализа всех многочисленных точек зрения сторонников теории позднего происхождения драмы, мы считаем необходимым остановиться на одной из них, встречающейся наиболее часто и наиболее аргументированной. Согласно этой концепции «Апу-Ольянтай» был создан лишь в XVIII в. (при этом подразумевается обычно последняя четверть века), и автором его был Антонио Вальдес — священник из Сикуани.

Аргументы, используемые для доказательства этого положения, представляют значительный интерес. Впервые имя священника упоминается «Мусео Эрудито», где в 1837 г., наряду с преданием об «Ольянтае», была помещена заметка, основанная на сообщении Нарсисо Куэнтаса, племянника и наследника Вальдеса. В этой заметке прямо и категорично утверждалось авторство священника. Нельзя пройти мимо других аргументов. Именно священник Антонио Вальдес осуществил постановку драмы в окружении лиц, близких Тупак-Амару II. Один из текстов драмы (использованный Маркхамом) принадлежал приходскому священнику. Этот священник получил драму от своего отца, который в свое время снял копию с рукописи, находившейся у Вальдеса. Наконец, на последней странице «Кодекса Санто-Доминго» (т. е. списка драмы, хранящегося в доминиканском монастыре г. Куско) имеются следующие слова: «Автор Антонио Вальдес, священник из Янаока».

Однако при всей кажущейся убедительности приведенных аргументов и при относительно широком распространении их они подвергаются еще более серьезной и, на наш взгляд, более обоснованной критике. Авторство было приписано Вальдесу его племянником лишь после смерти первого. Нет абсолютно никаких сведений о том, что сам Вальдес претендовал на авторство. Наследникам священника достался довольно обширный архив, но в нем не было обнаружено ни одной пьесы, ни одного стихотворения или какого-либо другого литературного произведения, принадлежащего перу Антонио Вальдеса.

Нет никакого другого известия, что он занимался литературным трудом. Далее, в «Боливийском кодексе» (список драмы,

использованный Чуди) в конце текста стояла приписка: «Во имя святой девы, покровительницы Ла-Паса, сегодня 18 июня 1735 года». Трудно предположить, что Вальдес, умерший в 1816 г., мог бы написать драму раньше 1735 г. И, наконец, еще несколько слов о «Кодексе Санто-Доминго». Имеется авторитетное свидетельство Маркхама, видевшего его, а также косвенное свидетельство Чуди о таком плачевном состоянии списка, что его почти невозможно было читать. Ни Маркхам, ни Чуди ничего не говорят о приписке, свидетельствующей об авторстве Вальдеса. Примерно в середине прошлого века «Кодекс» исчез и вновь был найден лишь в 1940 г. вне монастыря.

Однако на этот раз и бумага, и сам текст драмы не оставляют желать лучшего. Текст прекрасно виден и хорошо читается. Кроме того, приписка, на которую так любят ссылаться сторонники авторства Вальдеса, написана почерком и чернилами, резко отличающимися от чернил и почерка, которыми написан весь текст «Кодекса Санто-Доминго».

Что касается остальных вариантов теории позднего происхождения драмы, то они еще менее состоятельны и основываются на таких важных, но чисто формальных, имеющих второстепенное значение признаках, как размер драмы и наличие в ней рифмованного стиха.

Не вдаваясь в детальный анализ и систематизацию различных точек зрения на время создания «Апу-Ольянтая», что может явиться темой специального исследования, мы считаем необходимым сразу заявить, что не являемся сторонниками утверждения о создании драмы в XVIII в. Мы полагаем, что дату появления на свет этого замечательного произведения следует искать в значительно более раннем периоде.

Что же касается самой устной традиции о жизни и подвигах «Ольянтая», то ее существование то ли в виде сказов, легенд и преданий, то ли в виде отдельных драматизированных сцен, то ли в виде целостного, не дошедшего до нас варианта драмы, можно без особого риска отнести к доиспанской эпохе. Нам представляется, что материал Мануэля Паласиоса, изложенный им в «Мусео Эрудито» в 1837 г. в Куско и воспроизведенный затем в «Ольянтае» Габино Пачеко Сегарра, дает на этот счет неоспоримое доказательство. Можно утверждать, что без такой сильной и богатой традиции создание драмы было бы невозможно ни в XVI, ни в XVII, ни в XVIII вв.

Мы склонны, далее, относить рождение на свет дошедшего до нас варианта драмы (или, точнее, вариантов, восходящих в конечном итоге к общему источнику), примерно к тому же отрезку времени, в течение которого родился другой замечательный источник по изучению инского общества, а именно

«Королевские комментарии инков» Гарсильясо де ла Вега эль Инка. Это был полный трагизма период, когда один за другим рушились древние институты инкского общества, уступая место привнесенным извне феодальным институтам, призванным превратить Тауантинсуйо в испанскую колонию «Вице-королевство Перу». Можно было бы прибегнуть к различным методам доказательства столь раннего происхождения «Ольянтая», например, к лингвистическому анализу текста или подвергнуть детальному изучению «темные» места драмы, т. е. те части ее текста, которые, будучи понятны в прошлом, непонятны в наши дни. Интересующий нас вопрос мог бы быть прояснен при уточнении соответствия предметов обихода, упоминаемых в драме, обстановке XVIII в. Несомненный интерес в этом отношении представляет и наличие различных списков «Апу-Ольянтая».

Однако в данном случае мы подходим к проблеме датировки памятника с другой стороны.

Прежде всего мы ставим вопрос: насколько полно и широко освещена в драме жизнь древнего инкского общества, насколько хорошо был знаком с ней автор дошедшего до нас варианта. И отвечая на этот вопрос, можно без колебания утверждать, что «Апу-Ольянтай» является своего рода энциклопедией эпохи Тауантинсуйо. Точнее говоря, нет ни одной существенной черты этой эпохи, не нашедшей своего отражения в «Ольянтае».

Социолог мог бы заметить, что автор драмы был хорошо знаком с социальной структурой, в частности с социальной иерархией Тауантинсуйо. Он часто и вполне обоснованно оперирует такими понятиями, как айлю (община), ауки (начальник, вождь), уаминка (великий вожь, правитель области).

Правовед нашел бы в драме материал для изучения норм права (государственного, международного, обычного), господствовавших в «империи» инков.

Песни «Туйя», «Два голубя», «Ушла голубка» открывают широкое поле деятельности для фольклориста и музыковеда.

Необычайно богатые и в своем роде уникальные сведения драма дает для исследования такого важного и своеобразного института древних инков, как «акла» — дома избранных, монастыри-дворцы, в которых находились жрицы Солнца.

Специалист военного искусства, привлекая данные «Ольянтая», мог бы написать работу о стратегии и тактике инков.

Для историка религии драма дает обильный материал об основах верований инков, о роли и значении жречества, о религиозных празднествах, о жертвоприношениях.

Уже этот, далеко не полный перечень различных аспектов древнего инкского государства, отраженных в драме, показывает, что «Ольянтай» своей энциклопедичностью может поспорить с таким авторитетным и общепризнанным источником, ка-

ким являются «Королевские комментарии» Гарсильянсо де ла Вега эль Инка.

Откуда такая осведомленность? Может быть, мы не случайно упомянули «Королевские комментарии»? Может быть, именно к ним или какой-либо другой хронике прибег неведомый автор «Ольянтая»? Попробуем сравнить оба произведения.

Прежде всего укажем на тот факт, что имена ряда действующих лиц драмы (Инки Пачакутека, Инки Тупак-Юпанки, Анкоуайлью) мы находим и в труде Инки Гарсильясо. Пачакутек в обоих источниках предстает полновластным самодержцем, обладателем решительного характера, полностью оправдывающим свое имя «реформатора судеб земли». Инке Тупак-Юпанки свойственны иные качества. Гарсильясо де ла Вега писал: «Так умер великий Тупак Инка Юпанки, оставив среди своих соплеменников вечную память о своей доброте, о своих милостях и мягкости характера, и о тех благодеяниях, которые он оказал всей «империи», из-за чего, помимо других имен, которые давались обычно всем королям, его называли Тупак Яя, что означает «отец, излучающий сияние»⁷. Добрым и милостивым предстает этот Инка и в «Ольянтае». Он прощает Ольянтая и его сподвижников, совершивших с точки зрения инков тягчайшее преступление. Именно к Тупак-Юпанки устремляется Има-Сумах просить о милости и прощении для своей матери и устремляется не зря... Тупак-Юпанки немедленно приказывает освободить Коси-Койлюр от тяжкого наказания.

Третий упомянутый нами персонаж Анкоуайлью также наделен чертами и поступками, которые фигурируют и в драме, и в «Комментариях». Это гордый и смелый вождь. Интересно отметить, что по данным и того, и другого источника Анкоуайлью покидает Инку, несмотря на почести и ласку, и уходит в страну Анти⁸, хотя и не принадлежит к народу Ольянтая — анти.

Большое сходство между памятниками наблюдается и в другом. Оба они сходно рассказывают об административном устройстве государства инков. Вся «империя» инков разделена на отдельные области — суйо, во главе со своими вождями. Вожди этих областей живут в Куско, при дворе Великого Инки.

Традиционная манера ведения войны инками также изображается в обоих произведениях весьма сходно. В своих «Комментариях» Гарсильясо де ла Вега эль Инка не устает повествовать о том, как перед началом военных действий инки всегда предлагали противнику подчиниться добровольно, избегнув кровопролития. При этом, по версии Гарсильясо, инки на протяже-

⁷ Garcilaso de la Vega. Los comentarios reales de los Incas, t. III, Lima, 1943, p. 37.

⁸ Garcilaso de la Vega. Op. cit., t. II, p. 92—94.

нии любой войны старались пролить как можно меньше крови врагов, особенно заботясь о том, чтобы не пострадали невинные — женщины и дети. В драме Инка говорит, обращаясь к великим вождям:

Не хочу сейчас спешить я,
Вскоре, может быть, решатся
Нам враги без боя сдаться,
Избежав кровопролитья...
Хочешь ты без промедленья
Раздавить клубок змеинный?
Но помысли, чтоб невинный
Зря не умер бы в мученьях.
Мы должны миролюбиво
Говорить с врагом сначала,
Чтоб рука не покарала
Всех подряд несправедливо.

Можно ли, подметив сходство между «Королевскими комментариями» и «Апу-Ольянтаем», сделать вывод о том, что первое произведение послужило основой для написания второго? Если учитывать только это сходство, то можно; и в этом случае «Ольянтай» мог появиться в любое время после выхода в свет «Комментариев». Однако мы решительно отвергаем подобный вывод, поскольку сходство между двумя источниками скорее внешнее. Различия между ними более существенны. Основное различие — это отношение к личности Великого Инки, в частности, трактовка личности Инки Пачакутека. Для Гарсильясо де ла Вега Инка Пачакутек — воплощение многих достоинств, мудрый правитель. Он лично объезжает страну, контролируя деятельность местных вождей, дабы устранить жестокость и несправедливость. Благодаря его государственной и военной мудрости значительно расширяются границы государства инков. Согласно заповедям Пачакутека, процитированным Инкой Гарсильясой, гнев и поспешность в решении важных дел достойны всяческого осуждения. Заповеди Пачакутека требуют от правителей проявлять милость и великодушие к подданным.

Для автора «Ольянтай» Пачакутек — обычный смертный, обладающий серьезными недостатками, которыми может быть наделен рядовой человек. Инка проявляет явное недомыслие. В припадке гнева он оскорбляет Великого вождя Ольянтай, что приводит к расколу государства и отпадению от «империи» огромной области Антисуйо. Действуя с поспешностью, он высылает против восставшего Ольянтай войска Руми-Ньяви, не подкрепив их дополнительными силами, в результате чего тысячи воинов Ханансуйо гибнут в засадах, подготовленных Ольянтаем и подчиненными ему вождями. Пачакутек мстителен, же-

сток и лицемерен. Видя печаль Ольянтая, Инка, дабы утешить крупного военачальника, предлагает ему трон и корону. Но узнав тайну великого вождя, он мстит не только ему, но и своей собственной дочери Коси-Койлюр, которую приковывают цепями к стене темницы на долгие годы.

Но, пожалуй, еще существеннее следующее обстоятельство: Инкой, согласно концепции автора драмы, может быть любой достойный человек. Совсем не обязательно, чтобы он был инкой по происхождению, чтобы он был потомком «сына Солнца», чтобы в его жилах текла священная «солнечная кровь», как об этом говорится у Гарсильясо. Данная концепция особенно ярко проявляется в сцене провозглашения Великим Инкой Ольянтая.

Весьма показательное отношение двух авторов к войнам, введшимся инками для подчинения других племен. Гарсильясо целиком оправдывает их. По его мнению, подчинение племен власти инков являлось высшим благом для первых. Разумеется, Гарсильясо (сам сын инкской принцессы по происхождению) ни слова не говорит о неисчислимых жертвах и страданиях, доставшихся на долю инкских войск, основную массу которых составляли не сами инки, а подчиненные племена. Совсем иную оценку этих войн мы находим в драме. Обращаясь к своим подданным, Ольянтай заявляет:

Я заметил Инке как-то,
Что нельзя сражаться голы.
Антисуйо нужен отдых,
Анти превратился в кактус.
Он горит огнем объятый.
Кожа треснула от жара.
Почему такая кара?
В чем, несчастный, виноват он?
Там... в безжизненной пустыне,
Вдалеке от Антисуйо,
Сколько павших анти стынет?

Подобные же мысли высказывает и Горный Вождь — Орку Варанка:

...послушай как рыдают
Жены анти! как тоскуют!
Говорят они: «К Чаянте
Поведут мужей и братьев,
Кровь прольется, и проклятьем
Смерть опять падет на анти».
Будет ли ковец сраженьям,
Ты подумай сам, Взаминка:

Льется кровь врагов и инков,
Всюду ужас и мученье.
Нас в походах ждут невзгоды,
Мы живем одной лишь кокой.
От судьбы такой жестокой
Утомились все народы.
Ламы мрут у нас в дороге,
Люди мрут. Страшны их лики!
Острия растений диких
Больно ранят наши ноги.
Мы несем на спинах воду,
Каплей жажду утоляя,
Мы устали, ожидая
Смерть — товарища походов.

Нет необходимости комментировать процитированные нами отрывки, чтобы понять, насколько глубоко они противоречат букве и духу «Комментариев».

Существенное различие между «Комментариями» и «Ольянтаем» наблюдается и в вопросе о роли и месте Верховного жреца в Тауантинсуйо. Во втором источнике мы находим также подробности, которые отсутствуют в первом. В самом деле, верховный жрец выступает в драме в качестве авторитарной власти, придающей окончательную силу распоряжениям Инки, подкрепляющей эти распоряжения. Когда Тупак-Юпанки прощает Ольянтая и назначает его своим наместником над всей «империей» (инкранти), то этого, видимо, мало, чтобы повеление Инки приобрело юридическую силу. Верховный жрец Вильях-Ума по просьбе самого Тупак-Юпанки провозглашает:

Да узнайте все народы:
Ольянтай — наместник Инки!

Именно себя Вильях-Ума считает вправе снять с Коси-Койлор цепи, надетые на нее по приказу покойного Инки Пачакутека.

Столь же авторитарно ведет себя и Анкоуайлью, носящий титул Верховного жреца в годы независимого существования Антисуйо.

По-разному трактуется в «Ольянтае» и в «Комментариях» такой важный институт древнего государства инков, как «дома избранных». При чтении драмы вырисовывается совсем не та, полная идиллии и мирного спокойствия картина, какую мы наблюдаем на страницах «Королевских комментариев». Читатель или зритель «Ольянтая» видит в «доме избранных» мрачную потайную темницу, в которой человека могут держать закованным

в течение десятилетий, до самой его смерти. Глава дома — Какка-Мама — бессердечная жестокая старуха, вызывающая отвращение. Лицемерие подвижничества «избранных» вскрывает Има-Сумах:

Здесь нет радости,
Уныние вызывает их вид,
И если бы это зависело
от их желаний,
Никто бы из них здесь
не остался.

Понятно, что Има-Сумах отнюдь не стремится попасть в число «избранных» и посвятить всю свою жизнь служению Солнцу.

Имеются и ряд других расхождений и противоречий между двумя памятниками.

Если по драме Тупак-Юпанки — сын Инки Пачакутека и его прямой наследник, то согласно «Комментариям», он внук Пачакутека и наследник Капак-Юпанки. В первом источнике Анкоуайлью живет и действует во времена Пачакутека, во втором — в годы правления Инки Уиракочи. У нас нет возможности провести аналогичное сравнение «Ольянтая» с работами других хронистов. Прежде всего нам не позволяет сделать этого тот факт, что целый ряд хроник затерян, и они лишь частично цитируются в трудах других авторов.

Однако не следует забывать двух обстоятельств. Во-первых, труд самого Гарсильясы основывался не только на устных преданиях, но и на ряде вышеупомянутых хроник и в какой-то мере является синтезом их. Во-вторых, сравнение «Ольянтая» с любой из хроник показало бы нам, что между ними имели бы место и совпадения, и противоречия.

Энциклопедичность «Ольянтая», а также противоречия и различия между ним и другими источниками по истории и этнографии Тауантинсуйо, весьма красноречивы. Они показывают, что автор драмы не черпал и не мог черпать материала для ее создания из трудов хронистов, в частности из «Комментариев» Инки Гарсильясо. Они скорее свидетельствуют о другом: основным источником для автора драмы, как и для Гарсильясо, послужила сама жизнь и еще свежая устная традиция.

Видимо, судьба неизвестного автора в определенной степени сходна с судьбой Инки Гарсильясо. Именно степень сходства судеб и одновременно различия между ними отразились в сходстве и различиях между двумя памятниками, вышедшими из-под их пера.

Безвестный автор, видимо, так же как и Гарсильясо, происходил по одной или двум линиям (а если по одной, то наверняка по материнской) из знатного индейского рода. Почти с уве-

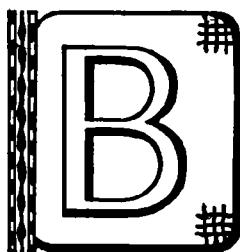
ренностью можно сказать, судя по содержанию драмы, что он не был инкой по крови. Скорее всего, инка по привилегии, он был родом из Антисуйо и считал себя потомком Ольянтая (реального лица или мифического, в данном случае не имеет значения). Подобно тому, как Гарсильясо считал своей священной обязанностью оставить память о своих славных предках и их деяниях, так и этот автор видел свой долг в том, чтобы увековечить деяния своих предков. Как и автор «Комментариев», автор «Ольянтая» должен был получить блестящее по перуанским условиям того времени образование в одной из школ, создаваемых испанцами для воспитания детей знатных индейцев в духе преданности испанской короне и католической религии. Несомненно, что обучаясь в такой школе, он должен был в совершенстве владеть испанским языком. В частности, этим может быть объяснено наличие в драме небольшого количества слов испанского происхождения. Будущий автор драмы, по всей вероятности, близко познакомился с образцами испанской поэзии и драматургии, что отразило свои следы в произведении.

Не исключена возможность, что на последнем этапе своей жизни, как и Гарсильясо, он стал духовным лицом. Тот факт, что основной список драмы был найден в монастыре, лишь подтверждает это предположение.

Таковы наши мысли в отношении автора «Ольянтая». Энциклопедичность драмы свидетельствует о том, что ее автор хорошо был знаком с самыми различными сторонами жизни Тауантинсуйо. Это знакомство было отнюдь не книжным, ибо наряду с тем общим, что объединяет драму и хроники (как это показано на примере «Комментариев»), между ними имеется много противоречий. Довольно точное знание Тауантинсуйо автор мог получить лишь в то время, когда не все институты его исчезли, а исчезнувшие оставили свежую память у автора и его современников. Вероятней всего это время датировать второй половиной XVI — началом XVII в. Автор — индеец или метис, получивший образование и воспитание в одной из школ, созданных испанцами, но сохранивший верность своему краю, народу и его традициям.

Разумеется, наши соображения не претендуют на исчерпывающее освещение вопроса, намечая лишь один из возможных путей к его решению.

ВКЛАД АМЕРИКАНСКИХ ЭСКИМОСОВ В ОСВОЕНИЕ АРКТИКИ

западном секторе Арктики — на Аляске, на севере Канады и в Гренландии живет небольшой народ: эскимосы¹. Их всего около 50 тыс. человек, однако изучением их занимаются десятки ученых во всех странах мира. Происхождению и культуре эскимосов посвящены тысячи книг и статей, гораздо больше, чем иным более крупным народам. И это не случайно.

Культура эскимосов представляет собой редкий пример приспособляемости человека к условиям жизни в Арктике. Эскимосы проложили европейцам путь к освоению Арктики и до сих пор их старая, еще недавно неолитическая по уровню своего развития культура нередко оказывается в условиях крайнего севера более практичной, чем «машинная» культура европейцев. Норвежский полярный исследователь Фритъоф Нансен писал: «В этом негостеприимном окружении, где мы, европейцы, невзирая на все свои достижения не были бы в состоянии сохранить жизнь без помощи извне, эскимосы живут беззаботно»² (имеется в виду не действительное отсутствие забот, а приспособленность эскимосов к суровым условиям Арктики — результат упорного труда). В другой своей книге Нансен, развивая эту же мысль, заметил: «Эскимосы — один из тех народов которые высланы на аванпосты; они образуют фланги великого войска человечества в его постоянной борьбе с природой. Эскимос стоит на крайнем посту лицом к лицу с бесконечной

¹ Свыше 1 тыс. эскимосов живут в нашей стране на востоке Чукотки и на о-ве Врангеля.

² Ф. Нансен. На лыжах через Гренландию. Соч. т. I, 1937, стр. 78.

тишиной снежных пространств. Он принял в свое владение те области, которыми все пренебрегли. В постоянной борьбе, медленно совершенствуясь, эскимосы научились тому, чего никто не знает лучше их. Там где для других кончаются возможные для жизни условия, для эскимоса начинается жизнь. Он полюбил эти места, они для него мир, в котором он один человек»³.

Эскимосы как этническая группа сформировались в районе Берингова моря несколько тысяч лет назад. Именно здесь в процессе постепенного совершенствования и приспособления к условиям географической среды сформировался и хозяйственный тип охотников на морского зверя и были выработаны способы передвижения, типы жилища и одежды, позволившие эскимосам распространиться далеко к западу от Берингова пролива и освоить все арктическое побережье Америки и прилегающие острова Северного Ледовитого океана, а также берега Гренландии. Многие века эскимосы были безраздельными хозяевами американской Арктики. Правда, в конце X в. н. э. на западном берегу Гренландии появились норманны. Но их колония в Гренландии не была экономически самостоятельной и могла существовать лишь при условии поддержки ее метрополией. Когда же связь норманнской колонии с Европой прекратилась, норманны деградировали и вымерли от недоедания и суровых условий жизни или смешались с эскимосами. Таким образом, эта первая попытка европейцев закрепиться на американском севере окончилась неудачей. После гибели колонии норманнов европейцы в течение длительного времени не делали новых попыток поселиться в Арктике, ограничиваясь морскими путешествиями на север. Некоторые из путешественников XVI в., например Мартин Фробшер, Девис и другие встречались в своих плаваньях с эскимосами Баффиновой земли и с западногренландскими эскимосами, но не пытались воспользоваться их знаниями и опытом для полярных исследований. На западном и юго-западном побережье Аляски с конца XVIII в. образовались постоянные русские поселения. Русские постоянно общались с эскимосами и алеутами и перенимали у них многие полезные навыки. Но еще до основания русских поселений на Аляске эскимосы оказывали большую помощь первым русским исследователям этих мест.

Так, в 1732 г. эскимос, подплывший на каяке к боту «Гавриил», на котором путешествовали русские исследователи Федоров и Гвоздев, дал им краткие сведения о населении и природе Аляски⁴.

³ Ф. Нансен. Жизнь эскимосов. Соч., т. I, стр. 205—206.

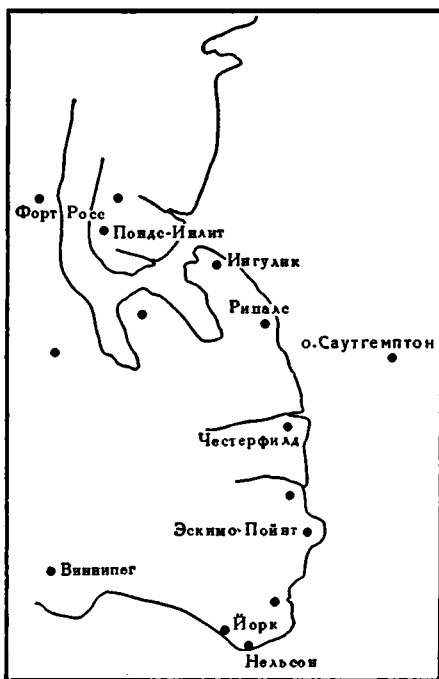
⁴ А. В. Ефимов. Из истории великих русских географических открытий. М., 1950, стр. 17.

Интересные сведения о населении Америки сообщили в 1779 г. служилому человеку сотнику Ивану Кобелеву эскимосы острова Ингеллин (ныне о-в Крузенштерна).

Особенно важным было сообщение главного тойона острова Кайгуня Момахунина, что «на американской земле по реке Хеврене, в острожке, называемом Кымговей, жительство имеют российские люди, разговор имеют пороссийски, читают книги, пишут, поклоняются иконам и прочая, собою от американцев отмениты, ибо у американцев бороды редкие, а и те выщипывают, а у живущих де там россиян бороды густые и большие»⁵. Это сообщение очень ценно для изучения вопроса о древнейших русских поселениях на Аляске. Сообщали эскимосы ценные географические сведения и другим русским путешественникам, например О. Е. Коцебу.

В Гренландии в первой половине XVIII в. появились постоянные датские поселения и состоялось несколько экспедиций с использованием эскимосских средств передвижения. Так, пастор Ганс Эгед в время своих многочисленных исследовательских поездок вдоль западного побережья Гренландии пользовался эскимосской лодкой — умиаком. Один из первых исследователей восточного побережья Гренландии Педер Ольсен Валле перед тем как предпринять свою экспедицию, в течение 10 лет жил в Гренландии и хорошо научился пользоваться эскимосскими средствами передвижения. В 1751—1752 гг. он совершил на умиаке путешествие от Готхоба на западном побережье Гренландии до пункта, лежащего на 61° северной широты, на восточном побережье.

Со второй четверти XIX в. полярные исследователи завязали более тесные сношения с эскимосами и стали заимствовать у них во все большей степени технику передвижения по суше. По этому поводу В. Стефанссон пишет следующее: «Для про-

Эскимосский чертеж побережья Гудзонова залива

⁵ М. Б. Черненко. Путешествия по Чукотской земле и плавание на Аляску казацкого сотника Ивана Кобелева в 1779 и 1789—1791 гг. «Летопись Севера», II. М., 1957, стр. 122—124.

гресса полярной техники удачным было то обстоятельство, что Джон Росс (в 1829 г.), которому случалось действовать совместно с эскимосами, позаимствовал у них некоторые методы, например, использование саней и отчасти собак. Впрочем эти методы он применял неумело как новичок. Поразительно, что ни один исследователь не догадался прямо обратиться к эскимосам и полностью усвоить их образ жизни и способы передвижения; вместо этого они почему-то сочли нужным самостоятельно изобретать все средства существования и передвижения, которые были изобретены эскимосами уже много веков назад. Леопольд Мак-Клинтон значительно опередил своих предшественников по части полярной техники. Но если бы он равнялся не по своим коллегам-исследователям, а по эскимосам, то достиг бы несравненно больших успехов»⁶.

Помощь эскимосов европейским полярным мореплавателям XIX в. носила более непосредственный и активный характер. По просьбе европейских путешественников эскимосы составляли чертежи различных довольно крупных по площади участков Арктики. Так, в 1821 г. эскимоска из племени Иглулик (северо-восточная Канада) сделала для английского мореплавателя В. Э. Парри чертеж земли, у которой он зимовал. Это был полуостров Мелвилл, соединенный перешейком Рей с материком и отделенный узким проливом от Баффиновой земли. Пользуясь этим чертежом, англичане достигли пролива, отделявшего материк от Баффиновой земли. Так было доказано, что Баффинова земля не часть материка, а остров. Островок у входа в пролив Парри назвал Иглулик в честь эскимоски⁷.

Джону Россу эскимосы составили чертеж залива Бутия. В 1850—1851 гг. гренландский эскимос Калихеруа нарисовал для капитана судна «Ассистанс» подробный чертеж северо-западной части побережья Гренландии от канала Смита до мыса Йорк. На этом чертеже показаны и снабжены эскимосскими названиями все мысы, острова, горы, ледники. Р. Пири в свое второе путешествие в Гренландию в 1895 г. узнал, что к северо-востоку от полуострова Мелвилл имеется пролив, ведущий на север. А затем эскимосская женщина сделала ему точный чертеж. Пользуясь им, Пири нашел пролив Фьюри-энд-Хекла⁸.

Эскимосскими чертежами пользовались шотландский путешественник Ф. Л. Мак-Клинтон, исследователь Аляски капитан Ляйон, американский исследователь Ч. Холл и многие

⁶ В. Стефанссон. Гостеприимная Арктика. М., 1948, стр. 13—14.

⁷ И. П. Магидович. Очерки по истории географических открытий. М., 1957, стр. 609—610.

⁸ Б. Ф. Адлер. Карты первобытных народов. «Изв. об-ва любителей естествознания, антропологии и этнографии при Моск. ун-те», т. CXI, 1910, стр. 64—66.

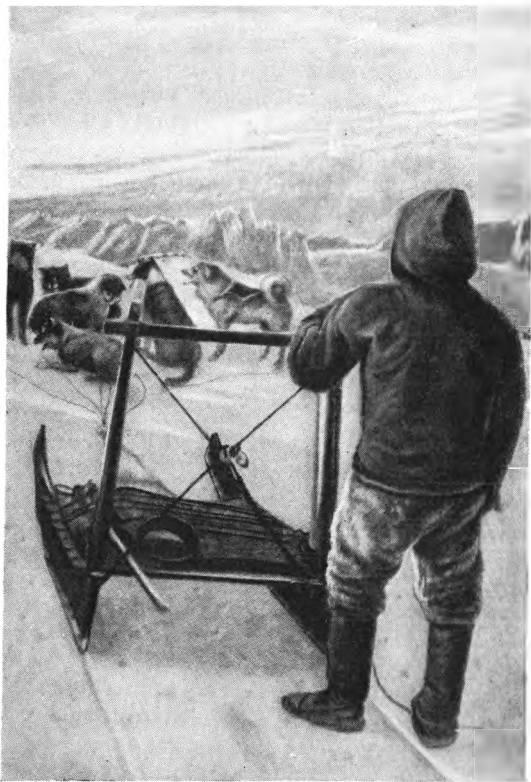
другие путешественники XIX в. Эти чертежи тщательно передавали сложную береговую линию с массой островов и заливов, типичную для многих районов американской Арктики. Помогая европейским путешественникам, искавшим погибшую экспедицию Франклина, эскимосы составляли специальные чертежи, на которых отмечены места кораблекрушений европейских судов.

Проведенное впоследствии сравнение эскимосских чертежей с европейскими картами XIX в., составленными на основе методов научного картографирования, показало, что во многих случаях эскимосские чертежи не уступали по точности европейским. Более того, в отдельных случаях европейские карты пришлось исправлять на основе эскимосских.

Велика роль эскимосов в открытии Северного полюса. В основу экспедиций Р. Пири к Северному полюсу была положена эскимосская техника полярных путешествий.

Эскимосы были неизменными спутниками и помощниками Пири во всех его экспедициях. Оценивая вклад эскимосов в достижение человечеством полюса, Пири пишет: «Мы вряд ли добились бы успеха без помощи наших товарищей-эскимосов, их необыкновенной трудоспособности и выносливости...»⁹.

В другом месте своей книги он снова возвращается к этой мысли и говорит: «Меня часто спрашивали: „Какой вклад сделали эскимосы в сокровищницу человеческой культуры?...“ В ответ на это я писал еще несколько лет назад: „Не надо забывать, что эти трудолюбивые и выносливые люди являются замечательными работниками в деле освоения Арктики. Они еще

Собачья упряжка «веером».

⁹ Р. Пири. Северный полюс. М., 1948, стр. 19.

внесут свою лепту в общее дело человечества. С их помощью мир откроет полюс»¹⁰. Эти слова оказались пророческими. В 1909 г. Пири с помощью эскимосов достиг полюса.

Пири путешествовал на санях, запряженных эскимосскими собаками, он одевался как эскимос и на привалах строил снежные хижины. Но продовольствие Пири вез с собой и этим отличался от своих друзей-эскимосов.

Через несколько лет после Пири В. Стефанссон во время своей экспедиции практически доказал, что можно жить за счет только местных ресурсов Арктики, во всем подражая эскимосам. Следует, правда, сказать, что у Стефанссона в этом отношении был предшественник.

В 1846—1854 гг. служащий компании Гудзонова залива д-р Дж. Рей совершил ряд исследовательских поездок по северу Канады. Он первый из путешественников жил почти полностью как эскимос и не возил с собой запасов продовольствия. В те же годы экспедиция Франклина погибла от голода, так как Франклин и его спутники не воспользовались опытом эскимосов¹¹.

Характерным представителем стефанссоновского течения в методах полярных путешествий являлся также известный датский географ и этнограф Кнуд Расмуссен. По матери эскимос, он прекрасно знал жизнь этого народа и именно поэтому смог успешно совершить много продолжительных путешествий, обогативших науку ценными открытиями.

Таким образом, мы видим, как на протяжении длительного времени происходила постепенная «эскимосизация», если можно так выразиться, техники сухопутных полярных путешествий и самого образа жизни исследователей. Образцом этого является совершенный К. Расмуссеном в 20-х годах XX в. 20 000-километровый переход на собаках от восточного до западного побережья Арктической Америки.

С развитием в последние десятилетия механических средств транспорта, специально созданных для работы в Арктике, и авиации ценность эскимосских средств передвижения для путешественников значительно снизилась, но другие заимствованные исследователями элементы эскимосской культуры: снежные жилища, меховая одежда и т. п. продолжают играть большую роль, а также служат основой создания новых специализированных типов снеговых и ледяных построек в Арктике и костюмов для полярников.

Широкое распространение получили эскимосские постройки из снега. Они представляют собой куполообразные хижины, так называемые иглу, воздвигаемые из снежных плит.

¹⁰ Р. Пири. Северный полюс. М., 1948, стр. 39—40.

¹¹ R. Finnie. Canada moves North. New York., 1944, p. 21—22

Для постройки годится только очень плотный снег, на котором человек в мягкой меховой обуви не проваливается, а лишь оставляет след глубиной около 2 см; снег должен быть наметен одной бурей (иначе при нарезке он будет распадаться на пласты), нанос должен вылежаться в течение двух-трех дней морозной погоды; пригодным считается снег, издающий хрустящий звук; эскимосы проверяют также качество снега, протыкая его щупом — тонким костяным прутом. Когда найден подходящий плотный сугроб, то из него специальным ножом нарезают крупные шестигранные плиты в 20—40 кг весом; размер этих снежных блоков зависит от прочности снега: длина их от 50 до 100 см, ширина 30—50 см и толщина 10—20 см. Затем выбирают на плотном снегу горизонтальную площадку и укладывают на нее до круга плиты, ставя их на ребро. Устанавливая плиты одну за другой, их все время подравнивают, подгоняя так, чтобы не было выступов и больших щелей; при морозной погоде уже через 10—15 минут плиты смерзаются, придавая постройке прочность. Обычно снежную хижину строят втроем или вчетвером — один вырезает плиты, второй носит и подает их, третий выкладывает хижину, стоя внутри, четвертый залепляет и затирает снегом щели между плитами.

Укладку снежных кирпичей ведут по спирали, справа налево. Каждый следующий ряд наклоняют внутрь несколько больше нижнего, чтобы получалась сферическая форма; для этого перед укладкой строитель скашивает ножом или верхнюю грань уже уложенной плиты, или нижнюю грань укладываемой. Каждая укладываемая плита перекрывает вертикальный шов нижнего ряда, как в кирпичной кладке. Когда остается наверху небольшое отверстие, строитель, находящийся внутри хижины, заранее поданным ему снежным кирпичом замыкает свод. Замуровав себя в хижине, он заделывает щели снегом изнутри, его товарищи снаружи сквозь сугроб роют туннель, ведущий к хижине и заканчивающийся люком в снежном полу.

Наружный вход в снежный туннель довольно высок — около 1,5 м, так что в нем можно идти согнувшись или с наклоненной головой, но вход из туннеля в самую хижину обычно настолько низок, что надо в нее вползти на четвереньках и, только очутившись внутри, можно встать во весь рост. Благодаря низкому входу, теплый воздух, собирающийся в верхней части хижины, не может выйти наружу. Средняя хижина имеет 3—4 м в диаметре и 2 м в высоту, так что, стоя посередине, можно достать до потолка. Реже строят хижины большего размера. Стефанссон указывает, что самый большой снежный дом, какой ему пришлось видеть, был в 9 м диаметром у пола с высотой от пола до центра свода около 3—3,5 м; этот дом исползовался для собрания, в нем могло поместиться до 100 человек.

Для окончательной отделки хижины зажигают внутри нее лампу-плоску с тюленьим жиром. От нагревания воздуха снег на своде и стенах начинает таять, но не капает, так как образующаяся от таяния вода впитывается толщей снега. Когда внутренний слой свода и стен делается достаточно влажным, то впускают в хижину холодный воздух и дают ей промерзнуть; благодаря этому хижина покрывается изнутри етековидной ледяной пленкой (полярники, заимствовавшие снежную строительную технику у эскимосов, называют это «глазированием» хижины), что увеличивает прочность стен и делает удобнее жизнь в хижине. Если бы не было этой ледяной корочки, то стоило бы только задеть за стенку, как снег бы приставал к одежде и сыпался на постели.

Пока хижина не выстоялась на морозе, прочность ее невелика. Но благодаря прогреванию происходит общая осадка снега, швы спаиваются и хижина становится прочной, превращаясь в монолитный снежный купол. На нее могут тогда взобраться несколько человек, случалось, что влезали и белые медведи, не причиняя ей вреда — снежные своды свободно выдерживают эту тяжесть.

Днем в снежной хижине достаточно светло и в пасмурную погоду (можно даже читать и писать); в солнечные дни освещение настолько ярко, что может вызвать заболевание снежной слепотой. Но иногда, во время полярных сумерек, эскимосы вставляют в снежные хижины своего рода стекла из толстого озерного льда, взятого из прорубей; для окон вырезают небольшие отверстия над входом. Освещают и отапливают хижины лампами-плосками или жирниками, свет их, отражаясь от бесчисленных ледяных кристаллов купола, становится мягким и рассеянным. Если даже в хижине нет ледяных окон, ее видно ночью за полкилометра, благодаря розовому свечению освещаемого изнутри купола.

Если хижина внутри нагреется настолько, что свод начинает таять, то взбираются на купол снаружи и соскабливают сверху ножом слой снега в 5—10 см, чтобы охладить хижину и прекратить таяние. Если, наоборот, хижину не удастся нагреть, а на своде изнутри образуется иней, падающий вниз снежными хлопьями, значит — крыша тонка, поэтому набрасывают лопатами снег на купол.

Большая часть хижины внутри против входа занята снежной лежанкой; для нее стараются использовать или поверхность сугроба, на котором поставлена хижина, или естественный уступ почвы; если этого нет, то складывают ее из снежных глыб. Когда лежанка готова, ее устилают двойным слоем шкур (оленя, белого медведя или мускусного быка); нижний слой обращен шерстью вниз, верхний — шерстью вверх; иногда под шкуры

Постройка снежной хижины

подкладывают старую кожу с каяка. Эта трехслойная, изолирующая подстилка не пропускает тепло от человеческих тел и предотвращает таяние снежной лежанки. Иногда в толще лежанки сбоку вырезают небольшие углубления для вещей, которые хотят сохранить сухими; эти ниши закладываются небольшими снежными кирпичиками. На лежанке спят, едят, работают и отдыхают.

Снежная хижина имеет характерную особенность, делающую ее весьма ценной для полярников: чем ниже температура наружного воздуха, тем больше можно нагреть воздух внутри хижины. Это объясняется тем, что при небольшом морозе наружный воздух не охлаждает достаточно быстро стенок снежного дома, и даже при сравнительно небольшом нагревании изнутри они начинают таять. Поэтому при температуре -15°C воздух в помещении нельзя нагревать больше, чем до нескольких градусов выше 0° и в сравнительно теплую погоду в палатке теплее,

чем в снежной хижине. Зато при сильных морозах — 40 или 50° С температуру в помещении можно безбоязненно повышать до +15 или даже +20° С. В палатке почти невозможно достичь такой высокой температуры.

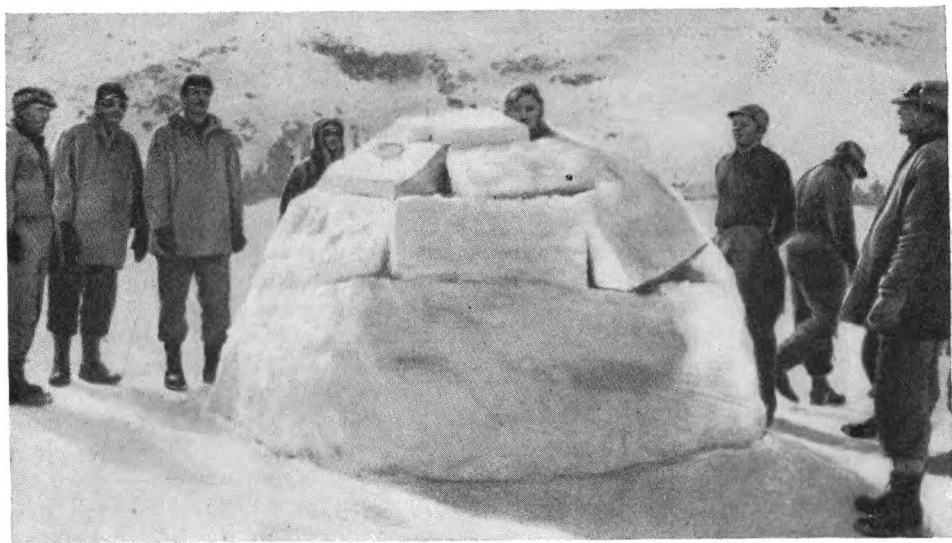
Другое важное достоинство снежной хижины заключается в том, что если она по каким-либо причинам не отапливается, температура в ней даже в сильный мороз редко опускается ниже —2, —3° С, так как снег обладает малой теплопроводностью; воздух же в помещении быстро нагревается за счет тепла живущих в хижине людей. Поэтому снежная хижина является лучшим видом временного укрытия для людей, оказавшихся в бедственном положении во время путешествия, например для летчиков, потерпевших аварию.

Эскимосскими снежными хижинами пользовались не только исследователи Западной Арктики Пирри, Стефанссон, Расмуссен и другие, но и экспедиции, работавшие в Восточной Арктике и Антарктиде. Так, снежные хижины строились на земле Франца-Иосифа участниками экспедиции А. Фиала в 1903—1905 гг. Во время зимовки Г. Я. Седова на земле Франца-Иосифа в 1913—1914 гг. были построены снежные хижины для магнитных наблюдений и других нужд. Снежные постройки использовались работниками советской геодезической лаборатории на острове Большом Ляховском в 1928—1929 гг. Нашли они свое применение и во время зимовки пароходов «Г. Седов», «Садко» и «Малыгин» в море Лаптевых в 1937—1938 гг. Амундсен во время своей экспедиции к Южному полюсу добивался того, чтобы все его спутники овладели искусством постройки снежных хижин. Снежные хижины эскимосского типа и другие сделанные по их образцу постройки из снега и льда не потеряли своего значения и в настоящее время.

Не случайно в 1949 г. в издательстве Главсевморпути вышло специальное руководство по постройке снежных хижин¹². В предисловии к нему указывается: «Знать, как строить снежные хижины, должен каждый полярник и особенно работники экспедиции». Там же отмечается, что из снега можно успешно строить и нежилые помещения: гаражи для вездеходов, кузницы, склады и т. д.¹³ Затем автор подробнейшим образом рассказывает, как выбрать снег для постройки снежной хижины, как ее построить и как ею правильно пользоваться. В сущности, вся книга представляет собой разъяснение того, как эскимосы строят снежные жилища, и научное осмысление эскимосского опыта в строительстве этого типа жилищ.

¹² М. А. Кузнецов. Снежные хижины «иглу». М.—Л., 1949; приведенные выше сведения об использовании снежных хижин в Восточной Арктике взяты из этой работы М. А. Кузнецова.

¹³ М. А. Кузнецов. Указ. соч., стр. 4.

Солдаты армии США на учебных занятиях по постройке снежных хижин

Наставления о том, как строить снежные хижинки, содержатся также почти в каждой работе, рассказывающей о путешествиях в американской Арктике. Так, в «Руководстве по Арктике», изданном для личного состава военно-воздушных сил США, указывается, что эскимосы имеют на своем счету по меньшей мере одно крупное открытие. Они единственные как среди древних, так и среди современных народов, кто успешно сооружает куполообразные постройки, не применяя строительных лесов. И далее следует подробная характеристика снежных домов эскимосов, описание их постройки и эксплуатации¹⁴.

В пособии для военных инженеров, работающих в Арктике, изданном военно-морским департаментом США, также рекомендуется в качестве временных жилищ, вмещающих до 50 человек, строить снежные хижинки эскимосского типа¹⁵.

Во всех этих работах отмечаются более высокие качества снежных хижин по сравнению с временными укрытиями европейского образца.

Личный состав вооруженных сил США, базирующийся на Аляске, проходит практические занятия по постройке снежных хижин под руководством специальных инструкторов.

¹⁴ Arctic Manual Prepared under the direction of the chief of the Air corps U. S. Army. Washington, v. I, 1940, p. 161—190.

¹⁵ U. S. Navy Civil Engineer Corps. Cold-weather engineering. Navy department (без места издания), p. 56—58, 64.

Эскимос

Армия США заимствовала у эскимосов не только снежные хижины, но и деревянно-земляные дома прибрежных эскимосов Аляски. В упоминавшемся выше «Руководстве по Арктике» указывается, что основным типом жилища в военных лагерях являются дома из дерева, обложенные землей, которые лучше всего строить по образцу соответствующих эскимосских домов¹⁶. Их характерными чертами являются, в частности, слегка наклонные внутрь стены, благодаря чему к ним плотнее прилегает земля, которой они обложены для тепла, а также дверь, расположенная не в стене, как в европейских домах, а очень низко, на уровне пола, сообщающаяся с поверхностью туннелем, как это типично для эскимосских жилищ. Такое расположение входной двери, если ее держать постоянно открытой, обеспечивает вентиляцию жилища, но в то же время способствует сохранению теплого воздуха в помещении.

В «Руководстве» отмечается: «Нет необходимости описывать другие типы домов, если вы поняли принципы обычного деревянно-земляного дома прибрежных эскимосов», т. е. рекомендуется руководствоваться

этим принципами, применяя их к любым имеющимся строительным материалам.

Велика заслуга эскимосов и других народов крайнего севера в создании особых типов одежды, хорошо предохраняющей от холода.

Типично эскимосская одежда веками совершенствовалась в условиях холодного климата: ее глухой покроем и теплый олений мех, из которого она шьется, прекрасно защищают тело от холода, ветра и сырости¹⁷. Мужская одежда состоит из короткой куртки без разреза спереди, сшитой из оленьих или тюленьих шкур, обращенных мехом к телу. В случае холода покроем по-

¹⁶ Arctic Manual..., p. 149—157.

¹⁷ Одежда сходного типа есть и у ряда народов Сибири: иганасан, чукчей, коряков.

Европейский торговец в эскимосской одежде

зволяет, вытянув руки из рукавов, греть их о тело. Кухлянки имеют капишоны. Поверх кожаных натазников мужчины надевают штаны, сшитые из шкуры оленя, тюленя или белого медведя, мехом внутрь. Зимой эта одежда служит нижней. Поверх нее одевается кухлянка и штаны мехом наружу. На ноги надевают меховые чулки, обращенные мехом к ноге, и меховые сапоги мехом наружу, сшитые из оленьего камуса¹⁸ или из нерпичьей шкуры. В сапоги обычно вкладывается стелька из сухой травы.

Женская одежда шьется из того же материала, что и мужская, и по форме очень напоминает мужскую. Короткая кухлянка без разреза, обычно украшенная вышивкой, имеет выступы-мысы спереди и сзади. В отличие от мужской на женской кухлянке есть заплечный кожаный мешок, в котором носят грудных детей. Женщины надевают на тело кожаную рубашку с хвостовидным удлинением сзади. Женские натазники несколько шире, а меховые штаны значительно короче мужских, поэтому меховые сапоги женщины длиннее мужских. Одежда шьется

¹⁸ Камус — кусок шкуры с ноги оленя.

Траппер в эскимосской одежде

и подгоняется с таким расчетом, чтобы нигде не поддувало. Эскимосская одежда имеет локальные варианты, отличающиеся длиной кухлянки, деталями покроя и отделкой.

В «Руководстве по Арктике» пишется об этой одежде следующее: «Эскимосы создали лучший костюм для защиты от холода. Он весит менее 4 кг и в нем можно путешествовать при температуре -50° »¹⁹. А в пособии для военных инженеров указывается, что никакой арктический костюм не является полным без парки из меха и шерсти. Там же отмечено, что эскимосские меховые сапоги, сделанные из шкуры карibu, являются лучшей

¹⁹ Arctic Manual, p. 243.

Эскимосы в национальной одежде и снеговых очках

обувью при низких температурах. По образцу их изготавливаются промышленностью США унты с кожаной или каучуковой подметкой и парусиновым голенищем²⁰.

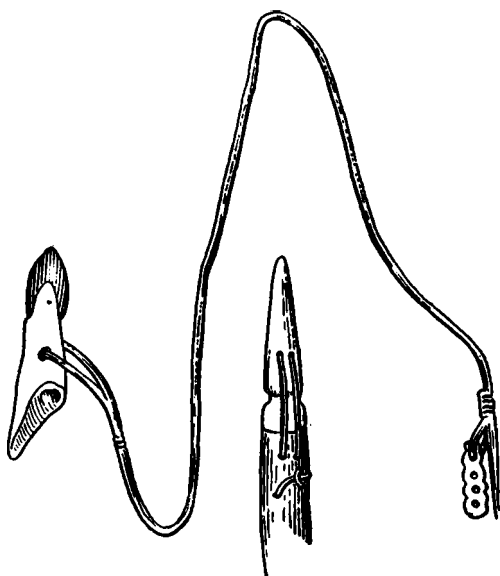
Не случайно поэтому, что не только военные, но и другие поселенцы на американском севере часто одеваются как эскимосы²¹.

Культурный вклад эскимосов не ограничивается тем, что они внесли в изучение Арктики и в создание наиболее приспособленных к условиям севера типов жилища и одежды.

От них и от индейцев американцы заимствовали ступательные лыжи-ракетки, очень удобные для передвижения

²⁰ Cold-weather engineering, p. 73—74.

²¹ M. Macdonald. Canadian North. London, 1945, p. 201.

Орудие морской охоты — гарпун

по рыхлому снегу, специальные очки для защиты от снежной слепоты и ряд других элементов «северной» культуры.

Очень большое значение имеет то, что эскимосы непосредственно осваивали и осваивают Арктику. Современная Гренландия с ее городами и промышленными предприятиями в буквальном смысле создана руками эскимосов, составляющих даже ныне более 80% ее населения. Современное развитие и освоение Аляски и Северной Канады также во многом совершается за счет эскимосов.

На Канадском севере эскимосы и индейцы составляют 43% всего населения, а на Аляске 26%²². На северном же побережье Аляски и Канады и на прилегающих островах эскимосов значительно больше, чем пришлового населения. Например, в Канадской Арктике, по переписи 1951 г., жили 8500 эскимосов и 300 временных поселенцев²³. В последние годы эскимосы все шире используются промышленными фирмами и особенно армией Канады и США как дешевая рабочая сила, наиболее приспособленная к местным условиям. Например, на никелевом руднике Ренкин-Инлет в Восточной Канаде работают почти исключительно эскимосы. Именно этим объясняется повышенный интерес правительственных организаций Канады и Соединенных Штатов к эскимосам и ряд мер, принятых для сохранения этого народа.

Большое значение вкладу эскимосов в освоение и будущее развитие зарубежной Арктики придают американские и канадские ученые. Современный канадский исследователь эскимосов Д. Уилкинсон пишет: «Эскимосы имеют свое место в мире. Они единственные подлинные граждане арктических районов. Это их дом. А значение Арктики все время возрастает. Эскимосы помогают сохранять суверенитет Канады над ее огромными

²² Г. А. Гранат. Положение коренного населения Американского Севера. «Информационный бюллетень по Зарубежному Северу», № 2(4)-М., 1958, стр. 6.

²³ Canadian Regions. Putnam (Ed.). Toronto, 1954, p. 481.

Каяк

северными районами. Счастье и трудности эскимосов во многом такие же, как и наши.

В будущем развитии Канадской Восточной Арктики эскимос должен занять важное место. Эскимосы гордые и умные люди. Люди такого типа дают силу нашей стране»²⁴.

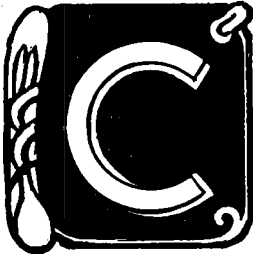
Большие потенциальные возможности эскимосов, их ум и одаренность отмечает один из старейших канадских этнографов Дайамонд Дженнес²⁵. Он подчеркивает, что эскимосы проявляют большие способности к механике, исключительно быстро осваивают современную технику.

Технические способности в сочетании с практическим знанием Арктики делают эскимосов незаменимыми для ее освоения и их роль в развитии американского севера непрестанно возрастает.

²⁴ D. Wilkinson. Land of the long day. New York, 1956, p. 252—254.

²⁵ D. Jenness. Dawn in Arctic Alaska. Minneapolis. 1957, p. 215.

МЕСТО ИНДЕЙЦЕВ В ОБЩЕСТВЕННОЙ И КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ США

Соединенные Штаты Америки — страна многонациональная, ее население имеет своеобразное этническое прошлое. Как известно, кроме американцев — господствующей нации, здесь живут такие народы и этнические группы, как негры, мексиканцы юго-запада США, выходцы из стран Азии, а также потомки коренного населения Северной Америки — индейцы и эскимосы. Американская нация, возникшая на английской основе, впитывала самые различные по языку и культуре этнические элементы. В ее создании участвовали переселенцы из Голландии, Франции, Испании, Скандинавских стран и немецких государств. Так называемая поздняя иммиграция привлекла в страну жителей восточной и юго-восточной Европы, а также выходцев из стран Азии и Латинской Америки. Все они вносили свою лепту в современную американскую культуру, вкладывали в ее развитие свой труд, знания, традиции, богатство своих языков, фольклор, сокровища духовной культуры.

И сейчас во всех областях жизни американского народа, в его производственной и культурной деятельности можно видеть свидетельства своеобразного происхождения современного населения США. Возьмем карту страны. Она пестрит названиями городов, рек, гор, звучащими на всех языках мира. Различные национальные влияния легко обнаружить во многих областях жизни американского народа. Украинские иммигранты в XIX в. привезли с собой высокоурожайные сорта пшеницы, до того неизвестные в Америке; переселенцы из Южной Европы развили в США виноградарство, швейцарцы — первоклассное производство сыра. В американской кухне представлены также вкусы многих народов.

В духовной культуре народа — в литературе, искусстве, в фольклоре также переплетаются различные национальные традиции.

То же разнообразие обнаруживается и в архитектуре США. Во Флориде и особенно на юго-западе страны заметно испанское влияние. На юго-западе, где испанский язык распространен наряду с английским и где большое число жителей — мексиканцы, города и сельские поселки мало отличаются от городов и деревень Мексики. В Луизиане дома владельцев плантаций зачастую выдержаны в стиле французских построек прошлого. Новый Орлеан сохранил также кое-какие следы французской архитектуры.

Для самых больших городов США характерны национальные кварталы — итальянские, китайские, Русская горка в Сан-Франциско и пр.

Вынужденная жить в условиях сегрегации, беднота итальянского, славянского происхождения, пуэрто-риканцы, китайцы и другие сохраняют родной язык, многие обычаи своей родины, и это также отражается на облике американских городов. В «русском» квартале нью-йоркского Гарлема встречаются вывески на русском языке, построены православные церкви; китайский квартал Нью-Йорка поражает обилием рекламы на китайском языке, китайскими базарами, магазинами, ресторанами; в Сан-Франциско, где живет наибольшее число лиц китайского происхождения, многие жители китайского квартала носят традиционную китайскую одежду. Китайский квартал в этом городе имеет свою телефонную станцию с телефонистками-китайками. Появление особых кварталов для иммигрантских групп, принадлежащих к числу так называемых нежелательных, вызвано системой национальной и расовой дискриминации, имеющей политическую и экономическую основу. Разделение трудящегося населения многонациональной Америки по национальному и расовому признакам разжигает национальную рознь, усиливает конкуренцию на рынке труда и ослабляет классовые позиции пестрого по своему происхождению американского пролетариата.

Богатства страны сложились из национальных достижений самых различных народов. Но народы эти оказались далеко не в равном положении. Система национального угнетения, разделения трудящихся по расовому и национальному признакам с помощью неравной заработной платы за равный труд, ущемления гражданских прав, введения сегрегации для национальных групп и бытовой дискриминации тормозит естественное развитие американской нации, мешает социальному прогрессу, мешает полному слиянию этнических групп, входящих в американскую нацию. Существование национальных кварталов

в крупных городах и этнически обособленных районов в глухих областях страны объясняется не только молодостью американской нации, американского государства, но прежде всего именно этой политикой разделения народа по цвету кожи и национальному происхождению. Возникающая в результате такой политики духовная обособленность отдельных этнических групп в самой американской нации наносит огромный ущерб политическому и культурному развитию народов Америки.

Весьма показательным в этом отношении положение коренного населения Северной Америки — индейцев и эскимосов¹. Эти народы внесли большой вклад в создание североамериканских государств, в развитие культуры США и Канады. Но и по сей день они находятся среди наиболее бесправных и угнетенных слоев населения этих стран. Очень образно об этом сказал американский юрист Феликс Коен: «Как канарейка в шахте указывает своим поведением на отравление воздуха ядовитым газом, так и индеец своим положением отражает перемену в нашей политической атмосфере. Наше обращение с индейцами в большей степени, чем с другими национальными меньшинствами, отражает подъем и спад нашей демократии»².

С момента появления на американской земле завоеватели и поселенцы столкнулись с местными жителями — индейцами. Европейских колонистов связали с ними противоречивые отношения.

Правда, коренное население Северной Америки никогда не было особенно многочисленным и заселяло преимущественно побережья рек и озер — места, наиболее благоприятные для охоты, рыболовства и земледелия — их основных отраслей хозяйства. Европейские колонизаторы Северной Америки устремились в первую очередь именно на эти уже освоенные и заселенные индейцами земли. Хозяйство индейцев — охота и подсечно-огневое экстенсивное земледелие, преобладавшее у племен Северной Америки, требовало больших земельных пространств. Не желая с этим считаться, колониальные власти требовали от индейцев все новых уступок, принуждая индейские племена продавать «излишки» земли за бесценок. Европейцы покушались не на свободные, как утверждают многие буржуазные историки, земли, а на земли, кровно необходимые местному населению³.

¹ См. статью Л. А. Файнберга «Вклад эскимосов в освоение Арктики» в настоящем сборнике.

² Ф. Коен. Нарушение прав индейцев после 1950 г. «Иейллоу ревью». Цит. по кн.: С. Коен и др. Путеводитель по расистской Америке. М., 1955, стр. 38.

³ А. В. Ефимов. Проблема сосуществования различных способов производства в работах Ф. Д. Тернера. «Вопросы философии», 1956, № 5, стр. 135.

«В течение всего периода колонизации,— писал в предисловии к труду Г. Аптекера по истории американского народа Уильям Фостер,— коренные жители Америки — индейцы — подвергались жестокому ограблению и истреблению со стороны белых захватчиков разных национальностей. Различные губернаторы и генералы полагали, что у индейцев нет оснований претендовать на земли своей родины и что белым нечего испытывать угрызения совести, совершая дикие грабежи и самые жестокие убийства аборигенов. Но индейцы сопротивлялись исключительно умело и самоотверженно. Одним из самых значительных моментов в нашей национальной истории была борьба индейского народа в защиту своей родины — героическая, но безнадежная борьба. Эту самоотверженную борьбу индейцы вели вплоть до второй половины XIX столетия, выдвинув немало выдающихся борцов. Сопротивление индейцев было тем более примечательно, что они вели борьбу, несмотря на то что были малочисленными, находились на более низкой ступени общественного развития, располагали лишь сравнительно примитивным оружием»⁴. Завоевание и колонизация Североамериканского континента принесли физическую гибель многим индейским племенам. Вместе с тем господство европейцев отрицательно сказалось на состоянии самобытной культуры той части индейцев, которые выдержали в неравной борьбе с колонизаторами. И хотя от традиционной культуры индейского населения США в настоящее время осталось очень немного, нельзя забывать, сколько из того, что было ими создано еще до появления в Америке европейцев, было впоследствии воспринято колонистами и прочно вошло в культуру и быт народов не только Америки, но и других частей света.

Прежде всего переселенцам на первых порах было трудно освоить без помощи индейцев землю американского континента. Отсюда вытекала необходимость делового и культурного обмена с индейскими народами. И хотя индейцы в XVI—XVII вв. стояли на гораздо более низкой ступени развития, чем европейские переселенцы, созданные коренным населением Северной Америки духовные и особенно материальные ценности оказали огромную услугу колонистам и впоследствии американцам.

За последнее время в этнографической литературе Соединенных Штатов поднимается голос в защиту индейской культуры. Появилось несколько работ, непосредственно посвященных тем культурным достижениям индейских народов, которые были восприняты европейскими переселенцами и вошли в современную американскую культуру.

⁴ У. З. Фостер. На заре американской истории. Предисловие к книге Г. Аптекера «История американского народа. Колониальная эра». М., 1961, стр. 8.

«Общение с индейцами, — писал американский этнограф Ирвинг Хэллоуел, — повлияло на нашу речь, на нашу экономическую жизнь, одежду, на спорт и развлечения, на некоторые местные религиозные культы, на методы лечения болезней, народную и концертную музыку, на роман, новеллу, поэзию, драму и даже на некоторые стороны нашей психологии, а также на одну из общественных наук — этнографию»⁵.

Индейцы, как справедливо заметил тот же Хэллоуел, положили определенный отпечаток на американскую нацию. У истоков ее зарождения, в колониальный период, знания индейцев в самых различных областях жизни воспринимались европейскими переселенцами с готовностью, так как без многих из них они просто не смогли бы удержаться на американской земле. «От индейцев же колонизаторские державы получили не только их земли и богатства, — говорит известный американский историк Г. Аптекер, — но также мастерство и технику, без которых колонизаторское предприятие должно было бы кончиться провалом»⁶. «Большей частью вклад индейцев был внесен в порядке добровольных актов помощи»⁷, — продолжает он. Обратимся к широко известному примеру такой добровольной помощи, о которой говорит Г. Аптекер. Известно, что День Благодарения — один из национальных праздников в США — связан с первым урожаем кукурузы, полученным пуританами колонии Нью-Плимут. Пшеница, которую колонисты привезли с собой, не прижилась. Переселенцам грозила неминуемая голодная смерть, если бы местные индейцы не научили их возделывать кукурузу и не показали, как ухаживать за посевами.

Они не только научили колонистов выращивать кукурузу, но и указали на наиболее подходящее в местных условиях удобрение из рыбьих голов. Как известно, кукуруза навсегда заняла прочное место в сельском хозяйстве американцев и в их пищевом рационе. О широком применении кукурузы свидетельствует множество блюд, которые американские хозяйки умеют из нее готовить.

Будучи очень продуктивной культурой, кукуруза сыграла важную роль в поднятии благосостояния страны. Около 92% выращиваемой в США кукурузы идет на корм скоту. Кукурузу сеют $\frac{2}{3}$ ферм страны. Так называемый маисовый пояс — район, наиболее благоприятный для выращивания кукурузы (Огайо, Индиана, Иллинойс, Айова и прилегающие к этим штатам части

⁵ I. Hallowell. The backwash of the Frontier: the impact of the Indian on American culture. Annual report of the Board of Regents of the Smithsonian Institution. Publ., 4354. Washington, 1959, p. 488.

⁶ Г. Аптекер. История американского народа. Колониальная эра, стр. 35.

⁷ Там же.

Миннесоты, Южной Дакоты, Небраски и Миссури), одновременно является основным районом свиноводства, а также откорма крупного рогатого скота.

Европейские колонисты, а вслед за ними американцы обязаны индейцам Северной Америки знакомством с дыней, огурцами, подсолнухом, бобовыми и другими полезными растениями. И сейчас бобовые блюда: консервы из бобов с мясом, консервированные супы из бобов и другие считаются исконной принадлежностью американской кухни.

Здесь же стоит упомянуть о кленовом соке и кленовом сахаре. Добывать кленовый сок колонисты научились также у индейцев. Сбор кленового сока в некоторых районах США и в восточной Канаде еще с колониальных времен является сельским праздником, на который собирается вся округа полакомиться леденцами из кленового сахара точно так же, как это сейчас делают индейцы северо-восточной части Америки. И для канадских фермеров, и для индейцев этот обычай — приятная дань прошлому⁸. Теперь производство кленового сахара в восточной Канаде поставлено на широкую ногу, и местные фермеры значительную часть своих потребностей в сахаре удовлетворяют за счет сахара кленового.

В приспособлении европейских переселенцев к новым для них условиям американского континента первостепенную роль играли трудовые навыки, выработанные местным населением. Это относится к охоте, рыболовству, методам приготовления и сохранения пищевых запасов. Как известно, племена северо-западного побережья создали высокую рыболовческую культуру, выдвинувшую их на одно из первых мест по уровню развития среди других североамериканских племен. Их опыт так же, как и труд, применяются рыболовными компаниями США и Канады. Индейцев нанимают со своими лодками и посылают в самые опасные и безнадежные места. Считается, что «индеец добудет рыбу там, где никто ее не добудет»⁹. Эта поговорка имеет под собой совершенно реальную почву.

Восприняли колонисты у индейцев остроумный способ сохранения мяса и ягод впрок в виде пеммикана. Индейцы северных лесов и прерий издавна готовили пеммикан для длительных экспедиций или на зиму. Мясо и ягоды сушили, растирали в порошок, смешивали с жиром. Эта очень питательная смесь долго хранится и удобна в пути. В консервной промышленности США и Канады пеммикан занимает немаловажное место.

⁸ Ю. П. Аверкиева, Е. Э. Бломквист. Современное население Канады. «Народы Америки», т. I. М., 1959, стр. 538.

⁹ Ю. П. Аверкиева. Индейцы северо-западного побережья Северной Америки. «Народы Америки», т. I, стр. 342.

Воспринимая у индейцев в первую очередь самое необходимое, европейские переселенцы не могли не обратиться к одежде индейцев. Жители границы, находившиеся примерно в тех же условиях, что и индейцы, как правило, предпочитали европейской удобную и более доступную им одежду лесных племен из замши и шкур, ноговицы и мокасины. Правда, колонисты внесли свои поправки в покрой одежды и под их влиянием у самих индейцев появились распашные с вшивными рукавами кафтаны из той же замши. Долее всего продержались мокасины. Позднее несколько видоизмененные мокасины стали непременной принадлежностью американских лесорубов. Испанские колонисты из юго-западных колоний ценнили искусство ткачих из племен пуэбло и навахов. Накидки и материи их производства с чудесным орнаментом славились и среди местных индейцев, и в испанских колониях. Искусных ткачих похищали, извлекая из их труда немалый доход.

Первое время колонисты пользовались также индейской глиняной посудой. Не так давно американские археологи установили, что жители колонии Виргинии (XVII в.) выменивали глиняную посуду у индейцев, причем те приспособлялись к вкусам покупателей и лепили ее по европейскому образцу¹⁰. Жители западных испанских колоний долгое время употребляли посуду производства индейцев пуэбло. Изделия эти представляли собой произведения искусства по совершенству формы и красоте орнамента.

Надо сказать, что труд индейцев в испанских колониях Северной Америки применялся гораздо шире, чем в восточных колониях англичан и французов. Испанцы имели дело с более развитыми народами древней земледельческой культуры, издавна оседлыми. Они широко применяли труд этих индейцев в земледелии, на серебряных и свинцовых рудниках, а также при строительстве фортов, миссий и жилых зданий.

Испанские поселенцы переняли у индейцев этой области некоторые приемы в добыче серебра. Но более всего им пригодился опыт местных племен в земледелии в условиях засушливого климата юго-запада Северной Америки. Индейские влияния проявились и в колониальной архитектуре этого района. Специалисты находят, что возведенные руками индейских мастеров постройки облагородили пышную и тяжелую архитектуру испанцев колониального периода, придав миссиям и другим зданиям раннеколониального периода строгие очертания.

¹⁰ См. о докладе Ноеля Хьюма «Гончарная посуда индейцев Виргинии» на очередной конференции по этнической истории американских индейцев статью «Два научных совещания в Вашингтоне». «Сов. этнография», 1959, № 4, стр. 132.

В настоящее время архитекторы Соединенных Штатов охотно обращаются к индейским формам, создавая официальные и жилые здания в стиле построек индейцев пуэбло.

Заслуживает особого упоминания роль индейской медицины, оказавшей неоценимую услугу колонистам. Легко себе представить, что, попав в новые условия, без медикаментов, медицинской помощи, бедняки Англии, Ирландии, немецких государств, только еще высвобождавшихся от пут средневековых суеверий, не могли не плениться магическими приемами индейских знахарей. Но, конечно, не эти приемы, а положительные знания, накопленные народной медициной, с первых же лет европейской колонизации способствовали тому заслуженному уважению, которым пользовались индейские врачеватели и индейская фармакопея. Состояние медицины в колониях долгое время оставляло желать лучшего. По свидетельству губернатора Виргинии Беркли (70-е годы XVII в.), в первый год его правления от малярии умирал каждый пятый. После того как в колонию был привезен перуанский бальзам, который стал известен в Испании от индейцев в середине XVII в., смертность от этой болезни в Виргинии совершенно прекратилась¹¹.

В 1738 г. некий Джон Теннет был награжден виргинскими властями за лечение плеврита по рецепту, взятому им у индейцев сенека. Даже в XIX в. индейские лекари, а также врачи, лечившие травами по индейским рецептам, пользовались большим доверием больных¹².

В 1836 г. в Цинциннати была издана «Фармакопея индейского врача». Выходили в те времена и другие книги, знакомящие с методами лечения и средствами, применявшимися индейцами («Индейский справочник здоровья», «Североамериканский индейский доктор и сущность метода лечения и предотвращения болезней по представлениям индейцев» и др.). Бесспорные достижения индейской народной медицины вошли в мировую науку и лечебную практику (см. статью А. И. Дробинского в настоящем сборнике).

В американской литературе всегда в той или иной форме присутствовала «индейская» тема. Можно не преувеличивая сказать, что без «индейских» романов Фенимора Купера, Майн Рида и других она была бы намного беднее. Вместе с тем через литературу в жизнь, в представления американцев и других народов проникали образы индейской мифологии, фольклора, быта.

Американская литература отражала две основные тенденции в отношении к индейцам. Одна из них, господствовавшая,

¹¹ I. Hallowell. Op. cit., p. 457.

¹² Ibid.

освящала колонизаторскую политику правящих кругов страны и носила ярко выраженный расистский характер. Другая, демократическая, отражала сочувственное отношение к коренному населению. Она была либо романтической, что характерно для более ранних авторов, восхищавшихся или умилявшихся высокими моральными качествами гонимого народа, либо пыталась показывать индейские народы в более реалистическом плане.

Вряд ли необходимо здесь останавливаться на реакционной литературе, не внесшей в жизнь Америки ничего положительного, а лишь углублявшей расовые предрассудки, человеконенавистнические настроения и неуважение к народам иной культуры.

Что касается работ романтического характера, сыгравших свою положительную роль в пробуждении сочувственного интереса к индейцам, то к ним можно отнести, например, стихотворения Филиппа Френо (1752—1832), участника Великой французской революции и войны за независимость. Френо дает образ величавого, чуждого суеде европейской цивилизации индейца, живущего великим прошлым.

Близок в этом отношении к Френо и поэт более позднего времени, прославившийся своей поэмой «Песня о Гайявате» Генри Лонгфелло (1807—1882). Его «Песня о Гайявате» была переведена на языки многих народов и впервые познакомила читателей с поэтическим миром индейской мифологии. Через «Гайявату» мировая литература восприняла эти образы, расширив круг представлений человечества об индейцах, их духовном мире, некоторых обычаях, до того мало известных. Но еще более земной образ коренного жителя американских лесов дал замечательный американский писатель Фенимор Купер. Его индейцы не так величественны, не столь приподнято героичны, это уже люди из плоти и крови, а не символы Френо и Лонгфелло.

Романы Купера появились в годы, когда интерес к индейцам был чрезвычайно велик. Достаточно сказать, что только за десятилетие 1824—1834 гг. в США вышло около 40 романов на индейскую тему и около 30 пьес, часть которых была переложением куперовских романов. Одних в индейцах привлекала необычайная воля к победе и гордое мужество, других поражала и пугала их неустранимость. Независимо от того, какие чувства они вызывали у разных слоев американского общества, для всех индейцы были равно интересны. В эти же годы, отражая точку зрения правящих классов, появляется разного рода литература, обливающая грязью индейские народы, рисующая индейцев какими-то извергами, которых для общего спокойствия надо безжалостно уничтожать.

Романы Купера, как правило, идут вразрез этому мутному потоку клеветы, призванному оправдать истребительную индей-

скую политику тех лет. Не будучи свободным от пристрастного отношения к событиям колониальных времен, Фенимор Купер наделял лучшими качествами тех индейцев, которые уживались с «белыми», точнее — с англичанами (но не с французами). Индейцы Купера не только воинственны, но и великодушны, они мудры, полны стоического отношения к жизни, индеец всегда прекрасный охотник, он искусен в своих ремеслах, он умеет быть преданным и жертвовать собой. Впервые именно Фенимор Купер рассказал о жителях границы. Они перенимали образ жизни индейцев, так как находили его разумным, удобным и более человечным, чем жизнь в так называемом цивилизованном обществе. Известно, что индейцы охотно принимали в племя желающих поселиться с ними. Семинолы так сроднились с неграми, бежавшими с плантация Юга, что вступили в длительную войну с американцами, защищая своих новых единоплеменников¹³. Все восточные племена имели в своей среде большое число метисов — результат смешанных браков в раннеколониальный период, когда европейские женщины в колониях было еще мало, а также «усыновления» племенами европейских торговцев, жителей колоний и позднее американцев из восточных штатов, по каким-либо причинам искавших у индейцев убежища.

В XIX в. индейские племена, переселенные в резервации за Миссисипи, сделали Индейскую территорию политическим и культурным центром для всех местных индейцев и того немногочисленного белого населения, которое жило в резервациях (агенты Бюро по делам индейцев, торговцы, скотоводы, осевшие на земле индейцев и прочие). Большую роль в этом сыграло появление у некоторых племен письменности на родном языке. Сама по себе потребность в письменности может свидетельствовать о степени культурного развития некоторых индейских народов. А о том, что это была именно потребность, говорит тот факт, что первым создателем силлабического алфавита, наиболее соответствовавшего грамматическому строю индейских языков, был метис чирок Секвойя. Он некоторое время служил в американской армии, имел возможность убедиться в преимуществах грамотности и, хотя сам не умел ни читать, ни писать по-английски, задался целью создать для своего народа алфавит на родном языке. Несколько лет трудился он над составлением алфавита и, наконец, представил совету племени свое изобретение — силлабические значки, вырезанные из бересты. Его малолетняя дочка помогала отцу, читая и составляя перед советом старейшин слова из берестяных значков. Совет одобрил усилия Секвойи и все племя — старые и малые, мужчи-

¹³ L. Foster. Negro-indian relationship in the Southeast. Philadelphia, 1935.

ны и женщины — с увлечением начали учиться читать и писать. Очень скоро чироки стали поголовно грамотными, вслед за ними овладели грамотой и другие восточные племена — крики, чоктавы, чикасавы, семинолы, получившие с тех пор прозвище цивилизованных.

Благодаря их усилиям Индейская территория, бывшая до середины XIX в. крайним рубежом американских владений в Северной Америке (вспомним, что Техас был аннексирован Соединенными Штатами только в 1845 г., а Аризона, Нью Мексико и другие юго-западные территории отторгнуты у Мексики в 1848 г.), не отставала во многих отношениях от других областей страны. И в этом большую роль сыграли газеты и журналы, выходившие у криков, чироков, а потом и у других индейцев. В газетах, выходивших на одном из индейских и на английском языках, сообщались не только новости местного значения, цены на зерно, скот, но также освещалось международное положение. Более того, все они содержали литературную страничку, знакомящую с литературными новинками и культурной жизнью за пределами Индейской территории.

Для Америки того времени, особенно для ее пограничных территорий, такое любовное отношение к печати, какое проявили индейцы, лишь недавно овладевшие письменностью, было делом небывалым.

С разделом общинных земель на Индейской территории и последовавшими за этим событиями, индейские газеты прекратили свое существование. Усиленная насильственная ассимиляция индейцев, проводившаяся до 1930-х годов, способствовала тому, что индейцы «Пяти цивилизованных племен» почти полностью перешли на английский язык. Сейчас очень немногие люди старшего поколения могут читать или писать на одном из языков Пяти племен, хотя в быту разговорная речь на родном языке продолжает удерживаться даже среди индейцев живущих в городах. В восточной Оклахоме, где живет наибольшее число чироков, туристам в качестве сувенира продают номер «Чирокского адвоката» за 1896 г.

В творчестве американских художников индейская тематика появилась еще с колониальных времен. Зарисовки путешественников и колонистов, заинтересовавшихся жизнью незнакомого им народа, появляются в Европе уже в XVI в. Лемуан и Шалло — колонисты гугенотской колонии Каролины оставили человечеству ценнейшие бытовые рисунки с текстом — сейчас чуть ли не единственное вещественное напоминание об исчезнувших племенах тимуква¹⁴.

¹⁴ The new world. The first pictures of America. Edited and annotated by Stefan Lorant. New York, 1946.

The Cherokee Advocate

VOL. 20.

TAHLEQUAH, CHEROKEE NATION INDIAN TERRITORY, SATURDAY, JULY 25, 1896

NO 11

ADMINISTRATORS NOTES.

The undersigned having obtained letters of administration, the estate of John Overaker deceased late of Sequoyia district, Cherokee Nation. Therefore all persons having claims against said estate will present them with the claim and in the manner provided by law or they will be forever barred, and all persons indebted to said estate are notified to come forward and settle same within thirty days. This the 24th day of June 1896.

W. W. WALKER
Administrator.

Letters of administration having been granted to the undersigned on the estate of Howard Crombond deceased late of Canadian district therefore all persons indebted to said estate will come forward and settle same and all persons having claims against said estate are hereby notified to present them within sixty days or be forever barred. ELEANOR CRAWFORD,
July 11, 1896 Administrator.

The undersigned having been granted letters of administration on the estate of H. F. Adair deceased on Saline District, therefore all persons indebted to said estate are requested to make prompt payment, and all having claims against said estate will present them as required by law or otherwise they will be forever barred.

H. M. KANAWAY,
June 6 Administrator.

Having received letters of administration on the estate of Jas. Dumbard, deceased, late of Indian district. Therefore all persons indebted to said estate are requested to come forward and settle the same. Also all persons having claims against the said estate will present them within the time prescribed by law or be forever barred.

T. E. BORNHAM
May 31, 1896.

Letters of Administration having been granted to the undersigned on the estate of J. E. Ryan deceased, late of Chickasaw district. Therefore all persons indebted to said estate will come forward and settle, and all persons having claims against said estate are hereby notified to present them within six months of this date.

W. M. DAVIS

The highest claim for other tobacco is "Just as good as Durham." Every old smoker knows there is no just as good as it.

Blackwell's BULL DURHAM Smoking Tobacco

You will find one coupon inside each tin of our best and most famous Bull Durham. This coupon, when cut out, will entitle you to a box of this premium tobacco and send the coupon - which gives you a list of reliable grocers and how to get them.

YOU DON'T SEE YOUR WHEEL WHEN RIDING,

KEATING

BUT OTHER PEOPLE DO.

Why not let them see a stylish wheel glide easily by **KEATING**!

KEATING WHEEL CO., HOLYOKE, MASS.

Art catalogue 4c in stamps

THE ST. LOUIS GLOBE-DEMOCRAT.
The Great

SAVE THE INDIAN.

Captain Woodson's Plan of Treating the Cherokee Arapahoe Indians

Captain Woodson, in charge of the Cherokee and Arapahoe Indians, read a paper before the last National Press Association on the plan of treating the Indians, by assisting them in seeking out their own salvation by farming their allotments. The plan proposed by him was adopted a few days ago by the government and is now being put in operation by Captain Woodson. The following is the address in full as delivered before the Press Association, and is of interest in view of the fact that its suggestions have been adopted by the government.

Perhaps more serious thought has been devoted to this subject than to any other requiring legislative action at the hands of congress. It has been necessary to make appropriations from the public treasury, to support the Indian tribes which have shown inability to sustain themselves without government aid. How much longer (this will be done, and whether it will be necessary to continue such appropriations in the future, will depend in a great measure upon the sentiment of our people and the generosity of our law makers. That such necessity has existed to this date in our history as a nation, excites surprise when we consider the intelligence and ability of our legislators to solve questions of great import and public policy.

That it is yet seemingly necessary to treat the Indian as a national ward, and to devote large sums of the public revenue to maintain him as such, is due to the fact that an solution of this question has yet been found. It has not been found because we have no fixed policy. The Indian has been allowed to

soilifer of the question that has elicited the most serious thought of eminent persons, in both the civil and military departments of the government, but if I may be pardoned for referring to a personal experience for nearly forty years on the western frontier, during which time I have had opportunities to make observations and to learn much of Indian character, habits and customs, I will give expression to my views on the question which has been assigned to me as a subject for discussion.

It may be safely stated that the Indian possesses all the natural, inherent, physical, mental and moral qualifications to enable him to be as civilized and developed in a proper manner, to an equal average degree of intelligence with the white race. He may become, under proper guidance and control, just as competent to fight the battle of life, and to establish himself as a factor in the body politic, and to become a wage-worker, contributing his share to the commonwealth.

By treating him as we have heretofore done, as a savage mendicant, we have smothered him in darkness and ignorance. Let us then begin now to lead him in the way that as should go, in order to be independent of the nation's charity.

The first step is, in my opinion, the abolition of tribal government. The second, the abandonment of the reservation system. And the third, the abolition of lands in severality.

Tribal governments militate against the progress of Indian civilization, it deadens his ears and shuts his eyes to the importance of adopting the ways of the whites. It makes him skeptical of all suggestions and advice as to the better way of shaping his life, and to the necessity of self-dependence. It deadens his sense of doing, what he can to support himself and family.

I speak him an unbeliever in the promise made of aid from the

land that binds and makes him a willing slave to the dominion of the chief. It preserves tribal animosity, and precludes the civilizing influence of attrition with the white man.

It keeps alive the desire for tribal visiting, which serves to perpetuate the old-time customs and practices that are an detriment to all progress, and introduces a disinclination to lavish hospitality which impoverish the donors.

The allotment of lands in severality should be made as soon as practicable to all reservation Indians, not, however, for the purpose of conferring upon them the rights of citizenship, for they are, and will be for a long time to come, unprepared to exercise such privilege. Allotments should be made for the purpose of segregating the lands in the reservation, that each member of the tribe may have a permanent home, that the rights of individuals may be secured, and that the children may be assured in their inheritance of the lands so allotted.

I should advocate the exercise of guardianship and control over the allottees, by the government during the period their lands are in trust. They should not be emancipated on taking allotments, from their surveillance and protection. Until that time expires they are in an embryonic condition, pending their preparation for the average adult of the responsible duties of citizenship.

They should first be required to establish permanent residence on their allotments, which should be prepared for their reception by the government, either at its expense or from funds in their trust, until such dwelling should be constructed, lands broken and included, and farming tools and implements provided for them, and the distance there compelled to be made in that house.

Their lands should be divided into farming districts, and good men, of their own tribe, that excel in special fitness and intelligence, and imbued with an interest

for the responsible duties pertaining upon them. They should have the qualified support of the department of the Interior, for without this, their work would prove a failure.

The Indian allottee needs encouragement in the way of assistance from the government, but he also needs to have it firmly imposed upon him that his allotment should be instructed to do, and to shape his conduct and his actions as merit the help which the government is prepared to extend to him, if he will try to help himself, or otherwise he must accept the ultimatum, "to work or starve."

The Indian must be compelled to work. Idleness engenders vice among all classes of people. He must be required to labor for his own subsistence. He will not do so of his own accord, therefore the government must impose compulsion that will induce him to do so. If he is dependent upon the government, he must be taught that it will not support him in idleness. He must work or starve. That is just the alternative that confronts all other men, who expect the Indian after, he has been placed in a position to earn his own livelihood.

The government has given him lands for farming tools, and necessary, the incentive that impels all men to self exertion, must induce him to work. He can and will do so of his proper means are adopted. He is strong and muscular, he is blessed with unimpaird digestion, he always well, his ailments are not imported by disease or virus of office holding, and there is no good reason why the thimble he displays in the "war dance," or the "sun dance," or the "ghost dance," should not be applied to a better and more useful purpose.

He should become a wage-worker, he must cease to be a drowsy, half-manger—a sloth. Let the government empower its agents to employ that man that will exert him to send to labor for his

tribal relations and apply for an allotment, it may be made to him, and by this act he becomes a full-fledged citizen, endowed with all the rights as such.

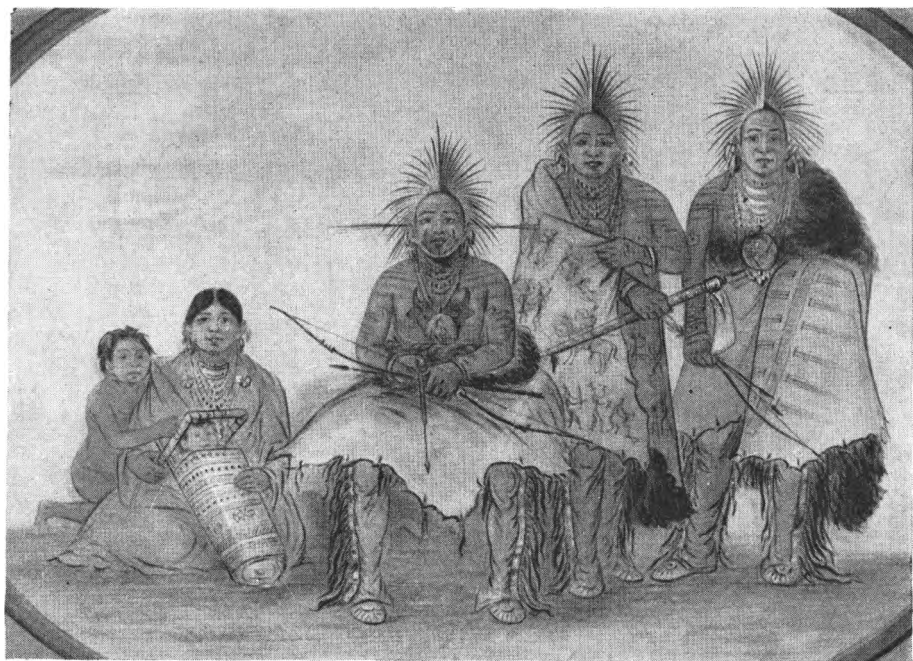
Had the Cherokee and the Arapahoe severed their tribal relations when they were allotted lands in severality? Had they five years after allotments were made to them done so? Will they have done so twenty years hence if left to their own inclinations? No! And I very seriously be doubted if they will in fifty years, unless the strong hand of the government is used to break up such relations and hasten their preparation for citizenship. Tribal relations are not nor can they be severed or abandoned by the simple act of allotting lands in severality to reservation Indians, before they are prepared and ready for such a metamorphosis in their accustomed mode of life.

A grave responsibility rests upon us as a nation. We hold the destinies of these people in our grasp; upon us, as a republican government, rests the duty of conducting the uncivilized race into the ways that will lead onward and upward, until they reach the goal of an American citizenship.

By Capt. A. E. Woodson, U. S. A. Acting Indian Agent, Chickasaw & Arapahoe Agency, Oklahoma Territory.

An Indian Tradition.

There is a tradition among the Creeks that when the American discovered the English and Creeks in Florida during the war of 1813 the two defeated set of warriors held a great council composed of chiefs and officers from both sides and after it was decided to bury the hatchet the English dogs were tracked 30 feet long by 30 feet wide trenches and officers from the Creeks crossed a great many trenches, including silver and gold, and being afraid of what would come and get the treasure they stole the Indians

Джордж Кэтлин. «Три знаменитых воина»

В 1735 г. художник Густавус Хесселиус создал серию портретов вождей племени делаваров. В первой половине XIX в. была задумана и сделана другая, более обширная серия портретов знаменитых индейских вождей. Они приезжали в Вашингтон, чтобы позировать художникам. Репродукции 120 портретов были помещены в трехтомном издании Мак Кенни и Холла по истории индейских племен США¹⁵. В XIX в. художники часто отправлялись на Запад в поисках материала, и многие из них — Мюллер, Курц, Кэтлин, Бодмер и другие оставили ценные этнографические зарисовки и картины документального характера. Наибольшую известность в это время получили работы Кэтлина, опубликованные впоследствии в его книге об американских индейцах, переведенной на многие европейские языки¹⁶. Кэтлин был не только художником, но и просветителем. Он стремился познакомить как можно более широкий круг людей с жизнью племен, которые ему привелось увидеть. Художник устроил выставку своих картин и объехал с ней восточ-

¹⁵ Т. Mc Kenny and J. Hall. History of the Indian tribes of North America, vol. 1—3. Edinburgh, 1934.

¹⁶ Д. Кэтлин. У американских индейцев. «Библиотека путешествий». СПб., 1876.

ные города США. Выставка, названная им «Индийская галерея», была своеобразным передвижным музеем. Кроме картин, там были и различные этнографические экспонаты — одежда, курительные трубки, головные уборы из перьев, украшения из бус и прочие предметы. Была даже палатка индейцев кроу в натуральную величину и манекены, изображающие индейцев разных племен. Демонстрируя экспонаты, художник рассказывал о жизни индейцев, об их обычаях. Вскоре с Индейской галереей познакомилась и Европа.

Генри Кросс. «Сидящий Бык» — портрет вождя и знахаря племени ханк-папа

Другой художник — Генри Кросс посетил племена Дальнего Запада и Юго-Запада США в 1860 г., сделав более 100 портретов. Они хранятся в Историческом обществе штата Висконсин. Репродукции этих портретов, снабженные научным комментарием, изданы Обществом в 1948 г.¹⁷

Нельзя не упомянуть работы еще одного художника — Райта, нарисовавшего серию картин, отражающих разгром индейцев сиу в 90-х годах XIX в. Восстание сиу-дакотов, проходившее под лозунгом возврата к старой жизни, ожидания индейского мессии, который должен спасти индейцев от притеснений, чинимых белыми, закончилось страшным избиением дакотов. Каратели не щадили ни мужчин, ни женщин, ни детей. Обескровленное племя под дулами винтовок было загнано в резервации. Расправа с индейцами сиу вызвала возмущение передовых слоев американского общества. Художник Райт изобразил «Пляску Духа» — обряд, связанный с мессианским движением

¹⁷ The T. B. Walker Collection of Indian portraits. 125 reproductions of paintings by Henry H. Cross with historical Commentary by A. W. Schorger. Madison, 1948.

индейцев, сцены расстрелов. Этнограф и историк Джеймс Муни поместил эти правдивые рисунки в своей большой книге о восстании индейцев сиу¹⁸, выразив таким образом свой протест против «индейской» политики правительства США.

Все перечисленные работы имеют большое познавательное значение. Отражая внимательное, уважительное отношение лучшей части американской интеллигенции к индейцам и их культуре, они были прекрасным ответом на клевету желтой прессы, детективной литературы, псевдоисторических романов, злобных и тупых карикатур, отравляющих сознание американцев расовыми предрассудками.

Индейцы, их история и культура были постоянным объектом научного интереса в США. Этнография, антропология и археология возникают здесь прежде всего как науки, занимающиеся прошлым и настоящим коренного населения Америки и в первую очередь коренного населения США. Правительство США нуждалось в систематических знаниях об индейцах, их расселении, обычаях, правовых нормах, религиозных верованиях для дальнейшего осуществления «индейской» политики.

Для этого при Смитсоновском институте — почти единственном научном учреждении, зависевшем непосредственно от правительства США, а не от частных лиц, было создано в 1879 г. Бюро американской этнологии. Возглавлял его майор Джон Пауэлл, до того руководивший Отделом исследования Скалистых гор (Survey of Rocky Mountain Region). На прежнем своем посту майор Пауэлл, геолог по образованию, проделал огромную работу по систематизированию индейских языков и создал их первую обоснованную классификацию¹⁹. Под его руководством вышла серия публикаций по археологии и этнографии Северной Америки²⁰, заложившая основы дальнейших исследований. Постепенно в США возникают и другие научные центры, также первоначально сосредоточивающиеся на изучении коренного населения Америки. Создается американистика как комплексная наука.

Для прикладной американской этнографии²¹ современное индейское общество является своего рода лабораторией. В этой «лаборатории» часть этнографов и социологов, работающая по

¹⁸ J. Mooney. The Ghost Dance religion. «Annual report Bureau of American Ethnology», XIV. Washington, 1893.

¹⁹ I. W. Powell. Indian Linguistic families of America North of Mexico (7-th Annual report Bureau of American Ethnology. Washington, 1891).

²⁰ Contributions to North American Ethnology. Department of Interior U. S. Geographical & Geological Survey of Rocky Mountain Region, vol. I—VII, IX.

²¹ См. Ю. Аверкиева. Служебное значение этнографии в США. «Вестник истории мировой культуры», 1959, № 4, стр. 67—74; Г. Макгрегор. Этнография в правительственных учреждениях США. «Вестник истории мировой культуры», 1959, № 4, стр. 75—85.

определенному социальному заказу, изучает процессы так называемой аккультурации и ассимиляции, механику насильственного перевода общества из состояния первобытнообщинного строя в условия капиталистической системы. Выводы, полученные на индейском материале, могут быть использованы при изучении обществ, находящихся в сфере интересов США.

Но индейцы не только объект исследования или некое подобие подопытных кроликов в этой своеобразной научной лаборатории, которой являются резервации. Они прекрасно понимают, с какими целями к ним приходят, кто с ними говорит — друг или холодный наблюдатель. Недаром в этнографической литературе часто появляются жалобы на скрытность индейцев, нежелание пускать посторонних в свой внутренний мир. Этнографы, которые сумели на деле проявить симпатию к индейцам, чем-нибудь помочь им или просто с уважением относятся к их обычаям, настроениям, нуждам всегда встречают полное понимание и действенную помощь в полевой практике.

Часть американских этнографов, объединяемая сочувствием к угнетенным народам и прежде всего к наиболее обездоленным народам своей страны, называет себя сторонниками активной этнографии и противопоставляет свою работу прикладной этнографии. Изучение индейцев активные этнографы стремятся сочетать с действительной помощью народу, с которым им приходится работать. Помощь эта выражается в различных формах — в налаживании медицинского обслуживания, школьного дела, в создании ремесленных организаций, в разъяснении преимуществ передовых методов сельского хозяйства и т. д. Очень важной стороной в деятельности этнографов является их работа по установлению прежних границ индейских племен. Работа эта связана с подачей индейцами исков к правительству США, с требованием выплаты денег по старым договорам. Созданная в 1946 г. Комиссия по рассмотрению исков индейцев завалена такого рода делами, так как большинство племен до сих пор не получило причитающихся им сумм за проданные правительству США земли. То, что индейские племена через своих юристов приглашают этнографов помочь им в восстановлении справедливости, означает несомненное доверие к тем самоотверженным ученым, которые отдают свой труд и знания на благо угнетенных. И все эти усилия не пропадают даром. Многие американские этнографы с уважением и благодарностью пишут об индейцах, охотно восстанавливающих вместе с исследователем картину прошлого своего племени.

Историческим примером сотрудничества индейских интеллигентов с прогрессивным исследователем может служить работа Генри Моргана в резервации Тонаванда (индейцы племени сенека). Индейцы США могут справедливо гордиться тем, что

реконструкция ирокезского общества привела Г. Л. Моргана к всемирно-историческому открытию универсальности родового строя. Известно, что Морган начал изучение ирокезов под влиянием своего друга генерала Эли Паркера — ирокеза по национальности. Ирокезы племени сенека, к которому принадлежал и Паркер, не только помогали великому ученому, но, оценив его дружеский глубокий интерес к индейской культуре, приняли Моргана в племя (1847 г.). И в дальнейшем ирокезы продолжали сами участвовать в восстановлении социальной истории своего народа: потомок Эли Паркера Артур Паркер занимается этнографией и историей племени (его перу принадлежит интересная книга о жизни Эли Паркера, человека блестящего ума и больших знаний, сподвижника генерала Гранта) ²².

Можно назвать довольно много и других имен этнографов и археологов индейского происхождения, посвятивших себя изучению коренного населения Америки, в том числе специалиста по индейцам юго-запада Э. Дозье; основателя Национального конгресса американских индейцев, служащего Индейского бюро и автора книг и статей о современном положении индейцев США Дарси Мак Найкла (племя флатхед из языковой семьи селишей); знатока индейцев Оклахомы, историка и этнографа Мюриел Райт, ведущей свое происхождение от племени чоктавов, а также многих других. В 1930-х годах в аспирантуре Ленинградского университета проходил подготовку ныне умерший этнограф А. Финней, родом индеец сахаптин.

История колонизации Северной Америки была историей захвата европейцами земель, принадлежащих коренному населению континента. И тем не менее на протяжении всей истории колонизации Северной Америки индейцы много раз выказывали великодушные по отношению к нуждавшимся в их помощи колонистам.

Можно смело сказать, что колониальные войны в большой степени велись силами индейских племен. Колонизаторы разжигали рознь между племенами, заставляя их бороться за чужие интересы, искали поддержки сильнейших племенных союзов для уничтожения своих соперников по колонизации Северной Америки. Известна роль Лиги ирокезов в англо-французских войнах. «Если мы потеряем ирокезов, мы погибли», — писал в Англию в 1702 г. секретарь колонии Пенсильвания, когда прошел слух, что Лига ирокезов пожелала принять сторону французов ²³.

²² A. Parker. The life of general Ely S. Parker. Buffalo. New York, 1919.

²³ Ю. П. Аверкиева, Е. Э. Бломквист. Индейцы северо-восточного и приозерного районов США (ирокезы и алгонкины). «Народы Америки», т. I, стр. 217.

И позднее в войне за независимость англичане всеми силами пытались использовать индейцев в борьбе против молодой американской нации. В свою очередь американцы старались заручиться поддержкой местных племен или по крайней мере добиться их нейтралитета. Даже в войне Севера с Югом индейские племена продолжали играть, правда в более ограниченной степени, ту же роль союзников различных борющихся сторон.

У индейцев переселенцы заимствовали новый способ ведения войн, рассыпной строй. В годы войны за независимость ему суждено было сыграть огромную роль в завоевании колониями независимости. Рассыпной строй был также применен революционным народом Франции в годы Великой Французской революции.

Неоценимую услугу оказали Соединенным Штатам восточные «цивилизованные» племена, с помощью которых была освоена территория за Миссисипи и «замирены» некоторые племена прерий. Участие целого ряда племен в войне Севера и Юга на стороне северян — еще один пример несомненного вклада индейцев в создание современного государства. Да и само государственное устройство США в какой-то мере обязано своим происхождением индейцам. Идея федеральных штатов заимствована Вениамином Франклином из структуры Союза презеров.

Отношение к индейцам, к их культуре меняется по мере роста государства США, по мере развития производительных сил, по мере развития американского капитализма. В начале колонизации по своим возможностям овладения природными богатствами континента переселенцы из Европы не столь резко отличались от коренного населения Америки, во всяком случае на первых порах они просто перенимали в готовом виде очень многие культурные достижения индейцев. В дальнейшем, с развитием американского капитализма достижения индейской культуры теряются среди новых форм материальной жизни, несомненно более высокоразвитых, и об индейских истоках многих из этих новых форм забывают.

Чем меньше считались с индейцами в сфере экономической и политической, тем пренебрежительнее становилось официальное отношение к индейцу и его духовной культуре. Клевета на индейцев, на их умственные способности и способность трудиться, отношение к ним как к существам низшим, с культурой которых нет нужды считаться, требовались для оправдания политики сегрегации, которую США стали проводить в XIX в. по отношению к индейским народам. Примерно с 30-х годов XIX в. индейцев начали переселять в резервации на земли, которые по каким-либо причинам не находились в поле зрения капитала-

стических предпринимателей. Сначала этой участи подверглись наиболее передовые племена из восточных штатов страны, которых по этапу переселили за Миссисипи, затем, после войны Севера с Югом, после длительного сопротивления, в резервации были заключены племена прерий и Дальнего Запада. Индейцы вплоть до 1930-х годов не имели права покидать резервации без разрешения властей, какими бы тяжелыми там не были условия жизни. Как правило, под резервации отводили наименее удобные для сельского хозяйства земли глухих районов страны.

Особенно тяжело приходилось охотничьим племенам, высланным в области, лишённые дичи. Не имея навыков ведения земледельческого хозяйства, многие племена могли существовать только на скудный паек, выдаваемый им государством в счет долга за приобретенные у индейцев земли. Индейцы находились под тройным надзором — солдат, служащих Индейского бюро и миссионеров разных церковных толков. Служащие (агенты) Индейского бюро и миссионеры должны были не только удерживать индейцев в повиновении, но в соответствии с новым курсом в индейской политике США способствовать скорейшей их ассимиляции. Ассимиляция индейцев, разрушение их самобытной культуры и в первую очередь общинного землепользования понадобились, когда основные фонды так называемых свободных земель в стране оказались исчерпанными, в то время как у индейцев еще оставались довольно значительные владения; кроме того, на землях, переданных индейским племенам, «пока реки текут и трава растёт», как говорилось в договорах, стали находить полезные ископаемые, так что они представляли вдвойне заманчивую добычу. «Белые ставили своей целью не только полное завоевание и экономическое порабощение индейцев, но во многих странах и полное уничтожение их культуры и их физическое истребление. В Соединенных Штатах и Канаде эта борьба за уничтожение индейцев и всего их общественного уклада велась коварными методами, методами полной ликвидации индейских общественных институтов и насильственной ассимиляции уцелевшего индейского населения... Этот принцип был положен правительством США в основу закона 1887 г. об индейских резервациях»²⁴, — так характеризовал политику США по отношению к индейцам Уильям Фостер, анализируя события конца XIX в.

Закон 1887 г., о котором говорит У. Фостер, был принят, когда, по словам видного чиновника США, «господствовало убеждение, что в результате ассимиляции и вымирания индейцы

²⁴ У. З. Фостер. Очерк политической истории Америки. М., 1953, стр. 789—790.

исчезнут и их земля следует передать белым»²⁵. Действительно, в конце XIX в. в США численность индейского населения едва превышала 200 тыс.— результат истребительных войн, голодовок в резервациях и эпидемических болезней. И вот примерно через пятьдесят лет после того как индейцев насильно изолировали от американского общества, заключив их в резервации, начинают, опять-таки против желания индейцев, кое-как приспособившихся к новым условиям, эти резервации «открывать» для поселения в них американцев. Проводится эта мера якобы для спасения индейцев и их культуры от полного уничтожения.

Массовое «открытие» резерваций коснулось в первую очередь земледельческих племен Индейской территории. Это были народы, получившие прозвище цивилизованных, так как у них была письменность на родном языке. Им обещали американское гражданство. Однако получение прав гражданства было связано с целым рядом условий. На пути достижения равноправия, о котором в эти годы индейцам много говорили, стояло неременное условие упразднения общинного землепользования, раздела общинных земель на небольшие участки, которые передавались сначала во временную (на 25 лет), а потом и в полную частную собственность главам семей. Излишки, которые образовывались после такого раздела и которые, как правило, представляли наиболее удобные земли, шли в государственный фонд и пускались в распродажу. В результате местные индейцы оказались разобщенными — их участки перемежались с владениями американских фермеров, нефтяными приисками, железнодорожными участками и т. д. Одновременно на Индейской территории отменялось племенное управление, что еще более способствовало разрушению этнических общностей. Очень немногие из индейцев бывшей Индейской территории стали фермерами. Даже если бы у них были для этого достаточные навыки, индейцы не имели средств для ведения хозяйства на том уровне, который помог бы им выдержать капиталистическую конкуренцию. И очень скоро большая часть собственников, несмотря на запрет продавать землю в течение 25 лет, рассталась со своей землей, которая перешла к нефтяным и железнодорожным компаниям, в руки торговых агентов и пр.

Такая же судьба постигла многие индейские группы по всей стране, в особенности на Среднем Западе и в других областях интенсивного развития промышленности и сельского хозяйства.

Обезземеливание индейцев по всей Америке шло с такой быстротой, что к 1930 г. все индейское население оказалось перед перспективой полного обнищания. За какие-нибудь

²⁵ W. A. Brophy. U. S. Commissioner of Indian Affairs. Speech, Aug. 29, 1946. Цит. по кн.: У. З. Фостер. Указ. соч., стр. 790.

40 с лишним лет у индейцев с помощью закона 1887 г. отняли 21 млн. акров плодородной земли или богатой полезными ископаемыми земли²⁶. Раздел земли к 1934 г. был произведен в 118 резервациях. Ограбленные в который раз индейцы шли работать на местные заводы, батрачили, нанимались по контракту на сезонные уборочные работы, словом, вели тот же образ жизни, что и беднейшие слои американского населения. Разница была лишь в том, что при еще большей нищете, они были еще более бесправны, часто не знали английского языка, а их двусмысленное положение подопечных правительства США ставило их под полный контроль Индейского бюро.

Одновременно с экономическим наступлением на индейцев, с разрушением индейской общины и племени, помогавших индейцам держаться вместе, шло наступление и на самобытную культуру индейских народов.

Родной язык, обычаи, религиозные верования индейцев были объявлены под запретом. Миссионеры активно искореняли «языческие» нравы. Правительством была принята специальная программа школьного обучения. Детей отрывали от семьи, посылали в специальные школы-интернаты, расположенные далеко от резервации. Под запретом было все, что связывало маленьких индейцев со своим народом — песни, танцы, национальная одежда, религия. Преподавание в индейских школах велось исключительно на английском языке, так что дети забывали родную речь. В интернаты собирали детей из разных племен, так чтобы они не могли общаться друг с другом ни на одном индейском языке и поневоле прибегали к английскому. Индейская молодежь получала знания, которым трудно было найти применение в резервации, куда они возвращались. Возникла немногочисленная прослойка индейской интеллигенции, чуждой и индейцам и белым. Многие так и не находили своего места в жизни, что естественно вызывало в индейцах чувство протеста по отношению к таким методам ассимиляции, вносящим смутение и деморализацию в их среду. Но некоторая часть возникшей в эти годы интеллигенции из индейской среды впоследствии верно служила своему народу в той роли, в которой индейцам дозволено было выступать (учителями, служащими Индейского бюро, проповедниками и пр.).

В целом все усилия правящих кругов США в области индейской политики в XIX — начале XX в. были направлены на уничтожение индейской культуры, разъединение индейцев, деморализацию их и, следовательно, на доведение до минимума их способности к сопротивлению. На это индейцы отвечали восстания-

²⁶ Е. Э. Бломквист, И. А. Золотаревская. Современное население США. «Народы Америки», т. I, стр. 371.

ми, а также и протестом иного характера, выразившимся в различных религиозных движениях, в возникновении учений об отказе от европейской культуры, тайном исповедовании запрещаемых церковью старых или обновленных култов (мессианское движение 1812—1814 гг. и восстание Текумсе, Пляска Духа в 1890 гг. и восстание индейцев спу и др.). Индейцы продолжали жить своей духовной жизнью. И это в какой-то мере помогало индейским народам сопротивляться поглощению господствующей нацией.

К началу XX в. по крайней мере внешние формы проявления всякого серьезного сопротивления индейцев были ликвидированы. Крупные племена были расселены по отдельным, удаленным друг от друга резервациям (ирокезы, спу и др.) и помещены с индейцами иных языковых групп. Система мер по насильственной ассимиляции, включавшая усиленную работу множества религиозных миссий, школ-интернатов, строгие запреты на традиционные занятия, обычаи, развлечения на родной язык и пр., действовала неуклонно в течение нескольких десятков лет и буквально выбросила индейцев из рамок первобытнообщинного строя в современное капиталистическое общество, где они оказались среди самой обездоленной части населения²⁷.

Правительство США под давлением общественности было вынуждено в конце концов принять меры для спасения их от вымирания. При президенте Франклине Рузвельте Индейское бюро возглавил Джон Колье. Вместе с другими прогрессивно настроенными общественными деятелями он пытался обновить состав Бюро за счет специалистов-этнографов, врачей, юристов, педагогов, в том числе и из среды индейской интеллигенции, и с их помощью преодолеть традиционную политику США, направленную на угнетение, ограбление и духовное порабощение коренного населения страны. Такие общественные организации, как Ассоциация по делам американских индейцев и другие горячо поддерживали линию, принятую Колье и его сподвижниками, и активно участвовали в подготовке реформ для улучшения положения индейцев и эскимосов. В 1934—1936 гг. было принято несколько законов, известных под названием Индейского реорганизационного акта, предусматривавших введение самоуправления в индейских обществах, создание производственных и сбытовых кооперативов, изменения в системе школьного обучения и защиту индейской собственности. Однако реформы эти носили двойственный характер. С одной стороны, они способствовали частичному восстановлению экономической базы существования индейцев: правительство запретило даль-

²⁷ См. Ю. П. Аверкьева, И. А. Золотаревская. Положение индейцев и эскимосов Северной Америки. «Народы Америки», т. I.

нейшее разграбление резервационных земель; организация производственных и сбытовых кооперативов помогала им отчасти избавиться от скупщиков — полновластных хозяев в резервации; специальный отдел при Бюро по делам индейцев должен был заниматься возрождением индейских ремесел и тем самым открыть для индейцев новый источник доходов.

Реформы в системе образования отражали изменения в индейской политике правительства. От школ-интернатов Индейское бюро перешло к созданию школ при резервациях. Меняется самая программа обучения, упор делается на преподавание предметов, которые необходимы для жителя индейской резервации, вводится производственное обучение (уроки домоводства, ткачества для девочек, агротехники, изучение трактора и других сельскохозяйственных машин — для мальчиков и т. д.). Индейцам, буквально пропадавшим от бедности и безработицы, была также оказана и некоторая материальная поддержка. При Гражданском консервационном корпусе, ведавшем общественными работами (осушение болот, оздоровление почв, проведение дорог и т. д.), создавались специальные части из числа индейцев, которые получали возможность немного заработать.

Эти реформы, как бы незначительны они не были, в некоторой степени помогли индейским племенам в годы страшного кризиса и депрессии, царивших в стране. Но у них была и другая сторона, отражавшая несколько иной по сравнению с прошлым взгляд на коренное население страны. Ослабленные, разрозненные группы индейцев, находящиеся на разных стадиях ассимиляции, давно уже не представляли угрозы благополучию господствующих классов США. Теперь можно было вспомнить и об их «экзотической» культуре. На этом этапе она уже не объект преследования, а до некоторой степени консервирования и развития отдельных ее форм. Законы 1934—1936 гг. по существу искусственно восстанавливали племенную организацию там, где она уже не была связана с социальной структурой нового индейского общества. Формы первобытнообщинных отношений были либо совсем разрушены, как у индейцев Оклахомы (или индейцев пима в Аризоне), либо постепенно отмирали, как у западных индейских народов, живущих в изолированных районах страны (навахи, индейцы пуэбло, семнолы Флориды и др.). Индейцам же вновь навязывали искусственную теперь организацию общества, возвращая их вспять, поощряли возрождение старых обычаев, культивируя национальную ограниченность и препятствуя объединению индейских трудящихся масс с трудящимися всей Америки. Именно на этой стороне законов 1934—1936 гг. и было сосредоточено основное внимание Индейского бюро. Предлагаемая индейцам, давно утратившим формы первобытнообщинных отношений и жившим так же, как и окружающая

их сельская беднота Оклахомы и других областей, вновь создать племена, правительство ставило индейцев под двойной контроль. Теперь к контролю Бюро по делам индейцев прибавлялся надзор «вождей», «племенного совета». Эта новая административная верхушка находилась в зависимости от Бюро и должна была действовать по его указке, получая за это все преимущества от законов 30-х годов (орошенную землю, выгодные места в кооперации и т. д.).

В настоящее время в США насчитывается 600 тыс. человек, причисляющих себя к индейцам и эскимосам, т. е. почти столько же, сколько было индейцев и эскимосов на территории нынешних США ко времени европейской колонизации²⁸.

Полагают, что ко времени европейской колонизации на нынешней территории США жило примерно 800 тыс. индейцев и эскимосов. К концу XIX в. в результате истребительных войн, голодовок и болезней численность индейцев в стране упала до 200 тыс. Сравнительно большой прирост индейского населения при постоянном «размывании» индейских общин за счет ассимиляции части индейцев и отхода их от «индейского» образа жизни прежде всего объясняется прекращением физического истребления индейцев, продолжавшегося до конца XIX в. Кроме того, играет роль и некоторое улучшение условий жизни для части индейцев, получивших квалификацию, связанных с кооперативами; создание нормальных гигиенических условий в некоторых резервациях, борьба медицинской общественности с инфекционными и социальными болезнями.

Большая часть индейцев продолжает жить в резервациях, к которым многих прежде всего привязывает земля, не облагаемая в соответствии с «индейским» законодательством США налогами. Часто, являясь и по роду занятий и по всему образу жизни американцами, индейцы не уходят из резервации, чтобы не лишиться своего участка земли — прибежища на случай потери работы. Вот почему среди жителей резерваций можно найти группы самой различной степени «ассимилированности» — от американизированных по образу жизни прокезов штата Нью-Йорк до очень самобытных и сохраняющих многие формы материальной и духовной культуры прошлого семинолов Флориды. И те и другие живут в резервациях, но первые относятся к резервации как к дому, в который возвращаются с работы, например, на строительстве небоскребов в крупных городах США и даже Европы, а семинолы действительно еще сохраняют большую замкнутость и придерживаются старых обычаев, резко отличающих их от других американцев.

²⁸ N. O. Lurie. The voice of the American indian: report on the American indian conference. «Current anthropology», Chicago, Dec. 1961.

Значительное число индейцев живет небольшими общинами среди остального населения страны. Таковы индейцы штата Оклахома. И хотя они живут в городах или на фермах вперемешку с другими жителями штата, у них выработался какой-то особый вид автономии, при которой, являясь вполне американцами по роду занятий, они сохраняют «племенное» управление, имеют свои лечебные и учебные заведения и общественные организации.

Все перечисленные группы индейцев, связанные с определенным племенем, резервацией, с землей в резервации, или ведущие образ жизни обыкновенных американских фермеров или тружеников города, объединяются общностью исторической судьбы и современного положения. И хотя индейцы и в прошлом были этнически пестры и находились на разных стадиях первобытнообщинного строя, условия экономического и национального угнетения, в которых им приходится жить сейчас, заставляют их держаться друг за друга, как бы различно не было положение отдельных индейских групп. А насильственные меры ассимиляции, проводимые через самые различные каналы, естественно вызывают стремление сохранить свои обычаи, свой мир, куда не может вторгнуться ни миссионер, ни чиновник Индейского бюро, ни праздный турист. Вот почему приходится различать те формы культуры, которые индейцы сохраняют для себя как символ своего существования в качестве особой этнической группы, и показательные, создаваемые специально на потребу коммерческого спроса.

Интерес к культуре индейцев, проявляемый сейчас в США, направлен прежде всего на прошлое, на пережитки, отжившие или сохранившиеся в силу неравномерности развития отдельных районов страны. В показе, популяризации культуры индейцев неизменно присутствует элемент аттракциона. А без этого элемента вряд ли можно было привлечь деньги для устройства всех разнообразных выставок, ярмарок, мастерских кустарных промыслов. Коммерческий интерес лежит во многих начинаниях, связанных с «возрождением» индейских традиций в искусстве, художественных промыслах.

Для многих индейцев сегодняшнего дня не только племенная организация, но и большинство обычаев примерно так же чужды, как и для «белых» американцев. Из соображений финансового характера эти индейцы вынуждены воспроизводить то, с чем у них нет органической связи. У народов, более других сохранивших самобытную культуру, воспроизведение праздников и обрядов на потеху скучающей публике задевает чувство гордости, принижает их человеческое достоинство.

В некоторых случаях все эти неприятные черты коммерческого подхода к старой культуре индейцев стараются преодолеть,

придавая «ярмаркам» и празднествам как можно более научно-познавательный характер. В этом большую роль играют этнографы.

В Оклахоме в городке Анадарко — в центре одного из самых «индейских» штатов страны — создан музей на открытом воздухе. В нем представлены в натуральную величину жилища различных племен центральной части Северной Америки. Постройка и убранство жилищ производились с помощью этнографов и индейцев из соответствующих племен. Ежегодно в августе дирекция музея организует ярмарки, на которых индейцы показывают свои обряды, пляски, демонстрируют национальную одежду и украшения. Тут же ремесленники знакомят желающих со своими ремеслами, а знатоки рассказывают детям индейские легенды и сказки.

В штате Нью-Мексико местом такой же ярмарки является город Галлап. Также в августе сюда съезжаются индейцы из западных областей страны и туристы. Для последних открыты гостиницы, рестораны, издаются специальные бюллетени, сообщающие о порядке праздника, а также о некоторых обычаях местных индейцев. Пышные парады, родео, пляски, воспроизведения исторических сцен сменяют друг друга в течение четырех дней. Зрелища эти бывают разного свойства.

Празднества меньшего масштаба — «Бизонья пляска» индейцев прерий, «Змеиная пляска» хоппи, обряд Ночного ястреба у восточных чироков и многие другие празднества, имеющие коммерческий характер, как и описанные выше яр-

Индеец понка в праздничном наряде для плясок

Ювелир Роб Вольф (кастик селения Акома) на ярмарке в Андарко

марки, дают очень далекое от истины представление о старых обычаях разных племен, но все они вошли в обиход американцев точно так же, как «французские» и «итальянские» карнавалы в Нью-Орлеане, мексиканские празднества в Сан-Антонио, певческие фестивали американцев норвежского происхождения, новогодние шествия в китайских кварталах Нью-Йорка и Сан-Франциско и т. д.

Существует точка зрения, будто в США у части индейского населения вырабатывается «паниндеанистская» культура, в которой сочетаются культурные элементы разных племен. Действительно, за последние десятилетия можно наблюдать определенное стирание граней между племенами. Совместное поселение в одной резервации разноязычных племен, частые смешанные браки ведут к постоянному культурному обмену. В современных условиях (шоссейные и железные дороги и прочее) индейцы легко общаются друг с другом, посещают празд-

нества своих друзей и участвуют в обрядах и плясках племенной культуры и языка. Поэтому празднества, пляски, песни, костюмы теряют свой этнический адрес.

Деятельность Американской Туземной церкви, в которую входят индейцы разных племен и культ которой не связан ни с каким определенным племенем, также способствует укреплению межплеменных связей.

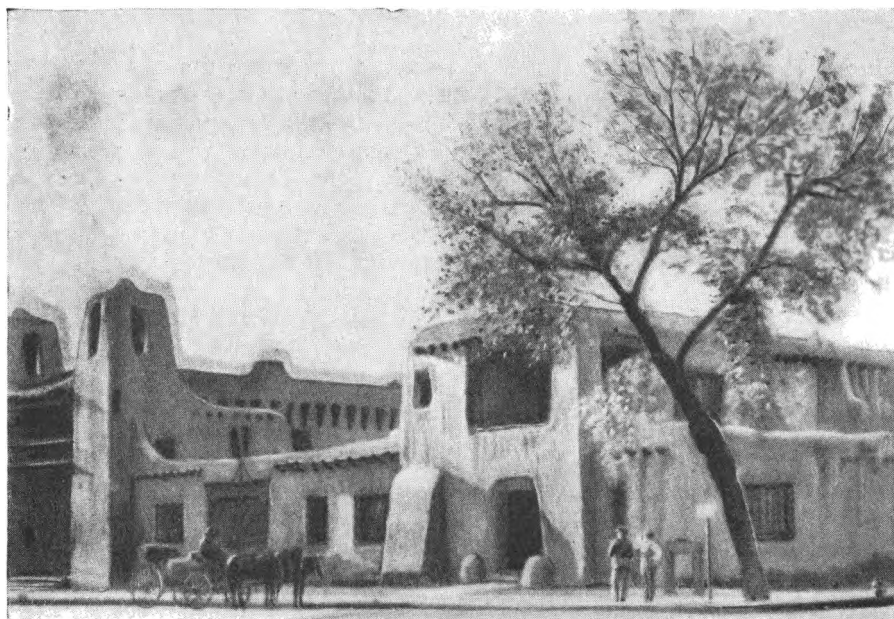
Часть американских этнографов, отмечая стирание племенных граней, видит в этом не столько сохранение старых индейских обычаев, сколько этап в процессе ассимиляции индейцев американцами. Это вполне допустимое предположение, так как там, где индейское население особенно пестро по своему этническому составу, племенные различия стираются довольно быстро, но вместе с тем постепенно утрачиваются внешние различия между индейским и не индейским населением. Сближение индейцев из разных племен происходит с помощью английского языка, так как подавляющее большинство индейцев или совсем забыло родной язык или двуязычно. Кроме того, в основном все индейцы в той или иной мере восприняли современную американскую культуру и прежде всего ее материальные формы. Однако почти повсюду индейцы сохраняют национальное самосознание. Необходимость отстаивать свои экономические интересы перед лицом правительства США, борьба за равноправие связывает граждан США индейского происхождения гораздо более крепкими узами, чем принадлежность к Туземной американской церкви или общине празднества.

И тем не менее современное индейское население США все более активно участвует в общественной и культурной жизни страны. Более того, целый ряд областей культуры и искусства в нынешних Соединенных Штатах испытывает определенное влияние со стороны индейцев, которые обогащают американскую культуру, внося в нее некоторые свои традиции, свой талант, свой творческий труд. «Соединенные Штаты являются одной из тех стран Западного полушария, в которых индейцев очень мало, и все же какой огромный пробел существовал бы в культуре США, не будь в ней индейского элемента!», — писал Уильям Фостер в своем труде «Очерк политической истории Америки»²⁹. И если еще несколько десятилетий тому назад во всей своей политике США исходили из того, что индейцы — «вымирающая раса и вымирающая культура»³⁰, то теперь рост численности индейского населения, а вместе с тем и рост его активности в общественной, политической и культурной жизни страны не могут отрицать даже самые ярые сторонники насильственной ассимиляции индейцев.

Если раньше, в годы колонизации Америки и в первое время существования Соединенных Штатов, это влияние было непосредственным и проявлялось преимущественно в области производства материальных благ, то затем со все большим развитием капиталистических отношений индейское влияние проникает в американскую культуру через такие каналы,

²⁹ У. З. Фостер. Указ. соч., стр. 801.

³⁰ Oliver la Farge, ed. The changing indian. Norman, 1942.

Музей искусств штата Нью-Мексико. Здание музея построено в стиле архитектуры индейцев пуэбло

как наука, искусство, литература и даже развлечения. В современной жизни это опосредствованное влияние носит весьма своеобразный характер. Продолжая оказывать воздействие на культуру господствующей нации, самобытная культура индейских племён встречает всевозможные препятствия для своего собственного развития. Господствующие классы США стремятся придать сохранившимся еще формам национальной культуры индейских народов однобокий, выгодный с точки зрения капиталистического предпринимательства характер. Борьба с этой тенденцией представляет для индейцев дело первостепенной важности и связана с попыткой отстаивать право на собственную культуру. Здесь переплетаются и стремление индейцев к созданию на новом этапе национальных культурных ценностей, настойчивая потребность отстаивать свое право на самостоятельность в творчестве и упорная борьба за возможность развивать свои промыслы, использовать на благо своего народа естественные богатства, имеющиеся в резервациях.

Посмотрим с этой точки зрения на некоторые еще сохраняющиеся формы самобытной культуры индейских народов США. К ним прежде всего относится живопись, достигшая определенных успехов и несомненного признания.

Не беря на себя задачу характеризовать древнее искусство индейских племен, скажем лишь, что оно развивалось

Р. Генри. Индейская девушка из Санта-Клары

Г. Стюарт. Индейский вождь Тайендангеа

по нескольким направлениям. Индейцы северо-западного побережья покрывали деревянную утварь и обрядовые резные предметы красками, индейцы прерий разрисовывали покрышки своих жилищ — палаток (типи), плащи, щиты пиктографическими знаками, сообщавшими о подвигах их владельцев. У юго-западных племен существовали интересные «насыпные» рисунки из цветного песка, которые создавались при знахарских обрядах и немедленно уничтожались, как только обряд заканчивался. Рисунки были символические и очень сложные. Многие племена знали искусство художественной лепки (из глины лепили курительные трубки, изображения животных, антропоморфные и зооморфные сосуды), а также резьбы по камню. Племена северо-западного побережья Северной Америки создали весьма изощренное искусство резьбы по дереву, кости, рогу, нефриту. Вещи обрядового и бытового назначения украшались индейскими мастерами одинаково тщательно и с большим мастерством.

Но дальнейшего развития многие из этих форм не получили. Они используются весьма спекулятивно современными американскими художниками, ищущими в них поддержку и оправдание модернистским течениям в живописи. Испытывая кризис идей, господствующая буржуазная культура обращается к архаическим формам, искажает их, извращая первоначальный смысл, искусственно отрывая от питавшей их некогда среды. Сложный орнамент индейцев северо-запада истолковывается как древнее обоснование современного абстракционизма и прочих формалистических течений в живописи и скульптуре. Интерес к художественным традициям индейских народов направлен не на развитие этих традиций применительно к запросам индейцев сегодняшнего дня, а на обслуживание эстетствующей культуры.

Начавшееся в 1920-х годах движение за реставрацию индейской культуры знаменовалось открытием ряда художественных школ для одаренных индейцев. Талантливые юноши из племени кайова уже в 1928 г. получили за свои работы высокую оценку на международной выставке в Праге. С этих пор картины индейских художников, фрески, настенная живопись украшают музеи, жилые здания, государственные учреждения США³¹. Но творчество мастеров индейского происхождения искусственно направляется по тому руслу, которое угодно правящим классам. Прежде всего оно далеко от современности по тематике, а по манере исполнения — условно. Господствуют канонизированные формы, привлекающие своей экзотичностью. Часто эти формы даже слабо связаны с индейскими традициями. Так, в художественной школе в Санта-Фе, созданной специально для

³¹ The Indian in Modern America, ed. by D. A. Baerreis. The State Historical Society of Wisconsin, 1956, p. 37--38.

индейцев, выработали приемы и стиль, взятые от персидской миниатюры³².

Очень часто творения индейских мастеров бывают прекрасны, несмотря на канонизированные коммерческим спросом формы. Но у них два существенных недостатка — ограниченность средств и узость темы. Индейский художник создает подчас сильные, полные трагизма или буколической прелести картины. Но они обычно обращены в прошлое, показывают экзотическую сторону жизни индейцев, условны, как условна манера, в которой они создаются.

Как может индеец жить, занимаясь искусством? — спрашивал Аллан Хаузер, инструктор индейской школы в Брайгам Сити, штат Юта, апач по происхождению. И сам же отвечает на этот вопрос. «Практический опыт и более широкое образование стимулирует художника на создание творческого произведения. Но факты его обескураживают. Он узнает, что хорошо оплачиваемое коммерческое искусство является конкурентом для творческого искусства, которое часто не приносит ничего, кроме голодной смерти»³³.

И все же многие знатоки полагают, что творения индейских художников — это единственное, что есть сейчас ценного в современной живописи США. Талант, даже опутанный условностями формы и обедненный тематикой, в состоянии создавать значительные вещи. Но тем более необходима для индейцев свобода творчества, которая одна может помочь создать самобытное и в то же время органически связанное с современной действительностью искусство.

Ллойд Кива, чирок по происхождению, на конференции, посвященной искусству и ремеслам индейцев, заявил: «Будущее индейского искусства лежит в будущем, а не в прошлом — перестанем оглядываться назад в поисках стандартов для индейской художественной продукции»³⁴. Слова Ллойда Кива как нельзя лучше отражают положение, в котором оказалось искусство индейских народов США, и свидетельствуют о назревшей потребности освободиться от стилизации и обрести почву для развития реалистических форм изобразительного искусства.

В развитии кустарных промыслов в индейских резервациях, пожалуй, удачнее всего сочетались древние традиции и новые запросы и вкусы мастеров. Здесь меньше, чем в какой-либо другой области представители буржуазной американской культуры могли искать материал для себя. И вмешательство

³² The report of a conference held at the University of Arizona on March 20—21, 1959, University of Arizona press. Tucson, 1959, p. 16.

³³ Ibid., p. 25.

³⁴ Ibid., p. 28.

Сессиль Дик (чирок). «Охота на бизона»

в художественные промыслы индейцев ограничивается в основном спросом и вкусами рынка. Это тоже тяжело, но такому вмешательству не удалось изуродовать естественного пути развития этой интересной и многообещающей отрасли деятельности индейского населения США.

Интересно отметить, что в возрождении и развитии художественных промыслов принимают большое участие американские этнографы, непосредственно связанные с индейцами в своей исследовательской работе.

Остановимся на этом подробнее. В 1935 г. при Индейском бюро в соответствии с законами 1934—1936 гг. был создан Отдел индейских искусств и ремесел. Многие этнографы и археологи работали и сейчас работают при Индейском бюро, ездят по резервациям, выясняя возможности создания или восстановления художественных промыслов, запрещенных в годы насильственной ассимиляции. Вместе с тем через общественные организации прогрессивно настроенные этнографы делают работу Бюро достоянием гласности и тем самым вынуждают его проводить в жизнь полезные для индейцев мероприятия. В значительной мере благодаря такой работе научной общественности во многих частях страны, где живут индейцы, а также при музеях организовано производство оригинальных предметов индейского ремесла и искусства.

Круг индейских ремесленников довольно широк, многие индейские резервации или поселки, где живет некоторое число лиц индейского происхождения, имеют мастерские кооперативного характера. Чироки в Северной Каролине достигли высокого искусства резьбы по дереву. Здесь еще с 80-х годов XIX в. работает ремесленная школа, в которой более 20 лет назад были созданы классы художественных ремесел, сначала плетения, потом производства глиняной посуды. Затем талантливый самоучка Гоинг Бэк Чилоски возглавил класс деревянной скульптуры. Этому искусству учатся не только дети, но и взрослые. Индейцы пригласили в качестве педагога бывшую ученицу Чилоски, Аманду Крау, изучавшую историю искусств в Чикаго³⁵. Пенобскоты также продолжают в промыслах старые традиции: они производят на продажу лодки-каное. В резервации навахов ткнут на продажу ковры, которыми этот народ славился еще в колониальные времена. Индейцы пуэбло известны своим гончарным производством. Одно время это искусство пришло в упадок. Сейчас женщины из племен индейцев пуэбло вновь занялись производством гончарных изделий, отличающихся высоким качеством и красотой орнамента.

³⁵ Doris M. Coulter. Carvers of Charm «Ceremonial magazine», 1958, vol. 37, № 1, p. 28—29

Интересна судьба ювелирного дела у индейцев пуэбло и навахов, считающихся по праву лучшими мастерами в этой области. Индейцы переняли это искусство у испанских поселенцев и очень скоро превзошли своих учителей, став основными поставщиками серебряных украшений в испанских колониях юго-запада Северной Америки. Серебряные вещи — пряжки, подвески, ожерелья они отделывали бирюзой. Сейчас производство украшений занимает по объему продукции одно из первых мест среди индейских промыслов.

Но все же успехи в возрождении и развитии ремесел сводятся к минимуму из-за трудностей со сбытом продукции ремесленников.

Не раз прогрессивные американские этнографы поднимали голос против засилья лавочников-скупщиков, наживающихся за счет индейских ремесленников. Создание торговых кооперативов помогает до некоторой степени бороться с этими хищниками, наводняющими резервации, но полностью избавиться от них трудно.

Не менее важно найти для изделий индейского ремесла рынок. На конференции по индейскому ремеслу и искусствам в Таксоне (1959 г.) этнографы убедительно доказывали, как узость рынка и низкая заработная плата ремесленников мешают дальнейшему развитию только что возрожденных ремесел. «Навахские ковры стали гораздо лучшего качества и хорошо распродавались. Но заработная плата ткачих так мала, что они скоро перестанут заниматься ткачеством... Плетение, очевидно, не может занять место в неиндейской культуре.

Мария Мартинаес (из группы восточных пуэбло) — знаменитый мастер художественной лепки

Гончарное ремесло также в упадке. Как известно, широкого рынка для хорошо орнаментированной керамики нет, но он открыт для дешевых и кричащих пепельниц...». Заканчивая этот грустный обзор состояния дела, Ройел Хессрик, руководитель отдела западного американского искусства Денверского музея искусств заявил: «Настоящими западнями для продукции индейского ремесла являются: неумелое руководство, спорадичность производства, слабая реклама или неумение понять изменения общественных прихотей»³⁶. Зависимость от скупщика, от частных благотворителей и, наконец, от вкуса публики, который много лет портится коммерческой рекламой, — достаточные препятствия для экономически слабых кустарных промыслов. Чтобы американский покупатель захотел приобрести довольно дорогие изделия ручной работы, а не предпочитал им дешевые подделки массового фабричного производства, необходимо, чтобы он не только имел для этого средства, но и понимал их ценность. В этом отношении роль музеев, научно-популярной литературы, научно поставленной рекламы очень велика. Разъяснительная работа ведется прогрессивной этнографической общественностью через музеи и выставки, хотя, как отмечают сами американцы, этого далеко недостаточно. И все же изделия индейских кустарей проникают в быт американцев, безусловно, обогащая его, хотя они занимают в нем небольшое место.

Что же касается развития более продуктивных видов производства, то с этим в индейских резервациях обстоит еще хуже.

Только при условии сохранения индейцами земли и естественных богатств, заключенных в недрах резерваций, при экономическом развитии резерваций можно ожидать сохранения культурных традиций индейских народов.

Но это условие, необходимое для дальнейшего развития индейских этнических общностей, в капиталистическом государстве не соблюдается. Наряду с любованием индейской стариной и консервированием обычаев, задерживающих рост классового самосознания индейцев, делается все, чтобы разрушить самую основу существования индейских групп, отнять у них землю.

Индейцы продолжают оставаться объектом различных административных экспериментов. Если проследить историю «индейской» политики США, то она прежде всего окажется тесно связанной с земельным вопросом. Появление резерваций было вызвано в первую очередь требованием штатов изъять удобные земли у индейцев; раздел общинных земель и передача земли в частную собственность, начатые в 80-х годах XIX в., «освободили» миллионы га земли для американских нефтяных и других компаний, а также для капиталистического сельского

³⁶ The report of a conference..., p. 6—7.

хозяйства. Акты последних лет — так называемый Терминационный акт 1953 г. (Termination act) и акт о размещении индейцев (Relocation act) также влекут за собой дальнейшее отчуждение индейских земель. Прежде чем излагать суть этих законов, следует вспомнить, что земли индейцев в резервациях не обложены налогами, и это одно из преимуществ, за которое индейцы естественно борются и из-за которого многие предпочитают оставаться в резервациях.

Что же представляет собой первый из этих актов? Он передавал резервации в некоторых штатах из ведения федерального правительства в ведение властей штатов. Официально это означало, что индейцы этих штатов не нуждались более в опеке правительства, т. е. поднимались еще на одну ступень к достижению полного гражданства. Однако индейцы отнеслись отрицательно к этой мере. «Индейцы протестовали, — писала Ненси Лури в обзоре современного состояния «индейской» проблемы, — точно предсказав не только то, что законность и порядок должны потерпеть ущерб (штаты вряд ли захотят принять на себя новую ответственность за индейцев, живущих на землях, не обложенных налогом), но и что начнется агитация за обложение налогом индейских земель»³⁷. «Большинство индейцев бедны, — продолжает Лури, — прежде чем они добьются, чтобы их земля стала приносить доход, если это вообще возможно, они потеряют ее из-за налогообложения». И хотя Конгресс решил провести такие меры во всех резервациях, совершенно освободив

Эллен Нил (племя квакиютл, Британская Колумбия, Канада) — резчица по дереву

³⁷ N. O. Lurie. Op. cit., p. 480.

индейцев от спеки федерального правительства (к декабрю 1961 г. небольшое число индейских групп уже было подвергнуто этому новому эксперименту), действие Терминационного акта было приостановлено благодаря протесту индейцев, прекрасно понимавших, что с осуществлением Терминационного акта они попали бы под власть штатов, а следовательно, в полную зависимость от интересов местных капиталистических предпринимателей, действия которых общественности еще труднее контролировать, чем действия Индейского Бюро.

Что касается акта о релокации индейцев, т. е. о перемещении их из беднейших резерваций в города, то он имеет ту же экономическую основу. Как уже было упомянуто ранее, часть земли в резервациях еще находится в общинном владении.

Земли под лесом или богатые минеральными ископаемыми, пастбища индейской бедноте выгодно эксплуатировать сообща, на кооперативных началах. Благодаря мерам, принятым в годы президентства Франклина Рузвельта, в резервациях и индейских общинах появилась техническая интеллигенция, способная помочь созданию экономической базы индейского хозяйства на основе имеющихся в резервациях естественных богатств. Эта инициатива индейских племен глушится в самом зародыше.

Индейцам позволяют развивать только те промыслы, которые не могут составить серьезной конкуренции американским компаниям и не затрагивают естественных ресурсов, в которых заинтересованы капиталисты. Но, как правило, индейцам не дают возможности использовать для блага своего народа естественные богатства, имеющиеся в резервациях. Как только в резервации обнаруживаются полезные ископаемые, разработку которых могли бы взять на себя жители резервации, правительство либо отдает землю промышленной компании, либо реквизирует или покупает ее для государства. У индейцев отнимают все, что может принести сколько-нибудь серьезный доход. Так было с индейцами Аляски, задумавшими самостоятельно разрабатывать лесные богатства в своих резервациях и построить на кооперативных началах целлюлозную фабрику — экономическая инициатива их была немедленно пресечена, а лесные участки отобраны. В резервации папаго (штат Аризона), богатой золотом, серебром, свинцом и другими ископаемыми, индейцев не принимают на хорошо оплачиваемую работу на рудниках, принадлежащих крупным промышленным компаниям. Таких примеров можно назвать множество — все они свидетельствуют о том, что господствующие классы не заинтересованы в действительном повышении благосостояния индейского населения.

Несмотря на неоднократные заверения в том, что земли и естественные богатства резервации больше расхищаться не бу-

дуг, правительство США в 1955 г. решило отменить один из важнейших для сохранения экономической базы индейских групп порядок, фактически окончательно лишив индейские племена всяких следов самостоятельности. Отныне индеец имеет право продать принадлежащую ему долю земли, леса и прочее без разрешения совета племени. Так была открыта новая лазейка для дальнейшего ограбления индейцев. С 1948 по 1957 г. только по этому акту они лишились более 3 млн. акров земли³⁸ с лесными, водными и другими богатствами, которые могли бы способствовать поднятию благосостояния в резервациях.

Понятно, что при таком положении вещей резервации оказываются в числе районов бедствий, где люди томятся от невозможности приложить свои знания, свои силы. Вместо того чтобы помочь индейцам развить продуктивное сельское хозяйство, лесное дело, добычу полезных ископаемых, развить в широких масштабах кустарные промыслы, придуман новый выход из положения — релокация, добровольное переселение в города.

И до 1952 г. (год издания закона о релокации) индейцы покидали резервации для временной работы в городе или на плантациях.

Контракторы рабочей силы даже предпочитали для сезонных работ индейцев, так как они не входили в профсоюзы, были совершенно беззащитны и поэтому довольствовались похиженной платой. Кроме того, они не стремились остаться на работе и возвращались в резервации. Чироков из Оклахомы контракторы вывозили на хлопкоуборочный сезон в Арканзас. Ежегодно тысячи индейцев из Британской Колумбии (Канада), а также штатов Монтана и Айдахо нанимались для сбора хмеля в долине Якима. Работа эта требует большой затраты труда и оплачивается плохо. 35% племени микмаков (приморские провинции Канады) уходят на уборку картофеля в штат Мэн (США)³⁹.

Ирокезы из резерваций в Канаде и США постоянно уходят на сельские работы и на лесозаготовки, а в послевоенные годы все большее число ирокезов работает в промышленности, преимущественно в строительной⁴⁰.

Индейцы оджибве из резервации Лак дю Фламбо составляют 80% рабочих на местной фабрике. Интересно при этом отметить, что большинство работающих на заводе индейцев — женщины⁴¹.

³⁸ Indian Truth, vol. 36, N 2, May-July, 1959, p. 2.

³⁹ К. Мак Вильямс. Бедствующая земля. М., 1949, стр. 91.

⁴⁰ Ю. П. Аверкиева, И. А. Золотаревская. Современное положение индейцев и эскимосов Северной Америки. «Народы Америки», т. I, стр. 342.

⁴¹ The Indian in modern America, p. 68.

Большая часть самостоятельного индейского населения в Британской Колумбии работает в рыбной промышленности.

Это свидетельствует о начавшемся уже несколько десятков лет назад процессе пролетаризации части индейского населения.

Насильственная ассимиляция, проводившаяся до законов 30-х годов XX в., с введением Реорганизационного акта была приостановлена. Проведение некоторых мер, на время приостановивших расхищение земли в резервациях, развитие кустарных промыслов, восстановление общественных связей между лицами индейского происхождения способствовали подъему национальных чувств в среде индейцев. Вместе с тем приобщение индейцев к культуре господствующей нации не прекращалось. Они все больше становились американцами по образу жизни, воспринимая по мере возможности материальные достижения современного общества, овладевая современными знаниями, особенно знаниями практическими, необходимыми для поднятия жизненного уровня.

За последнее десятилетие очень многое изменилось в положении индейцев. Вторая мировая война вызвала небывалую за последние 50—60 лет активность индейского населения США. Многие пошли добровольцами на фронт. Индейцы воевали на самых трудных участках войны, служили связистами, летчиками, выказав немалое мужество. В эти годы довольно много и мужчин и женщин покинули резервации и работали на заводах, шахтах, плантациях бок о бок с рабочими иного национального происхождения. И ветераны войны, и рабочие возвращались в резервации после войны другими людьми. Их уже не так страшилась жизнь в городе, они узнали не только враждебность тупых чиновников и обывателей, но и солидарность американских трудящихся.

Именно после второй мировой войны, способствовавшей пробуждению всех колониальных, угнетенных народов, индейцы США восстают против диктата чиновников, протестуют против расхищения естественных богатств резерваций, поднимают голос в защиту своего права развивать собственную экономику, получать равное с другими образование, право встать в единый ряд со всеми народами страны и перестать быть объектом благотворительности, права самим решать свою судьбу, судьбу своей культуры.

В этих новых условиях появление закона о релокации было встречено индейской общественностью как еще одно грубое нарушение их человеческих прав. Проведение в жизнь мероприятий, связанных с актом о релокации, принесло индейцам вместо улучшения их экономического положения новые осложнения.

Если для большинства переселенцев жизнь и работа в городе представлялась временной мерой, которая должна помочь

повысить квалификацию, получить новые знания для применения их в резервации, куда многие хотели возвратиться, то Индейское бюро, занимающееся релокацией, видит в ней окончательное разрешение «индейской проблемы». Переселенцам помогают при устройстве на работу, Индейское бюро дает ссуду, находит жилье. И как только индейская семья нашла пристанище, а глава семьи — работу, Индейское бюро снимает с себя ответственность за судьбу переселенцев, хотя, как правило, они оказываются в тяжелом положении. Индейцам, не имеющим квалификации, предоставляют самую тяжелую и низкооплачиваемую работу, чаще всего временную, которую они быстро теряют. Квалифицированные рабочие также недолго держатся, так как часто, не имея денег для уплаты профсоюзных взносов, лишены защиты профсоюзов и их увольняют в первую очередь. Лишившись поддержки Индейского бюро и не имея права на пособие по безработице из-за недостаточно длительного проживания в данном городе, индейцы не могут и вернуться домой, так как их обычно поселяют как можно дальше от резервации.

Таким образом, вместо действительной помощи их выбрасывают в города, где они попадают в число наиболее бедствующей части населения.

Программа релокации так же, как и уже упоминавшийся акт об окончании «опеки» правительства США над индейскими племенами, является выражением политики насильственной ассимиляции, вызываемой к жизни экономическими и политическими причинами. Индейские земли в резервациях, естественные богатства, хранящиеся в недрах этих земель, продолжают привлекать к себе интерес капиталистических компаний. Отчуждение же земли облегчается дальнейшим разрушением индейской общины, сведением к нулю самоуправления, суверенности советов индейских племен.

В угоду заинтересованным кругам коренное население США подвергается непрерывным экспериментам, вынуждено подчиняться противоречащим друг другу законам. Его то тащат назад в прошлое, то насильно вытаскивают в самую гущу капиталистического общества. Под какими бы соусами не проводились различные реформы, индейцы не имеют возможности самостоятельно решать свою судьбу.

Будущее индейцев в единении с многонациональным пролетариатом страны, с ее демократическими силами. Разрешение «индейской» проблемы тесно связано с борьбой прогрессивных сил США за демократизацию страны, за равенство всех ее народов, независимо от цвета кожи и национального происхождения.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение

Л. А. Файнберг. Вклад американских индейцев в мировое земледелие	11
Р. В. Кинжалов. Искусство майя классического периода (III—IX вв. н. э.)	33
А. И. Дробинский. Индейские элементы в языках и топонимике Нового Света	159
Ю. А. Зубрицкий. Влияние языка кечуа на лексику испанского языка стран Андского нагорья	231
Ю. А. Зубрицкий. «Апу-Ольянтай» — памятник культуры народа кечуа	254
Л. А. Файнберг. Вклад американских эскимосов в освоение Арктики	271
И. А. Золотаревская. Место индейцев в общественной и культурной жизни США	288

КУЛЬТУРА ИНДЕЙЦЕВ

Вклад коренного населения Америки в мировую культуру

Утверждено к печати Институтом этнографии Академии наук СССР

Редактор Издательства Г. В. Моисеенко. Художник Н. А. Седельников
Технический редактор П. С. Кашина. Корректор Г. А. Повар

РИСО АН СССР № В 63. Слано в набор 28/XI 1962 г. Подписано к печати 10/IV 1963 г.
Формат 60×90^{1/16}. Печ. л. 20,5 + 6 вкл. Уч.-изд. л. 16,9 + 1,0 (вкл.). Тираж 3.000 экз.
Т-03492. Изд. № 1270. Тип. зак. № 1469

Цена 1 р. 33 к.

Издательство Академии наук СССР, Москва, К-62, Подсосенский пер., д. 21

2-я типография Издательства АН СССР, Москва, Г-99, Шубинский пер., 10